

ВИКТОР МАРИ ГЮГО

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ
ГОД

Виктор Мари Гюго

Девяносто третий год

Серия «История в романах»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28725254

Девяносто третий год: Мир книги, Литература; М.; 2011

ISBN 978-5-486-03672-9

Аннотация

Великий французский писатель, поэт и драматург Виктор Гюго (1802–1885) – один из самых ярких представителей прогрессивно-романтической литературы XIX века. Вот уже более ста лет во всем мире зачитываются его блестящими романами «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Девяносто третий год»; со сцен театров не сходят драмы Гюго «Эрнани», «Мария Тюдор» и другие. В данном томе публикуется одно из самых значительных, ярких и смелых изображений Великой французской революции – роман «Девяносто третий год». Он состоит из коротких драматических эпизодов, полных захватывающих приключений и неожиданных сюжетных поворотов. На примере гражданской войны в Вандее между частями республиканской армии и отрядами монархических мятежников, поддерживаемыми местными крестьянами, писатель пытается решить общие для любой революции проблемы: как понимать справедливость;

что важнее – политические убеждения или общечеловеческие ценности; оправдана ли революционная жестокость; почему возвышенная идея обращается в свою противоположность.

Содержание

Часть первая	10
Книга первая. Содрейский лес	10
Книга вторая. Корвет[9] «Клэймор»	29
I. Англия схватилась с Францией	29
II. Ночь на корабле	35
III. Смещение дворянства и разночинства	38
IV. Орудие войны	49
V. <i>Vis et vir</i> [37]	52
VI. Две чаши весов	60
VII. Плавание по морю – та же лотерея	65
VIII. $9 = 380$	70
IX. Кого-то спасают	77
X. Удастся ли ему спастись?	80
Книга третья. Гальмало	84
I. Слово – это глагол	84
II. Крестьянская память стоит искусства полководца	91
Книга четвертая. Тельмарк	107
I. Вершина дюны	107
II. <i>Aures habet, et non audit</i> [66]	111
III. Польза крупных букв	114
IV. Попрошайка	117
V. Подписано: «Говэн»	126

VI. Случайности гражданской войны	130
VII. Пощады не давать (лозунг коммуны)!	137
Пленных не брать (девиз принцев)!	
Часть вторая	146
Книга первая. Симурдэн	146
I. Парижские улицы времен Революции	146
II. Симурдэн	160
III. Уголок, не погруженный в реку забвения	171
Книга вторая. Кабачок на Павлинъей улице	175
I. Минос, Эак и Радамант	175
II. Magna testantur voce per umbras[126]	179
III. Внутренние судороги	208
Книга третья. Конвент	227
I. Зал Конвента	227
II	228
III	231
IV	240
V	255
VI	256
VII	259
VIII	263
IX	265
X	267
XI	273
XII	275

XIII. Марат на сцене	275
Часть третья	284
Книга первая. Вандея	284
I. Леса	284
II. Люди	287
III. Сообщничество людей и лесов	290
IV. Жизнь под землей	294
V. Вандейцы на войне	296
VI. Душа земли переходит в человека	304
VII. Вандея прикончила Бретань	308
Книга вторая. Трое детей	311
I. <i>Plus quam civilia bella</i> [371]	311
II. Доль	320
III. Маленькая армия и большие сражения	330
IV. Во второй раз	341
V. Капля холодной воды	344
VI. Излечены телесные раны, но не душевные	348
VII. Два полюса правды	356
VIII. Опечаленная мать	366
IX. Провинциальная Бастилия	369
1. Ла-Тург	369
2. Пролом	371
3. Застенок	372
4. Мост и замок	374
5. Железные ворота	379

6. Библиотека	381
7. Чердак	382
X. Заложники	383
XI. Ужасы войны	391
XII. Меры для возможного спасения детей	397
XIII. Что делает маркиз	400
XIV. Что делает Иманус	403
Книга третья. Варфоломеевская резня	407
I	407
II	411
III	414
IV	416
V	420
VI	423
VII	427
Книга четвертая. Мать	430
I. Смерть шествует	430
II. Смерть говорит	433
III. Народный гул	439
IV. Ошибка	444
V. Vox in deserto[392]	448
VI. Положение вещей	451
VII. Приготовления	455
VIII. Речь и рычание	460
IX. Исполины против великанов	465
X. Радуб	470

XI. Отчаянные	480
XII. Спаситель	484
XIII. Палач	488
XIV. Иманус также спасается	491
XV. Не следует класть в один и тот же карман часы и ключ	494
Книга пятая. In demone deus[394]	500
I. Найдены, но потеряны	500
II. От каменной двери до железной	509
III. Уснувшие дети пробуждаются	512
Книга шестая. После победы начинается борьба	520
I. Лантенак в плену	520
II. Говэн в раздумьях	523
III. Капюшон командира	539
Книга седьмая. Феодализм и революция	543
I. Предок	543
II. Военно-полевой суд	557
III. Голосование	561
IV. После Симурдэна-судьи – Симурдэн-воспитатель	568
V. Темница	571
VI. Тем временем взошло солнце	582

Виктор Гюго

Девяносто третий год

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИД Литература», 2010

Часть первая

На море

Книга первая. Содрейский лес

В последних числах мая 1793 года один из батальонов парижской национальной гвардии, приведенных в Бретань Сантерром¹, осуществлял поиск в страшном Содрейском лесу близ Астилье. В батальоне было под ружьем не более трехсот человек, так как все остальные офицеры и солдаты выбыли из строя во время кровопролитной кампании. Подобное явление, впрочем, в те времена было не редкостью: так, после сражений при Аргонни, Жемаппе² и Вальми³ от первого парижского батальона, состоявшего из шестисот волон-

¹ Сантерр Антуан Жозеф (1752–1809) – деятель Великой французской революции, участник штурма Бастилии. В 1792 г. главнокомандующий парижской национальной гвардией, стоял во главе войск, усмирявших восстание в Вандее.

² Жемапп – сражение 6 ноября 1792 г. между французской и австрийской армиями. В результате ожесточенных атак французов австрийцы были выбиты с занимаемых позиций и понесли тяжелые потери. Следствием этой блестящей победы был захват Францией всей Бельгии.

³ Вальми – сражение 20 сентября 1792 г. между французской и австро-прусской армиями. Бой представлял собой артиллерийскую дуэль, в которой французы одержали верх, заставив противника отступить и покинуть пределы Франции. Эта победа имела огромные политические последствия.

теров, осталось 27 человек, от второго – 33 и от третьего – 57. То была эпоха эпической борьбы.

Всего в батальонах, присланных из Парижа в Вандею, насчитывалось теперь только 912 человек. При каждом батальоне было по три орудия. Формирование их было осуществлено очень быстро. 25 апреля, при министре юстиции Гойэ⁴ и военном министре Бушотте⁵, комитет общественной безопасности предложил послать в Вандею батальоны волонтеров; докладчиком по этому предложению был Любен. 1 мая Сантерр уже в состоянии был отправить 12 000 солдат, тридцать полевых орудий и один батальон канониров. Эти батальоны, несмотря на быстроту их мобилизации, были так хорошо снаряжены, что в этом отношении они могли бы служить образцом и в наши дни. Действительно, современные линейные батальоны формируются совершенно по той же системе; лишь несколько изменена прежняя пропорция между числом солдат и офицеров.

28 апреля парижская Коммуна дала волонтерам Сантерра следующее напутствие: «Не давать пощады никому». К концу мая из 12 000 человек, отправившихся из Парижа, восьми тысяч уже не было в живых.

Батальон, вступивший в Содрейский лес, продвигался

⁴ Гойэ Луи Жером (1746–1830) – деятель Великой французской революции, член Законодательного собрания, входил в правительство при Директории. После прихода Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

⁵ Бушотт Жан Батист Ноэль (1754–1840) – деятель Великой французской революции, якобинец, военный министр в 1793–1794 гг.

вперед с величайшею осторожностью, не торопясь, стараясь глядеть одновременно во все стороны. Недаром Клебер⁶ сказал, что у солдата один глаз должен быть на затылке. Шли что-то уж очень долго. Который бы мог быть час? Какое время дня? Трудно было бы ответить на эти вопросы, потому что в таких непроходимых дебрях всегда стоят сумерки и никогда не бывает полудня.

Содрейский лес уже имел мрачное прошлое. Именно в нем, в ноябре 1792 года, начались ужасы междоусобной войны. Хромоногий изверг Мускетон вышел именно из его зловещей чащи; от одних рассказов о совершенных именно в этом лесу преступлениях волосы на голове становятся дыбом. Словом, более зловещего места трудно было бы отыскать. Солдаты продвигались вперед, точно ощупью. Все было в полном цвету. Кругом возвышалась трепещущая стена из ветвей, распространявшая приятную прохладу; солнечные лучи пронизывали там и сям эту зеленоватую тень; шпажник, болотный касатик, луговой нарцисс, ландыш, весенний шафран расстилались по земле, образуя пышный и пестрый растительный ковер, фон которого составляли разные породы мха, начиная от такого, который похож на гусениц, и кончая тем, который похож на звездочки. Солдаты

⁶ Клебер Жан Батист (1753–1800) – один из наиболее выдающихся французских генералов периода республики. В 1798 г. принял участие в египетской экспедиции Наполеона. После отплытия Бонапарта во Францию принял командование над армией, успешно провел несколько сражений. Погиб от руки фанатика-убийцы.

шли вперед медленным шагом, молча, потихоньку раздвигая кусты. Птички щебетали, носясь над остриями штыков.

Содрейский лес был одной из непроходимых лесных дебрей, в которых, в прежние мирные времена, устраивались ночные охоты на птиц; теперь в нем охотились на людей. Здесь росли березы, буки и дубы, почва была ровная; мох и густая трава заглушали шум людских шагов. В нем не было почти никаких тропинок, а если какие и попадались, то они тотчас же терялись опять. Повсюду виднелись остролистники, дикий терн, папоротник, целая изгородь колючих кустов, так что невозможно было в десяти шагах разглядеть человека. Время от времени в кустарнике пролетали цапли или бекасы, свидетельствующие о близости болот.

А люди все шли. Они шли наугад, испытывая тревогу и опасаясь найти то, что они искали. Изредка встречались следы недавних лагерей: выжженные места, смятая трава, жерди в виде крестов, окровавленные сучья. Здесь варили похлебку, там служили обедню, в третьем месте перевязывали раненых. Но те, которые побывали здесь, исчезли. Где же они? Быть может, далеко. А быть может, и тут, совсем близко, где-нибудь за кустом, с мушкетом в руке. Лес казался пустынным. Батальон удвоил осторожность. Безмолвие – верный знак опасности. Никого не видно – значить, есть лишний повод предполагать, что тут кто-нибудь спрятался. Лес вообще пользовался недоброй славой, и было полное основание ожидать засады.

Тридцать гренадеров, высланных под командой сержанта вперед в качестве разведчиков, шли на довольно значительном расстоянии впереди отряда. Их сопровождала маркитантка батальона. Маркитантки вообще любят присоединяться к авангардам; их побуждает к тому любопытство: хотя и опасно, но зато скорее увидишь что-нибудь интересное. Любопытство является у женщин стимулом храбрости.

Вдруг солдаты этого небольшого передового отряда вздрогнули, как вздрагивает охотник, заметивший логовище зверя. Среди чащи послышалось точно чье-то дыхание и листья как будто зашевелились. Солдаты переглянулись. В разведке офицерам редко приходится вмешиваться и что-нибудь приказывать: то, что должно быть сделано, делается само собою.

Менее чем в минуту то место, в котором замечено было движение, было окружено, и дула ружей направились в одну точку, в темную середину чащи; солдаты, взведя курки и уставив глаза в подозрительный пункт, ждали только команды сержанта, чтобы начать стрельбу. Однако маркитантка решила заглянуть сквозь кустарник в чашу и в то самое мгновение, когда сержант собирался скомандовать «пли», она воскликнула: «Стой!» и прибавила, обращаясь к солдатам: «Товарищи, не стреляйте!»

Затем она бросилась в чашу. Солдаты последовали за нею. В самой густой чаще, на краю одной из тех круглых крохотных лужаек, которые образуются в лесах от угольных пе-

чей, сжигающих корни деревьев, и которые похожи на круглые беседки, сидела на мху в углублении, заваленном ветками и похожем на альков, женщина, кормившая грудью ребенка, между тем как на коленях ее лежали две белокурые головки двух других спящих детей. Это и была засада.

– Эй вы, что вы тут делаете? – окликнула ее маркитантка.

Женщина подняла голову.

– Что вы, с ума сошли? – продолжала маркитантка, сердитым голосом. – Ведь еще одна секунда – и вас бы подстрелили.

И затем, обращаясь к солдатам, маркитантка прибавила:

– Это женщина.

– Сами видим что женщина, черт побери! – пробормотал один гренадер.

– Что за фантазия забираться в лес, чтобы быть убитой! – продолжала маркитантка. – Ведь придет же в голову этакая глупость!

Женщина, изумленная, растерянная, как бы окаменевшая, озиралась по сторонам, как спросонок, переводя глаза то на ружья, то на сабли, то на штыки, то на сердитые лица солдат. Спавшие на коленях ее дети проснулись и закричали.

– Я есть хочу! – вопил один.

– Я боюсь! – ревел другой.

Только грудной ребенок продолжал спокойно сосать грудь.

– В своем ли ты уме? – продолжала, обращаясь к женщи-

не, маркитантка.

Но женщина от испуга не могла произнести ни слова. Наконец сержант крикнул ей:

– Не бойтесь! Мы – солдаты республики.

Женщина задрожала всем телом. Она взглянула на сержанта. Лицо у того, все обросшее волосами, из-под которых, как два уголька, светились два глаза, не имело в себе ничего особенно успокоительного.

– Да, да, это батальон Красной Шапки, бывший Красного Креста, – подтвердила маркитантка.

– Ты кто такая будешь, сударыня? – продолжал сержант.

Но женщина только испуганно таращила на него глаза. Она была молода, бледна, худощава и одета в рубище; вместо всякой одежды на ней накинута было старое шерстяное одеяло, завязанное около шеи бечевкой, а на голове у нее был надет неуклюжий капор бретонских крестьянок. Она выставляла напоказ свою обнаженную грудь с равнодушием самки. Ее босые ноги были все в крови.

– Это, должно быть, нищенка, – проговорил сержант.

– Как вас звать? – спросила маркитантка более мягким голосом.

– Мишель Флешар, – пробормотала женщина, запинаясь и едва слышно.

Маркитантка, приблизившись к ней, стала гладить своей большой и грубой рукой голову грудного ребенка.

– Сколько ему месяцев? – спросила она.

Мать не поняла, и маркитантка повторила свой вопрос.

– А-а! – ответила мать. – Восемнадцать месяцев.

– Ну, в таком возрасте пора бы уже и отнять его от груди, – заметила маркитантка. – Поручите-ка его мне; мы его накормим супом.

Мать стала успокаиваться. Оба старших ребенка, окончательно проснувшись, проявляли больше любопытства, чем испуга, и с видимым удовольствием рассматривали плюмажи солдат.

– Да, да, – заговорила мать, – они очень голодны. А у меня больше нет молока, – прибавила она.

– Их накормят, – закричал сержант, – и тебя также. Но прежде всего: каковы твои политические убеждения?

Женщина взглянула на сержанта и молчала.

– Слышала, что я тебя спрашиваю? – строго промолвил сержант.

– Меня отдали в монастырь ребенком, – пробормотала она, – но я не захотела сделаться монахиней и вышла замуж. Сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Я так торопилась бежать, что не успела обуться.

– Я тебя спрашиваю, каковы твои политические убеждения?

– Я не знаю, что это значит.

– Дело в том, что здесь немало развелось шпионок, – продолжал сержант, – а мы их расстреливаем, этих шпионок. Ну же, говори! Ведь ты не цыганка? Где твоё отечество?

Женщина продолжала смотреть на него, как бы не понимая его. Сержант повторил свой последний вопрос.

– Я не знаю, – ответила она.

– Как?.. ты не знаешь, где твоя родина?

– А-а, где моя родина? Как же, знаю.

– Ну, так где же твоя родина?

– В Азеском приходе, на Сисконьярской ферме, – ответила женщина.

Теперь сержант удивился в свою очередь. Он на минуту задумался и затем переспросил:

– Как ты сказала? Сисконьярская ферма? Да это не отечество!

– Но я там родилась, – настаивала женщина и прибавила, подумав с минуту: – А-а, теперь я поняла, сударь! Вы родом из Франти, а я – из Бретани.

– Ну, так что ж такое?

– Да ведь это две различные страны!

– Но отечество-то это общее! – закричал сержант.

– Я родом из Сисконьяра, – продолжала твердить женщина.

– Ну, пусть будет из Сисконьяра, – согласился сержант. – Так там живет твоя семья? Чем она занимается?

– Моя семья вся умерла. У меня никого не осталось родных.

Сержант, будучи от природы не дурак поговорить, продолжал свой допрос:

– Ну, так если теперь не осталось, так были же прежде, черт побери! Кто ты такая? Говори!

Женщина продолжала слушать, вся растерянная. Наконец маркитантка нашла нужным вмешаться в дело. Она снова принялась гладить грудного младенца по головке и похлопала по щечкам двух старших.

– Как зовут эту сосуню? – спросила она. – Ведь это девочка, не так ли?

– Жоржетта, – ответила мать.

– А старшего? Ведь это мужчина, этот шалун?

– Рене-Жан.

– А младшего? Ведь это тоже мужчина, да еще какой толстощекий?

– Гро-Ален, – ответила мать.

– Хорошенькие мальчики, – продолжала маркитантка. – Надо полагать, что из них выйдет прок.

– Ну, так говори же, сударыня, – настаивал сержант, – есть ли у тебя свой дом?

– Был дом, в Азэ, но теперь нет.

– Отчего же ты не живешь в своем доме?

– Потому что его сожгли.

– Кто сжег?

– Не знаю. Кажется, битва сожгла.

– Откуда же ты идешь?

– Оттуда и иду.

– А куда?

– Я сама не знаю.

– Дело говори. Кто ты такая?

– Не знаю.

– Как, ты не знаешь, кто ты такая?

– Я просто женщина, ищущая спасения для себя и для своих детей.

– К какой ты принадлежишь партии?

– Не знаю.

– Принадлежишь ли ты к синим? К белым? За кого ты стоишь?

– Я стою за своих детей.

Наступило молчание. Наконец маркитантка снова вмешалась в разговор.

– У меня никогда не было детей, – заметила она. – У меня на это не хватало времени.

– А родители твои? – продолжал сержант. – Изволь-ка, сударыня, сообщить нам что-нибудь о твоих родителях. Моя фамилия Радуб, я сержант, я родился в Париже на улице Шерш-Миди, где родились также и мой отец и моя мать. Видишь, я не стесняюсь говорить о своих родителях. Так не угодно ли и тебе рассказать о своих?

– Их фамилия была Флешар. Вот и все.

– Ну, Флешар так Флешар, Радуб так Радуб. Но всякий человек принадлежит к какому-нибудь сословию. К какому же сословию принадлежали твои родители? Чем они занимаются или, по крайней мере, чем они занимались?

– Они были земледельцы. Отец мой был человек хворый и не мог работать, вследствие того что барин, его барин, наш барин, приказал избить его палками, что было еще очень милостиво, так как отец мой украл кролика, за что, собственно, полагается смертная казнь. Но барин наш помиловал его и сказал: «Дайте ему только сто палок». И отец мой остался калекой.

– Продолжай.

– Дед мой был гугенот, и наш приходский священник устроил так, что его сослали на каторжные работы. Я в то время была еще совсем маленькая.

– Продолжай.

– Отец моего мужа занимался продажей соли. Король велел его за это повесить.

– А муж твой? Чем он занимается?

– В последние дни он сражался.

– За кого?

– За короля, за нашего барина, за господина кюре.

– Черт побери этих скотов! – воскликнул один из гренадеров.

Женщина вздрогнула.

– Вы видите, сударыня, что мы парижане, – любезно заметила маркитантка.

– О, Господи Иисусе! – воскликнула женщина, складывая руки, как бы для молитвы.

– Пожалуйста, без этих глупостей! – строго заметил сер-

жант.

Маркитантка уселась возле женщины и привлекла к себе на колени одного из мальчиков, который нисколько не упирался. Дети так же легко успокаиваются, как и легко пугаются. И то и другое часто бывает без всякой видимой причины. Должно быть, в них говорил какой-нибудь внутренний голос.

– Ну, милая моя землячка, – заговорила маркитантка, – у вас премилые ребята, это верно. Не трудно угадать их возраст. Старшему четыре года, а вот этому – три. А эта сосулька – удивительная обжора. Ах ты, дрянная девчонка! Да ты этак совсем съешь свою маму! Не бойтесь, сударыня. Только я бы посоветовала вам поступить в наш батальон. Берите пример с меня. Зовут меня Гусарихой. Это, конечно, прозвище, но мне больше нравится, чтобы меня звали Гусарихой, чем мамзель Бикорно, как звали мою мать. Я – шинкарька, я, так сказать, утоляю жажду людей, занятых взаимным истреблением. Всякому свое. У нас с вами, кажется, одинаковая нога: я вам дам надеть свои башмаки. Я была в Париже десятого августа⁷ и угощала вином самого Вестермана⁸.

⁷ 10 августа 1792 года – в этот день якобинцы организовали штурм дворца Тюильри. Король Людовик XVI был арестован и заключен в тюрьму. Реальное сопротивление восставшим оказал только полк швейцарских гвардейцев, которые прекратили сопротивление по приказу короля и почти все были убиты обезумевшими восставшими.

⁸ Вестерман Франсуа Жозеф (1755–1794) – деятель Великой французской революции, генерал. Один из руководителей восстания 10 августа 1792 г. Служил в армии Дюмурье, командовал войсками в Вандее. Друг Дантона, казнен вместе с ним.

Вот это был денек! Я видела, как отрубили голову Людовику Шестнадцатому, т. е. Людовику Капету, хотела я сказать. Ах, как ему не хотелось умирать! Послушайте-ка, вы знаете, что еще не далее как тринадцатого января он сам жарил каштаны и смеялся в кругу своего семейства. Когда его насильно положили на доску, на нем не было уже ни кафтана, ни башмаков; он был одет только в рубашку, пикейный жилет, панталоны из серого сукна и серые же шелковые чулки. Ну, так идемте с нами, что ли? Славные ребята в нашем батальоне. Вы будете второй маркитанткой, я вас научу всем приемам. Тут, впрочем, нет ничего мудреного. У вас будет манерка и колокольчик, вы будете расхаживать среди сражающихся, звоня в колокольчик, чтобы вас было слышно при пушечной и ружейной пальбе и вообще среди шума битвы, и будете выкрикивать: «кто желает выпить чарочку, ребята?» Вот и вся недолга! Я угощаю всех без различия, и белых и синих, – ей-богу! – хотя сама я принадлежу к синим и даже к темно-синим. А все же я не откажу никому в чарке вина. Ведь раненые всегда чувствуют сильную жажду, а умирать одинаково тяжело, к какой бы партии ни принадлежать. Знаете ли, людям умирающим следовало бы перед смертью пожимать друг другу руку. Как глупо драться! Ну, так идемте же с нами. Если меня убьют, вы заступите на мое место. Видите ли, я в сущности добрая женщина и хороший человек. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка перестала тараторить, женщина про-

бормотала:

– Нашу соседку звали Мари-Жанной, а нашу работницу Мари-Клод.

Тем временем сержант Радуб журил гренадера.

– Замолчишь ли ты, – говорил он. – Ты ее напугал. В присутствии дам нельзя браниться.

– Да как же тут не браниться честному человеку, – ворчал гренадер, – когда видишь таких уродов, свекор которых был искалечен барином, тесть отправлен по милости попа на кааторгу, а отец повешен по милости короля, и которые тем не менее, черт побери, бунтуют, хватаются за оружие и лезут на смерть из-за своего барина, попа, короля!

– Молчать! – закричал сержант.

– Молчу, молчу, господин сержант, – произнес гренадер. – Но тем не менее досадно видеть, что такая хорошенькая женщина рискует жизнью из-за какого-то сумасброда.

– Гренадер, – строго заметил сержант, – здесь не политический клуб, нечего разглагольствовать. – И он продолжил, обращаясь к женщине: – А твой муж, сударыня? Чем он занимается? Что с ним случилось?

– Он ничем не занимается, так как его убили.

– Убили? Когда? Где?

– Три дня тому назад, в рядах ополчения.

– Кто же его убил?

– Не знаю.

– Как, ты не знаешь, кто убил твоего мужа? По крайней

мере, был ли это синий, белый?

– Не знаю. Я знаю только, что он был убит выстрелом из ружья.

– Три дня тому назад, говоришь ты? Но в каком месте?

– Около Эрнэ. Мой муж был убит в сражении. Вот и все.

– А с тех пор, как муж твой умер, что ты делаешь?

– Вот, несу моих малюток.

– Куда же ты их несешь?

– Куда глаза глядят.

– А где же ты ночуешь?

– Под открытым небом.

– Чем ты питаешься?

– Ничем.

Сержант повел своими усищами и переспросил:

– Ничем?

– То есть терновыми ягодами, ежевикой, морошкой, которые остались от прошлого года, черникой, молодыми побегами папоротника.

– Только-то? Ну, это все равно, что ничем.

Старший из мальчиков, должно быть, поняв, о чем шел разговор, пролепетал:

– Есть хочется!

Сержант вынул из кармана кусок черного хлеба и подал его матери. Та разломилла кусок пополам и отдала по куску каждому из мальчиков, которые с жадностью принялись его есть.

– А для себя она ничего не оставила, – проворчал сквозь зубы сержант.

– Значит, не голодна, – заметил один из солдат.

– Нет, это значит, что она мать, – возразил сержант.

– Я пить хочу, – заговорил один из мальчиков.

– Я пить хочу, – повторил другой.

– Да ведь в этом чертовском лесу нет даже и ручейка, – сердито произнес сержант.

Маркитантка сняла со своего пояса медную чарку, прицепленную рядом с колокольчиком, отвернула кран жбана, висевшего у нее через плечо, наполнила чарку и поднесла ее к губам детей. Старший хлебнул и скорчил гримасу. Младший хлебнул и выплюнул.

– Что же вы? Ведь это же вкусно, – сказала маркитантка.

– Это что такое? Горлодер? – спросил сержант.

– Да, и притом первого сорта. Но ведь они мужичье! – и она сердито вытерла чарку.

– Итак, сударыня, – снова начал сержант, – ты таким образом спасаешься в лесу?

– Что же делать! Я бегу, пока хватает сил, потом иду потише, потом падаю.

– Вот бедняга! – проговорила маркитантка.

– Кругом дерутся, – пробормотала женщина. – Отовсюду только и слышишь, что ружейные выстрелы. Я не знаю, чего им друг от друга нужно. У меня убили мужа, – я смогла понять только это.

– Что за глупая вещь война, черт побери! – воскликнул сержант, стукнув о землю прикладом своего ружья.

– Прошлую ночь мы переночевали в мшиннике, – продолжала женщина.

– Как в мшиннике? Быть может, в дупле? Значит, вы все четверо ночевали стоя?

И он продолжал, обращаясь к солдатам:

– Ребята, эти дикари называют мшинником толстое, пу-
стое внутри дерево, в которое человек может влезть, точно в
футляр. Что поделаешь с их невежеством! Ведь не всякому
довелось побывать в Париже.

– Спать в дупле! – воскликнула маркитантка. – Да еще с
тремя ребятишками!

– Воображаю себе, – продолжал сержант, – как смешно
было проходим, ничего не видевшим, слышать раздавав-
шийся из дупла детский рев и крики: «папа», «мама».

– Хорошо еще, что теперь лето! – вздохнула женщина, и
она, с покорным видом, потупила глаза, как бы преклоняя
голову перед обрушившеюся на нее тяжестью катастрофы.

Солдаты молча обступили ее. Вдова, трое сирот, бегство,
одинокчество, беспомощность, война, обложившая тучами
весь горизонт, голод, жажда, трава для утоления голода, небо
вместо крова – этот избыток несчастья, очевидно, произво-
дил на них тяжелое впечатление.

Сержант приблизился к женщине и стал пристально смот-
реть на девочку, прижавшуюся к груди. Малютка переста-

ла сосать, потихоньку повернула голову, взглянула своими светлыми голубыми глазками на наклонившееся над нею страшное, обросшее волосами лицо и улыбнулась. Сержант выпрямился, и крупная слеза скатилась по его щеке, остановившись, точно жемчужина, на кончике его громадного уса.

– Ребята, – заговорил он, – я по всему вижу, что батальону вскоре придется сделаться отцом семейства. Не так ли? Давайте, усыновим этих трех малюток!

– Да здравствует республика! – раздалось в группе гренадер.

– Значит, дело кончено, – промолвил сержант. Он распротер обе руки над головами матери и детей и прибавил: – Вот дети батальона Красной Шапки.

– Три головки под одной шапкой! – воскликнула маркизантка и даже подпрыгнула от радости. Потом она зарыдала, принялась целовать бедную вдову и сказала ей:

– А какая плутовская рожица у твоей малютки!

– Да здравствует республика! – повторили солдаты.

А сержант, обращаясь к матери, промолвил:

– Так идите же с нами, сударыня!

Книга вторая. Корвет⁹ «Клэймор»

I. Англия схватилась с Францией

Весной 1793 года, в то время, как Франция, подвергшаяся одновременному нападению со всех сторон, развлекалась трагическим падением жирондистов¹⁰, в Ламаншском архипелаге происходило следующее:

1 июня вечером, приблизительно за час до захода солнца, в туманную погоду, удобную для бегства именно потому, что она опасна для плавания, в небольшой, пустынной бухте Боннюи поднимал паруса какой-то корвет. Экипаж этого судна состоял из французов, хотя само оно и входило в состав крейсировавшей около этого берега английской флотилии и как бы стояло на часах у западной оконечности острова. Английской флотилией командовал Латур д'Овернь, потомок герцогов Бульонских, по приказу которого и был от-

⁹ Корвет – трехмачтовое военное парусное судно с открытой орудийной батареей, предназначенное для разведывательной и посыльной службы и несшее 20–30 орудий.

¹⁰ Жирондисты – политическая группировка периода Великой французской революции. Название «жирондисты» дано историками позднее – по департаменту Жиронда, откуда родом были многие деятели группировки. Лидеры: Бриссо, Верньо, Кондорсе и др. После свержения монархии (10 августа 1792) стали у власти. Восстание 31 мая – 2 июня 1793 г. лишило жирондистов власти. В октябре 1793 г. часть их была казнена.

правлен сюда корвет для выполнения важного и срочного поручения.

Корвет этот, названный при закладке «Клэймор», с виду напоминал транспортное судно, но, в сущности, был военным кораблем. Действительно, на первый взгляд он казался тяжеловесным коммерческим судном; но это только на первый взгляд. При постройке его имелись в виду две цели: боевая мощь и внешняя обманчивость; в случае необходимости он должен был сражаться, в остальное время – вводить в обман. Ввиду возложенного на судно в эту ночь поручения, на второй палубе, вместо груза, были поставлены тридцать орудий большого калибра, так называемых карронад¹¹. Но эти пушки – потому ли что ожидалась буря, или для того, чтобы придать судну совершенно мирный вид, – были принаготовлены, или, что то же самое, прочно прикреплены тройными цепями, с приставленными к закрытым люкам жерлами. Снаружи ничего нельзя было заметить; пушечные порты были наглухо закрыты ставнями; корвет точно надел на себя маску. Карронады стояли на лафетах старинного образца. Обычно на корветах орудия располагаются только на верхней палубе; этот же, предназначенный и для нападения врасплох, имел верхнюю палубу невооруженной, а все его орудия, как уже сказано, были установлены на нижней палубе.

¹¹ Карронада – короткая чугунная морская пушка большого калибра, стрелявшая небольшим зарядом на близкие дистанции. Впервые изготовлена в Англии в 1779 г. литейным заводом Каррон. Вследствие уменьшенной скорости ядра этого орудия производили очень большие разрушения.

«Клэймор» представлял собою массивное, довольно неуклюжее судно, но тем не менее обладал хорошим ходом. Едва ли во всем английском флоте можно было встретить более прочный корпус, а в морском сражении это судно постояло бы за себя не хуже фрегата¹², хотя вместо бизань-мачты¹³ у него была всего небольшая жердь, с косым грот-контр-бизанем. Его руль, очень редкой конструкции, изготовленный на саутгемптонской верфи, имел короткие тимберсы¹⁴ и обошелся в 50 фунтов стерлингов.

Экипаж корвета состоял исключительно из французов – офицеров-эмигрантов и матросов-дезертиров. Все люди были подобраны весьма тщательно: они были хорошие моряки, храбрые солдаты, убежденные роялисты; все были тройными фанатиками: своего судна, своего меча и своего монарха. Кроме собственно экипажа судна, на корвете находился еще полубатальон морской пехоты, на случай высадки десанта.

Капитаном «Клэймора» был граф Буабертло, кавалер ордена Святого Людовика, один из лучших офицеров бывшего французского королевского флота, помощником его – шевалье¹⁵ де Лавьевиль, командовавший в королевской гвардии

¹² Фрегат – в парусном флоте трехмачтовый военный корабль, второй по величине после линейного корабля.

¹³ Бизань-мачта – третья мачта, считая с носа.

¹⁴ Тимберс – короткий деревянный брус.

¹⁵ Старинный дворянский титул во Франции. (*Примеч. ред.*)

той самой ротой, в которой Гош¹⁶ был сержантом; а лоцманом – самый опытный из джерсейских судовладельцев, некто Филипп Гакуаль.

Нетрудно было догадаться, что это судно предназначалось для какой-то особой миссии. Действительно, на него только что сел человек, который, как по всему было видно, пускался в какое-то приключение. Это был старик высокого роста, крепко сложенный, державшийся прямо, со строгим лицом, по которому было бы трудно определить возраст этого человека, так как оно казалось одновременно и старым и молодым; один из тех людей, у которых за спиною много лет, но которые еще полны силы, волосы которых седы, но глаза блестят юношеским огнем, которым, судя по их бодрости, можно дать сорок лет, а судя по их почтенному виду – и все восемьдесят. В то время, как он поднимался на корвет, его морской плащ распахнулся, и из-под него показались широкие шаровары, высокие ботфорты и куртка из козьей шкуры, шерстью внутрь, обшитая позументом, – словом, полный костюм бретонского крестьянина. Эти бретонские куртки имели двойное назначение, служили в одно и то же время и будничным, и праздничным костюмом и могли, по желанию, выворачиваться или мехом или кожей кверху – в первом случае для будней, во втором – для праздни-

¹⁶ Гош Лазарь (1768–1797) – французский полководец, генерал. Сделал блестящую военную карьеру, удачно воевал в 1793 г. против австрийцев. Разумно сочетая военные и политические действия, подавил восстание в Вандее. Скоропостижно умер, оставив по себе репутацию рыцарски благородного воина.

ков. Крестьянская одежда, бывшая на этом старике, как бы для большего сходства с действительностью, была потерта на локтях и на коленях и, по-видимому, уже достаточно поношена, а плащ из грубой материи завершал облик простого рыбака. Голову старика покрывала модная в то время широкополая и высокая шляпа, которая, когда поля ее были опущены, напоминала шляпы земледельцев, а с приподнятыми полями и пристегнутой к тулье петлицей с кокардой напоминала военный головной убор. В данную минуту шляпа на старике была надета по-крестьянски, без петлицы и кокарды.

Губернатор Джерсея, лорд Балькаррас, и герцог Латур д'Овернь¹⁷ лично проводили его на корвет и водворили его на нем.

Доверенное лицо эмигрантской знати Желамбр, бывший адъютант графа д'Артуа¹⁸, сам наблюдал за устройством его каюты и довел свою почтительность и заботливость до того, что нес за стариком его чемодан, хотя сам был природный дворянин. Расставаясь с этим стариком, чтобы вернуться на берег, Желамбр отвесил ему низкий поклон. Лорд Балькаррас сказал ему: «Желаю вам успеха, генерал», а герцог Латур д'Овернь обратился к нему со словами: «До свидания,

¹⁷ Латур д'Овернь – французский дворянский род, ведущий свое начало с XIII в., с 1772 г. его представители носили герцогский титул. Трудно сказать, кого имел в виду автор.

¹⁸ Карл X (Филипп д'Артуа) (1757–1836) – король Франции с 1824 г. С 1789 по 1815 г. в эмиграции. Заняв трон, управлял страной в реакционном духе, что привело к революции 1830 г., после которой он опять эмигрировал.

кузен».

Экипаж тотчас же после появления на корвете этого пассажира стал называть его в кратких и отрывистых разговорах между собою: «Крестьянин»; но, не имея о нем никакой информации, все отлично понимали, что этот пассажир настолько же крестьянин, насколько их военный корвет – торговое судно.

Дул слабый ветер. «Клэймор» вышел из Бонньюи, прошел мимо Булей-бея и некоторое время шел вдоль берега; затем он повернул в море и вскоре совсем скрылся в темноте.

Час спустя Желамбр, возвратившись в свою квартиру в Сент-Элие, послал со срочным саутгемптонским курьером графу д'Артуа, находившемуся при главной квартире герцога Йоркского¹⁹, следующие строки: «Ваше высочество, отъезд состоялся. Успех несомненен. Через неделю весь берег, от Гранвиля до Сен-Мало, будет объят пламенем».

За четыре дня перед тем марнский депутат Приэр²⁰, посланный с особыми поручениями к армии, занимавшей побережье близ Шербурга, и находившийся в данное время в Гранвилле, получил написанное тем же почерком, что и

¹⁹ Герцог Йоркский Фредерик (1763–1827) – носил этот титул с 1784 г. В 1793 г. командовал британскими войсками в Нидерландах, в 1795 г. возглавлял неудачную англо-русскую экспедицию в Голландии.

²⁰ Приэр Пьер Луи (1756–1827) – деятель Великой французской революции, якобинец, член Учредительного собрания, был членом Конвента и Комитета общественного спасения. В качестве комиссара Конвента принимал активное участие в подавлении восстания в Вандее.

вышеупомянутая записка, следующее письмо:

«Гражданин-депутат! 1 июня, во время прилива, корвет «Клэймор», с замаскированными пушками, выйдет из порта для того, чтобы высадить на берег Франции одного человека с нижеследующими приметам: высокого роста, старик, седые волосы, аристократические руки, одет в крестьянское платье. Завтра вышлю вам дальнейшие подробности. Он высадится 2-го числа, утром. Дайте знать нашим крейсерам, захватите корвет, а этого человека прикажите гильотинировать».

II. Ночь на корабле

Корвет, вместо того чтобы взять южное направление и идти в Сент-Катрин, сначала пошел на север, затем повернул на запад и вошел между островами Серк и Джерсей в пролив, называемый «Гибельным Проходом». В то время в этом проливе не было ни одного маяка ни на том, ни на другом берегу.

Солнце зашло; ночь была темнее, чем обыкновенно бывают летние ночи. Хотя по календарю и полагалась луна, но густые тучи, какие чаще бывают во время равноденствия, чем во время солнцестояния, покрывали небо, и по всему можно было заключить, что луна будет видна только тогда, когда она приблизится к горизонту, то есть перед самым ее захо-

дом. Облака полностью покрывали небо.

Темнота для корвета была как нельзя кстати. Намерение лоцмана Гакуаля заключалось в том, чтобы, оставив Гернсей справа, добраться при помощи какого-нибудь смелого маневра, пройдя между Гануа и Дувром, до какой-нибудь бухты на побережье Сен-Мало. Путь этот был более длинен, чем через Ле-Менкье, но зато более безопасен, так как французскому крейсеру велено было стеречь преимущественно побережье между Сент-Элие и Гранвиллем. Если ветер будет благоприятен, так что можно будет поднять все паруса, и если ничего не произойдет, Гакуаль надеялся пристать с рассветом к берегу Франции.

Все шло хорошо. Корвет только что прошел Большой Нос. Около девяти часов ветер начал свежеть и поднялась волна; однако ветер был попутный, хотя при некоторых шквалах нос корвета совсем погружался в воду.

«Крестьянин», которого лорд Балькаррас назвал «генералом», а герцог Латур д'Овернь «кузенком», по-видимому, не боялся качки и со спокойной важностью прогуливался по палубе корвета, как бы вовсе не замечая бурного моря. Время от времени он вынимал из кармана своей куртки плитку шоколада, откусывал от нее кусочек и разжевывал, доказывая этим, что, несмотря на белые волосы, у него еще достаточно крепкие зубы. Он ни с кем не разговаривал, обращаясь лишь иногда вполголоса к капитану, слушавшему его с выражением величайшего почтения и считавшего, по-видимому, на-

стоящим капитаном судна этого пассажира, а не самого себя.

«Клэймор», под искусным руководством лоцмана, прошел совершенно незамеченный, благодаря туману, мимо северного берега Джерсея, держась к нему очень близко, очевидно, для того, чтобы не наткнуться на опасный подводный камень Пьер-де-Лек, находящийся как раз посредине пролива между Джерсеем и Серком. Гакуаль, стоя у руля и различая поочередно сквозь туман Грев-де-Лек, Большой Нос и Плэнмон, ловко провел корвет между этими подводными скалами с уверенностью человека, чувствующего себя здесь дома и знакомого с капризами океана. На носу корвета не был выставлен огонь из опасения, чтобы судно не было замечено в этих строго охраняемых водах; его экипаж даже радовался туману. Наконец корвет поравнялся с Гранд-Этапом; туман был так густ, что едва можно было различить высокий силуэт Пинакля. Слышно было, как на Сент-Уэнской колокольне пробило десять часов – ясное доказательство того, что ветер продолжал дуть с берега. Все по-прежнему шло хорошо; только море становилось более беспокойным благодаря соседству Корбьера.

В начале одиннадцатого часа граф Буабертло и шевалье Лавьевилль проводили пассажира в крестьянском костюме в отведенную ему каюту, то есть в собственную каюту капитана. Прежде чем войти в нее, он сказал им, понизив голос:

– Вам известно, господа, – только это тайна, величайшая тайна, молчание до самого момента взрыва! – Вам одним из-

вестно здесь мое имя.

– Мы унесем его с собою в могилу, – ответил Буабертло.

– Что касается меня, – сказал старик, – то я не назову его, хотя бы мне угрожала смерть.

И затем он вошел в свою каюту.

III. Смешение дворянства и разночинства

Капитан и его помощник снова поднялись на палубу и стали, разговаривая, прохаживаться по ней. Темой их разговора был странный пассажир.

– Мы вскоре увидим, каков он в роли вождя, – прошептал Буабертло на ухо Лавьевиллю.

– Пока мы знаем только, он принц, – ответил Лавьевилль.

– Да как сказать.

– То есть во Франции-то он просто дворянин, но в Бретани – принц.

– Так же как Тремуйли и Роганы.

– Он, кстати, в родстве с ними.

– Но во Франции, при дворе короля, – продолжал Буабертло, – он такой же маркиз, какой я граф, а вы шевалье.

– Ну, двор-то этот теперь далеко. Про него можно, пожалуй, сказать: поминай как звали.

После некоторого молчания Буабертло продолжал:

– Что делать! За неимением французского принца, при-

ходится довольствоваться принцем бретонским.

– За неимением дроздов... нет, за неимением орла, удовольствуемся вороном.

– Коршун бы, по-моему, лучше, – проговорил Буабертло.

– Конечно! Все же когти и клюв! – согласился Лавьевиль.

– Посмотрим.

– Да, – продолжал Лавьевиль, – пора, наконец, чтобы явился настоящий предводитель. Я согласен с мнением Тентеньяка, что все, что теперь нужно, это – предводитель и порох. Видите ли, капитан, я знаю почти всех возможных и невозможных вождей; бывших, настоящих и будущих: но ни одного из них я не считаю той умной головой, которая нам теперь необходима. В этой чертовской Вандее необходим генерал, который был бы в то же время и прокурором. Нужно надоедать врагу, оспаривать у него каждую мельницу, каждый кустик, каждый ров, каждый камешек, дразнить его, пользоваться всем, следить за всем, беспощадно убивать, запугивать, не знать ни сна, ни покоя. В настоящее время в этой мужицкой армии встречаются герои, но нет вождя: Д’Эльбе – ничтожество. Лескюр²¹ – болен, Боншан²² – скло-

²¹ Лескюр Луи Мари (1766–1793) – французский политический деятель, маркиз, один из вождей восстания в Вандее. Был тяжело ранен в бою и при отступлении умер.

²² Боншан Шарль Мельхиор Артур (1760–1793) – французский дворянин, маркиз, в качестве волонтера принимал участие в войне за Независимость Соединенных Штатов. Во время восстания в Вандее был избран крестьянами вождем одного из отрядов. Скромность и военный талант принесли ему непререкаемый

нен всех миловать и щадить; он чересчур добр, а это неразумно. Ларошжаклен²³ превосходен, как второстепенный деятель; Сильц недурен в открытом поле, но не годится для партизанской войны; Кателино²⁴ – наивный извозчик, Стоффле²⁵ – хитрый лесной объездчик, Берар – тупица, Буленвилье – просто смешон, Шаретт²⁶ – ужасен. Я уже не говорю об этом цирюльнике Гастоне. В самом деле, почему, черт возьми, мы придираемся после этого к революции и какая же после того разница между нами и республиканцами, если мы сами назначаем парикмахеров начальниками над дворянами!

– Дело в том, что эта проклятая революция начинает отравлять и нас.

– Это просто какая-то короста на теле Франции.

– То есть короста, собственно, только на третьем сосло-

авторитет у восставших. В битве при Шалэ 17 октября 1793 г. был смертельно ранен и вскоре скончался.

²³ Ларошжаклен Анри (1772–1794) – французский дворянин, принимал деятельное участие в восстании в Вандее, возглавив его после смерти д’Эльбе. Убит в сражении при Нуалье.

²⁴ Кателино Жак (1759–1793) – один из вождей восстания в Вандее, обнаружил блестящие военные способности. После взятия Сомюра провозглашен «главнокомандующим католической королевской армией». Погиб при штурме Нанта.

²⁵ Стоффле Никола (1751–1796) – один из руководителей восстания в Вандее, после смерти Кателино возглавил восстание. Попал в плен к республиканцам и был расстрелян.

²⁶ Шаретт де Ла Контри Франсуа Атаназ (1763–1796) – французский морской офицер, один из лидеров восстания в Вандее. Потерпел поражение, пытаясь поддержать со своими силами высадку роялистского десанта, и был расстрелян.

вии, – ответил Буабертло. – Одна только Англия может помочь нам в этом деле.

– И поможет, вы в этом не сомневайтесь, капитан.

– Да, но пока все это очень некрасиво.

– Конечно! Всюду какое-то мужичье. Монархия, имеющая главнокомандующим какого-то Стоффле, бывшего лесного объездчика у господина де Молеврье, ничем не лучше республики, имеющей министром Паша²⁷, сына швейцара герцога де Кастри. Прелестные парочки встречаются в этой Вандейской войне; с одной стороны, пивовар Брассер, с другой – парикмахер Гастон.

– Нет, любезный Лавьевилль, я несколько иначе смотрю на этого Гастона. Он действовал совсем недурно, находясь под начальством Гемене. А как он расстрелял триста синих, предварительно заставив их самих вырыть для себя могилу! Ведь это очень недурно!

– Великая важность! И я точно так же поступил бы на его месте.

– Кто же в этом сомневается! И я так же...

– Для войны, – продолжал Лавьевилль, – нужны дворяне. Это дело рыцарское, а не парикмахерское.

– Однако в этом, так называемом третьем сословии, – возразил Буабертло, – встречаются почтенные личности. Возь-

²⁷ Паш Жан Никола (1746–1823) – деятель Великой французской революции, жирондист, впоследствии примкнул к якобинцам. Занимал посты военного министра и мэра Парижа. Был сторонником террора. После падения Робеспьера отошел от политической деятельности.

мите, например, этого часовщика Жоли. Он раньше был сержантом во Фландрском полку, а потом сделался предводителем вандейцев и командует теперь отрядом на побережье; а его сын – республиканец, так что отец служит белым, а сын – синим. Оба отряда встретились, произошла стычка, отец берет сына в плен и убивает его из пистолета.

– Молодец! – воскликнул Лавьевилль.

– Да, настоящий роялистский Брут.

– А все-таки нет ничего веселого в том, что нами предводительствуют разные Кокеро, Жан-Жаны, Мулены, Фокары, Бужю, Шуппы.

– Любезный шевалье, да ведь мы то же видим и с противоположной стороны. В наших рядах немало мещан, в их рядах не меньше дворян. Неужели вы думаете, что санкюлотам очень приятно состоять под начальством виконта Богарне²⁸, виконта Миранда, Канкло, графа Баланса, маркиза Кюстина²⁹, гер-

²⁸ Богарне Александр (1760–1794) – французский генерал, виконт. Участник войны за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Поддержал Великую французскую революцию. В 1792 г. отличился, командуя армией против австрийцев. За неудачные действия в 1793 г. против прусской армии смещен с должности, арестован, предан революционному суду и гильотинирован.

²⁹ Кюстин Адам-Филипп (1740–1793) – французский генерал, маркиз. Отличился во время Семилетней войны и войны за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. В 1792 г. командовал французской армией на Рейне, после многочисленных успехов был вынужден оставить Майнц и Франкфурт, за что был обвинен Конвентом в измене и казнен.

цога Бирона³⁰ и, наконец, самого герцога Шартрского³¹?

– Ах, да, сын Филиппа Эгалите³². Кстати, когда же этот Филипп станет королем?

– Надеюсь, что никогда.

– А между тем он пробирается к престолу, проявляя крайнюю неразборчивость в средствах.

– Но ему будут сильной помехой его пороки.

– Он, однако, не прочь был бы помириться, – продолжал Буабертло после некоторого молчания. – Он приезжал в Версаль к королю, и я сам был свидетелем того, как ему плюнули в глаза с верхней ступеньки большой лестницы.

³⁰ Бирон Арман Луи де Гонто (1747–1793) – французский генерал, герцог. Принимал участие в войне за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, где примкнул к сторонникам революции. В 1792 г. успешно командовал армией в войне против Австрии. В 1793 г. послан подавить восстание в Вандее, где, не желая участвовать в братоубийственной войне, подал в отставку. После этого был обвинен в измене, арестован и казнен.

³¹ Шартрский герцог Луи Филипп (1776–1856) – король Франции в 1830–1848 гг., сын Филиппа Эгалитэ. В 1789 г. поддержал Великую французскую революцию, участвовал в сражениях против войск европейской коалиции. В 1793 г. принял участие в заговоре Дюмурье, после чего бежал за границу. После свержения в 1848 г. опять эмигрировал.

³² Филипп Эгалите, герцог Орлеанский (1747–1793) – был чрезвычайно распущенным и взбалмошным человеком, ставшим в оппозицию двору скорее из чувства противоречия, чем по убеждениям. Его ссора с двором, помощь нуждающимся в голод 1787–1788 гг. сделали его чрезвычайно популярным среди простого народа. В 1792 г. был избран в Конвент, где голосовал за смертную казнь короля. Измена Дюмурье, в которой был замешан его сын, будущий король Луи-Филипп, повлекла его арест. Он был предан суду и, несмотря на отсутствие улик, приговорен к смерти и казнен.

– И прекрасно сделали.

– Мы называли его Бурбоном Грязным³³.

– Он лыс, угреват, он цареубийца – фу! – И затем Лавьевилль прибавил: – Я был вместе с ним в Уэссане, на корабле «Святой Дух».

– Если бы он послушался сигнала, который давал ему адмирал д’Орвилль, держаться к ветру, то он помешал бы англичанам пройти. Да, правда ли, что он спрятался в трюме?

– Нет, этого, положим, не было, – ответил Лавьевилль, рассмеявшись, – но все равно это нужно утверждать.

– Да, для дураков, – промолвил Буабертло. – А этого Буленвилль, о котором вы упоминали, Вьевилль, я знавал лично. Вначале крестьяне были вооружены копьями; вот он и вздумал сделать из них копейщиков. Он хотел научить их действовать по всем правилам военной науки. Он вообразил, будто этих дикарей можно превратить в линейных солдат. Он уверял, что научит их строиться в каре. Он говорил с ними на старинном военном языке. Вдруг ему пришло в голову составить целый полк из браконьеров; и действительно, ему удалось сформировать правильные роты, командиры которых собирались каждый вечер в его ставке для того, чтобы получать пароль от сержанта, который передавал его на ухо ближайшему капралу, а тот, в свою очередь, передавал его на ухо своему соседу, и т. д. Он разжаловал одного офицера,

³³ Непереводаемая игра слов. У Гюго сказано: «Bourbon, le Bourbeux». (Примеч. пер.)

не снявшего головного убора в то время, когда ему говорили пароль. Можете вообразить себе, насколько все это привилось. Этот болван не понимал, что мужиками нужно предводительствовать по-мужицки, и что из человека, взятого от сохи, нельзя за несколько дней сделать настоящего солдата. Да, да, я знавал этого Буленвиллье.

Они оба сделали еще несколько шагов, погруженные в свои мысли; затем беседа возобновилась.

– Кстати, подтверждается ли, что Дампьер³⁴ убит?

– Да, капитан, при Кьеврене, пушечным ядром.

– Граф Дампьер, – вздохнул Буабертло, – еще один из наших, перешедший в их ряды.

– Скатертью дорога! – проговорил Лавьевилль.

– А сестры короля? Что, они все еще в Триесте?

– Да, в Триесте, – ответил Лавьевилль и затем воскликнул: – Ох уж эта республика! Сколько бедствий из-за пустяков! Как подумаешь, что вся эта революция началась из-за дефицита в несколько миллионов!

– Из этого следует, что и ничтожные причины могут вести к важным последствиям.

– А ведь дела идут плохо, – продолжал Лавьевилль.

– Да, Ларуари умер, дю Дрене – просто идиот. И что за жалкие предводители все эти епископы, этот Куси, епи-

³⁴ Дампьер Огюст Анри Мари Пико (1765–1793) – французский генерал, маркиз, отличился при Жемаппе. После измены Дюмурье получил под командование французскую армию. Погиб в сражении при Кьеврене.

скоп ларошельский, этот Бопуаль Сент-Олэр, епископ из Пуатье, этот Мерси, епископ люсонский, любовник госпожи де Эшассери!

– А ведь настоящее ее имя Серванто, вы это знаете, капитан; Эшассери, это – название поместья.

– Или этот мнимый епископ агрский, который, собственно, простой кюре.

– Да, кюре из Доля; его фамилия – Гийо де Фольвилль. Он, впрочем, весьма храбр в бою.

– Но зачем им попы, когда им нужны солдаты? Что это за мнимые епископы и мнимые генералы!

– Капитан, – перебил Лавьевилль графа Буабертло, – я, кажется, видел у вас в каюте последний «Монитор». Мне бы хотелось знать, что теперь играют в Париже.

– «Адель и Павлина» и «Пещеру».

– Интересно было бы посмотреть эти пьесы!

– Вы их увидите. Через месяц мы будем в Париже. Да, самое большое через месяц, – прибавил Буабертло, подумав с минуту. – Мистер Виндгэм³⁵ сказал это лорду Гуду³⁶.

– Но в таком случае, капитан, дела обстоят еще не так плохо.

³⁵ Виндгэм Вильям (1750–1810) – английский политический деятель, активный участник борьбы с революционной Францией. В 1794 г. военный министр, в 1799 г. организовывал восстание в Вандее.

³⁶ Гуд (Худ) Самуэль (1724–1816) – знаменитый английский адмирал. Неоднократно одерживал победы над французским флотом. В 1786 г. назначен лордом адмиралтейства. В 1793 г. захватил Тулон, в 1794 г. завоевал Корсику.

– Все было бы хорошо, черт побери, только бы в Вандее дела пошли на лад.

– А что, капитан, – спросил Лавьевилль, пожимая плечами, – мы высадим морскую пехоту?

– Да, если приморское население выскажется за нас, и нет, если оно окажется нам враждебным. Иногда на войне нужно идти напролом, иногда – крадучись. Тот, кто ведет гражданскую войну, должен всегда иметь в кармане подобранный ключ. Нужно стараться делать все, что только возможно. Главное – необходим хороший предводитель. – И, подумав немного, Буабертло прибавил: – Лавьевилль, какого вы мнения о молодом шевалье де Дъези?

– Как о начальнике? Да опять-таки я скажу, что он пригоден только для правильной войны, в открытом поле, а не для партизанской войны против этого мужичья.

– В таком случае нам приходится довольствоваться генералом Стоффле и генералом Катлино.

– Тут нужен бы принц, – сказал Лавьевилль после минутного молчания. – Настоящий французский принц, принц крови.

– Зачем же это? Не понимаю. Ведь настоящие принцы...

– Трусы. Я знаю это, капитан. Но это необходимо, чтобы пустить пыль в глаза нашему мужичью.

– Любезный мой кавалер, да что же нам делать, если настоящие принцы прячутся!

– Ну, в таком случае обойдемся и без них.

Буабертло стал машинально тереть лоб рукой, как бы желая выдавить из него мысль, и, наконец, произнес:

– Что ж, сделаем опыт с этим генералом.

– Это, во всяком случае, чистокровный дворянин.

– А вы думаете, что он окажется на высоте своего положения?

– Не знаю. Главное то, чтоб он как следует понял свою задачу, – ответил Вьевилль.

– То есть чтоб он был свиреп? – заметил Буабертло.

Граф и кавалер взглянули друг другу в глаза.

– Господин Буабертло, – проговорил Лавьевилль, – вы угадали мою мысль. Да, чтобы был свиреп – вот что нам нужно. Эта война не должна знать пощады. Теперь наступило время кровожадных людей. Цареубийцы отрубили голову Людовику Шестнадцатому, мы будем рубить ноги и руки царевубийцам. Да, теперь нужен только неумолимый полководец. В Анжу и верхнем Пуату вожди играют в великодушие, изображают из себя добряков, это никуда не годится; а между тем на побережье предводители свирепы – и дела идут сносно. Шаррет свиреп, и потому он удачно справляется с Парреном. Против гиены – гиена!

Буабертло не успел ответить Лавьевиллю: слова последнего были прерваны пронзительным криком, и в то же время раздался шум, отличный от всех других звуков, раздававшихся на море, среди ночной тишины. И крик этот и шум раздались с носа корабля.

Капитан и его помощник бросились на нижнюю палубу, но не смогли войти туда, так как им навстречу бежали по узкому трапу перепуганные артиллеристы корвета.

Случилась ужасная вещь.

IV. Орудие войны

Оказалось, что одно из орудий батареи, двадцатичетырехфунтовая пушка, сорвалось с цепи. Это, быть может, одно из самых больших несчастий, какое только может произойти на военном судне, находящемся на полном ходу, в открытом море.

Пушка, сорвавшаяся при такой обстановке с цепи, сразу превращается в какое-то чудовище. Обыкновенная машина вдруг становится диким зверем. Эта грузная масса катится на своих колесах, отскакивает, как бильярдный шар, перекатывается при боковой качке, погружает нос судна в воду при килевой, носится туда и сюда, останавливается как бы для размышления, снова принимается катиться, переносится с одного конца судна на другой, вертится, ускользает, прячется, становится на дыбы, бьется обо все вокруг, все ломает, истребляет, убивает. Это таран, разбивающий корпус судна по своему капризу; ужаснее всего то, что корпус – деревянный, а таран – чугунный. Мертвая материя освободилась; раб сломал свои цепи и принялся мстить; давно сдерживаемая злоба, заключающаяся в этой твердой материи, вдруг

как бы прорывается наружу; она как бы потеряла терпение и торопится наверстать упущенное. Ничего не может быть ужаснее ярости неодушевленного предмета. Пришедший в исступление чурбан приобретает гибкость барса, тяжеловесность слона, ловкость мыши, настойчивость секиры, неожиданность шквала, быстроту молнии, мрак гробницы. Подобная машина имеет десять тысяч фунтов веса, а прыгает, как детский мяч. То она кружится, как волчок, то носится во все стороны. И что с ней поделаешь? Как с ней справиться? Буря, рано или поздно, все-таки прекратится, вихрь пронесется, ветер стихнет, сломанная мачта будет заменена новой, отверстие, в которое просачивается вода, будет законопачено, пожар – потушен; но как усмирить этого громадного чугунового или медного зверя? Как к нему подступиться? Вы можете прикрикнуть на пса, ошеломить быка, укротить взглядом змею, напугать тигра, разжалобить льва; но против этого чудовища – сорвавшейся с цепи пушки – вы бессильны. Убить ее вы не можете, – она предмет неодушевленный, но в то же время живет какой-то зловещей жизнью, веющей на нее из бесконечности. Пол под ней колеблется, качка судна двигает ее так же, как море двигает судно, а ветер – море. Пушка, в свою очередь, является игрушкой в руках стихии. Ее поведение зависит одновременно и от волн и от ветра, и от судна, – словом, существование ее самое ужасное. Как справиться с такою тяжестью? Как обуздать это ужасное орудие кораблекрушения? Каким образом остановить ее движения, ее скач-

ки, ее удары? Каждый из ее ударов может пробить борт судна. Как угадать ее ужасную хитрость? Тут имеешь дело с тяжестью, которая то останавливается, как бы размышляя, то внезапно изменяет направление. Как остановить то, от чего приходится бежать? Страшное орудие беснуется, летит вперед, отступает, бьет вправо, ударяет влево, проходит, бежит, нарушает всякие расчеты, ломает все, что ему попадает на пути, давит людей, точно мух. Весь ужас положения заключается в подвижности пола. Как удержать что-нибудь на постоянно изменяющей свое направление наклонной плоскости? В чреве корабля заключена молния, ищущая выхода; это нечто вроде не то грома, не то землетрясения.

В один миг весь экипаж судна был на ногах. Вина лежала на канонире, который забыл завинтить гайку цепи и плохо подложил колодки под колеса лафета, вследствие чего орудие стало ерзать взад и вперед, пока, наконец, не лопнул канат и орудие не перестало твердо держаться на лафете. В то время еще не был введен в употребление неподвижный брус, препятствующий откату орудия. Сильная волна ударила в борт, плохо прикрепленное орудие откатилось назад. Цепь лопнула, и тяжелое чудовище принялось кататься и прыгать по палубе, словно капля воды, стекающая по запотевшему стеклу.

В ту минуту, когда лопнула цепь, артиллеристы были на батарее. Одни сидели кучками, другие бродили поодиночке, занимаясь каждый своим делом, в ожидании возможной во

всякое время тревоги. Пушка, подброшенная килевой качкой, навалилась на одну кучку людей, сразу же задавив четырех из них, затем, подхваченная боковой качкою, перерезала пополам пятого несчастного канонира и, ударившись о левый борт судна, сдвинула с места другое орудие. Это-то и вызвало только что услышанный крик ужаса. Все бывшие на нижней палубе бросились к узкой лестнице, и батарея вмиг опустела.

Громадное орудие было предоставлено самому себе; оно стало само себе хозяином и хозяином всего судна; ему предоставлено было делать все, что ему заблагорассудится. Экипаж, эти люди, закаленные в бою, привыкшие смеяться во время сражения, теперь дрожали, доказывая тем, что есть нечто ужасное и для самых бесстрашных людей.

Капитан Буабертло и лейтенант Лавьевиль, оба известные своей храбростью, остановились на верху лестницы и глядели вниз, бледные, немые, не зная, что делать. Кто-то отстранил их локтем и спустился вниз.

То был их пассажир, одетый в крестьянское платье, тот человек, о котором они говорили за минуту перед тем.

Спустившись с лестницы, он стал смотреть.

V. *Vis et vir*³⁷

Пушка продолжала прыгать по палубе, являя собой как

³⁷ Сила и мужество (*лат.*).

бы живую колесницу апокалипсиса. Морской фонарь, мигая на форштевене, бросал на это прыгающее чудовище колеблющийся, мерцающий свет. Вследствие быстроты движений орудия нельзя было разглядеть его формы, и оно то казалось черным, попадая в сноп света, то отсвечивало металлическим блеском, попадая в темноту.

Пушка продолжала калечить судно. Она сбила уже четыре других орудия и пробила две трещины в борту, к счастью, выше ватерлинии, но сквозь которые вода все-таки могла бы проникнуть в судно, если бы налетел шквал. Она яростно билась о тамберсы; очень крепкие шканцы³⁸ еще держались, благодаря, главным образом, эластичности дерева; но слышно было, как они трещали под ударами этой громадины, успевавшей наносить удары, по какой-то неслыханной вездесущности, почти одновременно в разных местах. Дробинка, положенная в пустую бутылку, не могла бы подпрыгивать быстрее и неистовее. Четыре колеса тяжелого лафета то и дело перекатывались по телам убитых канониров, резали и рвали их на части и сделали из пяти трупов двадцать обрубков, катавшихся по батарее; мертвые головы разинули рты, как бы крича; струи крови переливались по полу в соответствии с колебаниями судна. Внутренняя обшивка корвета, поврежденная в нескольких местах, начала расползаться.

³⁸ Шканцы – на парусном корабле самый верхний помост или палуба в кормовой части корабля, где обычно находились вахтенные офицеры и устанавливался компас.

Весь корабль наполнился каким-то зловещим гулом.

К капитану быстро возвратилось его хладнокровие, и по его приказу стали кидать на нижнюю палубу все, что только в состоянии было мешать ужасным скачкам карронады и ослаблять удары – матрацы, койки, запасные паруса, бухты канатов, мешки с матросским скарбом и, наконец, тюки фальшивых ассигнаций, которых на корвете был целый груз, так как англичане того времени считали подобную подлость вполне уместной на войне. Но какую пользу могло принести все это тряпье, если никто не решался спуститься вниз, чтобы закрепить ее как следует? К несчастью, – в данном случае именно к несчастью, – море было в это время довольно спокойно. Буря была бы предпочтительнее, так как она, быть может, перевернула бы пушку вверх колесами и тогда можно было бы с ней справиться.

Тем временем кораблю наносились все новые и новые повреждения. От яростных ударов орудия основания мачт уже дали трещины. Под судорожными ударами пушки фок-мачта³⁹ расщепилась, да и сама грот⁴⁰-мачта была повреждена. Вся батарея приходила в полное расстройство. Десять орудий из тридцати были сбиты; число бортовых пробоин увеличивалось, и корвет начинал давать течь.

Старик пассажир, спустившийся вниз, был похож на каменную статую, поставленную на нижнюю ступеньку. Он

³⁹ Фок-мачта – первая мачта судна, считая от носа к корме.

⁴⁰ Грот-мачта – вторая мачта, считая с носа.

пристально смотрел на это разрушение, но не двигался; да и, действительно, казалось невозможным сделать хоть один шаг в помещении батареи. Каждое движение сорвавшегося с цепи орудия, казалось, приближало судно на один шаг к гибели. Еще несколько мгновений – и гибель судна станет неизбежной. Приходилось или погибать или принять какое-нибудь решение для предотвращения гибели. Но какое? Ведь с этим неодушевленным врагом не так-то легко было справиться. Как обуздать эту обезумевшую махину? Как пригвоздить молнию? Как остановить этот гром?

– Верите ли вы в Бога, шевадье? – обратился, наконец, Буабертло к Лавьевиллю.

– Смотря как... Иногда – да, иногда – нет, – ответил тот.

– Ну, а во время бури?

– Во время бури – да, а также и в такие минуты, как настоящая.

– Да, один только Бог может спасти нас от этой опасности, – проговорил Буабертло.

И они замолчали, предоставляя орудию производить свое страшное опустошение. А снаружи морские валы, ударяясь о борта корабля, как бы вторили ударам, наносимым пушкой внутри. Точно перемежающиеся удары двух ужасных молотов!

Вдруг в этой недоступной арене, на которой яростно прыгало сорвавшееся орудие, появился человек с железной полосой в руке. То был виновник несчастья, нерадивый канон-

нир, забывший прикрепить свою пушку. Будучи причиной катастрофы, он желал теперь исправить ее. Он схватил в одну руку гандшпуг⁴¹, в другую – бейфут⁴² с глухой петлей и соскочил через перила на нижнюю палубу.

Тут началось нечто ужасное: какая-то борьба титанов, борьба пушки с канониром, грубой материи с разумом, поединок между вещью и человеком.

Человек встал в угол, держа в руках гандшпуг и бейфут, прислонившись спиной к двери, расставив ноги, мускулы которых напряглись, точно они были из стали, как бы пригвожденный к полу, бледный, но спокойный и с выражением решимости на лице. Он ждал – ждал момента, когда пушка понесется мимо него. Канонир этот знал свое орудие, и ему казалось, что и оно должно было знать его: ведь они уже столько времени жили вместе. Сколько раз он запускал свою руку в его пасть! Это было для него прирученное чудовище. Он стал говорить с ним как с собакой: «Сюда, сюда», – повторял он. Быть может, он любил его; во всяком случае он, очевидно, желал, чтобы оно к нему приблизилось.

Но подойти к нему в данном случае – значило навалиться на него, а это последнее было равносильно гибели. Как устроить, чтобы пушка его не раздавила? – вот в чем заключался весь вопрос. Все глядели в ужасе; у всех в груди спер-

⁴¹ Гандшпуг – рычаг, служащий для поворачивания тяжестей.

⁴² Бейфут – кусок троса, с помощью которого рей или гафель удерживается в обхват у мачты или стенки.

ло дыхание, за исключением, быть может, старика, который один, вместе с отважным канониром, решился спуститься на батарею, один являлся как бы секундантом при этой ужасной дуэли. Он сам мог быть раздавлен орудием, но между тем он не шевелился. Над их головами управляла поединком слепая волна.

В ту минуту, когда канонир решился вступить с пушкой в это ужасное единоборство и вызывал орудие на бой, последнее, вследствие одного из капризов колебания моря, осталось на мгновение неподвижным, как бы изумленным. «Ну, иди же!» – повторил канонир. Оно как бы прислушивалось.

Вдруг пушка кинулась на него, но канонир успел увернуться от удара. Началась борьба, – борьба неслыханная. Такое хрупкое создание, как человек, сцепилось с неуязвимым предметом, плоть вступила в бой с металлом. С одной стороны – был силой материал, с другой – душа.

Все это происходило в полутьме, точно неясное видение какого-то чуда. Странное дело: казалось, будто и пушка имеет душу, но душу, преисполненную ненависти и ярости; казалось, будто и у этого слепого предмета были глаза; наконец казалось, будто чудовище подстерегает человека. В этой грузной массе, казалось, заключалось немало хитрости. И она как будто умела выбирать удобный момент, словно какое-нибудь гигантское чугунное насекомое, имеющее или как будто имеющее демоническую волю. Иногда эта колоссальная саранча ударялась о низкий потолок батареи, затем

снова падала на свои четыре колеса, словно тигр на свои четыре лапы, и снова бежала к человеку. Но он, ловкий и подвижный, извивался как ящерица, увертываясь от этих яростных нападений. Это ему пока удавалось, но удары, которых он избегал, обрушивались на судно и продолжали его разрушать.

Обрывок порванной цепи остался прикрепленным к орудию. Эта цепь каким-то образом замоталась вокруг винта мушки на казенной части. Один ее конец остался прикрепленным к лафету, а другой, свободный, болтался вокруг пушки, придавая еще больше силы ее скачкам. Винт крепко удерживал ее, и эта цепь, присоединяя к ударам тараном удары ремнем, летала вокруг пушки, напоминая железный бич в медном кулаке. Словом, эта цепь еще более усложняла борьбу.

Однако человек продолжал бороться; иногда он даже переходил в наступление; он пробирался вдоль борта, держа в руке свою веревку и свою железную полосу; пушка как будто понимала его и убегала, как бы опасаясь западни, а неустрашимый канонир ее преследовал.

Подобная схватка не может долго продолжаться. Пушка вдруг как бы сказала сама себе: «Однако с этим пора покончить», и остановилась. Чувствовалось приближение развязки. Пушка, как бы колеблясь, казалось, принимала, или действительно принимала, – ибо в эту минуту она для всех была существом одушевленным, – какое-то окончательное реше-

ние. Вдруг она ринулась на канонира. Тот отскочил в сторону, пропустил ее мимо себя и закричал смеясь: «Сначала!» Орудие, словно разъярившись, сбило еще одно на левом борту; затем, как бы пущенное невидимой пращей, кинулось на правый борт, но канонир снова отскочил. Три орудия сдвинулись с места под толчками сорвавшейся пушки; затем, как бы ослепленная гневом и сама не зная, что она делает, последняя повернулась к канониру задом, покатила к носовой части, разбила форштевень⁴³ и едва не пробила нос судна. Канонир перебежал к лестнице и остановился в нескольких шагах от старика секунданта. Он держал свой гандшпуг наготове. Пушка как будто заметила это и, не давая себе труда обернуться, стала надвигаться на канонира с быстротою опускаемого топора. Канонир, прижатый к борту, казалось, погиб. Весь экипаж испустил крик ужаса.

Но старый пассажир, стоявший до сих пор неподвижно, бросился вперед с несвойственной его возрасту быстротой. Он схватил тюк фальшивых ассигнаций и успел, рискуя сам быть раздавленным, бросить его под колеса лафета. Прodelал он этот опасный и смелый прием с ловкостью и точностью человека, хорошо освоившегося с правилами, описанными в сочинении Дюрозеля: «О морской артиллерии».

Тюк с ассигнациями послужил буфером. Часто камешек задерживает обломок скалы, ветка дерева дает иное направ-

⁴³ Форштевень – поковка или отливка по форме носа корабля, являющаяся продолжением киля.

ление снежной лавине. Пушка как бы споткнулась. Канонир, в свою очередь, воспользовавшись этим благоприятным моментом, продел свою железную полосу между спиц задних колес лафета: пушка остановилась и наклонилась. Канонир пустил в ход свою полосу в виде рычага и опрокинул лафет с орудием; тот с страшным грохотом упал вверх колесами. Канонир кинулся к пушке, весь обливаясь потом, и охватил петлей бейфута медную шею поверженного на землю чудовища.

Все было кончено. Человек вышел из борьбы победителем; муравей совладал с мастодонтом; пигмей взял в плен небесный гром.

Матросы и солдаты принялись аплодировать. Затем весь экипаж бросился к пушке с канатами и цепями, и через минуту она была прикреплена к месту.

– Милостивый государь, – сказал канонир, кланяясь старому пассажиру, – вы спасли мне жизнь.

Старик ничего не ответил и снова принял свой прежний равнодушный вид.

VI. Две чаши весов

Человек победил, но и пушка тоже сделала свое дело. Немедленного крушения избежали, но корвет не был спасен: судно получило такие повреждения, что вряд ли смогло бы долго удержаться на воде. В бортах было пять пробоин, в том

числе одна очень большая в носовой части; двадцать орудий из тридцати были сорваны со своих лафетов. Схваченное после стольких усилий и опять посаженное на цепь, орудие было негодно к употреблению: подъемный винт был сломан и, таким образом, наводка орудия стала невозможной. На все судно оставалось только девять орудий, годных для дела. В трюм просачивалась вода; пришлось немедленно пустить в дело все насосы, чтобы избежать затопления. Междупалубное пространство теперь, когда можно было заглянуть в него, представляло собою ужасный вид; вряд ли большую картину разрушения могла бы представлять собою внутренность клетки взбесившегося слона.

Как ни важно было для корвета пройти вдоль берега незамеченным, но в данную минуту перед ним стояла еще более настоятельная задача – позаботиться о своем спасении. Пришлось осветить палубу несколькими фонарями.

Все время, пока продолжалась эта ужасная борьба экипажа с пушкой, первый, для которого вопрос шел о жизни и смерти, совсем не интересовался тем, что происходило вокруг, на море. Между тем туман сгустился, погода изменилась к худшему, ветер свободно играл кораблем. Оказалось, что корвет сбился с курса и очутился гораздо ближе к Джерсею и Гернсею, и гораздо южнее, чем следовало; судно очутилось в незнакомом фарватере. Громадные волны хлестали в раскрытые раны корвета, – опасные лобзания. На море началась мертвая зыбь, ветер крепчал, можно было ожидать

шквала или даже бури. Ничего не было видно в десяти шагах.

Между тем как матросы старались исправить на скорую руку опустошения, произведенные на нижней палубе, затыкали пробоины и устанавливали на места орудия, не поврежденные во время предшествовавшей сцены, старый пассажир снова поднялся на верхнюю палубу и прислонился к мачте.

Во время предыдущей суматохи он не обратил внимания на маневр, произведенный тем временем на корабле: шева-лье Лавьевилль приказал выстроить по обеим сторонам грот-мачты солдат морской пехоты, и по свистку боцмана дежурные матросы рассыпались по реям.

Граф Буабертло направился к пассажиру. Позади него шел человек с растерянным видом, весь запыхавшийся, в разорванной одежде. То был канонир, только что выказавший столько мужества и самоотверженности при обуздании чугунного чудовища и добившийся под конец успеха в своем рискованном предприятии.

Граф отдал старику честь по-военному и сказал: «Господин генерал, вот этот человек». Канонир стоял, вытянувшись в струнку и опустив глаза в землю.

– Господин генерал, – продолжал граф Буабертло, – не полагаете ли вы, что в виду того, что сделал этот человек, его начальству тоже следовало бы что-нибудь сделать для него?

– Да, я это полагаю, – ответил старик.

– Так не угодно ли вам будет распорядиться? – продолжал Буабертло.

– Не мне распоряжаться, а вам: ведь вы здесь капитан.

– Да, но вы – наш генерал, – ответил Буабертло.

– Подойди ближе, – произнес старик, взглянув на канонира. Тот сделал шаг вперед.

Старик повернулся к графу Буабертло, снял у него с мундира орден Святого Людовика и прицепил его к куртке канонира. «Ура» раздалось в рядах матросов; а солдаты морской пехоты отсалютовали ружьями.

– А теперь расстрелять этого человека! – проговорил старик пассажир, указывая пальцем на канонира.

Крики восторга мгновенно замерли и сменились гробовым молчанием. Среди этой тишины раздался спокойный, размеренный голос старика:

– Небрежность этого матроса подвергла опасности все судно; да и теперь еще опасность не миновала, и корабль, быть может, ждет погибель. Быть в открытом море, это то же, что стоять лицом к лицу с врагом; военный корабль во время плавания, это то же, что армия во время сражения. Буря может на время спрятаться, но все же она постоянно подкарауливает корабль. Море – не что иное, как засада. За всякую ошибку в виду неприятеля полагается смертная казнь. Поправимых ошибок не бывает. Мужество требует награды, а упущение – наказания.

Старик ронял эти слова, одно за другим, медленным, се-

рзным тоном, в котором звучала неумолимость; они производили впечатление размеренных ударов секиры по стволу дуба.

Наконец старик, взглянув на солдат, проговорил: «Исполнить мое приказание!»

Осужденный, на куртке которого светло блестел крест Святого Людовика, поник головой.

По знаку графа Буабертло, два матроса спустились вниз и возвратились через минуту, неся койку-саван. За матросами шел священник корвета, с самого отплытия судна не перестававший молиться в офицерской каюте. Сержант отсчитал из ряда построенных солдат двенадцать человек, которых он выстроил в два ряда, по шесть в каждом. Канонир, не произнеся ни слова, стал между двумя шеренгами. Священник, со Святым распятием в руках, вышел вперед и встал возле него. «Марш!» – скомандовал сержант. Взвод тихим шагом направился к носу судна; оба матроса, неся саван, следовали за ним.

На корвете водворилось мертвое молчание. Вдали гудел ураган. Прошло несколько секунд. В ночной темноте раздался залп, блеснула молния, затем все смолкло, и только слышался всплеск трупы, сброшенного в море.

Старик пассажир стоял, прислонившись к грот-мачте. Он скрестил руки на груди и о чем-то думал, а Буабертло, показывая на него указательным пальцем правой руки, говорил вполголоса Лавьевиллю:

– Теперь у Вандеи есть голова.

VII. Плавание по морю – та же лотерея

Но что будет с корветом?

Тучи, которые уже в течение всей ночи сливались с волнами, в конце концов, опустились так низко, что горизонт пропал, и все безбрежное море как бы покрылось саваном. Куда ни взглянешь – везде один туман! Положение во всяком случае опасное, даже для неповрежденного судна!

А тут и темнота и буря! Экипаж корвета сделал все, что было в его силах. Он облегчил корвет, сбросив в море все, что можно было выбросить после опустошения, произведенного сорвавшейся с цепи пушкой, – сорванные пушки, сломанные лафеты, погнутые или развинченные тамберсы, сломанные куски железа или дерева; открыты были борта и спущены были в море на досках трупы и останки человеческих тел, обернутые в брезент.

В море с каждой минутой становилось все труднее держаться. Не то, чтобы разразилась буря; напротив, ураган как будто начинал стихать и вихрь унесся на север; но валы не уменьшались, а корвет, с полученными им повреждениями, не в состоянии был перенести сильную качку, и каждый новый вал мог стать для него последним.

Лоцман Гакуаль задумчиво стоял у руля. Но привычные к морю люди не так-то легко теряют бодрость духа. Лавье-

вилль принадлежал к числу тех людей, которые сохраняют чувство юмора даже в несчастьи. Он обратился к Гакуалу.

– Ну что, лоцман, – проговорил он, – ураган, кажется, устал. Он собирался чихнуть, да ничего не вышло. Мы как-нибудь вывернемся из беды. Будет только свежий ветер – вот и все.

– А свежий ветер вызовет волнение, – серьезно ответил Гакуаль.

Истинный моряк никогда не бывает ни весел ни печален. Но в этом ответе Гакуалья опытное ухо различило бы нотку беспокойства. Для судна, давшего течь, беспокойное море предвещает почти верную гибель. Гакуаль подчеркнул свое предсказание, сморщив брови. Быть может, он находил веселый и легкомысленный тон Лавьевилля несколько неуместным в виду недавней катастрофы с пушкой и с канониром. В открытом море некоторые события приносят несчастье; морская пучина полна тайн, и никогда заранее не знаешь, что она замышляет. Ее необходимо остерегаться.

– Где мы, лоцман? – спросил Лавьевилль, снова становясь серьезным.

– Мы в руках Божьих, – ответил лоцман.

Лоцман – настоящий хозяин судна; не нужно никогда мешать ему делать свое дело, а иногда ему нужно и дать высказаться. Впрочем, люди этого сорта обычно не разговорчивы. Лавьевилль отошел от него.

На предложенный им лоцману вопрос взялся ответить

небосклон. Туман, носившийся над волнами, вдруг рассеялся, и всюду, куда только доставал глаз, видны были в полумраке высоко вздымавшиеся волны. Небо представляло собой какую-то крышку из облаков, но облака эти уже не сползали на море. На востоке показался белесоватый свет – предвестник наступающего дня, на западе виден был бледный свет заходящей луны. Оба этих света на противоположных концах небосклона представлялись в виде узких светлых лент, отделявших черное небо от не менее черного моря.

На обеих этих полосах вырисовывались прямые, неподвижные, темные силуэты. На западе, на светлой полосе, образуемой луной, виднелись три высоких утеса, похожие на кельтские дольмены⁴⁴. На востоке, на бледном утреннем горизонте, можно было различить выстроенные в ряд паруса. Утесы были – рифом, восемь парусов – французской эскадрой.

Позади судна находился пользовавшийся среди моряков очень дурной репутацией утес Ле-Менкье, впереди его французский флот. На западе – крушение, на востоке – значительно превосходящий силами неприятель; и там и здесь – гибель. Для борьбы с рифом у корвета был пробитый корпус,

⁴⁴ Дольмены – один из видов мегалитических памятников, погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железного века в виде огромного размера каменных глыб и плит, поставленных вертикально (или положенных друг на друга) и покрытых сверху массивной плитой. Встречаются в приморских областях Европы, Северной Африки и Азии.

поврежденный такелаж⁴⁵, расшатавшиеся мачты; для борьбы с неприятельскими судами у него было только девять орудий из тридцати, к тому же лучшие его канониры погибли.

Утро только что начинало брезжить, и было еще довольно темно; можно было рассчитывать на то, что еще не скоро совсем рассветет, благодаря тяжелым тучам, покрывавшим небосклон и нависшим над морем, точно свод. Но ветер, рассеивая низкие тучи, в то же время относил корвет к утесу. Судно, полуразбитое и сильно поврежденное, почти уже не слушалось руля, оно скорее катилось на волнах, чем само шло, беспомощно отдаваясь на произвол волн.

Опасный утес Ле-Менкье был в те времена еще страшнее, чем теперь, когда часть его снесена непрерывной могучей работой волн. Известно, что и утесы могут менять свою форму; каждый прилив, это – тот же надрез, проводимый вечной пилой. В те времена приблизиться к Ле-Менкье – значило погибнуть.

Что касается французских кораблей, то это была та самая канкальская эскадра, которая впоследствии приобрела громкую известность под начальством капитана Дюшена, которого Леквинию⁴⁶ назвал «Отец Дюшен».

⁴⁵ Такелаж – все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и для управления им и парусами.

⁴⁶ Леквинию Жозеф Мари (1740–1813) – французский политический деятель, член Законодательного собрания и Конвента. В качестве комиссара Конвента проявил чрезвычайную жестокость в Вандее. Арестован после 9 термидора, но освобожден по амнистии. Впоследствии занимал скромную дипломатическую

Положение было в высшей степени критическое. Во время борьбы с сорвавшейся пушкой корвет, незаметно для себя самого, сбился с курса и шел теперь скорее по направлению к Гренвиллю, чем к Сен-Мало. Если бы даже причиненные ему повреждения не препятствовали ему свободно маневрировать и действовать парусами, то все равно утес Ле-Менкье помешал бы ему вернуться в Джерсей, между тем как эскадра мешала ему пристать к французскому берегу.

Однако буря утихла, но, как верно предсказал лоцман, установилась мертвая зыбь; взбудораженные волны не могли так быстро успокоиться. Море никогда не говорит сразу, чего оно желает. Морская пучина имеет свойство дразнить. Можно бы даже сказать, что море действует с известным расчетом; оно наступает и отодвигается; оно предлагает и снова отказывается; оно готовит шквал и затем точно раздумывает; оно грозит бездной, но не бросает в нее; оно обставляет судно опасностями и с севера и с юга. В течение всей ночи корвету «Клэймор» приходилось бороться с туманом и страшиться шквала; море обмануло его ожидания, но самым ехидным образом: оно пугало бурей, но привело судно к рифу. Все же – впереди неизбежное кораблекрушение, хотя и в иной форме. А тут еще к гибели на бурунах присоединялась гибель в бою. Один враг как бы дополнял другого.

– Здесь – крушение, там – сражение! – воскликнул Лавьевилль, смеясь. – Нечего сказать, нам везет!

VIII. 9 = 380

Итак, корвет был наполовину разбит. В белесоватом свете зарождающегося дня, в сердитом плеске волн, во мраке туч, в неопределенных очертаниях горизонта было что-то зловеще-торжественное. Все кругом молчало и только ветер неистово завывал. Катастрофа торжественно поднималась из морской пучины; она была похожа, скорее, на призрак, чем на действительное нападение. Все было неподвижно среди скал, никто не шевелился на судах эскадры. Стояло какое-то колоссальное безмолвие. Да полно, было ли все это действительностью? Точно какое-то сновидение пронеслось над морем. В легендах встречаются такие видения. Корвет находился как бы посредине между демоном-рифом и флотом-привидением.

Граф Буабертло отдал вполголоса какое-то приказание Лавьевиллю, который выслушал и спустился в батарею. Потом граф взял свою подзорную трубу и встал на корму возле лоцмана. Все усилия Гакуаля были направлены к тому, чтобы держать судно против волн, потому что, если бы его подхватили сбоку волны и ветер, оно бы неминуемо опрокинулось.

- Где мы теперь находимся, лоцман? – спросил капитан.
- Возле Ле-Менкье.
- С хорошей стороны или с дурной?

– С дурной.

– А какво дно? Можно ли стать на шпринг⁴⁷?

– Дно скалистое. Словом, все шансы к тому, чтобы погибнуть, – ответил лоцман.

Капитан направил свою подзорную трубу на Ле-Менкье и стал рассматривать утес; затем он повернул ее на восток и начал считать паруса.

– Да, это Ле-Менкье, – продолжал лоцман, как бы говоря сам с собою. – На этом утесе любят отдыхать чайки, по пути из Голландии, а также морские орлы или рыболовы.

Капитан тем временем сосчитал паруса. Действительно, оказалось восемь правильно расставленных военных кораблей, силуэты которых вырисовывались в дали. Посредине можно было различить крупное трехпалубное судно.

– Знакомы ли вам эти паруса? – спросил капитан у лоцмана.

– Без сомнения, – ответил Гакуаль. – Это эскадра.

– Какая? Французская?

– Дьявольская.

Наступила пауза. Наконец капитан продолжал:

– И что же, по вашему мнению, тут вся эскадра?

– Нет, не вся.

Действительно, 2 апреля Валазе донес конвенту, что в Ла-Маншском канале крейсируют шесть линейных кораблей и десять фрегатов. Теперь капитан вспомнил об этом.

⁴⁷ Шпринг – постановка судна на кормовой и носовой якоря одновременно.

– Да, да, – сказал он, – эскадра состоит из шестнадцати судов, а тут их всего восемь.

– Остальные, – проговорил Гакуаль, – рассеялись вдоль всего берега и подстерегают.

Капитан, продолжая смотреть в подзорную трубу, бормотал сквозь зубы:

– Один трехпалубный корабль, два фрегата первого ранга, пять второго ранга.

– Но и я с своей стороны следил за ними, – продолжал Гакуаль.

– Славные корабли! – произнес капитан. – Мне случалось командовать такими.

– А я, – проговорил Гакуаль, – видел их вблизи. Все они ясно врезались мне в память, и я уж не перепутаю одно с другим.

– Лоцман, – сказал капитан, передавая Гакуалу свою подзорную трубу, – можете ли вы различить, что вот это за линейный корабль?

– Могу, господин капитан: это «Кот д'Ор».

– Ага, значит они его перекрестили. Прежде он назывался «Бургундские Штаты». Совсем новенькое судно. Сто двадцать восемь орудий.

Он вынул из кармана записную книжечку и карандаш и записал в книжечке цифру 128. Затем он продолжал:

– А это что за судно, первое слева от корабля?

– Это фрегат «Опытный».

– Фрегат первого ранга. Пятьдесят два орудия. Два месяца тому назад он стоял в Бресте.

Отметив в своей записной книжке цифру 52, капитан спросил:

– А второе судно слева от корабля, как его название?

– «Дриада».

– Тоже фрегат первого ранга. Сорок 18-фунтовых орудий. Он плавал в Индию. Имеет славное морское прошлое.

Записав под цифрой 52 цифру 40, он снова поднял голову и спросил:

– А справа от корабля?

– Господин капитан, это все фрегаты второго ранга. Их всего пять.

– Как называется первый от корабля?

– «Решительный».

– Тридцать два 18-фунтовых орудия. А второй?

– «Ришмон».

– Такое же вооружение. Дальше?

– «Безбожник»⁴⁸.

– Довольно странное название для судна. Дальше?

– Дальше – «Калипсо», «Хвататель».

– Итого пять фрегатов, вооруженных каждый 32 орудиями, – и капитан проставил под написанными ранее цифрами 160.

– Вы, однако, отлично узнаете их, лоцман, – проговорил

⁴⁸ См.: «Морской архив». Состояние флота на март 1793 г.

Буабертло.

– А вы, капитан, их отлично знаете, – ответил Гакуаль. – Узнавать недурно, но знать еще лучше.

Капитан, глядя в свою записную книжку, стал считать сквозь зубы:

– Сто двадцать восемь, пятьдесят два, сорок, сто шестьдесят...

В эту минуту Лавьевильль снова показался на палубе.

– Шевалье, – крикнул ему капитан, – знаете ли, что мы имеем перед собою триста восемьдесят орудий?

– И прекрасно, – ответил Лавьевильль.

– А вы только что были на батарее, Лавьевильль. Скажите, наконец, сколько у нас годных в дело орудий?

– Только девять.

– Так! – проговорил, в свою очередь, Буабертло. Он снова взял из рук лоцмана подзорную трубу и стал смотреть вдаль. Восемь видневшихся на горизонте судов стояли в полной тишине. Они казались неподвижными, но между тем с каждой минутой увеличивались. Корвет незаметно приближался к ним.

– Капитан, – сказал Лавьевильль, прикладывая руку к головному убору, – имею честь представить рапорт. Я всегда относился недоверчиво к этому «Клэймору». Нет ничего неприятнее, как быть неожиданно посаженным на судно, которое вас не знает или вас не любит. Английский корабль не может быть другом француза. Сорвавшаяся проклятая пуш-

ка доказала это как нельзя лучше. Я тщательно осмотрел все помещение. Якоря надежны; железо хорошее, без раковин, и к тому же кованое; кольца прочны; канаты превосходны, легко разматываются, достаточной длины, а именно в 120 сажен. Артиллерийских припасов достаточно. Шесть канониров убито. Сто семьдесят один выстрел на пушку.

– Разумеется, раз осталось только девять орудий, – проговорил вполголоса Буабертло и снова направил свою подзорную трубу на горизонт.

Эскадра продолжала медленно приближаться.

Морские орудия имеют то преимущество, что при них достаточно трех человек прислуги; но зато у них тот недостаток, что они стреляют не так далеко и не так метко, как полевые и крепостные пушки. Предстояло, следовательно, подойти к эскадре на довольно близкое расстояние.

Капитан стал вполголоса отдавать приказания. На корвете водворилось мертвое молчание. Не слышно было сигнала тревоги, но все сопряженные с ним маневры исполнялись в точности. Корвет так же мало был способен бороться с людьми, как и с морскими волнами. Однако экипаж старался извлечь все возможное из этих остатков военного судна. На шкафуте⁴⁹, возле бейфутов, навалили все, что было в за-

⁴⁹ Шкафут – на парусных судах широкие доски, лежащие по бортам корабля вровень с баком и квартердеком, соединявшие их и служившие для перехода с одного на другой.

пасе по части кабельтово⁵⁰ и перлиней⁵¹, с тем чтобы укрепить в случае необходимости мачты. Перевязочный пункт был приведен в порядок. Согласно установившейся практике, по бортам развесили койки, что, конечно, могло служить некоторой защитой от пуль, но не против ядер. Принесли калибры для пуль, хотя и было уже несколько поздно проверять размеры последних; но дело в том, что никто не ожидал такой скорой встречи с неприятелем. Каждому матросу роздано было по лядунке, по паре пистолетов и по кинжалу. Койки были сложены, пушки наведены, ружья заряжены, топоры и дреки уложены по местам, крюйт-камера⁵² с порохом и зарядами открыта. Каждый встал на свое место по расписанию – и все это совершалось молча, словно в комнате умирающего. Все делалось быстро, но мрачно.

Потом корвет поставили на шпринг. Он имел шесть якорей, как у фрегата. Были спущены все шестеро: становой⁵³ с носа, верп⁵⁴ – с кормы, большой якорь – со стороны открытого моря, второй верп – со стороны бурунов, дагликс⁵⁵ – с левого борта, а запасной якорь – с правого. Девять уцелевших орудий были направлены все в одну сторону, дулами к

⁵⁰ Кабельтов – мера длины – 185,2 м (0,1 морской мили); толстый трос.

⁵¹ Перлинь – трос толщиной от 4 до 6 дюймов.

⁵² Крюйт-камера – помещение на корабле для хранения взрывчатых веществ.

⁵³ Становой якорь – якорь, на который судно обычно становится.

⁵⁴ Верп – судовой якорь меньшего веса, чем становой.

⁵⁵ Дагликс – левый становой якорь.

неприятельской эскадре.

Последняя, в точно таком же безмолвии, со своей стороны сделала все приготовления к бою. Все восемь ее судов образовали теперь дугу, хорду которой представлял собою риф Ле-Менкье. «Клэймор», очутившись в этом полукруге и удерживаемый к тому же якорями, так сказать, прислонился к рифу, то есть к своей гибели. Это относительное положение судов очень напоминало собой свору собак, окруживших кабана, не испускающего ни звука и только скалящего зубы.

Обе стороны выжидали. Канониры «Клэймора» стояли возле своих орудий.

– А знаете ли, я бы предпочел сам открыть огонь, – сказал Буабертло Лавьевиллю.

– Отчего же и не позволить себе это маленькое кокетство? – ответил тот.

IX. Кого-то спасают

Старик пассажир тем временем, оставаясь на палубе, смотрел на все бесстрастным взором.

– Сударь, – сказал Буабертло, приближаясь к нему, – все приготовления окончены. Мы теперь крепко привязаны к нашей могиле. Мы не сдвинемся с места. Во всяком случае мы станем добычей или эскадры, или рифа. У нас нет иного выбора: или сдаться неприятелю, или погибнуть в бурунах.

Я полагаю, что нам следует умереть; лучше погибнуть в бою, чем от кораблекрушения. Я, по крайней мере, предпочитаю быть застреленным, чем утонуть; я предпочитаю огонь воде. Но умирать – это наша обязанность, а ни в каком случае не ваша. Вы – доверенное лицо принцев, на вас возложено важное поручение, вы должны руководить восстанием в Вандее. Если вас не станет – дело монархии, быть может, будет проиграно; вы не имеете права умирать. Наш долг предписывает нам оставаться здесь, ваш долг обязывает вас покинуть судно. Итак, генерал, не угодно ли вам тотчас же оставить корвет? Я сейчас предоставлю в ваше распоряжение лодку и гребца. Добраться до берега в легкой шлюпке мне представляется вполне возможным. Еще достаточно темно, волны высоки, на море туман, поэтому весьма вероятно, что вас не заметят. Бывают такие случаи, когда бегство равносильно победе.

Старик, сохраняя свой строгий вид, утвердительно кивнул головой.

– Солдаты и матросы! – крикнул затем граф Буабертло, возвысив голос.

Работа разом прекратилась, и со всех концов судна лица обернулись в сторону капитана.

– Вот этот человек, – продолжал Буабертло, указывая на старика, – является представителем короля. Он нам поручен, мы должны его непременно сберечь. Он необходим для трона Франции; за неимением принца, он – мы, по крайней мере,

ре, на то надеемся – станет вождем вандейцев. Это – великий полководец. Он должен был пристать к берегу Франции с нами, – он пристанет к нему без нас. Спасти голову – это значит спасти все!

– Верно! Верно! – в один голос закричал весь экипаж.

– И ему также, – продолжал капитан, – предстоят весьма серьезные опасности. Добраться до берега – дело нелегкое. Шлюпка должна быть достаточно велика, чтобы пуститься в открытое море, и настолько мала, чтобы ее не заметил враг. Необходимо добраться до какого-нибудь пункта на материке, чтобы там было достаточно безопасно, и притом скорее по направлению к Фужеру, чем к Кутансу. Тут требуется опытный матрос, хороший гребец и хороший пловец, и притом такой, который был бы знаком с местностью и знал бы как свои пять пальцев все извилины берега. Пока еще достаточно темно, так что лодка может отплыть от корвета, не будучи замеченной; а затем туман, опустившись, окончательно скроет ее из вида неприятеля. Благодаря своему незначительному размеру она легко проплывет и по мелководью: там, где не пройдет барс, проскользнет ласточка. Для нас нет выхода, для шлюпки выход найдется. Лодка может ускользнуть, не будучи замечена неприятельскими кораблями; да к тому же и мы здесь тем временем постараемся отвлечь их внимание. Не так ли?

– Верно! Верно! – снова подхватил экипаж.

– Но нам нельзя терять ни единой минуты, – продолжал

капитан. – Кто охотник?

– Я, – раздался голос из рядов выстроенной команды, и один из матросов сделал шаг вперед.

Х. Удастся ли ему спастись?

Несколько минут спустя от корвета отчалила небольшая лодка, называемая гичкой⁵⁶ и служащая исключительно для разъездов командиров судов. В лодке сидело два человека: на корме – старик пассажир, доброволец-матрос – на веслах. Было еще очень темно. Матрос, согласно приказу капитана, усердно греб по направлению к Ле-Менкье. Да впрочем, никакое иное направление и не было возможно.

На дно лодки успели бросить немного припасов, – мешок сухарей, копченый язык и бочонок воды.

В ту минуту, когда гичка отчаливала от корвета, Лавьевилль, обладавший способностью шутить даже на краю бездны, перегнулся через ахтерштевень⁵⁷ и крикнул вслед отплывавшей лодке:

– Недурно для бегства, но еще лучше для потопления!

– Господин лейтенант, – строго заметил лоцман, – теперь не время шутить.

Гичка быстро удалялась, и уже вскоре между ней и корве-

⁵⁶ Гичка – легкая быстроходная шлюпка.

⁵⁷ Ахтерштевень – конструктивное оформление кормовой оконечности судна в виде продолжения киля.

том было довольно значительное пространство. Ветер и направление волн благоприятствовали гребцу, и скорлупка подвигалась быстро вперед, качаясь на волнах и скрываясь в их складках. Над морем словно нависло какое-то мрачное ожидание.

Вдруг, среди плещущего безмолвия безбрежного океана, раздался голос, который, будучи усилен рупором – этой новейшей медной маской античной трагедии – звучал чем-то сверхъестественным. То говорил капитан Буабертло.

– Матросы его величества короля! – кричал он. – Поднимите на грот-мачте белое знамя. Мы сейчас встретим нашу последнюю зарю.

– Да здравствует король! – раздалось из рядов экипажа, и с корвета раздался пушечный выстрел.

Но почти в то же мгновение на дальнем горизонте раздался другой возглас, громкий и явственный, несмотря на расстояние: «Да здравствует республика!»

И над океаном пронесся гул залпа из трехсот орудий.

Борьба началась. Море заволокло дымом, пронизываемым молниями выстрелов. Сердитые волны океана стали покрываться брызгами от падающих снарядов.

«Клэймор» отважно открыл огонь по восьми большим кораблям. В то же самое время вся эскадра, выстроившись полукругом вокруг корвета, палила из всех своих орудий. На горизонте образовалось зарево: точно огнедышащий вулкан поднялся из морской пучины. Ветер разносил пушечный

дым, повинуюсь своим капризам, и суда то появлялись, то исчезали, словно привидения. На первом плане ясно обрисовывался на красном фоне черный остов корвета, а на верхушке его грот-мачты развевался белый флаг с золотыми лилиями.

Оба пловших в лодке человека молчали. Треугольная мель Ле-Менкье, нечто вроде подводного конуса, обширнее всего острова Джерсея. Но вода покрывает почти весь конус, и только верхушка его высится над водой даже во время самого сильного прилива. От этого конуса идут к северо-востоку шесть больших утесов, выстроившихся в прямую линию, напоминая собой остатки местами обвалившейся большой стены. Проход между вершиной конуса и этими шестью утесами доступен только для самых мелкосидящих судов. Он ведет прямо в открытое море.

Матрос, вызвавшийся провести лодку, смело направил ее в этот проход; таким образом он ставил шлюпку, так сказать, под прикрытие утеса Ле-Менкье, который его защищал от выстрелов с неприятельской эскадры. Он ловко пробрался по узкому проливу, искусно избегнув справа и слева подводных камней. Вскоре между ними и эскадрой очутилась целая линия утесов. Зарево на горизонте и грохот канонады стали уменьшаться благодаря увеличивающемуся расстоянию; но из доносившихся, хотя и издали, пушечных выстрелов можно было заключить, что корвет продолжал еще держаться и что он желал выпустить все свои заряды, числом сто девяно-

сто один, до последнего.

Вскоре челн очутился в открытом море, на достаточном расстоянии от рифа, вдали от сражения, вне выстрелов. Мало-помалу цвет моря становился менее темным, просветы на небе расширялись, брызги морской пены стали белеть, на гребнях волн показались белые барашки. Наконец совсем рассвело.

Шлюпка ушла от неприятеля; но ей еще оставалось совершить самую трудную часть своей задачи. Она спаслась от картечи, но не от стихии. Эта небольшая скорлупка очутилась в открытом море, без паруса, без мачты, без палубы, без компаса, с одной только парой весел, лицом к лицу с океаном и с ураганом. Атом, отданный на произвол гигантов.

И вдруг, среди этого безбрежного и пустынного простора, матрос, сидевший на веслах, поднял свое озаренное белесоватым утренним светом лицо, пристально взглянул в глаза старику и произнес:

– Я – брат того артиллериста, которого вы приказали расстрелять.

Книга третья. Гальмало

І. Слово – это глагол

Старик медленно поднял голову.

Человеку, обратившемуся к нему с этими словами, было под тридцать лет. Лицо его загорело и обветрилось; глаза имели довольно странное выражение: в них замечался одновременно и смысленный взгляд матроса и наивный взгляд крестьянина. Он крепко сжимал в своих кулаках весла. Вид его был, в общем, кроткий и смирный. За поясом у него были заткнуты кинжал, два пистолета и четки.

– Кто вы такой? – переспросил старик.

– Я только что объявил это вам, – ответил матрос.

– Ну, так чего же вам от меня нужно?

Матрос положил весла, скрестил руки и ответил:

– Мне нужно вас убить.

– Как вам будет угодно, – спокойно ответил старик.

– Так приготовьтесь умереть! – проговорил матрос, повышая голос.

– А почему, собственно, я должен умереть? – так же спокойно спросил пассажир.

Наступило молчание. Матроса, казалось, смутил вопрос старика. Наконец он сказал:

– Ведь я уже сказал вам, что желаю вас убить.

– А я вас еще раз спрашиваю – за что? – проговорил старик.

– За то, что вы убили моего брата! – воскликнул матрос, сверкая глазами.

– Я начал с того, что спас ему жизнь, – спокойно заметил пассажир.

– Да, это верно. Сначала вы спасли ему жизнь, а потом убили его.

– Неправда, вовсе не я его убил, а его собственная вина.

Матрос в недоумении уставился на старика, но затем его брови снова насупились зловещим образом.

– Как вас зовут? – спросил старик.

– Зовут меня Гальмало; впрочем, вам совсем не обязательно знать, как меня зовут, я могу вас убить и без этого.

В это мгновение из-за туч показалось солнце. Один из лучей его упал прямо на лицо матроса и ярко осветил его мрачное лицо. Старик внимательно, не отрывая глаз, стал в него всматриваться.

Орудийная пальба все еще продолжалась, но как-то с перерывами, скачками, словно замирая. Густой дым застилал горизонт. Шлюпка, не управляемая гребцом, плыла по воле ветра и волн.

Матрос взял в правую руку один из пистолетов, бывших у него за поясом, а в другую – четки.

Старик поднялся в лодке и спросил:

– Ты веришь в Бога?

– Я верю в Отца нашего небесного, – ответил матрос и перекрестился.

– А есть ли у тебя мать?

– Есть, – ответил матрос и вторично перекрестился. Затем он промолвил: – Довольно! Я даю вам одну минуту, чтобы подготовиться к смерти, ваше сиятельство, – и он взвел курок.

– Почему ты называешь меня «ваше сиятельство»?

– Потому что вы знатный барин. Это видно.

– А у тебя есть свой барин?

– Как же, есть, да еще и знатный. Разве можно жить без барина?

– А где твой барин?

– Не знаю. Он эмигрировал. Его зовут маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, бретонский князь. Ему принадлежит поместье Сэ-Форэ. Я его, положим, никогда не видел, но все же он мой барин.

– А если бы ты его увидел, стал ли бы ты ему повиноваться?

– Еще бы! Ведь не нехристь же я какой-нибудь, чтобы не повиноваться ему. Нужно повиноваться Богу, потом королю – богу земному, а затем своему барину, который для нас тот же король. Но дело не в этом: вы убили моего брата, и теперь я должен вас убить.

– Во-первых, – возразил старик, – если я и убил твоего

брата, то я должен был это сделать.

– Этакый вздор! – мрачно проговорил матрос, сжимая в руке ручку пистолета.

– Пускай будет по-твоему, – спокойно возразил старик. – Ну, а где же священник?

– Священник? – переспросил матрос, глядя на него удивленными глазами.

– Да, священник. Ведь я же призвал к твоему брату священника. И ты должен доставить мне священника.

– Да где ж я его вам возьму, – спросил матрос. – Разве в открытом море найдешь священника?

Грохот орудий, доносившийся со все большего и большего расстояния, постепенно ослабевал.

– А у тех, кто там умирает, священник есть, – проговорил старик.

– Да, это правда, у них свой флотский священник, – согласился матрос.

– Ты желаешь погубить не только мое тело, но и душу, – продолжал старик, – а это нехорошо.

Матрос в задумчивости опустил голову.

– А губя мою душу, ты вместе с тем губишь и свою, – серьезно заметил пассажир. – Слушай, мне жаль тебя! Делай, как знаешь. Я только исполнил свой долг, когда сначала спас жизнь твоему брату, а потом отнял ее у него; я и теперь исполняю свой долг, стараясь спасти твою душу. Подумай! Это дело касается прежде всего тебя. Слышишь пушечные вы-

стрелы? Там люди погибают, страдают, там найдутся и мужья, которые больше не увидят своих жен, и отцы, которые больше не увидят своих детей, и братья, которые, подобно тебе, не увидят больше своих братьев. И кто в этом виноват? Твой брат. Ты ведь веришь в Бога, не так ли? Ну так знай, что Господь Бог скорбит в эту минуту. Он скорбит за Своего сына, христианнейшего короля Франции, такого же младенца, каким был и Иисус, и который теперь заключен в Тампльскую тюрьму; Он скорбит за оскорбляемую Церковь Свою в Бретани, Он скорбит за оскверненные и поруганные храмы Свои, за разорванные Евангелия, за умерщвленных служителей Своих. С какою целью мы приплыли сюда на этом погибающем судне? А для того, чтобы оказать содействие делу Божьему. Если бы твой брат был усердный слуга, если бы он добросовестно исполнял свой долг, пушку бы не сорвало, корвет не был бы разбит, он не сбился бы с пути, не натолкнулся бы на неприятельский флот, и мы бы в эту самую минуту высаживались на берег Франции целые и невредимые, бодрыми и мужественными воинами и моряками, с мечом в руке, с развевающимся над нашими головами белым знаменем, многочисленные, довольные, веселые, и мы бы помогли верным бретонским крестьянам спасти короля, и сослужить службу Богу. Вот для чего мы ехали сюда, вот что бы мы сделали, вот что я, один из всех уцелевший, намерен сделать. А ты желаешь помешать мне в этом. В этой борьбе нечестивцев против служителей Божиих, в этой борьбе царубийц против

монарха, в этой борьбе сатаны против Бога ты становишься на сторону сатаны. Брат твой оказался невольным союзником дьявола, ты же будешь явным. Ты становишься на сторону цареубийц и против престола, на сторону нечестивцев и против Церкви. Ты отнимаешь у Бога последнее Его средство. Когда не станет меня, представителя короля, селения будут продолжать гореть, население – страдать, священники – проливать слезы, король – томиться в тюрьме, а Иисус Христос – скорбеть о правом деле. И кто будет виновником всего этого? Ты. Ну, что ж, делай свое богопротивное дело. Я, по правде сказать, ожидал от тебя совсем иного; но я ошибся. Действительно, я убил твоего брата. Он оказался мужественным – я его наградил; он оказался виновным – я его наказал; он не исполнил своего долга, но я свой исполнил, и я в случае необходимости опять повторю все то, что сделал; и клянусь пресвятою Анною Орейской, смотрящей на нас с небес, я в подобном случае точно так же расстрелял бы своего сына, как расстрелял твоего брата. А теперь ты – господин своих действий; но я глубоко сожалею о тебе. Ты солгал своему капитану. Ты, христианин, нарушил свой обет; ты, бретонец, не сдержал своей клятвы; меня поручили твоей честности, и вместо нее я встречаю измену; ты желаешь превратить в холодный труп того, кому ты обещался спасти жизнь. Знаешь ли ты, кого ты здесь губишь? Себя самого. Ты отнимаешь мою жизнь у короля и отдаешь свою душу дьяволу. Ну, что ж, совершай свое преступление! Прекрасно! Ты добровольно

меняешь райское блаженство на адские мучения. Благодаря тебе дьявол победит, благодаря тебе церкви будут разрушены и нехристи будут продолжать лить из колоколов пушки; благодаря тебе людей будут убивать тем, что предназначено для спасения души. В эту самую минуту колокол, гудевший на твоих крестинах, быть может, убивает твою мать. Что ж, помогай дьяволу, не робей! Да, я осудил на смерть твоего брата, но знай, что я – орудие Бога. А ты берешься изменить волю Господню! Ты, пожалуй, вздумаешь осудить и молнию небесную. Несчастный, не тебе ее судить, а ей тебя! Подумай о том, что ты собираешься сделать. Знаешь ли ты, что на мне лежит благодать Господня, Божие посвящение? Не знаешь? Ну продолжай же, продолжай! Исполни то, что ты замыслил. Ты волен низвергнуть меня в ад и низвергнуться туда сам вместе со мной. Вечная погибель и моя и твоя в твоих руках; но отвечать пред Богом будешь ты. Мы с тобой стоим с глазу на глаз над бездной. Продолжай, заканчивай! Я стар, ты молод; я безоружен, ты вооружен. Ну, убивай же меня!

Пока старик, стоя в лодке, произносил эти слова голосом, заглушавшим шум моря, прорывавшиеся сквозь тучи лучи солнца на мгновения окружали его голову словно сиянием. Матрос страшно побледнел; пот крупными каплями выступал у него на лбу; он дрожал, как осиновый лист; время от времени он прикладывался губами к своим четкам. Когда старик замолчал, он бросил свой пистолет, упал на колени и воскликнул:

– Простите, сударь, простите меня! Устами вашими говорит Сам Господь Бог. Я неправ, да и брат мой был неправ. Я сделаю все, что только можно, чтобы загладить свое преступление. Располагайте мной! Приказывайте – я буду повиноваться!

– Я прощаю тебя, – проговорил старик.

II. Крестьянская память стоит искусства полководца

Съестные припасы, положенные в лодку, оказались весьма кстати. Оба беглеца пробыли целых 36 часов в море, прежде чем достигли берега. Они провели в море и всю следующую ночь; к счастью, погода оказалась хорошей, и только луна светила ярче, чем это было бы желательно для людей, уходящих от преследования. Им пришлось сначала удалиться от французского берега и выйти в открытое море, в сторону Джерсея. Они услышали последние залпы погибавшего корвета, раздававшиеся как предсмертное рычание льва, убиваемого охотниками. Затем над морской поверхностью водворилось мертвое молчание. Корвет «Клэймор» умер той же смертью, что и фрегат «Мститель», но той же славы не обрел. Героями не могут быть те, кто вступает в бой против своей родины.

Гальмало оказался искусным моряком. Он проявил чудака ловкости и находчивости; это вынужденное плавание

между рифами, волнами и неприятельской эскадрой было поистине образцовым. Впрочем, ветер мало-помалу стих и море успокоилось. Гальмало проскользнул мимо утесов Менкье, обогнул Бычий Брод, выбрал место с тихим течением, чтобы несколько часов отдохнуть, и затем, спустившись к югу, ухитрился проплыть между Гранвилем и Шозейскими островами, не будучи замеченным ни с Шозейского ни с Гранвильского маяков. Он вошел затем в Сен-Мишельскую бухту, что было довольно смело ввиду соседства Канкаля – места стоянки французской эскадры.

К вечеру второго дня, приблизительно за час до солнечного захода, он, оставив позади себя гору Сен-Мишель, пристал к берегу в одном почти всегда пустынном месте; пустынно оно было потому, что было очень опасно: здесь нетрудно было завязнуть в песке. К счастью, в то время был прилив. Гальмало, разогнав шлюпку, причалил как можно ближе к берегу, ощупал песок, нашел его достаточно твердым, посадил на него лодку и выпрыгнул на берег. Старик вслед за ним вышел из лодки и стал смотреть на горизонт.

– Ваше сиятельство, – сказал Гальмало, – это – устье речки Куенон. Вон там, с правой стороны, Вовуар, а с левой – Гюин; а эта колокольня, что прямо перед нами, – Ардевон.

Старик нагнулся к лодке, вынул из нее сухарь, сунул его себе в карман и сказал Гальмало:

– Остальное возьми себе!

Гальмало положил в свою котомку остатки говядины и су-

харей и взвалил ее себе на плечи. Затем он спросил:

– Ваше сиятельство, как вы прикажете: идти впереди вас или за вами?

– Ни то ни другое, – ответил старик.

Гальмало взглянул на него с удивлением. Старик продолжал:

– Нам следует расстаться, Гальмало. Оставаться вдвоем – ни к чему. Если не можешь возглавить хотя бы одну тысячу, то лучше всего быть одному.

Тут он вынул из кармана бант из зеленой шелковой материи, похожий на кокарду, посередине которой была вышита золотая лилия, и спросил:

– Ты умеешь читать?

– Нет, не умею, ваше сиятельство.

– Тем лучше. Человек, умеющий читать, часто бывает неудобен. А хорошая у тебя память?

– Да, кажется.

– Отлично! Ну, так слушай же, Гальмало. Ты пойдешь сейчас направо, а я – налево. Я направлюсь к Фужеру, ты – к Базужу. Котомку свою оставь при себе – это придаст тебе вид крестьянина; а оружие свое спрячь. Выдерни себе из изгороди палку и постарайся проползти незамеченным вон через то ржаное поле; затем ты проберешься мимо забора, перелезешь через изгородь и пойдешь полем. Старайся избегать прохожих и не ходи большими дорогами и через мосты. Не входи также в Понторсон. Ах, да! – тебе придется перебраться-

ся через реку Куенон! Как ты это сделаешь?

– Я ее переплыву.

– Хорошо! Да, впрочем, на ней есть и брод. Тебе он незнаком?

– Как же! Между Ансеем и Вьевиеллем.

– Отлично! Сейчас видно, что ты местный уроженец.

– Но уже приближается ночь. Где вы ее проведете, ваше сиятельство?

– Это уже мое дело. А ты где переночуешь?

– По дороге встретятся ямы от выбранного мха. Прежде чем стать матросом, я был крестьянином.

– Брось свою матросскую шапку: она может выдать тебя. Авось, где-нибудь найдешь какой-нибудь картуз.

– О, крестьянскую шапку нетрудно найти! Первый же встречный рыбак продаст мне свою.

– Хорошо! Теперь слушай. Тебе хорошо знакомы леса этой местности?

– Я знаю каждый лесок от Нуармутье и до Лавая.

– Ты и названия их знаешь?

– Мне известны и леса и их названия, – мне все известно.

– Хорошо! Теперь слушай внимательно, что я скажу тебе, и постарайся хорошенько удержать это в своей памяти. Сколько миль ты можешь пройти в день?

– Десять, пятнадцать, восемнадцать. Если понадобится, – и все двадцать.

– Да, пожалуй, понадобится. Слушай же внимательно. Не

пророни ни единого слова из того, что я скажу тебе. Ты отправишься к Сент-Обенскому лесу, возле Ламбалля. На краю оврага, который тянется между Сен-Риэлем и Пледелиаком, ты увидишь большое каштановое дерево. Там ты остановишься. Ты никого не увидишь...

– Но это не значит, что там никого не будет. Понимаю.

– Ты подашь сигнал. Знаешь ли, какой нужно подать сигнал?

Гальмало надул щеки, повернулся лицом к морю и закричал по-совиному. Крик этот раздался точно из ночной тьмы; сходство было поразительное.

– Хорошо, – проговорил старик, – я вижу, что ты молодец. Вот, – продолжал он, подавая Гальмало свою зеленую шелковую кокарду, – условный знак. Возьми его. Необходимо, чтобы пока никто не знал моего имени. Но этой кокарды достаточно. Эта лилия вышита ее высочеством, сестрой короля, в Тампльской тюрьме.

Гальмало преклонил одно колено, принял со священным трепетом во всем теле кокарду с лилией из рук старика и уже поднес, было, ее к своим губам, потом, как бы сам испугавшись своей дерзости, он спросил робким голосом:

– Смею ли я приложиться к ней?

– Да, ибо ты целуешь то же распятие.

Гальмало поцеловал вышитую лилию, а старик произнес:

– Теперь встань.

Гальмало поднялся с земли и бережно спрятал кокарду за

пазуху.

– Ну, так слушай же хорошо, – продолжал старик. – Вот пароль: «К оружию! Не давать пощады!» Итак, на опушке Сент-Обенского леса ты трижды прокричишь этот пароль. При третьем возгласе ты увидишь человека, выходящего как бы из-под земли.

– Из ямы под одним из деревьев, – знаю.

– Человек этот – Плашпено; у него есть еще прозвище – «Королевское Сердце». Ты покажешь ему эту кокарду: он поймет. Затем ты отправишься, какими уж сам знаешь дорогами, к Астильескому лесу. Там ты встретишь кривоногого человека, не дающего никому пощады. Его прозвище Мускетон. Ты скажешь ему, что я ему кланяюсь и чтобы он поднял свои приходы. Затем ты отправишься к Кубонскому лесу, в одной миле от Плоэрмеля. Ты крикнешь по-совиному; из углубления выйдет человек: то будет господин Тюо, плоэрмельский сенешал, бывший членом так называемого учредительного собрания, но стоявший в нем за законность. Ты скажешь ему, чтобы он вооружил Кубонский замок, принадлежащий эмигрировавшему маркизу де Геру. Ты найдешь там рвы, перелески, неровную почву, – вообще очень удобную местность. Господин Тюо – человек прямой и умный. Дальше ты отправишься в Сен-Гюэн-Летуа и разыщешь там Жана Шуана⁵⁸, которого я считаю настоящим предводителем. По-

⁵⁸ Шуан – прозвище Жана Коттеро (1757–1794) – предводитель шуанов, от него получивших свое название. Сапожник и контрабандист, 15 августа 1792 г. встал

сле этого ты пойдешь в Вилль-Англозский лес, увидишь там Гиттера, по прозванию Сен-Мартен, и скажешь ему, чтобы он тщательно наблюдал за неким Курменилем, зятем старика Гупиля де Префельна⁵⁹, предводительствующим аржантонскими якобинцами⁶⁰. Хорошо запомни все, что я тебе говорю. Я ничего не излагаю письменно: так оно будет вернее. Ла Руари слишком много писал и этим погубил все дело. Затем ты отправишься в лес возле Ружфэ, где ты найдешь Мьелетта, перепрыгивающего через рвы с помощью длинного шеста. Умеешь ли ты пользоваться таким шестом?

– Еще бы! На то я и бретонец и крестьянин! Мы постоянно пользуемся такими шестами. Они увеличивают наши руки и удлиняют наши ноги.

– Другими словами, они приближают неприятеля и сокращают путь. Хороший снаряд.

– Один раз мне пришлось отбиваться при помощи такого шеста от трех соляных приставов, вооруженных саблями. Тому прошло уже десять лет.

– Значит, это было еще при короле?

во главе восстания, организовавшегося в защиту короля. Поддерживал связь с восставшими в Вандее. Погиб в бою.

⁵⁹ Гупиль де Префельн (?—1801) – деятель Великой французской революции, избран в 1779 г. в Генеральные штаты. В 1795 г. избран в Совет старейшин, впоследствии был его председателем.

⁶⁰ Якобинцы – революционеры, члены политической партии времен Великой французской революции. С 31 мая 1793 г. по 27 июля 1794 г. находились у власти. Это время вошло в историю как период террора.

– Да, конечно!

– Значит, ты оказывал сопротивление властям еще при короле? Кому же это ты сопротивлялся?

– А ей-богу, не знаю! Я провозил корчемную соль – вот и все. У нас это называлось – оставлять с носом соляных приставов. Но ведь одно дело – пристава, другое дело – король.

– Ну, это рассуждение не совсем верно. Впрочем, тебе все равно этого не понять.

– Прошу извинить меня, ваше сиятельство, если я сболтнул что-нибудь лишнее.

– Это ничего не значит. Теперь дальше! Знаком ли тебе замок Тург?

– Еще бы не знаком! Я тамошний уроженец. Ведь я родился в Паринье.

– Да, действительно, замок Тург недалеко от Паринье.

– Знаком ли мне Тургский замок! Да ведь это родовой замок моих господ! Старое здание отделяется от нового толстыми железными воротами, которых и пушками не пробьешь. В новом замке хранится знаменитая книга о святом Варфоломее, которую приезжали смотреть издалека. А сколько там лягушек! Ребенком я часто, бывало, играл с этими лягушками. Там есть еще подземный ход; я его знаю. Быть может, уже и не найдется другого человека, которому он был бы знаком.

– Какой подземный ход? Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Он проложен еще очень давно, когда Тургский замок

подвергался осадам. Осажденные имели возможность в случае опасности спастись через подземный ход, выведивший их в лес.

– Действительно, подобные подземные ходы существуют в Жюпельерском замке, а также в Гюнодейском и в Шампёнской башне; но ничего подобного в Тургском замке нет.

– Извините меня, ваше сиятельство, мне ничего неизвестно о тех ходах, о которых вы изволите говорить; но я отлично знаю тургский подземный ход, как местный уроженец. Да к тому же он известен только мне одному. О нем не говорили, потому что это было запрещено еще со времен войн, веденных его сиятельством герцогом Роганом. Но моему отцу эта тайна была известна, и он посвятил меня в нее. Мне известен и потайной вход и потайной выход; я могу попасть и из лесу в башню и обратно – из башни в лес, никем не будучи замеченным. А если неприятель войдет в замок, то скрыться ничего не стоит. Вот что такое Тургский замок. Мне ли его не знать!

– Ты, очевидно, ошибаешься, – проговорил старик после минутного молчания. – Если бы существовал такой секрет, он был бы мне известен.

– Уверяю вас, ваше сиятельство, что я не ошибаюсь. Там еще есть поворотный камень.

– Ну, рассказывай еще. Вы, мужики, верите и в поворотные, и в поющие камни, и в камни, отправляющиеся по ночам на водопой к соседнему ручью. Все это одни побасенки.

– Но я же вам говорю, что я сам поворачивал этот камень.

– Точно так же, как другие слушали его пение! Друг мой, Ла-Тург – крепкая и надежная цитадель, которую нетрудно защищать; но было бы наивно рассчитывать на подземный коридор для выхода из него.

– Но уверяю же вас, ваше сиятельство...

– Нечего терять попусту время, – перебил его старик. – Поговорим лучше о наших делах.

Этот решительный тон заставил Гальмало замолчать. Старик продолжал:

– Итак, слушай дальше. Из Ружфэ ты отправишься в Моншевриерский лес. Там ты встретишь Бенедикта, одного из двенадцати вождей. Это тоже малый не промах. Он читает молитву в то время, как по его приказанию расстреливают людей. Вообще всякая сентиментальность в военное время неуместна. Из Моншевриера ты отправишься...

Здесь он сам себя прервал словами:

– Ах, да, я чуть было не забыл о деньгах, – и вынув из кармана кошелек и бумажник, он отдал их Гальмало и сказал:

– Вот, в этом бумажнике тридцать тысяч франков ассигнациями, цена которых всего три ливра и десять су. Правда, это ассигнации фальшивые, но настоящие стоят немногим больше. А в этом кошельке, заметь, сто червонцев. Я отдаю тебе все, что имею при себе. Мне самому здесь больше ничего не нужно; да оно будет и лучше, если при мне не найдут денег. Итак, я продолжаю: из Моншевриера ты отправишь-

ся в Антрэн, где поводишься с господином Фротте⁶¹; из Антрэна – в Ла-Жюпельер, где ты разыщешь господина Рошкотта⁶²; из Ла-Жюпельера – в Нуарье, где ты увидишь аббата Бодуэна. Ты в состоянии запомнить все это?

– Как «Отче наш».

– В Сен-Брис-ан-Когле ты поводишься с господином Дюбуа-Гюи, с господином Тюрпенем, – в Моранне. Знаешь это укрепленное место? С герцогом Тальмоном – в Шато-Гонтье.

– Но будет ли со мной разговаривать герцог?

– Я же с тобой говорю.

Гальмало поспешно снял с головы шляпу.

– Все тебе окажут самый лучший прием при виде этой вышитой золотой лилии. Не забывай, что тебе придется бывать в местностях, где ты встретишь и горцев, и простую деревенщину. Тебе будет нужно переодеться, – это нетрудно будет сделать. Эти республиканцы до того глупы, что в синем мундире, треугольной шляпе и с трехцветной кокардой можно пройти всюду. Теперь у полков нет никаких отличий, они даже не имеют номеров; всякий надевает на себя те лохмотья, которые ему заблагорассудится. Ты отправишься в Сен-Мервэ и поводишься там с Голье, по прозвищу Гран-Пьер.

⁶¹ Фротте Луи (1755–1800) – французский дворянин, граф, один из предводителей восстания в Нормандии. Попал в плен и был казнен.

⁶² Рошкотт Фортюне Гийом (1769–1798) – французский дворянин, граф, один из руководителей восстания в Вандее. Попал в плен и был казнен.

Далее ты отправишься в Парнейский лагерь, где ты увидишь людей с выпачканными сажей лицами. Они заряжают свои ружья мелкими камнями и двойным зарядом пороха, чтобы производить как можно больше шума, – и прекрасно делают. Ты им скажешь, чтобы они убивали, убивали и убивали. Затем ты пойдешь на стоянку Черная Корова, находящуюся на возвышенности, посреди Шарнейского леса, затем на Авуанскую стоянку, затем в Зеленый лагерь, затем в Муравьиный лагерь. Ты отправишься потом в Гран-Бордаж, называемый также Го-де-Пре; там живет вдова, на дочери которой женат Третон, по прозвищу «англичанин». Гран-Бордаж находится в Келэнском приходе. Ты побываешь у Эпинэ ле Шеврейля, у Силле-Гильома, у Паранна, и вообще у всех предводителей, скрывающихся в лесах. Ты встретишь друзей и скажешь им, чтобы они отправлялись на Верхний и Нижний Мэн; в Вэгском приходе ты увидишь Жана Третона, в Биньоне – Сан-Регрэ, в Бомшане – Шамбору, в Мезонселле – братьев Корбен, и в Сен-Жан-сюр-Эрвэ – Пети Сан-Пера, называющегося также Бурдуазо. Сделав все это и сообщив всем пароль – «к оружию, не давать пощады», – ты присоединишься к великой армии, армии католической и королевской, в том месте, где она будет в то время находиться. Ты увидишь де Лескюра, д'Эльбе, Ла Рошжаклена, – словом, тех предводителей, которые к тому времени будут в живых. Ты покажешь им переданную мною кокарду; им уже известно, что это будет означать. Ты, правда, простой матрос, но Кателино – про-

стой извозчик. Ты скажешь им от моего имени следующее: «Пора вести обе войны одновременно – и большую и малую. Большая производит больше шума, малая скорее приводит к цели. Вандейская война хороша, Шуанская значительно хуже, но в междоусобной борьбе худший способ ведения войны становится лучшим. Результат войны оценивается по количеству причиняемого ею зла».

– Гальмало, – продолжал он после некоторого молчания, – я тебе говорю все это, зная, что ты не понимаешь слов, но понимаешь дело. Ты внушил мне доверие тем, как ты управлял лодкой; не зная геометрии, ты маневрировал на море с величайшей точностью; тот, кто умеет управлять лодкой, может управлять и восстанием; судя по тому, как ты справился с морем, я уверен, что ты успешно справишься со всеми моими поручениями. Итак, я продолжаю. Ты скажешь вождям, хотя бы и своими словами, но приблизительно следующее: «Я предпочитаю войну в лесах войне в открытом поле; я во все не намерен подставлять сто тысяч крестьян под картечь синемундирников и под ядра господина Карно⁶³; но я желаю, чтобы через месяц в лесах были пятьсот тысяч повстанцев.

⁶³ Карно Лазарь Николай Маргерит (1752–1823) – французский политический деятель, граф. Был депутатом в Законодательном собрании и Конвенте. Прикнув к якобинцам и обладая военно-организаторским талантом, взял на себя дело военной организации республики. Сформировал 14 армий, составляя при этом планы военных действий. В 1794 г. был вынужден бежать. С приходом Наполеона к власти вернулся во Францию. Занимал различные посты, в том числе военного министра. Во время Ста дней был министром иностранных дел. После Реставрации был вынужден эмигрировать.

Республиканская армия – это дичь; малая война – та же охота. Я – стратег кустарников». Впрочем, это слово ты опять-таки не поймешь. Но это все равно; зато ты хорошо поймешь следующее: «Не давать пощады!» «Всюду устраивать засады». «Побольше шуанства и поменьше вандейства!» Ты можешь также прибавить, что англичане за нас, что мы желаем поставить республику между двух огней, что Европа нам поможет, что нужно раз и навсегда покончить с революцией. Монархи ведут против нее войну регулярную, мы будем вести войну партизанскую. Вот что ты скажешь. Хорошо ли ты меня понял?

– Да, хорошо. Нужно пройтись по всей стране огнем и мечом, не следует давать пощады никому.

– Так, так, – одобрительно кивал головой старик.

– Я побываю везде, где вы приказали.

– Но только будь осторожен. В этих местах смерть стережет человека из-за каждого куста.

– Смерти я не боюсь. Часто младенец, делающий первый шаг, изнашивает последние свои башмаки.

– Да ты, я вижу, молодец!

– А если меня станут спрашивать об имени вашего сиятельства?

– Пока оно никому не должно быть известно. Ты ответишь, что ты его не знаешь, и это будет правда.

– А где я вас снова увижу, ваше сиятельство?

– Там, где я буду.

– А как же я узнаю, где вы будете находиться?

– Это будет известно всем и каждому. Не пройдет и недели, как обо мне все заговорят. Я скоро дам о себе знать, я отомщу и за короля и за религию. Ты сразу поймешь, что говорят именно обо мне.

– Понимаю.

– Смотри же, ничего не забудь.

– Будьте спокойны.

– А теперь отправляйся в путь. Да хранит тебя Господь. Ступай.

– Я исполню все, что вы мне велели. Я пойду, буду говорить, буду повиноваться, буду приказывать.

– Отлично!

– И если я успешно исполню возложенное на меня поручение...

– Тогда я сделаю тебя кавалером ордена Святого Людовика.

– Как моего брата. А если не исполню, то вы велите меня расстрелять?

– Да, точно так же, как и твоего брата.

– Понимаю, ваше сиятельство.

Старик наклонил голову и, казалось, впал в глубокую задумчивость. Когда он снова поднял глаза, он был один, Гальмало виднелся лишь в виде черной точки на краю горизонта.

Солнце только что село. Чайки и другие морские птицы возвращались в свои гнезда. В природе ощущалась та смут-

ная тревога, которая предшествует наступлению ночи. Лягушки квакали, кулики, посвистывая, вылетали из болот, жаворонки, грачи, жужелицы суетливо носились туда и сюда; перекликались прибрежные птицы. Ни один звук не выдавал присутствия человека. Всюду царило глубокое молчание. В заливе не было видно ни одного паруса, в поле – ни одного крестьянина. Повсюду, куда только хватало глаз, была мертвая пустыня. Росший в песке чертополох дрожал от ночного ветра. На морской берег падал сверху бледный свет сумерек. Вдали, в темной равнине, сверкала слабым блеском вода озер, напоминая собою как бы большие оловянные листы, разложенные по земле. С моря дул ветер.

Книга четвертая. Тельмарк

І. Вершина дюны

Старик постоял на месте, пока Гальмало не скрылся из виду, потом укутался плотнее в свой плащ и пошел медленными шагами, с задумчивым видом. Он двинулся по направлению к Гюину, между тем как Гальмало шел к Бовуару.

Позади него возвышалась, в виде громадного треугольника, гора Сен-Мишель, с вершиной, похожей на митру, с укреплениями, похожими на латы, с двумя большими башнями – одной круглой, другой четырехугольной, как бы помогавшими горе нести на себе двойную тяжесть церкви и селения. Своего рода пирамида Хеопса в океане.

Сыпучий песок бухты близ Сен-Мишельской горы постоянно изменяет профиль дюн. В те времена между Гюином и Ардовоном была очень высокая дюна, ныне почти полностью исчезнувшая. Дюна эта, уничтоженная с течением времени ветрами, была очень древней. На ее гребне стоял столб, водруженный здесь в двенадцатом столетии, как памятник о собравшемся в Авранше соборе⁶⁴ по поводу убиения святого

⁶⁴ Авраншский собор – церковный собор, состоявшийся в 1172 г. в Авранше по инициативе английского духовенства (Бретань тогда принадлежала Англии, и здесь же находился двор английского короля) с целью канонизации Фомы Кен-

Фомы Кентерберийского⁶⁵. С вершины этой дюны был великолепный обзор, что позволяло легко ориентироваться.

Старик направился к этой дюне и взобрался на нее. Дойдя до гребня, он, повернувшись спиной к столбу, сел на одну из четырех тумб, стоявших по четырем его углам и, если можно так выразиться, стал изучать расстилавшуюся у его ног географическую карту. Он, казалось, искал дорогу на хорошо известной ему местности. На этом обширном горизонте, слегка подернутом надвигавшимися сумерками, земля узкой черной полоской отделялась от белесоватого неба. Можно было различить группы крыш одиннадцати местечек и селений; на расстоянии нескольких миль вдоль побережья виднелось несколько колоколен, которые в этих местах специально строятся очень высокими, чтобы служить маяками для мореплавателей.

По прошествии нескольких мгновений старик, казалось, нашел в сумерках то, чего он искал. Взор его остановился на группе деревьев, стен и крыш, едва видневшихся в долине и похожих на мызу. Он одобрительно кивнул головою, как бы желая сказать: «да, да, здесь»; затем он стал водить пальцем по воздуху, как бы намечая себе путь через поля и изгороди.

терберийского.

⁶⁵ Фома Кентерберийский (Бекет) (1119–1170) – ревностный католик, с 1157 г. канцлер, с 1162 г. епископ Кентерберийский и примас Англии, поддерживал агрессивную политику Англии против Франции. Вступил в непримиримый конфликт с королем Англии Генрихом II и был убит по его приказу. В 1172 г. канонизирован как святой.

Время от времени он всматривался во что-то такое с неясными очертаниями, двигавшееся над крышей главного здания мызы, как бы спрашивая себя: «что бы это такое могло быть?» Но из-за позднего времени он не мог ясно различить этот предмет. То не был флюгер, потому что он развевался, а с другой стороны, это не похоже было и на флаг.

Старик, видимо, устал; он с удовольствием отдыхал на тумбе, на которую уселся, и впал в то смутное забытие, в которое обыкновенно впадают очень уставшие люди в первые минуты отдыха.

В сутках бывают часы безмолвия и тишины. Как раз был такой час. Старик наслаждался им, смотрел, слушал, – что? – безмолвие. Даже самые сильные характеры подвержены меланхолии. Вдруг эту тишину не то чтобы нарушили, а, так сказать, подчеркнули какие-то голоса. То были голоса женщин и детей. В сумерках порой раздается словно какой-то веселый трезвон. Из-за кустарника не видно было группы, из среды которой доносились эти голоса; но по звуку последних можно было заключить, что эти люди проходили у подножия дюны, направляясь к равнине и лесу. Эти чистые и свежие звуки доносились до старика с такой отчетливостью, что он не проронил ни единого слова.

– Нужно торопиться, кума Флешар, – говорил один женский голос. – Сюда, что ли?

– Нет, вон туда, – отвечал другой.

И затем диалог продолжался между обоими голосами, од-

ним – громким, другим – робким.

– А как называется та мыза, на которой мы теперь живем?

– Эрб-ан-Пайль.

– А она еще далеко отсюда?

– Да побольше четверти часа ходьбы.

– Нужно поторопиться. Я что-то сильно проголодалась.

– Да, да, мы порядком запоздали.

– Нам лучше всего было бы пуститься бегом. Но ребяташки ваши устали. Нас только две, и мы не можем тащить на руках троих детей. Да к тому же вы и без того уже тащите одного, кума Флешар. А ведь эта малютка у вас не легонькая. Вы отняли от груди эту свою обжору, а между тем все еще таскаете ее на руках. Зачем вы ее так балуете? Пусть ходит своими ножками. А то у вас суп остынет.

– Какие славные башмаки вы мне дали! Точно на заказ сшиты по моей ноге.

– Еще бы! Не босиком же вам бегать! Ну, торопись, торопись, Рене-Жан.

– Да, он-то нас и задержал. Ему нужно непременно болтать со всеми встречными крестьянскими девочками. Не угодно ли! От земли не видать, а уж начинает ухаживать.

– Года его уже такие. Ведь ему пятый год на исходе.

– Скажи-ка, Рене-Жан, о чем тебе нужно было болтать с этой девчонкой в деревне?

– Она моя знакомая, – ответил детский голос, очевидно, голос мальчика.

– Откуда же ты ее знаешь? – продолжала женщина.

– Знаю, – ответил мальчик, – она подарила мне сегодня таких хорошеньких зверьков!

– Скажите на милость! – воскликнула женщина. – Мы в этих местах всего третий день, этого мальчугана от земли не видать, а уж успел обзавестись знакомствами.

Голоса удалились. Наступила тишина.

II. Aures habet, et non audit⁶⁶

Старик оставался сидеть неподвижно. Он ни о чем не думал, да и едва ли что-нибудь соображал. Вокруг него все было ясно, тихо, все дремало в доверчивом сне. На вершине дюны было еще светло, но в долине уже были сумерки, а в лесу было совсем темно. На востоке поднималась луна, а в зените мерцало несколько звезд. Этот человек, хотя и сильно озабоченный, очевидно, отдыхал среди вечерней тишины и спокойствия. В душе его брезжилась заря надежды, если только слово «надежда» применимо к ожиданию ужасов междоусобной войны. В настоящую минуту ему казалось, что, покинув столь суровое для него море и ступив на землю, он избег всякой опасности. Никому неизвестно было его имя, он был одинок, след его пропал, так как на морской поверхности не остается никаких следов. Никто даже не подозревал о его пребывании в этих краях. Им овладело чувство

⁶⁶ Имеет уши, но не услышит (*лат.*).

полного успокоения. Еще немного – и он бы заснул.

В глазах этого человека, жертвы стольких бурь, и внешних и внутренних, эти переживаемые им минуты покоя получали особую прелесть, ввиду полной и безусловной тишины как на небе, так и на земле. Только и слышно было, что отдаленный шум моря; но к этому гулу обычно до такой степени привыкают, что перестают обращать на него внимание.

Вдруг он поднялся. Внимание его было внезапно пробуждено; он стал пристально всматриваться в горизонт. Взор его был обращен на Кормерейскую колокольню, возвышавшуюся перед ним из глубины долины. На этой колокольне, действительно, творилось что-то необыкновенное.

Силуэт ее ясно вырисовывался на небе. Возле церкви пирамидальной формы возвышалась четырехугольная, сквозная, без навесов, открытая со всех четырех сторон, согласно бретонскому обычаю, башня. Но, – странное дело! – проем одного из ярусов этой башни, казалось, то открывался, то закрывался; через равные промежутки высокое окно его казалось то белым, то черным пятном; сквозь нее то просвечивало небо, то не просвечивало, то светлело, то темнело; и этот свет и эта тень каждую секунду чередовались между собою с правильностью молота, опускающегося на наковальню.

Эта Кормерейская колокольня находилась на расстоянии приблизительно двух лье от старика. Справа от нее, приблизительно на таком же расстоянии, возвышалась другая колокольня, Баже-Пиканская. Один из просветов в ее стене то за-

крывался, то открывался, точно так же, как и на Кормерейской башне. Он взглянул налево, по направлению к Танису: то же самое явление замечалось и на Танисской колокольне. Он стал поочередно вглядываться во все окрестные колокольни: налево – в Куртильскую, Пресейскую, Кроллонскую и Авраншенскую; направо – в Куэнонскую, Мордрейскую и Пасскую, прямо против него – в Понторсонскую. Просветы во всех этих колокольнях поочередно становились то светлыми, то темными.

Что бы это могло означать? А то, что во все колокола этих колоколен звонили. Будучи сильно раскачены, они то появлялись, то снова скрывались. Но что же это был за звон? Очевидно, набат.

Били в набат, били в него неистово, повсеместно, во всех селениях, приходях, на всех колокольнях.

А между тем ничего не было слышно. Объяснялось это дальностью расстояния и тем, что ветер дул с моря и относил звуки колоколов в противоположную сторону. Странное и неприятное впечатление производили эти сильно качавшиеся колокола и в то же время это мертвое молчание.

Старик всматривался и вслушивался. Он не слышал набата, но он его видел. Видеть набат – это довольно странное ощущение.

Кого же, однако, сзывали эти колокола? Против кого был этот набат?

III. Польза крупных букв

Очевидно, кого-нибудь преследовали. Но кого?

Этот точно вылитый из стали человек задрожал. А между тем не могли же эти колокола призывать к охоте на него. Не могли же узнать так быстро члены Конвента⁶⁷ о его прибытии; ведь он только что ступил на берег. Весь экипаж корвета, конечно, погиб до единого человека; да к тому же никому на корвете, за исключением Буабертло и Лавьевилля, не было известно его настоящее имя.

Колокола продолжали неистово гудеть. Он машинально начал пересчитывать их, и мысли его, переходя от одного предположения к другому, стали колебаться между сознанием полной безопасности и смутным опасением какой-то неизвестной беды. Однако этот набат, в конце концов, можно было объяснить самым естественным образом, и он окончательно успокоился, сказав себе: «Да ведь, наконец, никому неизвестно о моем прибытии и никому неизвестно мое имя».

По прошествии нескольких секунд он услышал легкий шелест позади себя и над своей головой, похожий на шелест колеблемой ветром листвы. Сначала он не обратил на него никакого внимания; но так как шелест этот продолжался,

⁶⁷ Конвент – Национальный Конвент, представительное собрание во время Великой французской революции избранное после низложения короля 10 августа 1792 г. и прекратившее свою деятельность в октябре 1795 г. после термидорианского переворота.

то он, в конце концов, повернул голову. Это, действительно, оказался лист, но только лист бумаги. Ветер наполовину сорвал прикрепленную над самой его головой к столбу большую афишу. Она, очевидно, была приклеена здесь лишь очень недавно, так как она была еще очень сыра и шелестела под порывами ветра. Старик взобрался на дюну с противоположной стороны и потому сначала не заметил этой афиши.

Он встал ногами на тумбу, на которой сидел, и стал придерживать рукою отрываемый ветром угол афиши. Небо было ясное, а в июне месяце сумерки продолжаются долго; внизу, под дюной, было уже темно, но на вершине ее еще достаточно светло. Афиша была отпечатана настолько крупными буквами, что их было нетрудно разобрать. Вот что он прочел:

«Французская республика, единая и неделимая.

Мы, Приэр, депутат Марнского департамента, находящийся при войсках Шербургского отряда, сим предписываем: бывший маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, именующий себя бретонским принцем, тайно высадившийся на берег близ Гранвилля, сим объявляется вне закона. – За его голову назначается награда. – Тому, кто доставит его живым или мертвым, будет выплачено шестьдесят тысяч ливров. – Сумма эта будет выплачена не ассигнациями, а золотом. – Один батальон Шербургского отряда немедленно будет отправлен на поиски названного бывшего маркиза Лантенака. – Местное население призывается оказывать батальону

всяческое содействие. *Гранвилль, 2 июня 1793 года*. Подписано: «*Приэр*, марнский депутат».

Под этой подписью была другая, написанная гораздо более мелкими буквами, но ее невозможно было разобрать ввиду все более и более сгущавшейся темноты.

Старик нахлобучил шляпу на глаза, застегнул свой капюшон под самым подбородком и быстрыми шагами спустился с дюны. Он, очевидно, нашел, что ему незачем оставаться в этом ярко освещенном месте. Быть может, он и без того просидел здесь слишком долго, так как гребень дюны был единственным более-менее хорошо освещенным местом во всей окрестности.

Спустившись с дюны и очутившись в темноте, он замедлил шаг. Следуя составленному им еще на вершине дюны маршруту, он направился к ферме, имея, по всей вероятности, основание надеяться, что там он будет в безопасности.

Кругом все было пустынно. В этот час люди предпочитают не выходить из дому. Позади одного куста он остановился, скинул с себя плащ, вывернул свою куртку шерстью вверх, надел опять свой плащ из грубой материи, завязал его под подбородком и снова пустился в путь, по тропинке, освещаемой лунным светом.

Он дошел до перекрестка, возле которого стоял старый каменный крест. На подножии креста можно было различить какой-то белый четырехугольник, по-видимому, такую

же афишу, как и та, которую он только что прочитал. Он направился к кресту.

– Куда вы идете? – окликнул его чей-то голос. Он обернулся. Из-за изгороди поднялась фигура какого-то человека, такого же высокого роста, как и он сам, такого же старого и седого, как и он, в еще более изодранных лохмотьях, – словом, двойник, да и только. Человек этот опирался на палку.

– Позвольте вас спросить, куда вы идете? – продолжал незнакомец.

– Сначала вы мне сами скажите, где это я? – проговорил старик с почти надменным спокойствием.

– Вы в Танисском поместье, – ответил незнакомец. – Я здешний нищий, а вы здешний помещик.

– Я?

– Так точно, господин маркиз Лантенак.

IV. Попрошайка

Маркиз Лантенак, с этих пор мы так и будем его называть, серьезно ответил:

– Верно! Значит, вы можете меня выдать.

– Мы оба здесь у себя дома, – продолжал неизвестный, – вы – в замке, я – в кустах.

– Не в том дело! Кончайте, выдавайте меня, – перебил его маркиз.

– Вы пробирались к ферме, не так ли? – спросил незнако-

мец. – Не ходите туда.

– Почему?

– Потому, что там вот уже три дня как объявились синие мундиры.

– Да? Ну и что же, обитатели фермы и хутора оказали им сопротивление?

– Нет, они отворили им ворота.

– Вот как! – процедил маркиз сквозь зубы.

– Видите ли вы эту крышу, господин маркиз? – спросил незнакомец, указывая пальцем на крышу, возвышавшуюся на некотором расстоянии из-за деревьев. – Видите ли вы что-нибудь над этой крышей?

– Вижу флаг.

– Да. Трехцветный, – прибавил незнакомец.

Это был тот самый предмет, который обратил на себя внимание маркиза, когда тот стоял на гребне дюны.

– А мне также показалось, что били в набат, – продолжал маркиз. – По какому поводу?

– Да по какому же еще, как не по поводу вас!

– Но теперь его уже не слышно.

– Потому что ветер относит звук, – ответил незнакомец. – А читали ли вы касающуюся вас афишу? Знаете ли вы, что вас разыскивают? – и, бросив взгляд по направлению к ферме, он прибавил: – Там целый полубатальон республиканцев-парижан.

– Ну, так идем же туда, – сказал маркиз и сделал шаг по

направлению к ферме.

– Ради Бога, не ходите туда, – проговорил незнакомец, хватая его за руку.

– А куда же мне идти?

– Да хотя бы ко мне.

Маркиз пристально взглянул на нищего.

– Послушайте, господин маркиз, у меня вы не найдете удобств, но найдете безопасность. Хижина моя не выше погребка. Вместо постели – охапка водорослей, вместо потолка – плетенка из ветвей и травы. Но все равно, идемте. На ферме вас расстреляют; у меня же вы, по крайней мере, уснете. Вы, должно быть, сильно устали. А завтра утром синие мундиры уйдут, и вы вольны будете отправиться, куда вам заблагорассудится.

– Но чью же сторону вы держите? – спросил маркиз, пристально глядя на нищего. – Кто вы такой? Республиканец? Роялист?

– Я – бедняк.

– Ни роялист ни республиканец?

– Кажется, ни то ни другое.

– Но все-таки, что же вы – за или против короля?

– У меня нет времени этим заниматься.

– Но что же вы думаете о всех последних событиях?

– Я думаю только о том, как бы прокормиться.

– Однако же вы вызываетесь мне помочь?

– Я узнал, что вас поставили вне закона. Что такое после

этого закон? Как можно быть вне закона? Я этого не понимаю. Впрочем, и я, пожалуй, стою вне закона. Мне, по крайней мере, это неизвестно. Разве умирать с голоду значит стоять в пределах закона?

– А давно ли вам приходится умирать с голоду?

– С тех пор, как я себя помню.

– И в то же время вы вызываетесь меня спасти? С какой стати?

– Потому, что я сказал себе: вот еще более несчастный человек, чем я. Я, по крайней мере, имею право дышать, а он и этого права не имеет.

– Это верно! И вы решили меня спасти?

– Без сомнения! Теперь ведь мы братья, ваше сиятельство. Я прошу хлеба, вы просите жизни. Мы оба – нищие.

– Но известно ли вам, что за мою голову назначена награда?

– Известно.

– Каким образом вы это узнали?

– Потому, что я прочел объявление.

– Вы, значит, умеете читать?

– Да, и писать также. С какой стати мне быть скотиной?

– Ну, если вы умеете читать и прочли объявление, то вам должно быть известно, что человек, который выдаст меня, получит в награду шестьдесят тысяч франков.

– Да, знаю, и вдобавок еще золотом, а не ассигнациями.

– Ведь шестьдесят тысяч франков, это – целое состояние.

Значит, вы могли бы разбогатеть.

– Ну, так что же? Я об этом подумал. Увидев вас, я сказал сам себе: как подумаешь, – человек, выдавший этого старика, получит шестьдесят тысяч франков! Поторопимся укрыть его.

Маркиз пошел вслед за нищим. Они вошли в чашу, в которой была скрыта его берлога. Это было не что иное, как отверстие под старым дубом; оно было вырыто под корнями дерева и прикрыто сучьями. Оно было низко, темно, незаметно для глаза. В нем было место для двоих.

– Я предвидел, что мне, быть может, придется принимать у себя гостя, – заметил нищий.

Такого рода подземные жилища встречаются в Бретани чаще, чем многие думают, равно как и ниши, проделанные в толстых стенах. Вместо всякой мебелировки в них бывает лишь связка соломы или промытых и высушенных морских водорослей, кусок дерюги вместо одеяла, несколько горшков, сальный огарок, огниво и связка лучин.

Они нагнулись, немного проползли и очутились в подземелье, разделенном толстыми корнями как бы на несколько отделений; здесь они уселись на мешке, набитом сухими водорослями и заменявшем постель. Сквозь образуемое двумя корнями отверстие, служившее в одно и то же время и дверью, и окном, проникало немного света. Правда, уже наступила ночь, но глаза привыкают даже к самому слабому освещению. В одном углу стояла кружка воды и лежали маисовая

лепешка и горсть-другая каштанов.

– Ну что же, поужинаем? – пригласил нищий своего гостя. Они по-братски разделили каштаны, маркиз достал свой сухарь, и они поочередно откусывали от него и пили воду из кувшина. Постепенно завязался разговор. Маркиз стал расспрашивать своего нового знакомого.

– Значит, что бы ни случилось – вам совершенно все равно?

– Да, более или менее. Ваше дело другое, вы – господа. Это дело господское.

– Но наконец-то, что творится кругом...

– Не нашего это ума дело, – перебил его нищий, – это творится наверху, над нашими головами. Еще выше творится и многое другое: солнце восходит, луна прибывает и убывает. Вот это меня действительно интересует.

Он глотнул из кувшина и сказал:

– Какая славная, свежая вода!

Затем он прибавил:

– Как вы находите эту воду, ваше сиятельство?

– А как ваше имя? – спросил, в свою очередь, маркиз, не отвечая на его вопрос...

– Мое имя – Тельмарк, а мое прозвище – Попрошайка или Нищий. Меня прозвали также «Стариком». Да, вот уже сорок лет, как меня зовут «Стариком», – прибавил он.

– Сорок лет! Да в то время вы были молоды!

– Я никогда не был молод. Вот вы, господин маркиз, все-

гда останетесь молодым. У вас такие же прыткие ноги, как у двадцатилетнего юноши; вы без труда взбираетесь на высокую дюну. Мои же ноги совершенно отказываются служить мне; пройдя с четверть мили, я уже чувствую усталость. Мы, однако, приблизительно одних лет с вами. Но богатые люди имеют за собою то преимущество, что они едят каждый день. А хорошая еда сохраняет человека.

Помолчав немного, нищий продолжал:

– Вот что ужасно, что есть богатые и бедные. Это-то и вызывает катастрофы. Мне, по крайней мере, так кажется. Бедные желают быть богатыми, богатые не желают становиться бедными. Вот в этом-то и вся суть. Я, впрочем, в это дело не вмешиваюсь; события идут своим чередом. Я не стою ни за кредитора ни за должника. Я знаю, что если существует долг, то нужно заплатить по этому долгу. Вот и все. Я предпочел бы, чтобы они не убивали короля, хотя я и сам не мог бы толком сказать, почему бы я этого желал. На это мне отвечают: «А как же в прежние времена вздергивали людей на деревьях ни за что ни про что?» Вот видите ли, я собственными глазами видел, как за несчастный выстрел из ружья, сделанный по королевской лани, повесили человека, у которого была жена и семь человек детей. Нечего и говорить – неправы и те и другие.

Он опять помолчал и затем продолжал:

– Впрочем, как я уже сказал вам, я в эти дела не вмешиваюсь. Вокруг происходят такие-то события, все суетятся. Я

же гляжу на звезды и молчу.

Тельмарк опять задумался на минуту и затем прибавил:

– Я немножко костоправ, немножко врач, я знаком с разными травами, извлекаю пользу из всяких растений, крестьяне часто видят меня рассматривающим то, что, по их мнению, не заслуживает внимания, и всему этому я обязан репутацией колдуна. Я размышляю, а они воображают, что, значит, я знаю.

– Вы здешний уроженец? – спросил маркиз.

– Я никогда не покидал этих мест.

– И вы меня знаете?

– Без сомнения. В последний раз я видел вас в последний ваш приезд, два года тому назад. Тогда вы отправились отсюда в Англию. А вечером я заметил какого-то человека на вершине дюны, человека высокого роста. Высокие люди здесь редкость: в Бретани почти все низкорослы. Я стал всматриваться, – я ведь только что прочел публикацию. «Эге!» – подумал я. А когда вы спустились вниз, я, благодаря лунному свету, вас сразу же узнал.

– Я, однако, вас не знаю.

– Вы видели меня, но это, пожалуй, все равно, что вы меня не видели, – и Тельмарк-Попрошайка прибавил: – А я вас видел. У прохожего – одно зрение, у нищего – другое.

– А я вас раньше встречал?

– Часто, ибо я не раз просил у вас милостыни. Я обыкновенно сидел на дороге возле вашего замка. Вы частенько

бросали мне монету; но дело в том, что тот, кто дает, не смотрит, а кто получает – всматривается и наблюдает. Нищий – это тот же шпион. Но я, хотя мне и не весело живется, стараюсь не быть злым шпионом. Я протягивал руку, вы видели только протянутую руку, и вы бросали в нее ту милостыню, которая мне необходима была утром, чтобы не умереть с голоду вечером. Иногда мне приходилось голодать целыми сутками. Порой даже грош – это спасение жизни. Я обязан вам жизнью, – я вам ее возвращаю.

– Да, это правда, вы спасаете меня.

– Так, ваше сиятельство, я вас спасаю, только с одним условием, – прибавил Тельмарк серьезным голосом, – с тем условием, чтобы вы являлись сюда не для того, чтобы причинять зло.

– Напротив, я являюсь сюда для того, чтобы сделать добро.

– Ну, и прекрасно! А теперь давайте спать, – проговорил нищий.

Они улеглись рядом на постели из водорослей. Нищий тотчас же заснул. Маркиз, несмотря на свою усталость, посидел некоторое время в задумчивости, затем, сквозь темноту, пристально посмотрел на нищего и, наконец, тоже лег. Растянуться на этом ложе было все равно, что растянуться на земле; он воспользовался этим для того, чтобы приложить ухо к земле и прислушаться. Под землей раздавался какой-то глухой шум. Известно, что звук особенно хорошо передает-

ся почвой. Слышен был гул колоколов: то продолжал гудеть набат.

V. Подписано: «Говэн»

Когда он проснулся, было уже совсем светло.

Нищий уже был на ногах, но не в берлоге, потому что в ней нельзя было вытянуться во весь рост, а вне ее, возле входа. Он стоял, опираясь на свой посох. Лицо его ярко освещалось утренним солнцем.

– Ваше сиятельство, – сказал он, – на Танисской колокольне только что пробило четыре часа. Я ясно расслышал бой башенных часов; значит, ветер переменился и дует теперь в сторону моря. Никакого другого звука не слышно; значит, в набат перестали бить. На ферме и на скотном дворе в Эрбан-Пайле все спокойно; значит, синие мундиры или спят или ушли. Следовательно, опасность более или менее миновала, и с нашей стороны было бы благоразумнее расстаться. Мне пора уходить. Я иду в ту сторону, – прибавил он, указывая рукой в одно из направлений горизонта. – А вы направляйтесь вон в эту сторону, – продолжал он, указывая рукой в другом направлении. Затем нищий сделал маркизу прощальный жест рукою и произнес, указывая на остатки ужина:

– Возьмите с собой каштаны на всякий случай – может быть, проголодаетесь.

Минуту спустя он скрылся за деревьями. Маркиз тоже

встал и пошел в том направлении, которое ему указал Тельмарк.

Стояло чудное летнее утро. Кругом слышалось пение птиц. Маркиз пошел по той самой тропинке, по которой они пришли накануне. Он вышел из кустов и очутился на перекрестке с каменным крестом. На нем по-прежнему белела афиша, казавшаяся особенно белой и яркой на утреннем солнце. Он вспомнил, что внизу афиши были какие-то слова, которые он не смог прочесть накануне из-за наступавших сумерек. Он подошел к кресту. Действительно, на афише, после подписи «*Приэр*, марнский депутат», значились следующие слова, напечатанные мелким шрифтом: «По удостоверении личности вышеназванного Лантенака, он немедленно будет расстрелян». Подписано: «Батальонный командир, начальник экспедиционной колонны *Говэн*».

– Говэн! – проговорил маркиз и впал в глубокую задумчивость, устремив глаза на афишу, – Говэн, – повторил он. Он снова зашагал, обернулся, взглянул на крест, вернулся назад и еще раз прочитал афишу.

Затем он удалился медленными шагами. Если бы кто-нибудь был тут поблизости, он услышал бы, как маркиз неоднократно повторил вполголоса: «Говэн». Он шел по ложбинке, и ему не видно было крыш фермы, которую он оставил влево от себя. Он шел вдоль довольно крутой возвышенности, поросшей цветущим диким терном из породы так называемого длинноостного. Возвышенность оканчивалась так называе-

мой на местном наречии «кабаньей головой». Подошва возвышенности терялась в гуще деревьев. Листва была как бы вся залита солнечным светом. Природа как будто радовалась прелестному летнему утру.

Вдруг этот веселый, мирный пейзаж стал страшен. На эти залитые солнцем леса и поля обрушился вихрь диких криков и ружейных выстрелов, и в стороне от фермы поднялся густой дым, словно прорезываемый огненными языками, так что вся ферма стала похожа на пылающий сноп соломы. Этот моментальный переход от спокойствия к ярости представлял собою нечто неожиданное и ужасное; это был какой-то сноп яркого адского пламени среди чудной утренней зари, какой-то быстрый переход к мраку. На ферме Эрб-ан-Пайль происходила схватка.

Маркиз остановился.

В подобных случаях у человека любопытство обычно берет верх над чувством самосохранения; он хочет знать, что происходит, хотя бы ему и пришлось погибнуть. Поэтому маркиз взобрался на возвышенность, у подошвы которой пролежала дорога. Правда, его могли здесь увидеть, но зато он видел все. Через несколько минут он очутился на холме и стал смотреть.

Он увидел пожар и дым перестрелки. Слышны были крики, виден был огонь. Ферма, очевидно, была центром какой-то, еще неизвестной ему, драмы. Что такое там происходило? Ферма подверглась нападению? Но кто же на нее на-

пал? Стычка это или просто карательная экспедиция? Синие мундиры, повинувшись декрету революционного правительства, часто наказывали непокорные селения, поджигая их со всех четырех концов; так, ради примера, сжигалась всякая ферма, не сделавшая предписанных законом засек и не прорубившая в чаще леса просек для свободного проезда республиканской кавалерии. Такой экзекуции совсем недавно подвергся Бургонский приход, близ Эрне. Не то ли же самое происходило теперь с Эрб-ан-Пайлем? Было очевидно, что ни одна из стратегических просек, предписанных декретом, не была прорублена в лесах и рощах Таниса и Эрб-ан-Пайля. Быть может, это было наказание; быть может, авангарду, занимавшему ферму, предписано было ее сжечь. Ведь входил же этот авангард в состав одной из экспедиционных колонн, прозванных «адскими колоннами».

Очень густая и почти непроходимая чаща окружала со всех сторон холм, вершину которого маркиз избрал своим наблюдательным пунктом. Эта чаща, называвшаяся Эрб-ан-Пайльской рощей, но скорее похожая на бор, тянулась до самой фермы и скрывала в себе, как и все бретонские рощи, целую сеть оврагов, троп, ложбин, то есть такой лабиринт, в котором республиканским отрядам легко было заблудиться.

Карательная экспедиция, если только это была она, должно быть, была беспощадно жестока, потому что она была непродолжительна. Как всякий грубый факт, она свершилась быстро. Бесчеловечность гражданских войн допуска-

ет подобные жестокости. Пока маркиз, теряясь в догадках, медлил спускаться с дюны или нет, пока он прислушивался, всматривался – шум и грохот прекратились или, вернее сказать, рассеялись. Маркиз мог заметить, как по лесной чаще рассеялась ватага, свирепая и в то же время радостная. Под деревьями закишело точно в муравьиной куче; какие-то люди бросились из фермы в лес. Барабаны били тревогу, ружейная пальба прекратилась, началась как будто облава: кого-то, очевидно, разыскивали, преследовали, гнали; синие мундиры за кем-то охотились; стоял глухой и смутный гул; до маркиза долетали возгласы радости и гнева, среди которых, однако, трудно было что-нибудь разобрать. Вдруг, подобно яркому лучу сквозь густой клуб дыма, в этом беспорядочном шуме отчетливо пронесся один звук: то было одно имя – имя, повторенное тысячью голосов, и маркиз ясно расслышал следующие слова: – Лантенак! Лантенак! Маркиз Лантенак!

Значить, искали именно его.

VI. Случайности гражданской войны

Вдруг вокруг него, со всех сторон разом, среди лесной чащи заблистали ружья, штыки и сабли. Показалось трехцветное знамя, возглас «Лантенак» раздался у самого его уха и под его ногами, в кустах терновника, появились свирепые лица.

Маркиз стоял один, на возвышенности, и его можно было видеть издалека. Он едва мог разглядеть тех, которые выкрикивали его имя, но он сам был виден всем. Он стоял на холме словно мишень для тысячи ружей, наполнявших лес. Он ничего не мог различить сквозь чащу, кроме устремленных на него блестящих зрачков.

Он снял с головы шляпу, приподнял края ее, вырвал длинный сухой шип из куста дикого терна, вынул из кармана белую кокарду, приколот шипом эту кокарду к тулье шляпы и, снова надев шляпу на голову, причем отчетливо видны были белая кокарда и его высокий лоб, произнес громким голосом, как бы обращаясь разом ко всему лесу:

– Я – тот, кого вы ищете. Я – маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, бретонский принц, генерал-лейтенант королевских войск. Исполняйте ваш долг. Пли! – и, распахнув свою куртку из козьей шерсти, он указал пальцем на свою обнаженную грудь. Затем он опустил глаза, как бы отыскивая взором обращенные на него дула ружей, но увидел себя окруженным одними только коленопреклоненными людьми.

Вдруг по воздуху пронесся тысячеголосый клик: «Да здравствует Лантенак! Да здравствует его сиятельство! Да здравствует генерал!» и в то же время шляпы взвились на воздух, сабли засверкали на солнце, и в чаще поднялось множество шестов, на которые были надеты коричневые шапки.

Люди, которых он видел перед собою, принадлежали к отряду вандейцев и весь этот отряд преклонил пред ним коле-

ни.

Есть предание, что в старину в Тюрингских лесах жили необыкновенные существа из породы великанов, похожие на людей, но не совсем люди. Римляне считали их страшными зверями, а германцы смотрели на них, как на полубогов. Одни старались их всех истребить, а другие – боготворили. Маркиз очутился в положении подобного существа, когда оно, думая, что с ним сейчас поступят, как с чудовищем, вдруг видит, что ему, напротив, воздаются почести как богу.

Все эти глаза, еще за минуту перед тем горевшие свирепым блеском, устремились теперь на маркиза с выражением благоговения.

Толпа была вооружена ружьями, саблями, косами, кирками, дубинами; у всех были на головах широкополые войлочные шляпы или коричневые шапочки с белыми кокардами; на каждом висели четки или амулеты. Одеты они были в широкие шаровары, доходившие только до колен, в меховые полукафтаны, кожаные гетры, открывавшие голые лодыжки.

Один молодой и красивый человек отделился от этой коленапреклоненной толпы и большими шагами стал подниматься на холм, к маркизу. Человек этот, подобно другим, имел на голове войлочную шляпу с белой кокардой и был одет так же, как и все, в меховую куртку; но на нем было тонкое белье, а руки его были нежны и белы; поверх куртки у него была надета белая, шелковая портупея, на которой висела шпага с позолоченной рукояткой. Взобравшись

на вершину холма, он отбросил в сторону шляпу, снял с себя португеею и, преклонив одно колено, подал маркизу шпагу с португеей и сказал:

– Мы искали вас и мы вас нашли. Вот шпага главнокомандующего. Все эти люди – ваши подчиненные. До сих пор я был их начальником; теперь я повышен в чине – я ваш солдат. Примите наше почтение, господин маркиз. Приказывайте, господин генерал.

Затем по данному им знаку, из леса вышло несколько человек, несших трехцветное знамя. Люди эти тоже поднялись на холм к маркизу и положили знамя у ног его. Это было то самое знамя, которое он только что видел сквозь деревья.

– Господин генерал, – сказал молодой человек, только что передавший ему шпагу и португеею, – это знамя мы только что отняли у синих мундиров, засевших на мызе Эрб-ан-Пайль. Мое имя – Гавар, ваше сиятельство. Я – бывший крепостной маркиза Руари.

– Хорошо, – ответил старик и со спокойным и серьезным видом опоясался португеей. Затем, вынув из ножен шпагу и размахивая ею над головой, он воскликнул: – Да здравствует король!

Все вытянулись в струнку, и по лесной чаще пронеслись торжествующие и грозные в одно и то же время крики: «Да здравствует король! Да здравствует наш маркиз! Да здравствует Лантенак!»

– Сколько же вас здесь всего? – спросил маркиз, обраща-

ьясь к Гавару.

– Семь тысяч. – Затем он продолжал, спускаясь с возвышенности, между тем как крестьяне раздвигали терновник, чтобы очистить проход Лантенаку: – Ничего не может быть проще, ваше сиятельство. Все это можно объяснить двумя словами: все ждали только искры. Прокламация республики, возвестив о вашем присутствии, подняла всю страну за дело нашего короля. Кроме того, нас уведомил о том гранвилльский мэр, который тоже на нашей стороне; это ведь он спас аббата Оливье. Нынче всю ночь из-за вас били в набат.

– Вот как! – проговорил маркиз.

– Поэтому мы к вам и явились.

– Вас, вы говорите, семь тысяч?

– Да, сегодня семь тысяч, но завтра нас будет пятнадцать.

Столько должен поставить наш округ. Когда господин маркиз Анри де-Ларошжаклен отправился к католической армии, тоже целую ночь били в набат, и в одну ночь к нему примкнули десять тысяч человек только из шести приходов: Изернейского, Коркесского, Эшобруаньского, Обьесского, Сент-Обенского и Ниельского. У них не было пороха, но у одного каменщика обнаружилось шестьдесят фунтов, предназначенных для взрывных работ, и господин Ларошжаклен с этими припасами пустился в поход. Мы так и предполагали, что вы должны находиться где-нибудь в этих местах, и искали вас.

– Это вы атаковали синих на Эрб-ан-Пайльской ферме?

– Из-за ветра они не слышали набата. Они ничего не подозревали. Хозяева фермы, простые мужики, оказали им хороший прием. Сегодня утром мы окружили ферму. Все синие спали крепчайшим сном, и в один миг все было кончено. Кстати, я раздобыл там лошадь. Не соблаговолите ли сесть на нее, господин генерал?

– Пожалуй.

Один из крестьян подвел белую лошадь, покрытую кавалерийским чепраком. Маркиз, обойдясь без помощи, которую предлагал ему Гавар, вскочил на коня.

– Ура! – закричали крестьяне. (Нужно заметить, что этот английский возглас вошел в привычку среди прибрежного населения Бретани и Нормандии, находящегося в постоянных сношениях с островами по ту сторону Ла-Манша.)

– Где вы намерены учредить вашу главную квартиру, ваше сиятельство? – спросил Гавар, прикладывая руку к головному убору.

– На первое время в Фужерском лесу.

– Это один из семи принадлежащих вам лесов, господин маркиз.

– Нам понадобится полковой священник, – сказал Лантенак.

– Да ведь у нас есть священник – Сент-Эрбррейский викарий.

– А-а! Знаю! Он не раз приезжал в Джерсей.

– Три раза, ваше сиятельство, – проговорил священник,

выступая вперед из рядов повстанцев.

– Здравствуйте, господин викарий, – обратился к нему маркиз. – Вам теперь предстоит немало работы.

– Тем лучше, господин маркиз.

– Вам придется исповедовать немало народу, то есть тех, кто того пожелает. Насильно не заставишь.

– Господин маркиз, – возразил священник, – отец Гастон из Геменэ заставляет республиканцев исповедоваться.

– На то он и цирюльник, – презрительно заметил маркиз. – Смерть должна быть свободна.

В это время вернулся Гавар, уходивший для того, чтобы сделать кое-какие распоряжения.

– Господин генерал, – сказал он, – я жду ваших приказаний.

– Прежде всего – сборный пункт в Фужерском лесу. Пускай пробираются туда поодиночке.

– Я уже отдал на этот счет приказания.

– Вы, кажется, говорили мне, что жители Эрб-ан-Пайля хорошо встретили синих?

– Да, господин генерал, и я за это сжег ферму.

– А поселок вы также сожгли?

– Нет, ваше сиятельство.

– Сожгите и его.

– Синие пытались защищаться; но их было полтораста человек, а нас семь тысяч.

– Из какого они отряда?

– Из отряда Сантерра.

– А-а!!.. того самого, который командовал взводом во время казни нашего короля. Значит, это парижский батальон?

– Не батальон, а полубатальон.

– А как называется этот батальон?

– На знамени его, господин генерал, мы видели надпись: «Батальон Красной Шапки».

– Значит, дикие звери.

– Что прикажете сделать с ранеными?

– Добить.

– А с пленными?

– Расстрелять.

– Их около восьмидесяти человек.

– Так вот всех их и расстреляйте.

– В том числе две женщины.

– И их расстреляйте.

– И трое детей.

– Детей возьмите с собой. Там уж видно будет, что с ними сделать.

С этими словами маркиз погнал своего коня.

VII. Пощады не давать (лозунг коммуны)! Пленных не брать (девиз принцев)!

В то время, как все вышеописанное происходило в Тани-

се, нищий побрел по направлению к Кроллону. Он спускался в овраги и исчезал в темной глухой листве, невнимательный ко всему и внимательный к пустяку, как он сам о том объявил, скорее мечтательный, чем задумчивый, потому что у задумчивого есть впереди цель, а у мечтателя ее не бывает. Он брел, останавливался, перекусывал, где приходилось, шепоткой дикого щавеля, утолял жажду из ручья, порой прислушивался, когда доносился отдаленный шум, и затем снова отдавался ослепительному обаянию природы, подставляя лохмотья под яркие лучи солнца, прислушиваясь больше к пению птиц, чем к звукам людских голосов.

Это был уже старый человек, неспособный быстро ходить. Он, как и объявил маркизу Лантенаку, утомлялся, пройдя с четверть мили. Сделав небольшой крюк по направлению к Круа-Авраншену, он с наступлением вечера повернул в обратную сторону. Пройдя Масэ, он очутился на тропинке, которая вывела его на совершенно голую возвышенность, без малейшей растительности. С возвышенности открывался далекий вид на запад до самого моря.

Его внимание привлек столб дыма, поднимавшийся в воздух. Столб дыма – это всегда и приятно, и страшно. Нет ничего приятнее и нет ничего страшнее. Дым бывает мирный и дым бывает преступный. Густота и цвет дыма являют собой всю разницу между миром и войной, между братством и ненавистью, между гостеприимством и могилой, между жизнью и смертью. Поднимающийся из-за деревьев столб дыма

может являться и символом того, что есть самого лучшего на свете – домашнего очага, и спутником того, что есть самого ужасного на свете – пожара. Часто и все счастье и все несчастье человека заключаются в этом разносимом ветром дыме.

Тот дым, на который смотрел Тельмарк, вселял тревогу. Он был черен, с красными проблесками, свидетельствовавшими о том, что пламя не находило себе равномерной пищи, что оно то ослабевало, то разгоралось над фермой Эрб-ан-Пайль.

Тельмарк ускорил шаг и пошел по направлению к дыму. Несмотря на усталость, его мучило любопытство, и он хотел поскорее узнать, чем вызван этот дым. Он взобрался на гребень косогора, к которому прислонились ферма и скотный двор. Но оказалось, что не было больше ни фермы ни скотного двора. Видна была только куча горящих построек – это были остатки фермы Эрб-ан-Пайль.

Печально, когда горит дворец, но еще печальнее, когда горит хижина. Охваченная огнем хижина – это верх бедствия. Разорение, обрушившееся на бедняка, это коршун, налетевший на земляного червя, – разве это не сжимающая сердце бессмыслица?

Согласно библейской легенде, оглянуться на пожар⁶⁸ –

⁶⁸ ...значит превратиться в соляной столб... – библейская легенда гласит, что Бог, решив уничтожить погрязшие в разврате города Содом и Гоморру, заранее предупредил праведника Лота о грядущей катастрофе, чтобы тот со своими домочадцами успел покинуть город, но ни в коем случае никто не оборачивался на пожар, ибо оглянувшийся превратится в соляной столб.

значит превратиться в соляной столб. Тельмарк на минуту превратился в такой столб. Открывшееся перед его взором зрелище сделало его неподвижным. Все это дело разрушения происходило среди глубочайшего безмолвия. Не слышно было ни единого звука; из клубов этого дыма не раздавалось ни единого вздоха; горнило огня продолжало буйствовать и пожирать строения, но не было слышно никакого иного звука, кроме треска обрушивающихся балок и горящих соломенных крыш. Изредка дым рассеивался, и сквозь обвалившиеся крыши можно было разглядеть охваченные пламенем комнаты; пламя окрашивало в рубиновый цвет эти убогие жилища, и старая, нищенская домашняя утварь появлялась в ярко-алом свете в изумрудной оправе.

Тельмарк был совершенно ослеплен этой жуткой картиной бедствия. Он прислушивался, в надежде услышать человеческий голос, крик, призыв. Но ничто не двигалось, кроме пламени. Неужели же все обитатели фермы бежали? Куда же делась эта живая, работающая группа обитателей Эрб-ан-Пайля? Что стало со всеми этими людьми?

Тельмарк спустился с пригорка. Пред ним стояла неразрешимая и мрачная задача. Он приближался к ней медленными шагами, не спуская с нее глаз. Он приближался к этим развалинам медленно, словно привидение. Перед этой могилой он сознавал себя как бы призраком.

Он подошел к бывшим воротам фермы и заглянул во двор, который теперь уже не имел стен и сливался в одно

целое с группировавшимися вокруг него постройками. Оказалось, что то, что он видел раньше, было ничто по сравнению с тем, что ему предстояло увидеть. До сих пор то, что он видел, было страшно. То, что ему предстояло увидеть, было ужасно.

Посреди двора он увидел какую-то черную кучу, освещаемую с одной стороны луной, с другой – пламенем. Куча эта была грудой людей. Люди эти были мертвы. Вокруг них лежала громадная, слабо дымившаяся лужа. Пламя пожара отсвечивалось в этой луже, которая, впрочем, и без этого освещения была красной: это была лужа крови.

Тельмарк приблизился к куче и стал рассматривать одно за другим распростертые здесь тела: все это были трупы, освещенные с одной стороны луной, а с другой – пламенем.

Все эти трупы были одеты в солдатские мундиры. Все они были босы: очевидно, их разули. С них также снято было оружие; но на них оставили их синие мундиры. Там и сям можно было различить в груды голов и тел пробитых пулями треугольные шляпы с трехцветными кокардами. То были тела республиканцев, тела тех самых парижан, которые еще накануне были все живы и здоровы и составляли гарнизон Эрб-ан-Пайльской фермы. Людей этих, очевидно, расстреляли, на что указывало симметричное падение тел; их убили наповал, и притом весьма аккуратным образом. Из всей груды не раздавалось ни единого хрипа.

Тельмарк осмотрел каждое тело, не пропустив ни одного.

Все они были изрешечены пулями. Те, которые их расстреляли, торопясь, по-видимому, уйти в другое место, не дали себе даже труда их похоронить.

Он уже собирался было уходить, как взор его случайно упал на тянувшийся вдоль двора низкий забор, и он увидел четыре ноги, высовывавшиеся из-за угла этого забора. Эти ноги были обуты в башмаки, и они были меньше остальных. Тельмарк подошел поближе: оказалось, что то были женские ноги. Позади забора лежали рядом две женщины: они также были расстреляны.

Тельмарк наклонился над ними. На одной из женщин было надето нечто вроде мундира; возле нее лежал разбитый пустой жбан, очевидно, это была маркитантка. Голова ее была пробита четырьмя пулями; она была мертва.

Тельмарк стал рассматривать другую, которая одета была в крестьянское платье. Лицо ее было мертвенно бледно, рот разинут, глаза закрыты. На ее голове незаметно было ни единой раны. Платье ее, превратившееся, вероятно, вследствие долгого странствования, почти в лохмотья, было раскрыто на груди, до половины ее обнажая. Тельмарк спустил платье с плеч и увидел на одном плече рану, причиненную ружейной пулей. Была перебита ключица.

– Мать и кормилица, – пробормотал он, глядя на эти бледные груди.

Он дотронулся до нее: тело еще не успело остыть. На ней было незаметно никаких иных ран, кроме перебитой ключи-

цы и раны в плече. Он прикоснулся рукой к сердцу и почувствовал его слабое биение. Женщина была еще жива.

Тельмарк выпрямился и закричал громким голосом:

– Эй, неужели здесь никого нет?

– Это ты, Попрошайка? – раздался в ответ голос, настолько слабый, что его еле было слышно. И в то же время из отверстия высунулась голова. Затем из другой развалины высунулась другая голова.

То были два крестьянина, успевшие укрыться от произошедшей здесь резни – единственные два существа на ферме, оставшиеся в живых. Знакомый им голос нищего успокоил и заставил выползти из укрытия, в которое они забились.

Они подошли к Тельмарку, все еще трясаясь от страха. Со своей стороны Тельмарк, еще за минуту перед тем находивший в себе силы кричать, не мог произнести ни слова: так иногда действует очень сильный страх. Он указал им пальцем на лежавшую у его ног женщину.

– Что она, еще жива? – спросил один из крестьян.

Тельмарк утвердительно кивнул головой.

– А все остальные перебиты, не правда ли? – спросил крестьянин, первый высунувший свою голову. – Я все видел, спрятавшись в погребке. В такие минуты от души благодаришь Бога за то, что Он не дал тебе семейства. Господи Иисусе! Всех перебили! А мой дом сожгли. У этой женщины были дети – трое детей, мал мала меньше. Ребятишки ревели: «Мама», мать кричала: «О, дети мои!» Мать они убили, а

детей увели с собой. Я все это видел, о боже мой, боже мой, боже мой!.. Убивши всех, они ушли, очень довольные своим делом. Мать они убили, а детей увели с собою. Но она не умерла, не правда ли, не умерла? Скажи-ка, Попрошайка, как ты думаешь, можно будет ее спасти? Если хочешь, мы поможем тебе отнести ее в твою конуру.

Тельмарк утвердительно кивнул головой.

Лес был в нескольких шагах от фермы. Они втроем живо смастерили из хвороста и прутьев носилки, положили на них все еще бесчувственную женщину и углубились в чащу. Крестьяне несли носилки, а Тельмарк шел рядом, поддерживая руку женщины и щупая ее пульс.

Дорогой крестьяне разболтались и обменивались над бледным, окровавленным, освещенным луною ликом полумертвой женщины следующими отрывистыми восклицаниями:

– Все перебить! Все сжечь! О, Господи боже мой, что же теперь будет!

– А ведь все это сделано по распоряжению того высокого старика.

– Да, да, он был у них командиром.

– Я его не видел в ту минуту, когда начался расстрел. Он что, был тут же?

– Нет, он ушел раньше. Но все равно, бойня произведена была по его приказанию.

– Так, значит, он во всем виноват?

– Да, я слышал, как он говорил: «Убивайте! Жгите! Не давайте пощады!»

– Говорят, это какой-то маркиз.

– Да еще бы не маркиз! Ведь это наш маркиз и есть!

– А как его фамилия?

– Маркиз Лантенак.

Тельмарк поднял глаза к небу и пробормотал сквозь зубы:

– О, если бы я это знал!

Часть вторая В Париже

Книга первая. Симурдэн

I. Парижские улицы времен Революции

В те времена весь Париж жил на улице. Парижане обедали на столах, поставленных перед дверьми домов; женщины, сидя на церковных папертях, щипали корпию⁶⁹, распевая «Марсельезу»; парк Монсо и Люксембургский сад были превращены в учебные плацы; не было такого переулка, в котором бы не кипела работа оружейников, где не изготавливали бы ружья на глазах рукоплескавшей толпы. Из всех уст только и раздавались, что слова: «Еще немножечко потерпеть! Революция в полном разгаре». Все выглядели героями. Даже театры приняли облик афинских театров времен Пелопоннесской войны⁷⁰. На стенах и заборах были раскле-

⁶⁹ Корпия – перевязочный материал, представлявший собой нитки, нащипанные руками из ветоши. В настоящее время не используется.

⁷⁰ Пелопоннесская война – война 431–404 гг. до н. э. между Афинами и Спартой, поддерживаемыми своими союзниками. Чрезвычайно кровопролитная война, закончившаяся поражением Афин и создавшая предпосылки для установле-

ены афиши вроде следующих: «Осада Тионвилля». – «Мать семейства, спасенная из пламени». – «Клуб беззаботных». – «Папесса Иоанна». – «Солдаты-философы». – «Искусство любить в деревне». Немцы стояли у ворот Парижа. Ходили слухи, будто прусский король велел оставить для себя и своей свиты ложи в опере. Времена были опасные, но никто не боялся. Грозный «закон о подозрительных»⁷¹, сочиненный Мерленом де Дуэ, грозил гильотиной каждой голове. Один прокурор, по имени Серан, на которого был подан донос, ждал, когда придут его арестовать, в халате и в туфлях и играл на флейте у окна. Все куда-то спешили. На всех шляпах были видны трехцветные кокарды. Женщины говорили: «А ведь красные шапочки нам идут». Весь Париж точно куда-то переезжал. Лавки торговцев старым хламом завалены были коронами, митрами, позолоченными скипетрами, гербами с лилиями, вывезенными из дворцов. Падение монархии было заметно на каждом шагу. На крюках у тряпичников висели рясы и стихари⁷². Люди, облеченные в стихари и епитрахи-

ния македонской гегемонии в Греции. Описанию этой войны посвящен знаменитый труд Фукидида «История».

⁷¹ «Закон о подозрительных» – закон, принятый Конвентом 17 сентября 1793 г. и послуживший юридическим обоснованием террора. Согласно этому закону, практически каждый человек мог быть обвинен в неблагонадежности и осужден на смерть.

⁷² Стихарь – длинная одежда с широкими рукавами, надеваемая духовенством при богослужении.

ли⁷³ и сидевшие на ослах, покрытых, вместо попон, церковными облачениями, останавливались возле кабаков и требовали, чтобы им налили водки в похищенные из соборов дароносицы. На улице Сен-Жак босоногие каменщики останавливали тележку торговца обувью и в складчину покупали пятнадцать пар башмаков, которые они посылали Конвенту «для наших солдат». Всюду виднелись бюсты Франклина⁷⁴, Руссо, Брута, Марата; над одним из бюстов Марата, на улице Клош-Перс, было прибито, в рамке из черного дерева, под стеклом, подробное мотивированное обвинение против Малуэ⁷⁵, с припискою на полях следующих двух строк: «Подробности эти сообщены мне любовницей Сильвэна Бальи, доброй патриоткой, весьма ко мне расположенной. Под-

⁷³ Епитрахиль – одеяние священника в виде передника с крестами.

⁷⁴ Франклин Бенджамин (1706–1790) – американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции (1787). Родился в семье ремесленника; работал в типографии. Основал в Филадельфии первую в североамериканских колониях публичную библиотеку (1731), Пенсильванский университет (1740), Американское философское общество (1743). Призывал к отмене рабства негров. По философским воззрениям деист. Сформулировал за полвека до А. Смита трудовую теорию стоимости. Как естествоиспытатель известен главным образом трудами по электричеству, разработал его унитарную теорию. Один из пионеров исследований атмосферного электричества; предложил молниеотвод. Иностраннный почетный член Петербургской академии наук (1789).

⁷⁵ Малуэ Пьер Виктор (1740–1814) – французский политический деятель, депутат Национального собрания, сторонник конституционной монархии. После падения монархии эмигрировал, вернулся с приходом Наполеона к власти. После Реставрации возглавил морское министерство.

писано: Марат». На площади Пале-Рояль надпись на фонтане «Quantos effundit inusus»⁷⁶ была закрыта двумя большими акварелями, из которых одна изображала Кайе де Жервиля⁷⁷, сообщающего собранию лозунг арльских шпионов, а другая Людовика XVI, как его везли обратно в Париж из Варенна в его королевской карете, с двумя гренадерами на запятках. Больших магазинов было мало; но зато на улицах часто попадались женщины с тележками, торгующие галантерейным товаром, освещенным сальными свечками, причем сало беззастенчиво капало на товар. На лотках торговали бывшие монахини в белокурых париках; иная работница, штопавшая в балагане чулки, была графиней; в качестве портнихи можно было встретить маркизу; маркиза де Буффлер жила на чердаке, из которого ей виден был бывший ее дворец. Мальчишки, разносчики газет, громко выкрикивали заглавия продаваемых ими изданий. Уличные певцы встречались чуть ли не на каждом шагу. Толпа освистывала Питу⁷⁸, роялистского певца, которого двадцать два раза брали под арест и который был предан суду за то, что хлопнул себя по ляжкам, произнеся «гражданин»; видя, что жизни его угрожает

⁷⁶ «Многим на пользу бьет его струя» (*лат.*).

⁷⁷ Кайе де Жервиль Бон Клод (1752–1796) – деятель Великой французской революции, адвокат, сторонник конституционной монархии. В 1789 г. прокурор-синдик Парижа.

⁷⁸ Питу Луи Анж (1769–1828) – французский поэт и писатель, автор многочисленных песен монархического содержания. Подвергался преследованиям со стороны республиканского правительства.

опасность, он воскликнул: «Да ведь в этом виновата не моя голова, а совсем другая часть тела». Это рассмешило судей и спасло ему жизнь. Этот Питу зло подсмеивался над существовавшей тогда модой употреблять латинские и греческие слова; в любимой его песенке говорилось о каком-то мыловаре «Сужус» и о жене его «Сужусдам». Тут же на улице танцевали карманьолю⁷⁹, но при этом избегали слов «кавалер» и «дама», используя вместо этого: «гражданин» и «гражданка». Плясали в разоренных монастырях, причем на алтари ставились светильники, на потолках, на прикрепленные крестообразно шесты, втыкались свечи, а под ногами пляшущих лежали гробницы усопших. Мужчины носили синие жилеты, называвшиеся «тиранскими». Улица Ришелье была переименована в улицу Закона; Сент-Антуанское предместье – в предместье Славы; на площади Бастилии была поставлена статуя Природы. В толпе произносились имена некоторых прохожих: Шаклэ, Дидье, Никола и Гарнье-Делонэ, карауливших дверь столяра Дюплэ⁸⁰; Вуллана⁸¹, не пропускавшего ни одной казни и ходившего за повозками с осужденными, –

⁷⁹ Карманьола – французская революционная песня-пляска, впервые прозвучавшая в Париже в 1792 г. в связи со взятием дворца Тюильри.

⁸⁰ Дюплэ Морис (ок. 1738—) – деятель Великой французской революции, столяр, у которого на квартире жил Робеспьер. Член Якобинского клуба и Революционного трибунала, участник заговора Бабефа, горячий сторонник Робеспьера.

⁸¹ Вуллан Жан Анри (1751–1801) – французский политический деятель, адвокат. Депутат Учредительного собрания, а впоследствии Конвента, один из организаторов термидорианского переворота.

он называл это «ходить к красной обедне»; маркиза Монфлабера, ставшего членом революционного трибунала и требовавшего, чтобы его называли «Десятое августа». Толпа смотрела, как проходили воспитанники Военной школы, переименованные декретом Конвента в «кандидаты школы Марса» и прозванные народом «пажами Робеспьера». Читались прокламации Фрерона⁸², обвинявшего так называемых «подозрительных» в преступлении «торгашества». Щеголи, толпясь у дверей мэрий, насмехались над людьми, являвшимися туда для заключения гражданских браков, и гурьбой ходили за новобрачными, приговаривая: «муниципально бракосочетавшиеся». Перед зданием Инвалидов на головы статуй, изображавших королей и святых, надеты были фригийские колпаки⁸³. На тротуарных тумбах играли в карты; но и карты не избежали реформ: вместо королей были гении, вместо дам – свободы, вместо валетов – равенства, вместо тузов – законы. Общественные сады возделывались под пашню, в Тюильрийском саду работал плуг. Во всем обществе, в особенности у побежденных классов, сказывалась какая-то скука жизни; кто-то писал Фукье-Тенвиллю⁸⁴: «Будьте так

⁸² Фрерон Станислав Луи Мари (1754–1802) – французский политический деятель, депутат Конвента. Будучи комиссаром в Тулоне, проявил чрезмерную жестокость. Один из организаторов термидорианского переворота.

⁸³ Красный фригийский колпак – головной убор революционно настроенных французов.

⁸⁴ Фукье-Тенвилль Антуан Кантен (1747–1795) – деятель Великой французской революции. Служил шпионом в полиции. В 1793 г. был назначен офици-

любезны – избавьте меня от жизни. Вот мой адрес». Всюду масса газет. Ученики парикмахеров публично расчесывали женские парики, между тем как хозяин их вслух читал «Монитор»; другие, собравшись группами и сильно жестикулируя, рассуждали о только что прочитанном номере «Столкуемся» Дюбуа-Крансэ⁸⁵ или «Труб отца Бельроза». Иногда парикмахеры соединяли это ремесло с ремеслом колбасников, и можно было видеть окорока ветчины и колбасы висевшими рядом с куклой в парике из золотистых волос. Торговцы продавали на улицах «эмигрантскую водку»; у одного из них вывеска гласила, что здесь продается водка пятидесяти двух различных сортов; другие продавали часы в форме лиры и «дивана герцогинь»; на вывеске одного парикмахера можно было прочесть следующее: «Брею духовенство, причесываю дворянство, стрижу третье сословие». Ходили гадать на картах к некоему Мартену, жившему в доме № 173 на улице Анжу, которая прежде называлась «Дофиновой». В хлебе, угле, мыле чувствовался недостаток; из провинции пригонялись целые стада дойных коров. Баранина продавалась на рынках по 15 франков за фунт. Согласно решению Коммуны, на каждого человека полагалось по одному фунту на 10 дней. Перед дверьми мясников вытягивался хвост; один из этих хвостов, как гласит предание, простирался от ули-

альным обвинителем Революционного трибунала, где отличался необыкновенной жестокостью. После падения Робеспьера был арестован и казнен.

⁸⁵ Дюбуа-Крансэ (1747–1814) – французский политический деятель, депутат Учредительного собрания, а впоследствии Конвента, якобинец.

цы Пти-Карро до середины улицы Монторгейль. В те времена образовывать очередь называлось «держатъ веревку», так как все стоявшие в хвосте держались за длинную веревку. В эти бедственные времена женщины выказывали кротость и бодрость духа и спокойно проводили ночи у дверей булочных в ожидании, пока их впустят. Революция оказывалась изобретательной на средства: ассигнации были в ее руках рычагом, такса – точкой опоры. Эмпиризм в данном случае спас Францию. Враг в Кобленце и враг в Лондоне – оба вели биржевую игру на ассигнации. По улицам расхаживали девушки, предлагая лавендуловое масло, подвязки и искусственные косы, а также меняя деньги; менялы, в грязных сапогах, с намасленными волосами, в меховых шапках с лисьими хвостами, стояли от улицы Дюперрон до улицы Вивьен; на улице Валуа стояли щеголи, в лакированных сапогах, с зубочистками во рту и с плюшевыми шляпами на голове; девушки обращались к ним на «ты». Толпа преследовала их, равно как и воров, которых роялисты в насмешку называли «деятельными гражданами». Число краж было, впрочем, незначительно: суровая нищета отличалась стоической честностью. Босоногие и голодные оборванцы проходили, серьезно опустив глаза, мимо окон ювелиров в галерее бывшего Пале-Рояля. При обыске, произведенном на квартире у Бомарше⁸⁶, в квартале Сент-Антуан, одну жен-

⁸⁶ Бомарше Пьер Огюстен (1732–1799) – французский драматург, автор комедий «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784) и др.

щину застали срывающей цветок в саду; толпа горожан осыпала ее пощечинами. Дрова стоили четыреста франков серебром сажень; на улицах можно было видеть людей, распиливающих на дрова свои кровати. Зимой фонтаны замерзли, и вода продавалась по франку ведро; все превратилось в водовозов. За луидор давали 3900 франков ассигнациями; извозчикам платили по 600 франков в один конец. Если кто нанимал извозчика на целый день, то вечером не в редкость было услышать следующий диалог: «Сколько вам следует, извозчик?» – «Шесть тысяч франков». Одна торговка продавала зелени на 20 000 франков в день. Нищий говорил: «Подайте, Христа ради! Мне недостает 230 франков, чтобы заплатить за починку моих башмаков». У входов на мосты стояли громадные вырезанные из дерева и размалеванные Давидом⁸⁷ статуи, которые Мерсье⁸⁸ очень непочтительно называл «громадными деревянными болванами»: статуи эти должны были изображать побежденных Коалицию и Фе-

⁸⁷ Давид Жак Луи (1748–1825) – французский художник. Основные его произведения написаны в историческом и портретном жанре – «Клятва Горациев», «Переход Бонапарта через Сен-Бернар» и др. Участие в Великой французской революции привело его к избранию в Конвент, аресту, и только слава художника спасла его от гильотины. Впоследствии стал ревностным приверженцем Наполеона, что отразилось на тематике его творчества. После Реставрации Бурбонов был вынужден эмигрировать в Бельгию, где и умер.

⁸⁸ Мерсье Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель, драматург, автор литературно-теоретических и лингвистических трудов. Будучи убежденным последователем Руссо, всячески распространял его взгляды за пределами Франции. Переводил на французский язык Шекспира, Мильтона, Шиллера, Гете.

дерализм.

Во всей этой толпе незаметно было следов уныния, напротив, сказывалась радость по поводу низвержения престолов. Волонтеры стекались со всех сторон. Каждая улица выставляла по батальону. На улицах то и дело попадались большие знамена с самыми разнообразными девизами; так, например, на знамени Капуцинского округа можно было прочесть надпись: «Никто не станет нас брить». На другом: «Нет больше никаких благородных званий; есть только благородные сердца». На городских стенах и заборах попадались афиши – большие, малые, белые, желтые, зеленые, красные, напечатанные и рукописные, на которых изображалось громадными буквами: «Да здравствует Республика!» Маленькие дети лепетали песенку: «Ca ira!» Эти дети были будущим нации.

Впоследствии трагический характер города заменился характером циническим. Парижские улицы в эпоху революции имели двойкий, резко отличавшийся один от другого вид, – до и после 9 термидора⁸⁹. Париж Сен-Жюста⁹⁰ сменился Па-

⁸⁹ 9 термидора (27 июля) 1794 года – государственный переворот во время Великой французской революции, в результате которого был отстранен от власти Робеспьер и закончился период террора.

⁹⁰ Сен-Жюст Луи (1767–1794) – деятель Великой французской революции, один из организаторов побед французской армии над интервентами в период якобинской диктатуры, член Комитета общественного спасения. Как сторонник Робеспьера во время термидорианского переворота был арестован, приговорен к смерти и казнен.

рижем Тальена⁹¹. Впрочем, подобные антитезы встречались испокон века; после Синая был золотой телец⁹².

Случаи поголовного сумасшествия были нередки в истории человечества; подобный случай во Франции был не далее как за восемьдесят лет до описываемой эпохи. После эпохи Людовика XIV, как и после эпохи Робеспьера, ощущается сильная потребность втянуть в себя побольше воздуха; история Франции XVIII столетия начинается регентством⁹³ и оканчивается Директорией⁹⁴: две сатурналии⁹⁵ после двух

⁹¹ Тальен Жан Ламбер (1767–1820) – якобинец, депутат Конвента с 1792 г., затем один из главных руководителей термидорианского переворота (1794). Отменил Революционный трибунал, всячески старался прекратить террор. Руководил подавлением Прериальского восстания 1795 г. Участник египетской экспедиции Наполеона.

⁹² Речь идет о библейском эпизоде возвращения евреев из египетского плена. По прибытии евреев к подножию горы Синай Моисей поднялся на нее и провел там сорок дней, получив подробные наставления от Бога. За это время народ, предоставленный сам себе, впал в идолопоклонение перед золотым тельцом, изображение которого он себе сделал. Спустившись с горы, Моисей тельца сжег в огне, а главных виновников преступления, в количестве 3000 человек, казнил.

⁹³ После смерти в 1715 г. Людовика XIV и до совершеннолетия Людовика XV Францией до 1723 г. правил герцог Филипп Орлеанский. Этот период при французском дворе отличался распущенностью нравов.

⁹⁴ Директория – во время Великой французской революции название высшей правительственной коллегии, состоящей из пяти лиц (директоров). Существовала в 1795–1799 гг. Свергнута Наполеоном 18 брюмера.

⁹⁵ Сатурналии – праздник Сатурна в Риме. Во время сатурналий как бы снималась разница между рабом и господином, рабы наслаждались временной свободой, пировали вместе со своими хозяевами за одним столом. Своим характером они напоминали возникшие впоследствии карнавалы. Этот популярный празд-

эпох террора. Франция вырвалась из монархии, так же как школьник с бешеной радостью вырывается из пуританского монастыря. После 9 термидора Париж обуюла какая-то безумная радость, не замедлившая принять крайне несимпатичное направление. Неистовое желание смерти сменилось такой же неистовой жаждой жизни, и все величие исчезло. Был у Парижа свой Тримальхион⁹⁶, называвшийся Гримо де ла Реньер; появился «Альманах для обжор». В Пале-Рояль задавались обеды, при звуках фанфар, барабанов и рожков, причем барабанщицами были женщины; наступило царство смычка и песни; у Мео устраивались ужины «по-восточному», среди благоухающих курильниц. Живописец Боз изобразил своих дочерей, прелестных и невинных 16—17-летних девушек, приготовленными для гильотины, то есть с обнаженной грудью и в красных рубашках. Вслед за непристойными плясками в оскверненных церквях явились публичные балы Руджиери, Венцеля, Люкэ, Модюи, госпожи Монтансье; место серьезных «гражданок», щипавших корпию, заняли султанши, дикарки, нимфы; босоногие солдаты, покрытые кровью, грязью и пылью, сменились босоногими женщинами, которые усыпали себя бриллиантами. Вместе с бесстыдством вновь появилась ложь: в высших слоях явились грабители-поставщики, в низших – карманники; последни-

ник существовал до конца античности.

⁹⁶ Тримальхион – главный персонаж произведения Петрония «Пир у Тримальхиона», ставший нарицательным образом выскочки и циника.

ми так и кишел Париж, и обывателю приходилось крепко держаться за свои карманы. Одним из любимых народных развлечений стала прогулка на площади перед зданием суда, где на особых табуретах сидели связанные по ногам и рукам воровки, выставленные на всеобщее позорище. При выходе из театров мальчишки предлагали дрожки с прибаутками, вроде следующей: «Гражданин и гражданка, у меня найдется место для двоих»; на улицах уже не слышно было возгласов: «Старый Сапожник» или «Друг Народа», а слышалось: «Письмо Полишинеля», и «Прощение Мальчишек»; маркиз де Сад⁹⁷ председательствовал в «Обществе Пиковых Валетов», на Вандомской площади. Реакция была в одно и то же время и весела и свирепа: «Драгуны Свободы» 92 года возрождались под именем «Рыцарей Кинжала». В это время на подмостках появился тип простака; наступило время щеголей и щеголих; вместо «честное слово» говорили: «слово жертвы»; от великого быстро перешли к смешному. Здесь повторился замечаемый в Париже ход непрерывного движения. Это – громадный маятник цивилизации; он постоянно переходит от одного полюса к другому, от Фермопил⁹⁸ к

⁹⁷ Сад де Донасьен Альфонс Франсуа (1740–1814) – французский писатель, маркиз. Его произведения отличаются соединением чувственности и жестокости (садизм). Неоднократно преследовался судом, был приговорен к смерти, но помилован и посажен в Бастилию за «содомию и отравление».

⁹⁸ Фермопилы – сражение в 480 г. до н. э., в котором небольшой греческий отряд сдерживал персидскую армию, выигрывая время для отхода основных сил. Это сражение стало синонимом исполнения воинского долга.

Гоморре⁹⁹. После 93 года с Парижем произошло странное затмение; конец века, казалось, забыл свое начало. Началась какая-то оргия, выступившая на первый план и отодвинувшая на задний план недавние ужасы; взрыв хохота заменил крики отчаяния; трагедия исчезла в пародии, и маскарадный чад, в конце концов, затмил на горизонте образ Медузы¹⁰⁰.

Но в то самое время, к которому относится наш рассказ, парижские улицы еще имели тот величественный и мрачный вид, который они получили в начале революции. У них были свои уличные ораторы, вроде Варле¹⁰¹, который произносил свои речи, влезая на крышу небольшого балаганчика на колесах; у него были свои герои, из которых один назывался «капитаном с железной палкой»; свои любимцы, вроде Гюффруа¹⁰², автора памфлета «Ружиф». Некоторые из этих знаменитостей были зловредны, другие, наоборот, полезны и симпатичны. Одна из них представляла странную смесь того и другого: таков был Симурдэн.

⁹⁹ Гоморра – город, погрязший в грехе и уничтоженный за это Богом.

¹⁰⁰ Медуза – единственная смертная из трех горгон, взгляд которых превращал все живое в камень. Была убита Персеем.

¹⁰¹ Варле Жан (1764—?) – деятель Великой французской революции, предводитель радикально настроенных парижских слоев населения. Участвовал в свержении жирондистов, резко критиковал якобинцев за мягкотелость.

¹⁰² Гюффруа Арман Бенуа Жозеф (1742–1801) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента.

II. Симурдэн

Симурдэн был человек честный, но мрачный. Он когда-то был священником, и это обстоятельство наложило на него свой отпечаток. Человеческая душа, подобно небу, может быть в одно и то же время и безоблачна и темна. Звание священника погрузило во мрак душу Симурдэна. Кто однажды был священником – навсегда останется им. Но подобно тому, как в самую темную ночь на небе мерцают звезды, так и на фоне мрачной души Симурдэна блистали достоинства и добродетели.

История его жизни была немногосложна. Первоначально он был учителем в одном знатном доме, а впоследствии – сельским священником; получив небольшое наследство, он отказался от своего прихода. Человек он был в высшей степени упрямый. За каждую мысль он ухватывался, словно клещами; он не считал себя вправе отказаться от какого-нибудь дела, пока не доводил его до конца. Он владел всеми европейскими языками и даже некоторыми иными; он всю свою жизнь, не переставая, учился, что помогало ему оставаться целомудренным. Но подобного рода насилие над человеческой природой представляет своего рода опасность. Став священником, он из гордости, из величия души или по простой случайности, не нарушил своих обетов; но вместе с ними он не сумел сохранить свою веру. Наука сыграла

здесь свою роль. Внимательно всматриваясь в самого себя, он почувствовал себя как бы внутренне искалеченным; но не будучи в состоянии отказаться от своего сана, он постарался переделать себя как личность, только на особый, суровый лад: у него отняли возможность создать семью, он привязался к отечеству; ему отказали в супруге, он полюбил человечество. Но этот громадный объект привязанности по существу является пустотой.

Родители его были крестьянами и, отдавая его в семинарию, мечтали о том, что он пойдет вверх по социальной лестнице; но он добровольно возвратился в народные недра, и притом с какой-то порывистой страстью. Он не мог смотреть на народные страдания без чувства жгучей нежности. Из священника он превратился в философа, а из философа – в бойца. Еще при жизни Людовика XV Симурдэн стал ощущать в своей душе смутные республиканские стремления. Но какова же была его республика? Быть может, платоновская, но, быть может, также и драконовская.

Ему запрещено было любить: он стал ненавидеть. Он возненавидел ложь, деспотизм, теократию¹⁰³, свою священническую рясу; он возненавидел настоящее и устремил свои взоры к будущему; он отчетливо представлял себе его, он ясно видел его перед собой, он предугадывал его – страшным, но в то же время и величественным; он понимал, что для раз-

¹⁰³ Теократия – форма правления, при которой власть принадлежит духовенству.

вязки бедствий человечества должен явиться освободитель, который будет в то же время и мстителем. Он уже издали приветствовал ожидаемую катастрофу.

Когда в 1789 году катастрофа, наконец, наступила, она застала его подготовленным. Симурдэн кинулся в этот водоворот обновления человечества с логичностью и последовательностью, свойственными его натуре. Логика не знает компромиссов. Он пережил все крупные события 1789 года, падение Бастилии, облегчение народных страданий; он пережил 19 июня 1790 года, то есть падение феодализма; он пережил и 1792 год, то есть провозглашение республики. На его глазах поднялась революция; он был не такого закала человек, чтобы почувствовать испуг пред этим великаном; напротив, новые веяния оживили и его; и, будучи почти стариком, – ему было 50 лет, а священник стареет быстрее других людей, – он снова принялся расти вместе с другими, и рост его продолжался из года в год, по мере того как развивались события. Вначале он опасался, как бы революция не потерпела неудачу; он внимательно следил за ее ходом; по мере того как она все больше и больше пугала других, у него на душе, наоборот, становилось все спокойнее. Он желал, чтобы эта Минерва¹⁰⁴, увенчанная звездами будущего, была в то же время и Палладой и чтобы она имела на своем щите го-

¹⁰⁴ Минерва – римская богиня искусств и талантов, покровительница ремесел, под патронажем которой находились ремесленники, учителя, актеры и врачи. В произведениях искусства и литературы послеплатонической эпохи отождествлялась с Афиной.

лову Медузы. Он хотел, чтобы она могла в случае необходимости осветить своим божественным светом адские силы и отплатить им ужасами за ужасы.

Так он дожил до 1793 года. Это был год войны всей Европы против Франции и Франции против Парижа. А что такое была революция? Это была победа Франции над Европой и Парижа над Францией. В этом-то и заключалось все громадное значение этого страшного момента 93-го года, момента более важного, чем весь предшествовавший ему век. Нельзя представить себе ничего более трагического, чем Европу, нападающую на Францию, и Францию, нападающую на Париж. Это драма, приближающаяся к эпосе.

93 год был годом величайшего напряжения. Гроза в этом году достигла своей величайшей силы. Эта гроза нравилась Симурдэну; он чувствовал себя как никогда хорошо. Эта волнующаяся, дикая и величественная среда как нельзя более соответствовала масштабам его мыслей. Этот человек, подобно морскому орлу, чувствовал внутри себя глубокое спокойствие, сопряженное с жадой опасности извне. Некоторые натуры, крылатые, мрачные, но спокойные, как бы специально созданы для бури. Порой встречаются такие бурные души.

Он, впрочем, способен был и к состраданию, но оно у него относилось только к несчастным. При виде страдания, навещающего страх на душу, он весь превращался в самопожертвование. Ничто его не отталкивало, – в этом заключалась его

доброта. Помогать другим было для него потребностью; он разыскивал язвы для того, чтобы целовать их. Труднее всего делать добрые дела, неприглядные для взора; и он предпочитал именно такие дела. Однажды в больнице умирал человек, которого душила злокачественная опухоль в горле. Нарыв был ужасный, быть может, даже заразный, и удалить его нужно было тут же, сейчас, немедленно. Случайно Симурдэн оказался рядом. Он припал губами к нарыву, высосал его – и человек был спасен. В то время на Симурдэне надета была еще священническая ряса, и кто-то из присутствовавших сказал ему: «Если бы вы это сделали для короля, вы завтра же были бы епископом». – «В том-то и дело, – ответил Симурдэн, – что для короля я этого бы не сделал». Этот поступок и этот ответ сделали его популярным в бедных кварталах Парижа, и все страждущие, плачущие и недовольные готовы были идти за ним в огонь и воду. Во время народной ярости против спекулянтов, так часто выражавшейся в прискорбных недоразумениях, Симурдэну достаточно было одного слова, чтобы помешать разграблению лодки с грузом мыла, близ моста Святого Николая, и рассеять разъяренную толпу черни, останавливавшую повозки близ Сен-Лазарской заставы.

Симурдэн принадлежал к числу тех людей, внутри которых звучит некий голос и которые прислушиваются к нему. Люди эти кажутся рассеянными. Это неверно: наоборот, они очень сосредоточены. Симурдэн, по-видимому, ничего не

зная, знал, однако же, все, то есть он прекрасно знаком был с науками, но не знаком был с жизнью. У него была повязка на глазах, как у гомеровской Фемиды; в нем была слепая уверенность стрелы, не видящей цели, к которой она летит. В революционные эпохи ничто не может быть опаснее прямолинейности. Симурдэну эта прямолинейность была свойственна. Он был глубоко убежден в том, что при подобных обстоятельствах крайняя точка зрения представляет собою самую надежную почву, то есть он разделял заблуждение, свойственное умам, заменяющим разум логикой. Он шел дальше Конвента, дальше Коммуны¹⁰⁵; был членом так называемого «Клуба епископского дворца».

В те годы в бывшем епископском дворце собиралась группа людей, не вполне довольных действиями Коммуны; тут же присутствовали молчаливые зрители, имевшие при себе, по выражению Гара¹⁰⁶, столько же пистолетов, сколько и карманов. Это было в высшей степени оригинальное собрание, парижское и космополитическое в одно и то же время, что отнюдь не исключает одно другое, так как Париж – это то место, где бьется сердце народов. Здесь происходило великое плебейское каление добела. На фоне этого собрания Конвент казался холодным, а Коммуна – вялой. Епископский

¹⁰⁵ Коммуна – парижский муниципалитет периода Великой французской революции, игравший большую роль в революционном движении.

¹⁰⁶ Гара Доминик Жозеф (1749–1833) – французский политический деятель и писатель. После Дантона был министром юстиции. Во время террора арестован. При Наполеоне был членом Сената.

клуб представлял собой одну из тех революционных формаций, похожих на формации вулканические. В нем можно было встретить всего понемножку: невежество, глупость, честность, геройство, ярость. В нем попадались и агенты герцога Брауншвейгского¹⁰⁷, и истые спартанцы, и прожженные каторжники. Большая часть членов его были честные безумцы. Жирондисты высказали устами Инара¹⁰⁸, временного председателя Конвента, следующие чудовищные слова: Берегитесь, парижане! От вашего города не останется камня на камне, и со временем тщетно будут искать место, на котором когда-то стоял Париж. Эти-то слова и вызвали учреждение клуба в епископском дворце. Нашлись люди, принадлежавшие к самым различным национальностям которые почувствовали потребность сгруппироваться вокруг Парижа. К этой группе людей примкнул и Симурдэн. Эта группа являлась реакцией против реакционеров. Она возникла вследствие той общей потребности в насилии, которая составляет таинственную и вместе с тем страшную сторону всякой революции. Черпая в этом свою силу, клуб епископского дворца сразу занял в Па-

¹⁰⁷ Брауншвейгский герцог Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806) – прусский генерал, участник Семилетней войны. В 1792 г. был назначен главнокомандующим австро-прусской армией в войне с Францией. В 1806 г., командуя прусской армией, погиб в битве при Ауэштедте.

¹⁰⁸ Инар Максим (1751–1830) – французский политический деятель периода Великой французской революции, жирондист, непримиримый враг монтаньяров, депутат Конвента, 17–31 мая 1793 г. председатель Конвента. С падением жирондистов бежал, благодаря чему избежал смерти. После казни Робеспьера вновь избран в Конвент. При Наполеоне стал ярким реакционером.

риже заметное положение. В году революционных потрясений – Коммуна пала из пушек, Клуб епископского двorca бил в набат.

Симурдэн по своей крайней наивности полагал, что для служения истине дозволены все средства, и это убеждение делало его способным господствовать над крайними партиями. Мошенники видели в нем человека честного и были довольны; даже порочным людям приятно видеть над собой людей добродетельных, хотя это их и несколько стесняет, но все-таки нравится. Паллуа, тот самый архитектор, который сумел извлечь для себя личную выгоду из разрушения Бастилии, продавая ее камни, и который, когда ему было поручено выкрасить тюрьму Людовика XVI, от избытка усердия расписал ее стены цепями и колодками; Гоншон¹⁰⁹, довольно подозрительный оратор из Сент-Антуанского предместья, растративший, как оказалось впоследствии, часть общественных сумм; Фурнье¹¹⁰, тот самый американец, который 17 июня стрелял из пистолета в Лафайета, будучи, как уверяли, подкуплен самим Лафайетом; Анрио¹¹¹, выпущенный из Бисетрской тюрьмы и бывший поочередно лакеем,

¹⁰⁹ Гоншон Антуан (?—1794) – французский генерал, участвовал в подавлении восстания в Вандее.

¹¹⁰ Фурнье Клод (1745–1823) – деятель Великой французской революции, якобинец.

¹¹¹ Анрио Франсуа (1761–1794) – деятель Великой французской революции, якобинец, один из руководителей восстания 1793 г., приведшего к установлению якобинской диктатуры. Казнен термидорианцами.

плясуном на канате, шпионом и воров, прежде чем стать генералом и направить пушки на Конвент; Ларейни¹¹², бывший шартрский старший викарий, сменивший свой молитвенник на «Отца Дюшена»¹¹³; – все эти люди относились с величайшим уважением к Симурдэну, и по временам его чистая и убежденная личность удерживала многих из этих людей не особенно высокой нравственности от предосудительных поступков. В то же время большинство членов этого революционного клуба, состоявшего преимущественно из людей бедных, заблуждающихся, но добрых, верило в Симурдэна и следовало за ним. Помощником его, – или адъютантом, если угодно, – был другой священник-республиканец, Данжу¹¹⁴, особенно популярный у черни за высокий рост и прозванный ею «шестифутовым аббатом». Кроме того, Симурдэн мог бы повести за собой, куда бы только он пожелал, храброго народного предводителя, прозванного «Пиковым генералом», и смелого Трюшона, иначе говоря «Николая Длинного», пытавшегося когда-то спасти графиню Ламбаль¹¹⁵ и подавшего ей свою руку для того, чтобы помочь ей

¹¹² Ларейни Никола Габриэль (1625–1709) – французский политический деятель, в царствование Людовика XIV возглавлял полицию.

¹¹³ «Отец Дюшен» – одна из самых популярных газет периода Великой французской революции, выходившая в 1790–1794 гг. под редакцией Гебера.

¹¹⁴ Данжу Жан Пьер (1760–1832) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, якобинец.

¹¹⁵ Ламбаль Мария-Тереза-Луиза принцесса Кориньян (1749–1792) – близкая подруга королевы Марии-Антуанетты. Как подруга королевы получила разреше-

перешагнуть через трупы; эта попытка, вероятно, и удалась бы ему, если бы тому не помешала жестокая шутка цирюльника Шарло.

Коммуна наблюдала за Конвентом, Клуб епископского дворца наблюдал за Коммуной. Симурдэн, человек прямой, не терпящий никаких интриг, сумел разрушить не одну авантюру из затеянных Пашем, которого Бернонвиль¹¹⁶ называл «черным человеком». Симурдэн находился в этом клубе на равной ноге со всеми. С ним совещались Добсан и Моморо¹¹⁷. Он говорил по-испански с Гусманом¹¹⁸, по-итальянски с Пио, по-английски с Арчером, по-фламандски с Перейрой, по-немецки с австрийцем Проли, внебрачным сыном одного принца. Он умел согласовать несогласуемое. Это придавало

ние разделить с ней заключение в тюрьме. Когда 3 сентября начались убийства в тюрьмах, ее заставили поклясться, что она любит свободу и равенство и ненавидит короля и королеву. Отказавшись от второй половины клятвы, она была растерзана на части, ее голова и сердце были надеты на пики и с ними беснующаяся толпа прошла под окнами тюрьмы, где содержались Людовик XVI с королевой.

¹¹⁶ Бернонвиль Пьер (1752–1821) – французский маршал, маркиз, участник сражений при Жемаппе и Вальми. Был арестован Дюмурье и выдан австрийцам. Впоследствии обменян на дочь Людовика XVI. Проявил себя как посредственный военачальник. Звание маршала получил только после реставрации Бурбонов.

¹¹⁷ Моморо Антуан Франсуа (1756–1794) – деятель Великой французской революции, якобинец. Имел собственную типографию. Казнен после термидорианского переворота.

¹¹⁸ Гусман (1752–1794) – деятель Великой французской революции, испанец. Активно участвовал в борьбе с жирондистами, казнен после свержения Дантона.

ему положение не блестящее, но твердое. Сам Гебер¹¹⁹ боялся его.

В эти времена и среди таких людей Симурдэн пользовался могуществом человека прямолинейного. Это был человек безгрешный, которого другие считали непогрешимым. Никто никогда не видел его плакавшим; это была добродетель недоступная и ледяная. Это был праведник, способный навести ужас на всякого.

Для духовного лица, приставшего к революции, не может быть середины. Священник мог пойти на такое дело лишь из-за самых высоких или из-за самых низких побуждений; он мог стать или героем, или подлецом. Симурдэн оказался героем, но героем одиноким, непонятым, затерявшимся среди общей посредственности; он являлся единственной возвышенной точкой среди безнадежной равнины. Высокие горные вершины имеют общее с девственницей.

Наружность Симурдэна была до крайности заурядна. Одевался всегда очень скромно, можно даже сказать бедно. В молодости он брил макушку; теперь он был лыс, и редкие оставшиеся на его голове волосы поседели. Лоб у него был

¹¹⁹ Гебер Жак Рене (1757–1794) – французский политический деятель, журналист. В 1790 г. начал издавать газету «Отец Дюшен», грубые, циничные, но остроумные статьи которой приобрели ему огромную популярность среди парижской черни. Примыкал к крайнему революционному направлению, после падения жирондистов стал ярым сторонником террора, способствовал уничтожению в Париже христианского богослужения. Считая политику Робеспьера слишком умеренной, призывал к его свержению, за что был арестован и по приговору суда казнен.

широкий и свидетельствовал о недюжинном уме. Говорил он отрывисто и страстно, торжественным, но несколько сухим голосом, не терпящим возражений; взор его был ясен и глубок, на губах никогда не появлялась улыбка, все его лицо несло на себе печать какого-то скрытого негодования.

Таков был Симурдэн, имя которого в наше время вряд ли кому известно. В истории встречаются подобные таинственные незнакомцы.

III. Уголок, не погруженный в реку забвения

Мог ли подобный человек быть человеком? Мог ли слушатель рода людского питать привязанность к какому-нибудь одному человеку? Не слишком ли в нем ум преобладал над сердцем? Могли ли эти объятия, открытые для всех вообще, относиться к кому-нибудь в частности? Мог ли Симурдэн любить?

На это мы прямо ответим: «Да!»

Еще будучи в молодости учителем в одном знатном семействе, он страстно привязался к своему ученику, единственному сыну и наследнику в этом древнем роде. Впрочем, ведь любить ребенка – это так легко! Чего только не простишь ребенку! Невинность возраста заставляет забыть все. Раб прощает ребенку то, что тот – сын его мучителя; старик-негр способен безумно любить белого младенца. – Итак,

Симурдэн страстно привязался к своему ученику. Детство имеет то странное свойство, что оно может исчерпать весь запас любви. Все, что в Симурдэне было способно любить, сосредоточилось на этом ребенке. Кроткое и невинное существо стало в какой-то степени добычей сердца, осужденного на одиночество. Симурдэн любил его всей силой своей души, – как отец, как брат, как друг, как создатель. Это был его сын – сын не по плоти, а по духу. Он не был его отцом; физически – ребенок не был его созданием; но он был его воспитателем, и духовно мальчик был вполне его созданием. Из маленького аристократа он сделал человека, и – кто знает! – быть может, великого человека. Ведь человеку простиительно мечтать. Без ведома семейства, – да разве и нужно позволение для того, чтобы развить ум, волю, характер? – он передал молодому виконту, своему ученику, все свои мысли, он привил ему всю свою добродетель, он перелил в его жилы свои убеждения, свои идеалы; в этот аристократический мозг он влил народную душу.

Человеческий ум – это та же грудь кормилицы, и между воспитателем, питающим своим умом, и кормилицей, питающей своею грудью, существует несомненная аналогия. Часто воспитатель является больше отцом, чем отец, равно как и кормилица бывает зачастую больше матерью, чем родная мать.

Симурдэна привязывала к его воспитаннику глубокая родительская любовь. Он приходил в умиление при одном ви-

де этого ребенка. Нужно заметить еще, что заменить ребенка отца было тем легче, что ребенок этот был круглый сирота и остался на попечении своей слепой бабушки и вечно отсутствовавшего дяди. Вскоре и бабушка умерла. Оставшийся главой семейства дядя, занимавший видный пост в армии и при дворе и имевший обширные поместья, не любил свой старый родовой замок, жил обычно в Версале или же был в походах и оставлял сироту в одиночестве в старинном замке. Таким образом воспитатель был в полном смысле слова хозяином своего дела. Нужно еще заметить, что ребенок этот даже и родился на глазах у Симурдэна. Будучи еще младенцем, он перенес опасную болезнь, причем Симурдэн не отходил от его постели ни днем ни ночью. Врач лечит, а сиделка спасает: Симурдэн сделался сиделкой и спас ребенка. Таким образом его воспитанник был обязан ему не только своим воспитанием и образованием, но и здоровьем и самой жизнью. Человеку свойственно боготворить того, кто ему всем обязан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Симурдэн души не чаял в мальчишке.

Но жизнь не преминула их разлучить. Когда воспитание было окончено и ребенок превратился в молодого человека, Симурдэну пришлось с ним расстаться. О, с какую холодной и бессознательной жестокостью совершаются эти разлуки! С каким ужасным спокойствием семейства отпускают и кормилицу, вскормившую ребенка своим молоком, и воспитателя, вложившего в него свою душу! Симурдэна расчи-

тали и уволили; он покинул высшие слои общества, для того чтобы снова вернуться в низшие; перегородка между великим и малым воздвиглась снова; молодой аристократ, записанный офицером с самого дня своего рождения и сразу получивший капитанский чин, отправился к своему полку, скромный воспитатель, уже давно тяготившийся в глубине своего сердца званием священника, поспешил, однако, вернуться в тот мрачный нижний этаж церкви, который называется сельским духовенством. Вскоре Симурдэн потерял из виду своего воспитанника.

Тем временем произошла революция. В душе Симурдэна продолжало жить воспоминание об этом ребенке, из которого он сделал человека; оно было несколько отуманено крупными общественными событиями, но отнюдь не погасло. Слепить статую и вдохнуть в нее жизнь, конечно, прекрасно; но развить ум и вдохнуть в нее чувство правды – еще лучше. Симурдэн и сыграл роль Пигмалиона¹²⁰ по отношению к этой душе.

Ведь бывают же дети не только по плоти, но и по духу. Этот воспитанник, этот ребенок, этот сирота был единственным существом на земле, которое Симурдэн любил.

Но мог ли быть уязвим такой человек даже в такой привязанности? Читатель скоро это увидит.

¹²⁰ Пигмалион – в греческой мифологии Пигмалион, царь Кипра, знаменитый скульптор. Пигмалион влюбился в изваянную им статую девушки Галатеи. По его просьбе Афродита ее оживила, и Пигмалион женился на ней.

Книга вторая. Кабачок на Павлинъей улице

I. Минос, Эак и Радамант

На Павлинъей улице был кабачок, почему-то называвшийся кофейной. При этой «кофейне» была задняя комната, с тех пор ставшая исторической. В ней иногда сходились, тайком, люди до того могучие и до того стоявшие на виду, что они не решались заговаривать друг с другом публично. Здесь-то 23 октября 1792 года так называемая Гора¹²¹ и Жиронда обменялись знаменитым поцелуем. Сюда-то Гара, хотя он в том и не сознается в своих мемуарах, являлся за справками в ту темную ночь, в которую он, отвезя Клавьера¹²² в безопасное место на Бонской улице, остановил свою карету на Королевском мосту, для того чтобы прислуши-

¹²¹ Гора (монтаньяры) – революционно-демократическая группа депутатов в Конвенте во время Великой французской революции, занимавшая верхние ряды в зале заседаний (отсюда название – *montagne* – гора), представляющая агрессивную настроенную среднюю буржуазию.

¹²² Клавьер Этьен (1735–1793) – швейцарский и французский политический деятель. Неудачная попытка государственного переворота в Швейцарии заставила его бежать во Францию, где в 1791 г. он был избран в Национальное собрание. Примкнул к жирондистам, некоторое время был министром финансов. В 1793 г. арестован и в тот же день покончил с собой.

ваться к звукам набата.

28 июня 1793 года за столом в этой задней комнате сидели три человека. Стулья их не соприкасались между собою; они сидели каждый за одной из сторон стола, причем четвертая оставалась пустой. Было около восьми часов вечера; на улице было еще светло, но в задней комнате кабачка уже было темно, и привешенная к потолку лампа – по тем временам большая роскошь – освещала комнату.

Один из этих трех собеседников был бледнолицый, серьезный молодой человек, с тонкими губами и холодным выражением глаз. Лицо его нервно подергивалось, что делало его улыбку похожей на гримасу. Он был напудрен, в перчатках, застегнут на все пуговицы; платье его было тщательно вычищено и на нем не заметно было ни одной складки. При светло-синем фраке он носил нанковые панталоны, белые чулки, высокий галстук, брыжи со сборками и башмаки с серебряными пряжками. Из двух остальных его собеседников один представлял собой что-то вроде великана, другой – что-то вроде карлика. Высокий, на котором неуклюже висел фрак из красного сукна, а вокруг шеи беспорядочно был намотан шарф со свесившимися на расстегнутый жилет концами, причем некоторых пуговиц у жилета не хватало, был в сапогах с отворотами и поражал своим взъерошенным видом, хотя на его голове и можно было заметить слабые следы работы парикмахера; его парик был похож на гриву. Лицо у него было рябое, брови сердито сдвинуты, губы толстые,

зубы белые, глаза блестящие, руки громадные. Товарищ его, когда сидел, казался горбатым; цвет лица у него был желтый, глаза были налиты кровью, щеки бледны; на его закинутой назад голове, повязанной платком, виднелись из-под последнего густо напомаженные волосы; лоб у него был узок, но зато рот громаден и безобразен. Панталоны его составляли одно целое с чулками, жилет его когда-то был сделан из белого атласа, но сильно загрязнился, на ногах болтались широкие башмаки; поверх жилета, в суконном чехле, висел, насколько можно было судить по очертаниям, кинжал.

Первый из этих трех человек был Робеспьер, второй – Дантон, третий – Марат.

Они были в комнате одни. Перед Дантоном стояли стакан и запыленная бутылка вина, напоминавшая Лютеровскую кружку пива, перед Маратом – чашка кофе, перед Робеспьером – лежали бумаги. Возле связки бумаг стояла круглая свинцовая чернильница, в виде тех, которые, по всей вероятности, еще памятны лицам, посещавшим школы в начале XIX столетия. Около чернильницы валялось перо. На бумаге была положена большая медная печать, которая представляла собою миниатюрную копию с Бастилии и на которой вырезаны были слова «Palloy fecit»¹²³. Посредине стола была разложена карта Франции.

Возле двери, но с наружной ее стороны, стоял верный страж Марата, тот самый полицейский комиссар с улицы

¹²³ «Работы Фаллуа» (лат.).

Корделье, которому суждено было две недели спустя, а именно 13 июля, ударить стулом по голове Шарлотту Корде¹²⁴, в эту самую минуту, то есть 28 июня, замышлявшую в Каэне убийство Марата. Лоран Басс занимался также разноской корректурных листов «Друга Народа». Будучи приведен в этот вечер своим начальником в кофейню Павлина, он должен был стоять на страже возле двери комнаты, в которой сидели Марат, Дантон и Робеспьер, и не пропускать в эту комнату никого, кроме некоторых членов Комитета общественной безопасности, Коммуны или Клуба епископского дворца. Робеспьер велел впустить Сен-Жюста, Дантон – Паша, а Марат – Гюсмана.

Совещание продолжалось уже долго. Касалось оно лежавших на столе и уже прочитанных Робеспьером бумаг. Споры становились все резче и резче, и в голосах этих трех людей порой звучали сердитые ноты. Громкие голоса были слышны даже снаружи. В те времена народ до того уже привык к трибунам и к публичным речам, что у него невольно появлялась потребность слушать; в те времена даже какой-нибудь рассыльный Фабриций Пари считал себя вправе под-

¹²⁴ Корде Марианна Шарлотта (1768–1793) – одна из героинь Великой французской революции. Получила прекрасное классическое образование, была пламенной сторонницей республиканских идей, все симпатии ее были на стороне жирондистов. С началом террора, когда начались гонения на жирондистов, и считая виновником этой политики Марата, приехала в Париж и 13 июля добилась у него аудиенции. Во время встречи нанесла ему удар кинжалом прямо в сердце, после чего добровольно сдалась властям. 17 июля предстала перед судом и в тот же день была казнена.

смаатривать в замочную скважину, что делает Комитет общественной безопасности, и это, сказать мимоходом, оказалось впоследствии совсем не лишним, так как этот самый Пари в ночь с 30 на 31 марта 1794 года¹²⁵ предупредил Дантона о решениях Комитета. Итак, Лоран Басс приложил ухо к двери комнаты, в которой совещались Дантон, Марат и Робеспьер. Хотя он, собственно, состоял на службе у Марата, но в то же время являлся и агентом Клуба епископского дворца.

II. *Magna testantur voce per umbras*¹²⁶

Наконец Дантон встал и резким движением отодвинул свой стул.

– Послушайте! – воскликнул он. – Есть только одно дело неотложной важности, а именно опасность, угрожающая республике. Для меня существует только один долг – спасти Францию от неприятеля. Для этого хороши все средства, все – решительно все! Когда я имею дело с серьезной опасностью, я пользуюсь всем, чем могу, и когда мне приходится всего опасаться, я иду напролом. Моя мысль подобна львице. В деле революции я не допускаю никаких полумер, никаких церемоний. Немезида¹²⁷ должна быть беспощадна. Бу-

¹²⁵ 31 марта 1794 г. Дантон был арестован и через четыре дня, 5 апреля, казнен.

¹²⁶ Громким голосом спорят в темноте (*лат.*).

¹²⁷ Немезида – в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступление.

дем страшны – и мы будем полезны. Разве слон разбирает, куда он ставит ногу? Раздавим неприятеля!

– Я против этого ничего не имею, – ответил Робеспьер мягким голосом и затем прибавил: – Но весь вопрос в том, где враг?

– Во Франции его нет, и выгнал его – я! – воскликнул Дантон.

– Нет, он здесь, и я слежу за ним, – проговорил Робеспьер.

– Ну, так я его опять прогоню, – сказал Дантон.

– Внутреннего врага не изгоняют.

– Так что же с ним делают?

– Его уничтожают.

– Я согласен и на это, – в свою очередь, проговорил Дантон. – Но только я вас уверяю, Робеспьер, что он вне страны, – прибавил он.

– А я вас уверяю, Дантон, что он здесь.

– Он возле границ, Робеспьер.

– Нет, Дантон, он – в Вандее.

– Успокойтесь, – сказал третий голос, – он – всюду, и вы погибли.

То был голос Марата. Робеспьер взглянул на Марата и спокойно возразил.

– Нам не нужно общих мест. Я констатирую факты.

– Педант! – пробормотал сквозь зубы Марат.

Робеспьер положил руку на разложенные перед ним бумаги и продолжал:

– Я только что прочел вам донесение марнского депутата. Я только что передал вам сведения, доставленные Желамбром. Послушайте, Дантон, обычная война – ничто, война гражданская – все. Простая война – это не что иное, как царапина на локте; гражданская же – это рак в печени. Из всего, что я только что прочел вам, явствует следующее: Вандея, в которой до сих пор действовали вразброд разные предводители, готова сплотиться. У нее отныне будет один главнокомандующий...

– Центральный разбойник, – пробормотал сквозь зубы Дантон.

– ...а именно человек, высадившийся 2 июня близ Понторсона, – продолжал Робеспьер. – Вы знаете, кто он таков. Заметьте, что высадка эта совпадает по времени с задержанием в Байе, в этом изменническом Кальвадосском департаменте, наших чрезвычайных уполномоченных: депутата от Кот-д’Ора и Ромма; арестованы они 2 июня, то есть в тот же самый день.

– Да, и отправлены в Каэнский замок, – вставил свое слово Дантон.

– В депешах говорится далее, – продолжал Робеспьер, – что партизанская война организуется на широкую ногу. В то же время готовится высадка англичан; вандейцы и англичане – это значит бретонцы и британцы. Финистерские мужланы говорят тем же языком, как и корнуоллская сволочь.

Я предъявил вам перехваченное письмо Пюизе¹²⁸, в котором говорится что «двадцать тысяч красных мундиров, появившись на месте восстания, заставят подняться сто тысяч человек». Когда крестьянское восстание вспыхнет во всю мощь, произведена будет высадка англичан. Вот их план. Не угодно ли вам обратиться к карте.

Робеспьер продолжал, водя пальцем по карте:

– Англичане могут выбрать для высадки любой пункт, от Канкаля до Пемполя. Крэг предпочел бы Сент-Бриесскую бухту, генерал Корнваллис¹²⁹ – Сен-Кастскую. Левый берег Луары охраняется мятежной Вандейской армией, а что касается восьмидесятимильного открытого пространства между Ансенисом и Понторсоном, то сорок нормандских общин обещали свое содействие для его защиты. Высадка будет произведена в трех пунктах: в Плерене, Иффиниаке и Пленефе; из Плерена высадившиеся войска пойдут на Сент-Брие, а из Пленефа – на Ламбалль. На второй день они достигнут Динана, где содержатся девятьсот английских пленных, и в то же время займут Сен-Жуап и Сен-Меэн, где будет оставлена кавалерия. На третий день две колонны направят-

¹²⁸ Пюизе Жозеф (1754–1827) – французский дворянин, граф. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. В 1793 г. принимал активное участие в восстании в Вандее, затем руководил восстанием шуанов.

¹²⁹ Корнваллис Чарльз Манн (1738–1805) – английский генерал и политический деятель. Командовал английской армией в войне за Независимость Соединенных Штатов. В 1786 г. назначен генерал-губернатором в Бенгалии. Участвовал в войнах с республиканской Францией.

ся: одна из Жуана на Бедэ, а другая из Динана на Бешерель, – место, сильно укрепленное природой, где будут поставлены две батареи. На четвертый день они будут в Ренне, а Ренн – ключ Бретани; в случае взятия Ренна падут также Шатонэф и Сен-Мало. В Ренне хранятся пятьдесят полевых орудий и миллион патронов...

– Которые они, конечно, захватят, – пробормотал Дантон.

– Далее, – продолжал Робеспьер, – они направят из Ренна три колонны: одну – на Фужер, другую – на Витрэ, третью – на Редон. Так как мосты разрушены, то неприятель возьмет с собой – на это прямо указывается в донесении – понтоны и бревна, и, кроме того, он будет иметь при себе проводников, которые укажут ему те места, где кавалерия может переправиться через реку вброд. Из Фужера он направится на Авранш, из Редона – на Ансенис, из Витрэ – на Лаваль. Нант и Брест должны будут сдаться. Редон господствует над всем течением Вилэны, Фужер – над большой дорогой в Нормандию, Витрэ – над Парижской дорогой. По прошествии двух недель соберется армия разбойников в триста тысяч человек, и вся Бретань будет в руках короля Франции.

– То есть короля Англии, – поправил Дантон Робеспьера.

– Нет, короля Франции, – настаивал тот и затем продолжал: – А король Франции – враг более серьезный. Для того чтобы прогнать иноземца, достаточно двух недель, а чтобы уничтожить у нас монархию, потребовалось восемнадцать столетий.

Дантон, снова усевшись, облокотился на стол, схватился руками за голову и задумался.

– Вы видите, в чем заключается опасность, – продолжал Робеспьер. – Витрэ открывает англичанам дорогу в Париж.

Дантон поднял голову и, опустив свои оба сжатых кулака на лежавшую перед ним карту, точно на наковальню, воскликнул:

– А разве, Робеспьер, Верден не открывал пруссакам дорогу на Париж?

– Ну, так что ж из этого?

– А то, что мы прогоним англичан точно так же, как мы прогнали пруссаков.

И Дантон снова вскочил. Робеспьер положил свою холодную руку на горячую руку Дантона.

– Дело в том, Дантон, – проговорил он, – что Шампань не была за пруссаков, а Бретань – за англичан. В Вердене велась обычная война, в Витрэ будет вестись война междоусобная. А ведь это, кажется, разница, и не маленькая, – прибавил он серьезным и холодным голосом и затем продолжил: – Садитесь, Дантон, и лучше взгляните в карту, чем стучать по ней кулаком.

Но Дантона не так-то легко было унять.

– Никак не могу взять в толк, – воскликнул он, – что опасность усматривают с запада, когда она надвигается с востока. Я согласен с вами, Робеспьер, что Англия поднимается с побережья океана; но Испания поднимается с юга, Ита-

лия – с юго-востока, Германия – с востока. А там, вдали за ними, заворочался еще русский медведь. Опасность, Робеспьер, охватила нас кольцом, и мы находимся внутри этого кольца. Извне – коалиция, внутри – измена. На юге Серван¹³⁰ приотворяет для короля Испании дверь во Францию, на севере Дюмурье¹³¹ переходит к неприятелю. Впрочем, он всегда меньше угрожал Голландии, чем Парижу. Неервинден¹³² совершенно перечеркивает Жемапп и Вальми. Философ Рабо Сент-Этьен¹³³, изменник, как того, впрочем, и следовало ожидать от протестанта, вступает в переписку с царедворцем Монтескье. Армия сильно поредела; теперь не найдется ни одного батальона, в котором оказалось бы налицо более 400 человек; в храбром Цвейбрюкенском полку осталось всего полтораста человек; Памарский лагерь пришлось по-

¹³⁰ Серван Жозеф (1741–1808) – французский политический деятель, генерал, сторонник жирондистов. После прихода к власти якобинцев смещен с поста военного министра и арестован. Впоследствии освобожден и занимал крупные посты в военном министерстве.

¹³¹ Дюмурье Шарль Франсуа (1739–1823) – французский генерал, под командованием которого французские войска одержали победы в 1792 г. над интервентами при Вальми и Жемаппе. В 1793 г. попытался поднять мятеж с целью восстановления во Франции монархии. После провала перебежал к австрийцам.

¹³² Неервинден – сражение 18 марта 1793 г. между французской армией под командованием Дюмурье и австрийской под командованием эрцгерцога Карла. Австрийцы одержали решительную победу, в результате которой французы были вынуждены очистить Бельгию.

¹³³ Рабо Сент-Этьен Жан Поль (1743–1793) – французский политический деятель, священник. Депутат Учредительного собрания, а впоследствии Конвента. Казнен в период террора.

кинуть; в Живе осталось всего только пятьсот кулей муки; нам пришлось отступить до Ландау; Вурмзер¹³⁴ теснит Клебера; Майнц храбро держится, но еще вопрос – долго ли это будет? Конде можно считать потерянным, равно как и Валансьенн, что не мешает Шанселю, защищающему Валансьенн, и старику Феро, защищающему Конде, быть истинными героями, равно как и Менье, защищающему Майнц. Но зато, к сожалению, всех остальных нельзя не признать изменниками: Дарвилль изменяет в Ахене, Мутон изменяет в Брюсселе, Валанс¹³⁵ изменяет в Бреде, Нельи изменяет в Лимбурге, Миранда¹³⁶ изменяет в Мاستрихте; Стенжель¹³⁷ – изменник, Лану¹³⁸ – изменник, Лигоне – изменник, Мену¹³⁹ – из-

¹³⁴ Вурмзер Дагобер Сигизмунд (1724–1797) – австрийский фельдмаршал. В 1793–1795 гг. успешно командовал австрийской армией на Верхнем Рейне, одержав ряд побед. В 1796 г., назначенный в Италию, потерпел ряд поражений от Наполеона и был вынужден капитулировать в Мантуе.

¹³⁵ Валанс Сирюс Мари Александр (1757–1822) – французский генерал, участник начального периода войн эпохи Революции. Заподозренный в измене, в 1793 г. бежал из Франции. Возвратившись в 1800 г., принял участие в большинстве наполеоновских войн. После Реставрации был членом палаты пэров.

¹³⁶ Миранда (1750–1816) – один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке. В 1792–1795 гг. генерал французской армии.

¹³⁷ Стенжель Анри (?–1796) – французский генерал, участвовал в подавлении восстания в Вандее, погиб в сражении при Мондови в Италии.

¹³⁸ Лану Рене Жозеф (1740–1793) – французский генерал. После проигранного сражения был обвинен в измене и казнен.

¹³⁹ Мену Жан Франсуа (1750–1810) – французский генерал. В 1793 г. действовал в Вандее, участник Египетской экспедиции Наполеона. После гибели Клебера возглавил Египетскую армию, но в связи с недостатком сил был вынужден

менник, Диллон¹⁴⁰ – изменник, это все – презренные последователи Дюмурье. Нужно показать пример. Маневры Кюстина взад и вперед тоже весьма подозрительны; я подозреваю его в том, что он предпочитает лично для него выгодное взятие Франкфурта полезному для дела республики взятию Кобленца. Положим, что Франкфурт может заплатить четыре миллиона военной контрибуции; но что это значит по сравнению с уничтожением гнезда эмигрантов в Кобленце? Менье умер 13 июня, и теперь у нас остается один только Клебер. А тем временем силы герцога Брауншвейгского увеличиваются, и он движется вперед, водружая немецкое знамя на всех занимаемых им французских крепостях. Маркграф Бранденбургский является в настоящее время вершителем судеб Европы; он забирает наши провинции, и, вот вы увидите, скоро заявит претензии на Бельгию. Право, можно было бы подумать, что мы действуем в пользу Берлина. Если так будет продолжаться и дальше и если мы не примем против этого мер, то окажется, что французская революция была произведена в пользу Потсдамского двора, что единственным ее результатом будет увеличение небольшого государства Фридриха II¹⁴¹ и что мы умертвили короля Фран-

капитулировать пред англичанами.

¹⁴⁰ Диллон Артюр (1750–1794) – французский генерал, монархист, казнен по подозрению в измене.

¹⁴¹ Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский король с 1740 г. Вел многочисленны войны, в результате которых значительно увеличил размеры государства. Инициатор неудачной для него Семилетней войны. Создал союз немецких кня-

ции ради короля Пруссии.

Здесь свирепый Дантон разразился хохотом. Хохот Дантона вызвал улыбку на устах Марата.

– У каждого из вас свой конек, – заговорил последний, – у вас, Дантон, – Пруссия, у вас, Робеспьер, – Вандея. Ну, так позвольте же и мне высказаться. Вы, сев на своего конька, упускаете из виду самое главное: кофейни и кабаки. Кофейня Шуазеля – якобинская, кофейня Патеня – роялистская, кофейня Приятелей враждебна национальной гвардии, кофейня у Сен-Мартенских ворот стоит за последнюю, кофейня Регентства высказывается против Бриссо¹⁴², кофейня Коратца – за него, кофейня Прокопа клянется именем Дидро, кофейня Французского театра – именем Вольтера, в кофейне Ротонды рвут на клочки ассигнации, кофейни Сен-Марсо неистовствуют, кофейня Манури обсуждает вопрос о муке, в кофейне Фуа – гвалт и кутежи, в кофейне Перрона жужжат финансовые трутни. Вот на все на это следовало бы обратить внимание.

Дантон перестал хохотать; Марат продолжал улыбаться. Улыбка карлика иногда бывает страшнее хохота великана.

зей. Очень много внимания уделял внутреннему устройству государства: способствовал развитию промышленности, сельского хозяйства, провел реформу судопроизводства.

¹⁴² Бриссо Жан Пьер (1754–1793) – французский политический деятель периода Великой французской революции, жирондист, член парижской Коммуны. Был инициатором объявления войны Австрии, Пруссии и Нидерландам. После падения жирондистов был арестован и казнен.

– Вы что желаете – дурачить нас, Марат? – сердитым тоном спросил Дантон.

Марата всего передернуло; он перестал улыбаться.

– А-а, узнаю вас, гражданин Дантон, – прошипел он. – Не вы ли на собрании Конвента называли меня «какой-то Марат». Но слушайте же! Я прощаю вам это. Мы переживаем какое-то глупое время; но это все пустяки. Вспомните, кто я таков! Я разоблачил Шазо¹⁴³, Петиона¹⁴⁴, Керсена¹⁴⁵, Моретона¹⁴⁶, Дюфриша-Валазе, Лигонье, Мену, Банвиля, Жансонне¹⁴⁷, Бирона, Лидона¹⁴⁸, Шамбона¹⁴⁹. Ну, что ж, разве я

¹⁴³ Шазо Жан Франсуа-Симон (1747–1818) – деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания и Конвента.

¹⁴⁴ Петион Жером (1756–1794) – деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания и член Конвента, один из лидеров партии жирондистов. После прихода к власти якобинцев бежал в провинцию и в преддверии неминуемого ареста покончил с собой.

¹⁴⁵ Керсен Арман Ги Симон (1742–1793) – французский политический деятель. Был депутатом Законодательного собрания и Конвента. Обвинен в тайной связи с королем, арестован и казнен.

¹⁴⁶ Моретон Жак Анри (1750–1793) – французский генерал, участник войны за Независимость Соединенных Штатов и кампаний 1792–1793 гг. Умер на посту коменданта крепости Дуэ.

¹⁴⁷ Жансонне Арман (1758–1793) – французский политический деятель, жирондист, президент Конвента. После падения жирондистов арестован и казнен.

¹⁴⁸ Лидон Бернар Франсуа (1752–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента. После прихода якобинцев к власти был арестован за связи с жирондистами и покончил жизнь самоубийством.

¹⁴⁹ Шамбон Антуан Бенуа (?—1793) – деятель Великой французской революции, жирондист, депутат Конвента. После прихода якобинцев к власти бежал из Парижа, но был убит.

был неправ? Я чую изменников и я нахожу полезным разоблачить его прежде, чем он успеет совершить преступление. Я имею привычку говорить накануне то, что вы говорите на следующий день. Кто, как не я, представил собранию полный план уголовного законодательства? Что я делал до сих пор? Я требовал, чтобы революция была дисциплинирована; я велел снять печати с тридцати двух папок со сданными в архив делами; я потребовал выдачи бриллиантов, врученных госпоже Ролан¹⁵⁰; я добился того, чтобы Комитету общественной безопасности были выданы бланки приказов об аресте, в которых остается только проставить имя; я указал на пропуски в докладе Линде¹⁵¹ о преступлениях Людовика Капета; я подал голос за немедленную казнь тирана; я защищал моконсельский и республиканский батальоны; я не допустил прочтения писем Нарбонна¹⁵² и Малуэ; я сделал предложение в пользу раненых солдат; я заставил упразднить «комиссию чести»; я уже после поражения при Мон-

¹⁵⁰ Ролан Мария-Жанна (1754–1793) – жена политического деятеля Великой французской революции. Отличалась умом и необыкновенной красотой, была душой влиятельного кружка жирондистов. Казнена за политические взгляды.

¹⁵¹ Линде Жан Батист Робер (1749–1825) – деятель Великой французской революции, якобинец. Был последовательно избран в Законодательное собрание, Конвент, Комитет общественного спасения. Принимал участие в заговоре Бабефа, за что был арестован, но впоследствии оправдан. После прихода Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

¹⁵² Нарбонн Луи (1755–1813) – французский генерал и политический деятель. После падения монархии эмигрировал в Англию. Вернулся после прихода к власти Наполеона. Служил при министерстве иностранных дел.

се¹⁵³ предчувствовал измену Дюмурье; я потребовал, чтобы сто тысяч родственников эмигрантов были задержаны в виде заложников за комиссаров, выданных неприятелю; я предложил объявить изменником всякого народного представителя, переходящего за парижские заставы; я сорвал маску с Ролана¹⁵⁴, устроившего беспорядки в Марселе¹⁵⁵, я настоял на том, чтобы назначена была награда за голову сына Филиппа Эгалитэ; я отстаивал Бушотта; я потребовал поименного голосования для удаления Инара с президентского кресла; я заставил принять резолюцию о том, что парижане оказали великую услугу отечеству. И за все это Луве¹⁵⁶ называет меня паяцем, Финистерский департамент и город Луден требуют моего изгнания, город Амьен требует, чтобы на меня надели намордник. Кобург¹⁵⁷ требует моего ареста, а Лекуант-Пюи-

¹⁵³ Монс – сражение 29 апреля 1792 г. между французской и австрийской армиями. Французские войска, наткнувшись на неприятеля, бежали с криками «Измена!», не оказав почти никакого сопротивления.

¹⁵⁴ Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734–1793) – деятель Великой французской революции, жирондист, с марта 1792 г. министр внутренних дел. После падения жирондистов бежал в Руан, где покончил с собой.

¹⁵⁵ После падения жирондистов (31 мая – 2 июня 1793 г.) их лидеры бежали из Парижа на юг Франции, где были сильны их позиции, и попытались поднять восстание. Наиболее крупные столкновения произошли в Марселе (23 августа) и в Лионе, который держался больше месяца (22 августа – 9 октября).

¹⁵⁶ Луве Флоран (1757–1815) – деятель Великой французской революции, адвокат, депутат Законодательного собрания и Конвента. Протестовал против гонений на жирондистов, в Совете пятисот занимался только финансовыми вопросами, при Империи окончательно отошел от дел.

¹⁵⁷ Кобург-Заальфельд Фридрих Иосия (1737–1817) – австрийский полково-

раво предлагает Конвенту объявить меня сумасшедшим. А теперь скажите-ка, гражданин Дантон, зачем вы позвали меня на ваше совещание, если не для того, чтобы выслушать мое мнение? Разве я просил вас об этом? Нисколько! Мне вовсе не по вкусу разговоры с такими антиреволюционерами, как вы и Робеспьер. Впрочем, этого и следовало ожидать, что вы не в состоянии будете понять меня. Вы так же мало на это способны, как Робеспьер, а Робеспьер – как вы. Неужели же здесь не найдется другого государственного человека, кроме меня? Вас, значит, приходится учить политической азбуке. Словом, я вот что хотел вам сказать: вы оба ошибаетесь; опасность кроется не в Лондоне, как полагает Робеспьер, и не в Берлине, как думаете вы, Дантон, а в Париже. Она кроется в отсутствии у нас единства, в том, что всякий, начиная с вас обоих, считает себя вправе тянуть в свою сторону, в анархии в мыслях, в отсутствии твердой воли.

– Анархия мыслей! – перебил его Дантон. – Но кто же ее создал, как не вы сами?

– Робеспьер, Дантон, – продолжал Марат, не отвечая на это замечание, – опасность кроется в этом множестве кофен, игорных домов, клубов, – в клубе Черных, клубе Федералистов, Дамском клубе, клубе Беспристрастных, созданном Клермон-Тоннером¹⁵⁸, бывшем прежде монархистским

дец. Участник Семилетней войны, в 1789 г. совместно с Суворовым одержал победы над турками при Рымнике и Фокшанах. В 1793–1794 гг. командовал австро-пруссскими войсками в войне против Франции.

¹⁵⁸ Клермон-Тоннер Станислав (1747–1792) – французский политический де-

клубом и созданном по мысли священника Клода Фоше¹⁵⁹, клубе Шерстяных колпаков, основанном газетчиком Прюдомом¹⁶⁰, и т. д. и т. д.; не считая вашего Якобинского клуба, Робеспьер, и вашего Кордельерского клуба¹⁶¹, Дантон. Опасность кроется в голоде, заставившем носильщика Блена вздернуть на фонарь возле Ратуши булочника Франсуа Дени, и в судах, повесивших носильщика Блена за то, что он повесил булочника Франсуа Дени. Опасность кроется в бумажных деньгах, с каждым днем все более и более теряющих свою ценность. Недавно кто-то уронил на Тампльской улице стофранковую ассигнацию, а проходивший мимо нищий заметил: «Не стоит нагибаться, чтобы ее поднять!» Опасность кроется в перекупщиках и спекулянтах. К чему привело то, что на ратуше поднят черный флаг? Вы арестовали барона Тренка¹⁶², но этого недостаточно: нужно свернуть шею это-

итель, граф. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Был сторонником конституционной монархии, убит в день провозглашения республики.

¹⁵⁹ Фоше Клод (1744–1793) – деятель Великой французской революции, жирондист, один из руководителей «Социального кружка». Казнен после падения жирондистов.

¹⁶⁰ Прюдом Луи Мари (1752–1830) – французский журналист, автор многочисленных статей и памфлетов, редактор популярной газеты «Парижские революции».

¹⁶¹ Клуб кордельеров – политический клуб, имевший официальное название «Общество прав человека и гражданина» (1790–1794), одна из наиболее радикальных революционных организаций периода Великой французской революции. Свое название получил от монастыря кордельеров в Париже, где происходили его собрания.

¹⁶² Тренк Фридрих (1726–1794) – прусский авантюрист, состоял на прусской

му старому тюремному интригану. Вы думаете, что все сделано, если председатель Конвента возложил венок на голову Лабертеша, получившего сорок один сабельный удар в сражении при Жемаппе и воспетого Шенье¹⁶³? Все это не что иное, как комедия и фиглярство! Вы не видите, что творится в Париже! Вы ищете опасности вдали! А что же делает ваша полиция, Робеспьер? Что делают все наши шпионы: Пайян – в Коммуне, Коффиналь¹⁶⁴ – в Революционном трибунале, Давид – в Комитете общественной безопасности, Кутон¹⁶⁵ – в Комитете спасения республики? Вы видите, что я запас-

и русской военной службе. За любовные интриги с сестрой Фридриха Великого был заключен в тюрьму, где провел девять лет. Во время Великой французской революции приехал в Париж, где был обвинен в шпионаже и казнен.

¹⁶³ Шенье Андре (1762–1794) – французский поэт, произведения которого проникнуты мотивами человеческого равенства, торжества разума. Автор поэм «Нищий», «Свобода», «Слепец». Восторженно встретил Великую французскую революцию, но, возмущенный ужасами террора, написал воззвание к народу, за что был арестован и казнен.

¹⁶⁴ Коффиналь Жан Батист (1746–1794) – врач, во время Великой французской революции заместитель председателя Революционного трибунала Парижа. Отличался беспримерной жестокостью: отказал Лавуазье в отсрочке на 15 дней, о которой тот просил, для окончания научного опыта. После падения Робеспьера бежал, но был пойман и казнен.

¹⁶⁵ Кутон Жорж (1755–1794) – французский политический деятель, адвокат. Депутат Законодательного собрания. С конца 1793 г. председатель Конвента. Инициатор закона «О подозрительных», согласно которому, практически без суда, мог быть казнен любой человек. Его неосторожная речь о необходимости очистить Конвент от предателей послужила одним из основных поводов к термидорианскому перевороту. Попытка заколоть себя кинжалом не спасла его от гильотины.

ся точными сведениями. Ну, так знайте же: опасность висит над вашей головой, лежит у вас под ногами; всюду только заговоры и заговоры; прохожие на улицах читают друг другу выдержки из газет и кивают друг другу головами; не менее шести тысяч возвратившихся во Францию эмигрантов, щеголей и шпионов прячутся в подвалах, коридорах и на чердаках Пале-Рояля; к булочным не проберешься; женщины, встречаясь в воротах, обращаются друг к другу со словами: «Когда же, наконец, будет мир?» Сколько вы ни уединяйтесь в зале исполнительного совета, сколько ни запирайте дверей, всем очень хорошо известно, что вы там говорите; и в доказательство тому, Робеспьер, я приведу вам слова, сказанные вами вчера вечером Сен-Жюсту: «Барбару¹⁶⁶ начинает толстеть; это может явиться для него помехой при бегстве». Да, опасность всюду, и в особенности в центре, в Париже. Враги республики интригуют, патриоты ходят босиком, аристократы, арестованные девятого марта¹⁶⁷, уже отпущены на свободу, каретные лошади, которым настоящее место на границе в запряжке орудий, давят патриотов на улицах Парижа, хлеб в четыре фунта стоит три франка двенадцать су, в театрах идут безнравственные пьесы и – Робеспьер отправит на эшафот Дантона!

¹⁶⁶ Барбару Шарль Жан (1767–1794) – деятель Великой французской революции, жирондист, депутат Конвента. После падения жирондистов был арестован, но сумел бежать. Пытался организовать восстание в Кане, схвачен после неудачной попытки самоубийства и казнен.

¹⁶⁷ В этот день в Париже были произведены массовые аресты.

– Как бы не так! – пробормотал Дантон.

Робеспьер продолжал внимательно рассматривать карту.

– В чем состоит настоятельная необходимость, – воскликнул Марат резким голосом, – так это в диктаторе! Вы знаете, Робеспьер, что я желаю диктатора?

– Да, знаю, Марат, – ответил Робеспьер, поднимая голову от карты. – Вас или меня.

– Да, меня или вас, – подтвердил Марат.

– Диктатуру! Суньтесь-ка! – пробормотал Дантон сквозь зубы.

От внимания Марата не ускользнуло то, что брови Дантона сердито нахмурились. Он продолжал:

– Вот что я вам скажу! Придем к соглашению и сделаем последнее усилие. Положение стоит того. Ведь пришли же мы к соглашению относительно тридцать первого мая¹⁶⁸. А теперь общий вопрос еще важнее того вопроса о жирондистах, – вопроса в сущности второстепенного. В том, что вы говорите, есть доля правды; но вся правда, абсолютная правда – в том, что говорю я. На юге федерализм, на западе – роялизм; в центре, в Париже, – поединок между Конвентом и Коммуной; на границах – отступление Кюстина и измена Дюмурие. Отчего же все это происходит? От нашей разрозненности. Что нам требуется? Единство. Вот в чем спасе-

¹⁶⁸ Имеется в виду восстание парижских низов, окруживших Конвент и требовавших отставки жирондистов. Восстание закончилось 2 июня арестом и последовавшей за ним казнью их лидеров. С этого время во Франции начинается период террора.

ние! Но только нам не следует терять времени. Париж должен взять дело революции в свои руки. Если мы потеряем хоть один час, то завтра вандейцы могут очутиться в Орлеане, а пруссаки – в Париже. Я делаю эту уступку вам, Дантон, и вам, Робеспьер; но что же из этого следует? А то, что нам необходима диктатура, что без нее нам невозможно обойтись. Учредим же ее, примем на себя втроем роль представителей республики. Мы трое – три головы Цербера¹⁶⁹. Из этих трех голов одна говорит, – это вы, Робеспьер; другая рычит, – это вы, Дантон...

– А третья кусается, – это вы, Марат, – перебил его Дантон.

– Отчего же только третья? Все три кусаются, – заметил Робеспьер.

После короткой паузы эта мрачная и зловещая беседа возобновилась.

– Послушайте, Марат, – заговорил Робеспьер, – прежде чем вступать в брак, нужно хорошенько узнать друг друга. Каким образом вы узнали то, что я говорил вчера Сен-Жюсту?

– Это уж мое дело, Робеспьер. Моя обязанность – все знать, относительно всего наводить справки.

– Но, Марат...

– Я уже сказал вам, Робеспьер, что я люблю все знать. Я

¹⁶⁹ Цербер – в древнегреческой мифологии трехголовый свирепый пес, охранявший вход в подземное царство Аида.

знаю как то, о чем вы говорите с Сен-Жюстом, так и то, о чем Дантон говорит с Лакруа¹⁷⁰, что происходит на Театенской набережной, в доме Лабриффа, где собираются нимфы эмиграции, или в доме Тилля, возле Гонесса, принадлежащем бывшему управляющему почтами Вальмеранжу, куда приходили когда-то Мори¹⁷¹ и Казалес¹⁷², куда ходили после того Сийэс¹⁷³ и Верньо¹⁷⁴, и где теперь еженедельно происходят собрания.

¹⁷⁰ Лакруа Себастьян (?—1794) – пылкий демагог, комиссар парижской Коммуны по делам продовольствия, затем один из самых жестоких членов Революционного трибунала. Казнен как один из гебертистов.

¹⁷¹ Мори Жан Сифрен (1746–1817) – французский политический деятель, аббат. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, где проявил себя ярким сторонником монархии. В 1791–1804 гг. в эмиграции. После реставрации Бурбонов вновь покинул Францию.

¹⁷² Казалес Жак Антуан Мари (1758–1805) – французский политический деятель, офицер. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Стремился к созданию во Франции конституционной монархии. Воевал в составе эмигрантской армии, после поражения которой уехал в Англию. Во Францию вернулся в 1803 г., полностью отойдя от политики.

¹⁷³ Сийэс Эммануэль Жозеф (1748–1836) – деятель Великой французской революции, аббат. Депутат Национального собрания, прекрасный оратор. Поддержал переворот 18 брюмера, после чего стал одним из трех консулов. После Реставрации осужден к изгнанию.

¹⁷⁴ Верньо Пьер Виктюрион (1753–1793) – французский политический деятель. В начале Великой французской революции избран в Законодательное собрание, где стал одним из основателей партии жирондистов. Будучи членом Конвента, вступил в конфликт с Робеспьером и Дантоном. Ему принадлежит видная роль в борьбе с монтаньярами. В июне 1793 г. исключен из Конвента, арестован и после состоявшегося суда казнен.

Сказав последние слова, Марат пристально взглянул на Дантона. Тот воскликнул:

– Если б у меня было власти хоть на грош, я знаю, что я бы сделал!

– Мне известно все, что вы говорите, Робеспьер, – продолжал Марат, – как мне известно то, что происходило в Тампльской башне, когда там откармливали Людовика Шестнадцатого до такой степени, что в течение одного сентября месяца волк, волчица и волчата съели восемьдесят шесть корзин персиков, между тем как народ голодал; мне известно, что Ролан скрывался в одной квартире на заднем дворе улицы Лагарп; мне известно, что из бывших четырнадцатого июля¹⁷⁵ в деле копий шестьсот штук были изготовлены Формом, оружейником герцога Орлеанского; мне известно, что творится у госпожи Сент-Илер, любовницы Силлери¹⁷⁶, как старик Силлери сам натирает паркет желтой гостиной, выходящей на улицу Матюрен, когда у него обедают Бюзо¹⁷⁷ и Керсэ; а двадцать седьмого числа у него обедал Саладен¹⁷⁸...

¹⁷⁵ 14 июля – день взятия Бастилии.

¹⁷⁶ Силлери граф де Жанлис Шарль Алексис Брюслар (1737–1793) – французский генерал и политический деятель. Участник войны за Индию. Депутат Национального собрания, сторонник герцога Орлеанского, депутат Конвента, жирондист. После прихода якобинцев к власти арестован и казнен.

¹⁷⁷ Бюзо Франсуа-Никола-Леонар (1760–1794) – французский политический деятель, жирондист, адвокат. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент, а в 1793 г. в Комитет общественного спасения. После падения жирондистов бежал и в преддверии неминуемого ареста покончил с собой.

¹⁷⁸ Саладен Жан Батист Мишель (?–1813) – деятель Великой французской ре-

и знаете ли с кем, Робеспьер? С вашим приятелем Ласурсом¹⁷⁹.

– Все это одно пустословие, – пробормотал Робеспьер. – Ласурс мне вовсе не приятель. – Затем он прибавил с задумчивым видом: – А пока в Лондоне существует восемнадцать фабрик, изготовляющих фальшивые ассигнации нашей республики.

Марат продолжал спокойным, но слегка дрожащим голосом, наводившим страх:

– Вы напрасно на себя напускаете важность. Да, я все знаю, вопреки тому, что Сен-Жюст называет «государственной тайной»...

Марат сделал особое ударение на последних словах, взглянул на Робеспьера и продолжал:

– Мне известно, что говорится за вашим столом в те дни, когда Леба¹⁸⁰ приглашает Давида отведать стряпни своей невесты, Елизаветы Дюплэ, вашей будущей родственницы, Робеспьер. Я – народное око и я вижу все из глубины мое-

волюции, адвокат. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Арестован в период террора, после термидорианского переворота освобожден. С приходом Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

¹⁷⁹ Ласурс Марк Давид (1763–1793) – деятель Великой французской революции. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, где примкнул к жирондистам. После прихода якобинцев к власти арестован и казнен.

¹⁸⁰ Леба Филипп-Франсуа-Жозеф (1765–1794) – французский политический деятель, адвокат. Избранный членом Конвента, примкнул к монтаньярам. Будучи преданным Робеспьеру, после термидорианского переворота решил разделить его судьбу и покончил с собой.

го погребца. Да, я все вижу, все слышу, все знаю. Вы же часто развлекаетесь пустяками и предаетесь самодовольству. Робеспьер слушает льстивые слова своей госпожи Шалабр, дочери того самого маркиза Шалабра, который играл в вист с Людовиком Шестнадцатым в вечер казни Дамьена¹⁸¹. Да, знай наших! Сен-Жюст совсем уходит в свой галстук, Лежандр¹⁸² щеголяет в новом кафтане, белом жилете и громадных брыжжах, думая этим заставить всех забыть про его кузнечный фартук. Робеспьер воображает, что для истории очень интересно будет знать, что он являлся в Учредительное собрание в сюртуке оливкового цвета, а в Конвент – в небесно-голубом сюртуке. Портреты его висят по всем стенам его комнаты...

– А ваши, Марат, висят во всех отхожих местах, – перебил его Робеспьер голосом еще более спокойным, чем голос самого Марата.

Они продолжали беседу в приятельски-шутливом тоне, сквозь который, однако, слышались внутренняя злоба, ирония и угроза.

¹⁸¹ Дамьен Роберт-Франсуа (1715–1757) – фанатик, совершил попытку покушения на Людовика XV, но смог его только ранить ножом в бок. Был схвачен и казнен.

¹⁸² Лежандр Луи (1756–1797) – французский политический деятель. Сначала матрос, потом мясник, он участвовал почти во всех уличных выступлениях Великой французской революции и благодаря этому стал знаменитым. Был избран в Конвент, где вначале примкнул к монтаньярам, и в Комитет общественной безопасности. Дружил со всеми вождями Конвента, своевременно изменяя каждому, благодаря чему избежал гильотины. Умер членом Совета старейшин.

– Скажите-ка, Робеспьер, не вы ли называли тех, кто желает низвержения престолов, «Дон-Кихотами рода людского»?

– А не вы ли, Марат, после четвертого августа¹⁸³, в пятьсот пятьдесят девятом номере вашего «Друга Народа», – вы видите, я даже запомнил номер: это может пригодиться, – не вы ли требовали, чтобы дворянству возвращены были его титулы? Не вы ли писали: «Герцог всегда останется герцогом?»

– А вы, Робеспьер, на заседании седьмого декабря защищали госпожу Ролан против Виара.

– Точно так же, как мой брат защищал вас¹⁸⁴, Марат, когда на вас нападали в Якобинском клубе. Но что же это доказывает? Ровно ничего.

– Робеспьер, известна даже та комната Тюильрийского дворца, в которой вы сказали Гара: «Мне уже надоела революция».

– А здесь, Марат, в этом самом кабачке, вы двадцать девятого октября целовались с Барбару.

– Вы, Робеспьер, сказали в разговоре с Бюзо: «Что это за штука такая ваша республика?»

– Марат, вы в этом самом кабачке угощали завтраком мар-

¹⁸³ 4 августа – в ночь на 4 августа 1789 г. Национальное собрание своим постановлением ликвидировало дворянские привилегии во Франции.

¹⁸⁴ Речь идет о младшем брате Робеспьера Огюстене Бон Жозефе (1763–1794). В 1792 г. он был избран в Конвент, в августе 1793 г. командовал армией, усмирившей мятеж на юге Франции. Вся его деятельность сводилась к покорному исполнению поручений брата, судьбу которого он также разделил.

сельцев, по три человека от каждой роты.

– Вы, Робеспьер, ходите в сопровождении рыночного носильщика, вооруженного дубиной.

– А вы, Марат, накануне десятого августа просили Бюзо, чтобы он помог вам бежать в Марсель, причем собирались переодеться жокеем.

– Во время сентябрьской расправы¹⁸⁵ вы прятались, Робеспьер.

– А вы, Марат, выставлялись напоказ.

– Вы, Робеспьер, швырнули на пол красный фригийский колпак.

– Да, когда его вздумал надеть изменник. Робеспьер не может носить того, что носит Дюмурье.

– В то время, когда проходили солдаты Шатовье, вы не захотели, чтобы на голову Людовика Шестнадцатого было накинута покрывало.

– Я сделал лучше: я не накрыл ему голову, а отрубил ее.

Дантон вздумал вмешаться, но вмешательство его только подлило масла в огонь.

– Робеспьер, Марат, – проговорил он, – успокойтесь!

Марат не любил, чтобы его имя ставилось на втором месте.

¹⁸⁵ Речь идет о массовых убийствах 2–5 сентября 1792 г. заключенных в парижских тюрьмах. После речи Дантона, сказавшего, что «надо нагнать страха на роялистов», толпы народа врываются в тюрьмы и убивали находившихся там арестантов, преимущественно дворян и священников. За три дня погибло несколько тысяч человек.

– А вы чего вмешиваетесь? – воскликнул он, поворачиваясь к Дантону.

– Чего я вмешиваюсь! – закричал, в свою очередь, Дантон, привскакивая на стуле. – А вот чего! Я утверждаю, что не должно быть братоубийства, что два человека, служащие народу, не должны вступать между собой в борьбу, что и без того уже довольно и интервенции и гражданской войны, и что к ним не следует присоединять еще войну домашнюю; что революцию сделал я и что я не желаю, чтобы ее переделывали. Вот почему я вмешиваюсь!

– Вы бы лучше подумали о том, чтобы представить отчеты, – проговорил Марат, не возвышая голоса.

– Это легко сделать! – воскликнул Дантон. – Ступайте искать их в освобожденной мною Аргонне, в очищенной от неприятеля Шампани, в завоеванной Бельгии, среди армий, в рядах которых я уже четыре раза подставлял свою грудь под картечь! Ступайте искать их на площади Революции, на эшафоте двадцать первого января¹⁸⁶, на разбитом троне, на гильотине, этой вдове...

– Гильотина вовсе не вдова, а девственница, – перебил Марат Дантона. – Возле нее можно лежать ниц, но ее нельзя оплодотворить.

– Почему вы так думаете? – возразил Дантон. – А вот я оплодотворяю ее.

– Посмотрим, – проговорил Марат и улыбнулся.

¹⁸⁶ 21 января – день казни Людовика XVI.

– Марат! – воскликнул Дантон, подметивший эту улыбку. – Я привык действовать всегда открыто, начистоту. Я ненавижу все, что пресмыкается. Я никогда не был и не буду мокрицей. Ваше место – подвал, мое – улица. Вы от всех сторонитесь, я доступен для всякого прохожего.

– Миленький господинчик, не хотите ли зайти ко мне? – пробормотал сквозь зубы Марат. И, перестав улыбаться, он продолжал вызывающим голосом: – Дантон, отдайте отчет относительно тридцати трех тысяч экю звонкой монетой, которые выплатил вам Монморен¹⁸⁷ от имени короля, под видом вознаграждения вас за потерянное вами место прокурора суда в Шатлэ.

– Я участвовал в деле четырнадцатого июля, – надменно проговорил Дантон.

– А королевские кладовые? А бриллианты короны?

– Я участвовал в деле шестого октября¹⁸⁸.

– А грабительства вашего alter ego¹⁸⁹ Лакруа в Бельгии?

– Я участвовал в деле двадцатого июня¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Монморен Арман Марк (1746–1792) – французский политический деятель, граф. В 1789–1791 гг. занимал пост министра иностранных дел, на котором проявил себя убежденным противником революции. В 1792 г. арестован и казнен.

¹⁸⁸ 6 октября – имеется в виду поход парижан на Версаль, которые заставили Людовика XVI перебраться в Париж, во дворец Тюильри, чтобы исключить возможность его бегства.

¹⁸⁹ Второе «я» (лат.).

¹⁹⁰ 20 июня – речь идет о демонстрации парижан в 1792 г., показавшей полное бессилие королевской власти.

– А ссуды, выданные госпоже Монтанье?

– Я возбуждал народ при возвращении короля из Варенна¹⁹¹.

– А оперный театр, построенный на доставленные вам деньги?

– Я вооружил парижские кварталы.

– А сто тысяч секретных сумм министерства юстиции?

– Я организовал движение десятого августа.

– А два миллиона негласных расходов собрания, из которых четверть перешла в ваш карман?

– Я остановил наступление неприятеля и загородил дорогу коалиции монархов.

– Вы – проститутка! – проговорил Марат.

– Да! – воскликнул Дантон, вскакивая, со свирепым выражением. – Пускай я продал себя, но зато я спас мир!

Робеспьер продолжал кусать себе ногти. Он неспособен был ни смеяться, ни улыбаться; ему не доставало громового смеха – Дантона, и жалящей улыбки – Марата.

– Я подобен океану, – продолжал Дантон. – У меня бывает прилив и отлив; при отливе видно дно моей души, при приливе видны ее высоко вздымающиеся волны.

– То есть ее пена, хотите вы сказать, – ехидно вставил Марат.

¹⁹¹ 20 июня 1791 г. Людовик XVI предпринял попытку бежать из Парижа, но по дороге был узнан. В Варенне его карета была остановлена и под конвоем из местного населения возвращена в Париж. Неудача бегства была результатом беспечности короля и из рук вон плохой организации мероприятия.

– Нет, ее буря, – возразил Дантон.

И они оба, Дантон и Марат, одновременно вскочили с мест. Марат, наконец, вышел из себя и из ехидны превратился в дракона.

– Вот как! – воскликнул он. – Вот как! Ни вы, Робеспьер, ни вы, Дантон, не желаете меня слушать! Ну, хорошо же, так вот что я вам скажу: вы оба погибли. Ваша политика довела вас до невозможности идти далее; вам нет никакого выхода, и то, что вы теперь делаете, закрывает перед вами все двери, кроме двери могилы.

– В том-то и заключается ваше величие, – проговорил Дантон, пожимая плечами.

– Берегись, Дантон, – продолжал Марат. – У Верньо был такой же большой рот и такие же толстые губы, и такие же нахмуренные брови, как у тебя; он был такой же рябой, как ты и Мирабо, но все это не помешало тридцать первому мая. А-а, ты пожимаешь плечами! Берегись! Иногда от пожимания плечами сваливается с плеч голова. Повторяю тебе, Дантон, твой грубый голос, твой беспорядочно повязанный галстук, твои мягкие сапоги, твои интимные ужины, твои объемистые карманы – все это пахнет Луизочкой.

Луизочка – было ласкательное имя, которым Марат называл гильотину.

– А что касается тебя, Робеспьер, – продолжал Марат, – то ты корчишь из себя умеренного, но это тебе ни к чему не послужит. Пудрись, расчесывайся, чистись сколько тебе

угодно, корчи из себя хлыща, щеголяй бельем, завивай себе волосы – все же тебе не миновать Гревской площади; заигрывай с герцогом Брауншвейгским – тебе все же не избежать участи Дамьена; ухаживай за своей особой – все равно ты будешь сидеть на позорной колеснице!

– Кобленцское эхо! – пробормотал Робеспьер сквозь зубы.

– Неправда, Робеспьер! Я – ничье не эхо, я – всеобщий крик! Вы оба – молокососы! Который тебе год, Дантон? Тридцать четвертый! А тебе, Робеспьер? Тридцать третий! Ну, а я жил с самого сотворения мира; имя мне – страдания человечества; мне уже шесть тысяч лет!

– Это верно, – согласился Дантон. – В течение шести тысяч лет Каин сохранился в своей ненависти, подобно тому как жаба сохраняется в камне; но вот камень треснул, Каин выпрыгивает из него в людское общество, и это – Марат.

– Дантон! – воскликнул Марат, и глаза его сверкнули страшным блеском.

– Что такое? – спокойно спросил Дантон.

Так беседовали эти три ужасных человека. То была ссора громовержцев.

III. Внутренние судороги

Беседа на время прекратилась. Титаны отдались течению своих мыслей.

Львы бояться удавов. Робеспьер сильно побледнел, а Дан-

тон не менее сильно покраснел. У обоих по телу пробежала дрожь. Свирепый взор Марата потух; на его лице снова отразилось спокойствие – властное спокойствие, способное утратить даже таких людей, которые сами способны вызывать страх.

Дантон чувствовал себя побежденным, но не желал сдаваться. Он продолжал:

– Марат очень громко кричит о диктатуре и об единстве власти, но он обладает одною только способностью – всюду вносить смуту.

Робеспьер, разжимая свои тонкие губы, проговорил:

– Я придерживаюсь мнения Анахарсиса Клоотса¹⁹²; я говорю: ни Ролан ни Марат.

– А я говорю, – возразил Марат; – ни Дантон ни Робеспьер. – И, пристально взглянув в глаза им обоим, он продолжал: – Позвольте мне дать вам совет, Дантон. Вы влюблены, вы думаете о втором браке. Ну, так будьте же благоразумны, – не вмешивайтесь в политику.

И, отступив на один шаг к выходной двери, он отвесил им ироничный поклон и проговорил:

– Прощайте, господа.

У Дантона и Робеспьера по телу пробежала дрожь.

¹⁹² Клоотс Жан Батист дю Валь де Грасс (Анахарсис) (1755–1794) – политический деятель Великой французской революции, немец. Имя Анахарсис принял под влиянием увлечения античностью. На вооружение Франции в 1792 г. пожертвовал значительную часть своего огромного состояния. В 1792 г. избран в Конвент. Как аристократ был исключен из клуба якобинцев и казнен.

В это время из глубины комнаты раздался голос, произнесший:

– Ты не прав, Марат!

Все оглянулись. Во время вспышки Марата, совершенно незаметно для трех собеседников, кто-то вошел в находившуюся в задней стене дверь.

– А, это ты, гражданин Симурдэн, – проговорил Марат. – Здравствуй!

Действительно, то был Симурдэн.

– Я утверждаю, что ты не прав, Марат, – повторил он.

Марат побледнел, или, вернее сказать, позеленел.

– Ты полезен, – сказал Симурдэн, – Робеспьер и Дантон необходимы. Зачем же угрожать им? Согласие, согласие, граждане! Народ требует от вас согласия.

Появление этого человека произвело впечатление вылитого ведра холодной воды и, подобно появлению постороннего человека во время семейной ссоры, успокоило если не дно, то все же хоть поверхность.

Симурдэн подошел к столу. Дантон и Робеспьер его знали. Они не раз замечали в предназначенных для публики трибунах Конвента этого серьезного и, по-видимому, влиятельного человека, которому простолюдины низко кланялись. Однако Робеспьер, как формалист, спросил его:

– Каким образом вы сюда попали?

– Он – член Клуба епископского дворца, – проговорил Марат голосом, в котором звучала какая-то покорность.

Дело в том, что Марат, с пренебрежением относясь к Конвенту и водя за нос Коммуну, боялся Клуба епископского дворца. Здесь повторился только общий закон. Мирабо предчувствовал появление из неизвестной дали Робеспьера, Робеспьер предчувствовал Марата, Марат предчувствовал Гебера, Гебер предчувствовал Бабефа¹⁹³. Пока подземные слои спокойны, политический деятель смело может ходить по земле над ними; но самый отъявленный революционер сознает существование под ним подпочвы, и даже самые смелые из них останавливаются, замечая колебание почвы у себя под ногами. Ум и проницательность великих революционеров именно в том и заключаются, чтобы уметь отличить движение, являющееся результатом принципов, от движений, являющихся результатом личных вожделений, чтобы содействовать первому и бороться против последних.

– Ого! – проговорил Дантон, заметив смущение Марата. – Гражданин Симурдэн оказывается здесь нелишний. И он протянул Симурдэну руку.

– Ну, так вот что, – продолжал он, – нужно объяснить гражданину Симурдэну, в чем дело. Он подошел как нельзя более кстати. Я представляю здесь собой «гору», Робеспьер – Комитет общественной безопасности, Марат – Коммуну,

¹⁹³ Бабеф (Гракх) Франсуа Ноель (1764–1797) – глава коммунистического заговора «равных» против Директории. Участвовал во взятии Бастилии. В 1795 г. арестован, но через полгода освобожден по амнистии. В 1796 г. активно готовил переворот с целью захвата власти и осуществления своих коммунистических идей. Арестован и казнен по приговору суда.

Симурдэн – Клуб епископского дворца. Пусть он нас разберет.

– Хорошо, – проговорил Симурдэн спокойным голосом. – Так в чем же дело?

– Дело идет о Вандее, – ответил Робеспьер.

– О Вандее? – переспросил Симурдэн и продолжал: – Да, это дело серьезное. Если революция умрет, она умрет благодаря Вандее. Одна Вандея страшнее десяти Германий. Для того чтобы Франция могла жить, нужно убить Вандею.

Эти немногие слова расположили Робеспьера в его пользу. Тот, однако, обратился к нему с вопросом:

– А вы, случайно, не бывший ли священник?

Облик бывшего священника сразу же бросился в глаза Робеспьеру, бывшему адвокату.

– Да, гражданин, – ответил Симурдэн.

– Ну, так что же из этого! – воскликнул Дантон. – Дельный священник стоит всякого другого. В революционные эпохи священники переливаются в граждан, как колокола – в монеты и в пушки. Данжу – священник, Дону – тоже¹⁹⁴. Тома Лендэ¹⁹⁵ состоит епископом эврезским; да вы сами, Робеспьер,

¹⁹⁴ Дону Пьер Клод Франсуа (1761–1840) – знаменитый французский политический деятель, ученый и публицист. В 1792 г. избран в Конвент, где выступал против смертной казни короля. За защиту жирондистов был арестован, но после 9 термидора освобожден. Один из главных авторов конституции III г. В эпоху Империи отказывался от административных должностей. После Реставрации избран в палату депутатов. Автор многочисленных философских трудов.

¹⁹⁵ Лендэ Робер Тома (1743–1823) – деятель Великой французской революции,

сидите в Конвенте бок о бок с епископом бовэским Массье. Старший викарий Вожуа входил в состав комитета десятого августа. Шабо¹⁹⁶ – капуцин¹⁹⁷. Жерль¹⁹⁸ принимал присягу в зале для игры в мяч¹⁹⁹; аббат Одран²⁰⁰ потребовал, чтобы Национальное собрание было объявлено стоящим выше короля; аббат Гутт²⁰¹ потребовал у Законодательного собрания, чтобы с кресла Людовика Шестнадцатого был снят балдахин; аббат Грегуар²⁰² внес предложение об упразднении ко-

священник. Депутат Национального собрания, с 1792 г. депутат Конвента, где примкнул к якобинцам. Впоследствии вошел в состав Совета старейшин. При Наполеоне отошел от политической деятельности.

¹⁹⁶ Шабо Франсуа (1759–1794) – французский политический деятель, капуцин. С началом революции сложил с себя монашеское звание. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Был казнен как сторонник Дантона.

¹⁹⁷ Капуцины – члены католического монашеского ордена, основанного в XVI в. как ответвление ордена францисканцев в Италии. Название получили от носимого ими остроконечного капюшона (*sarrusio – um.*).

¹⁹⁸ Жерль Кристоф Антуан (1740–1805) – французский политический деятель, монах. В 1789 г. избран в Генеральные штаты.

¹⁹⁹ 17 июня 1789 г. депутаты Генеральных штатов от третьего сословия в Версале, в зале для игры в мяч, провозгласили себя Национальным собранием и постановили не расходиться до окончательной выработки конституции.

²⁰⁰ Одран Ив Мари (1741–1800) – французский политический деятель, священник. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Убит роялистами.

²⁰¹ Гутт Жан Луи (1740–1794) – деятель Великой французской революции, священник. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Казнен в период террора.

²⁰² Грегуар Анри (1750–1831) – французский политический деятель, граф, епископ. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент, где занимался вопросами народного просвещения. После провозглашения Империи ото-

ролевской власти.

– Да, и предложение это было поддержано, – захихикал Марат, – фиглярном Колло-д’Эрбуа²⁰³. Они вдвоем сделали дело: священник повалил трон, комедиант низверг короля.

– Возвратимся, однако же, к вандейским делам, – вмешался в разговор Робеспьер.

– Ну, так что же там нового? – спросил Симурдэн. – Что творится в этой вашей Вандее?

– А вот что, – ответил Робеспьер, – она нашла себе предводителя; она вскоре станет кошмаром.

– А кто этот предводитель, гражданин Робеспьер?

– Это бывший маркиз Лантенак, присвоивший себе титул бретонского принца.

– А-а, я его знаю, – проговорил Симурдэн, кивнув головой. – Я был священником в его поместьях. Прежде он больше занимался женщинами, чем войной, – прибавил он, подумав немного.

– Точно так же, как Бирон, командовавший в Лозэне, – заметил Дантон.

– Да, да, это бывший жуир, – задумчиво продолжал Си-

шел от политики.

²⁰³ Колло-д’Эрбуа Жан Мари (1750–1796) – французский политический деятель. В молодости был актером и драматургом, в 1792 г. избран в Конвент, где примкнул к монтаньярам. Несколько раз ездил в департаменты в качестве комиссара. После восстания в Лионе проявил беспощадную жестокость, массами расстреливая противников якобинской диктатуры. Играл видную роль в качестве члена Комитета общественного спасения. После переворота 1795 г. сослан в Кайену, где и умер.

мурдэн. – Он должен быть ужасен.

– Поистине свиреп, – подтвердил Робеспьер. – Он сжигает дотла селения, добывает раненых, умерщвляет пленных, расстреливает женщин.

– Как?! Неужели женщин?

– Да. Он, между прочим, велел расстрелять одну женщину, при которой было трое детей. Неизвестно, что случилось с ребятами. А впрочем, он несомненно полководец, знающий военное дело.

– Это верно, – согласился Симурдэн. – Он участвовал в Ганноверской войне²⁰⁴, и еще в то время солдаты говорили: «Наверху Ришелье²⁰⁵, внизу – Лантенак». Настоящим главнокомандующим был в то время Лантенак. Порасспросите-ка об этом вашего товарища Дюссо²⁰⁶.

Робеспьер задумался на минуту и потом проговорил, обращаясь к Симурдэну:

– Ну, так вот, гражданин Симурдэн, человек этот уже три недели как в Бретани.

– Его нужно объявить стоящим вне закона, нужно назначить цену за его голову.

– И то и другое уже сделано.

²⁰⁴ Речь идет о Семилетней войне, о кампании в Ганновере, который был сначала занят, а потом оставлен французской армией в 1758 г.

²⁰⁵ Ришелье Луи Франсуа Арман (1696–1788) – маршал Франции, правнук знаменитого кардинала Ришелье. Командовал французской армией во время Семилетней войны.

²⁰⁶ Дюссо Жан Жозеф (1769–1824) – французский историк и публицист.

– Нужно обещать тому, кто его схватит, большую сумму денег, да не ассигнациями, а золотом.

– Это уже сделано.

– Затем его нужно отправить на гильотину и отрубить ему голову.

– Это будет сделано.

– Кем?

– Вами.

– Мной?

– Да, Комитет общественного спасения назначит вас своим делегатом в Вандее, и притом с самыми обширными полномочиями.

– Принимаю, – лаконически ответил Симурдэн.

Робеспьер обладал драгоценным для государственного человека качеством – быть быстрым в своих решениях. Он вынул из лежавшей перед ним кипы бумаг белый лист, в заголовке которого были следующие слова: Французская республика единая и неделимая. Комитет общественного спасения. Симурдэн продолжал:

– Да, я принимаю. Против неумолимого – неумолимый. Лантенак свиреп – и я буду свиреп. Борьба не на жизнь, а на смерть с этим человеком. С божьей помощью я избавлю от него республику. – Здесь он остановился и затем прибавил: – Все равно: ведь я священник, я верую в Бога.

– Теперь все это устарело, – заметил Дантон.

– Я верую в Бога, – повторил Симурдэн невозмутимым

ГОЛОСОМ.

Мрачный Робеспьер одобрительно кивнул ему головою. Симурдэн спросил:

– При ком я буду состоять делегатом?

– При начальнике экспедиционной колонны, высланной против Лантенака, – ответил Робеспьер. – Только я предупреждаю вас, что это дворянин.

– Вот тоже вещь, которой я не придаю ни малейшего значения. Что же такое, что дворянин? Велика важность! – воскликнул Дантон. – О дворянине можно сказать то же, что и о священнике: если он за нас, то он хорош. Знатность рода, это, конечно, предубеждение; но именно потому-то ей и не следует придавать одностороннего значения. Скажите, Робеспьер, разве Сен-Жюст – не дворянин? Флорель де Сен-Жюст, черт побери! Разве Анахарсис Клоц – не барон? Разве наш друг Карл Гессен, не пропускающий ни одного заседания клуба башмачников, не принц и не брат царствующего ландграфа Гессен-Ротенбургского? Разве друг Марата Монто²⁰⁷ – не маркиз де Монто? В Революционном трибунале заседает один священник – Вилат²⁰⁸ и один дворянин – маркиз

²⁰⁷ Монто Луи Мари Бон (1754–1824) – французский политический деятель, маркиз. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, где примкнул к якобинцам. После термидорианского переворота подвергался преследованиям.

²⁰⁸ Вилат Иоахим (1768–1795) – деятель Великой французской революции, якобинец, входил в состав Революционного трибунала. После термидорианского переворота был арестован и казнен.

Леруа де Монфлабер. А между тем оба они – люди вполне благонадежные.

– Вы еще забыли, – вставил свое слово Робеспьер, – председателя Революционного трибунала Антонеля²⁰⁹, настоящее имя которого – маркиз Антонель.

– А разве не дворянин Дампьер, – продолжал Дантон, – недавно погибший под стенами Конде в рядах республиканских войск? Разве не дворянин Борепэр, который предпочел пустить себе пулю в лоб, не желая впустить в Верден пруссаков?

– Однако все это не мешает тому, – проворчал сквозь зубы Марат, – что, когда Кондорсе²¹⁰ сказал: «Гракхи²¹¹ были знатного рода», Дантон крикнул Кондорсе: «Все дворяне – изменники, начиная с Мирабо и кончая тобой».

²⁰⁹ Антонель Пьер Антуан (1747–1817) – французский политический деятель, маркиз. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, был членом Революционного трибунала. Принимал участие в заговоре Бабефа, за что был арестован, предан суду и оправдан.

²¹⁰ Кондорсе Жан Антуан Никола (1743–1794) – французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, маркиз. Принимал участие в издании «Энциклопедии». В 1791 г. избран в Национальное собрание, в Конвенте примыкал к жирондистам, после падения которых заключен в тюрьму, где покончил с собой.

²¹¹ Гракхи – в древнеримской истории известны два брата Гракха – Тиберий Семпроний (162–133 гг. до н. э.) и Гай Семпроний (153–121 гг. до н. э.). В связи с нестабильным положением в стране, связанным с разорением крестьянства, будучи народными трибунами, последовательно пытались провести закон, ограничивающий размеры землевладений. Судьба обоих братьев оказалась одинаковой. Встретив отчаянное сопротивление крупных землевладельцев, они были убиты.

– Гражданин Дантон, гражданин Робеспьер, – раздался серьезный голос Симурдэна, – вы, может быть, имеете основание полагаться на дворянство, но народ на него не полагается, и он имеет на то право. А когда на священника возлагается обязанность наблюдать за дворянином, то на него возлагается двойная ответственность, и священник должен быть непреклонен...

– Совершенно верно, – вставил Робеспьер.

– И неумолим, – добавил Симурдэн.

– Хорошо сказано, гражданин Симурдэн, – заговорил Робеспьер. – Вам придется иметь дело с молодым человеком, и вы, конечно, будете импонировать ему, будучи вдвое старше его. Нужно руководить им, но в то же время и щадить его. Он, по-видимому, не лишен военных дарований: относительно этого предмета сходятся все донесения. Он только что прибыл с нашей восточной границы, где показал чудеса храбрости. Он прекрасно умеет командовать. В течение двух недель он отлично действует против этого старого маркиза Лантенака. Он не перестает теснить и гнать его перед собою: вероятно, вскоре он прижмет его к морю и сбросит его туда. Лантенак хитер, как старый полководец, а наш военачальник по-юношески смел. Немудрено, что у него уже появились враги и завистники. Так, например, генерал Лешелль, несомненно, ему завидует.

– Этот Лешелль, – перебил Дантон, – непременно желает быть главнокомандующим, а между тем Шаррет бьет его на

каждом шагу.

– А между тем, – продолжал Робеспьер, – он ни за что не желает, чтобы кто-нибудь другой, кроме него, разбил Лантенака. Истинное бедствие в этой Вандейской войне – это соперничество отдельных начальников; солдаты же наши – это герои, которых ведут в бой неумелые начальники. Простой гусарский ротмистр Шамбон вступает в Сомюр в сопровождении одного только трубача, наигрывающего на своей трубе «Са іга»; он мог бы продолжать таким же образом и взять также Шалэ, но он не имеет инструкций и останавливается. Нужно произвести радикальные перемены в составе лиц, начальствующих в Вандее. Теперь там дробятся, разбрасываются силы республиканцев, а разбросанная армия – это уже не армия: это – камень, превращенный в щебень. В Парамейском лагере остались только одни палатки. Между Трегье и Динаном без всякой пользы расставлено до ста небольших отрядов, которые, будучи соединены, могли бы составить целую дивизию и прикрыть все побережье. Лешелль, которого поддерживает Паррен, отозвал войска со всего северного побережья, под тем предлогом, что следует защищать южный берег, и таким образом открывает доступ во Францию англичанам. Поднять и вооружить полмиллиона крестьян и подготовить высадку англичан во Франции – вот план Лантенака. Молодой начальник экспедиционной колонны преследует, теснит и бьет этого Лантенака без позволения Лешелля, своего начальника; и вот Лешелль на него доносит. Мнения

относительно этого молодого человека очень разноречивы: Лешелль желает его расстрелять, а марнский депутат советует произвести его в генералы и назначить на место Лешелля.

– Этот молодой человек, – сказал Симурдэн, – мне кажется, обладает большими способностями.

– Да, но у него один недостаток, – заметил Марат.

– Какой же? – спросил Симурдэн.

– Он слишком мягок, – ответил Марат. – Он тверд в бою, но затем чересчур мягок. Он прощает, милует, защищает монахинь, спасает жен и дочерей аристократов, отпускает на свободу пленных и священников.

– Это большая ошибка, – пробормотал Симурдэн.

– Не ошибка, а преступление! – воскликнул Марат.

– Иногда! – согласился Дантон.

– Часто! – заметил Робеспьер.

– Почти всегда! – настаивал Марат.

– Да, если имеешь дело с врагами отечества – всегда, – сказал Симурдэн.

Марат обратился к Симурдэну с вопросом:

– А что бы ты сделал с республиканским полководцем, который освободил бы роялистского генерала?

– В этом отношении я согласен с Лешеллем: я бы велел его расстрелять.

– Или отправить на гильотину, – поправил его Марат.

– Это дело вкуса, – заметил Симурдэн.

– А по мне, так и то и другое одинаково хорошо! – вос-

кликнул Дантон, громко расхохотавшись.

– И ты, наверное, получишь либо то, либо другое, – про-
бормотал сквозь зубы Марат; и, переводя взор с Дантона на
Симурдэна, он продолжал:

– Итак, гражданин Симурдэн, если бы республиканский
вождь оказался слишком мягким, ты бы велел отрубить ему
голову?

– В двадцать четыре часа.

– В таком случай, – объявил Марат, – я согласен с мнени-
ем Робеспьера, что следует послать гражданина Симурдэна
в качестве комиссара Комитета общественной безопасности
при начальнике экспедиционной колонны прибрежной ар-
мии. А как фамилия этого начальника?

– Это один бывший дворянин, – ответил Робеспьер и при-
нялся рыться в бумагах.

– Ну, так пускай же поп следит за дворянином, – засмеял-
ся Дантон. – Я не доверился бы одному попу и не доверился
бы одному дворянину; но когда они вместе, они взаимно бу-
дут наблюдать друг за другом, и дело пойдет как по маслу.

Брови Симурдэна еще более нахмурились; но, находя, по
всей вероятности, замечание это в сущности более или ме-
нее основательным, он не возражал Дантону и проговорил
строгим голосом:

– Если республиканский военачальник, за которым я
должен наблюдать, сделает хоть один сомнительный шаг –
смертный приговор ему обеспечен!

– А вот и его имя, – проговорил Робеспьер, все это время рывшийся в бумагах. – Гражданин Симурдэн, военачальник, за которым вам поручается наблюдать, – бывший виконт. Фамилия его – Говэн.

– Говэн! – воскликнул Симурдэн, бледнея.

Эта бледность не укрылась от взоров Марата.

– Виконт Говэн! – повторил он задумчиво.

– Да, да! – подтвердил Робеспьер.

– Ну, так что же? – спросил Марат, не спуская глаз с Симурдэна.

Наступило молчание. Наконец Марат обратился к нему со словами:

– Гражданин Симурдэн, принимаете ли вы, на обозначенных вами самими условиях, поручение состоять комиссаром при командующем войсками Говэне? Решено или нет?

– Решено, – ответил Симурдэн, все более и более бледнея.

Робеспьер взял лежавшее возле него перо и написал своим медленным и четким почерком четыре строчки на листе бумаги, в заголовке которого стояли слова: «Комитет общественного спасения», подписал свою фамилию и передал бумагу и перо Дантону; Дантон также подписал бумагу, и, наконец, ее подписал Марат, все время не спускавший взора со смертельно бледного лица Симурдэна.

Когда бумага возвратилась к Робеспьеру, тот проставил на ней число и передал ее Симурдэну, который прочел в ней следующее:

Год II Республики.

«Гражданин Симурдэн, чрезвычайный комиссар Комитета общественного спасения, облачается неограниченными полномочиями по отношению к гражданину Говэну, начальнику экспедиционной колонны, действующей вдоль морского побережья.

28 июня 1793 года

Робеспьер. Дантон. Марат».

Революционный или так называемый гражданский календарь²¹² в те времена еще не существовал легальным образом и был принят Конвентом, по предложению депутата Ромма²¹³, лишь 5 октября 1793 года.

Пока Симурдэн читал, Марат все смотрел на него и, наконец, произнес вполголоса, как бы говоря сам с собою:

– Необходимо подтвердить все это декретом Конвента или особым постановлением Комитета общественного спа-

²¹² Революционный календарь – введен в период Великой французской революции декретом от 5 октября 1793 г. Отменил христианское летосчисление. Первым днем новой эры стал день провозглашения Республики (по григорианскому календарю – 22 сентября 1792 г.). Год делился на 12 месяцев по 30 суток. После 360 суток вводились 5 (в високосном году 6) «дополнительных» суток. Республиканский календарь действовал до 1 января 1806 г.

²¹³ Ромм Жильбер (1750–1795) – французский философ-просветитель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. После подавления якобинского восстания в мае 1795 г. был арестован, приговорен к смерти, но, не дожидаясь казни, покончил с собой.

сения. Тут еще остается кое-что сделать.

– Гражданин Симурдэн, – спросил Робеспьер, – где вы живете?

– На Коммерческой улице.

– А-а, там же, где и я, – заметил Дантон. – Вы, значит, мой сосед.

– Времени нельзя терять, – продолжал Робеспьер. – Завтра вы получите формальные инструкции, подписанные всеми членами Комитета общественного спасения. Это будет подтверждением поручения, возложенного на вас специально при состоящих в армии делегатах, – Филиппо²¹⁴, Приэре, депутате от Марны, Лекуантре, Алькье²¹⁵ и других. У вас неограниченные полномочия. Вы можете повесить Говэна или отправить его на эшафот. Инструкции вы получите завтра в три часа. Когда вы думаете выехать?

– Завтра в четыре часа.

Затем они расстались.

Вернувшись домой, Марат предупредил Симону Эввар²¹⁶,

²¹⁴ Филиппо Пьер Никола (1756–1794) – деятель Великой французской революции. В 1792 г. избран в Конвент, неоднократно выезжал в провинции в качестве комиссара. Казнен вместе с Дантоном.

²¹⁵ Алькье Шарль Жан Мари (1752–1826) – французский политический деятель, депутат Национального собрания, в 1792 г. избран в Конвент, позже входил в Совет старейшин. В период Империи находился на дипломатической работе.

²¹⁶ Эввар Симона (1764–1824) – подруга Марата. После смерти Марата жила с его сестрой Альбертиной, поддерживала связь с революционными низами Парижа.

что на следующий день он отправится в Конвент.

Книга третья. Конвент

I. Зал Конвента

Мы приближаемся к вершине.

Вот Конвент. Такая тишина невольно приковывает взор.

Никогда на человеческом горизонте не появлялось ничего более высокого. Конвент – это тот же Гималайский хребет. Конвент – это, быть может, кульминационный пункт истории.

Пока был жив Конвент, – ведь и собрание людей может жить, – никто не отдавал себе ясного отчета в том, что такое был Конвент. От современников ускользало из виду именно его величие; все были слишком испуганы для того, чтобы быть ослепленными. Все великое имеет свойство внушать священный ужас. Любоваться холмами и пригорками не трудно; но все слишком высокое, все равно – гений ли или гора, собрание или образцовое произведение искусства, если на них смотреть с близкого расстояния, пугают. Любая вершина кажется неестественно огромной; подниматься вверх – утомительно. Человек задыхается при подъеме, скользит при спуске, ушибается о неровности, как бы ни были они красивы; пенящиеся потоки указывают на пропасти, облака скрывают вершины; подъем пугает не менее, чем опасность

падения. Вследствие всего этого чувство страха пересиливает чувство восторга. Человек испытывает странное ощущение – отвращение к великому. Он видит пропасти, но не видит красот; он видит чудовище, но не видит чуда. Именно так и смотрели сначала на Конвент. Он создан был для того, чтобы на него взирали орлы, а его разглядывала близорукая публика.

Теперь он представляется нам в перспективе и обрисовывает на глубоком небе, в ясной, но трагической дали, громадный профиль Великой французской революции.

II

14 июля освободило. – 10 августа поразило. – 21 сентября²¹⁷ произвело слияние.

21 сентября – день осеннего равноденствия, под зодиакальным знаком Весов. Как справедливо заметил Ромм, республика была провозглашена под этим знаком равенства и справедливости. Счастлирое астрологическое предзнаменование.

Конвент, это было первое воплощение Вишну²¹⁸ для народов. Конвент открыл собой новую страницу истории, с него

²¹⁷ 21 сентября – день провозглашения Республики Конвентом.

²¹⁸ Вишну – один из трех индийских богов. Обошел весь мир тремя шагами, является олицетворением божественного промысла, источником существования всех существ. Изображается с четырьмя руками, палицей и диском. Его супруга Лакшми, богиня красоты и счастья.

началась летопись будущего.

Всякая идея требует себе соответствующей оболочки, всякий принцип требует себе соответствующего помещения, всякий догмат требует себе храма. Церковь – это Бог в четырех стенах. Когда создавался Конвент, пришлось решить первую задачу, где его разместить?

Сначала для этого выбрали Манеж, затем – Тюильрийский дворец. Поставили раму, декорацию, расписанную Давидом светлыми и темными красками, несколько рядов скамеек, четырехугольную трибуну, идущие параллельно четырехугольные колонны, цоколи, напоминавшие собою плахи, длинные, прямолинейные балюстрады, прямоугольные клетушки, в которых теснилась публика и которые носили громкое название общественных трибун, римский театральный шатер, греческой драпировки, и среди этих прямых линий и прямых углов поместили Конвент. В геометрические чертежи втиснули бурю. Фригийский колпак, изображенный над трибуной, был выкрашен в серую краску. Началось с того, что роялисты принялись смеяться над этой серой «красной шапкой», над этим неуклюжим залом, над этим карточным сооружением, над этим святилищем из папье-маше, над этим грязным и уродливым пантеоном. Да и мог ли он долго продержаться? Колонны сделаны были из прогнивших досок, своды – из дранок, барельефы – из мастики, карнизы – из елового дерева, статуи – из глины, выбеленной под мрамор, стены – из холста. И в этом-то олицетворении времен-

ного и преходящего Франция создала вечное.

Стены Манежа, когда Конвент открыл в нем свои заседания, были покрыты афишами, которыми кишел Париж в эпоху насильственного возвращения короля из Варенна. На одной из них можно было прочесть: «Король возвращается. Палки тому, кто будет ему рукоплескать, виселица, кто его оскорбит». На другой: «Смирно! Не снимать шляп! Он сейчас предстанет пред судьями». На третьей: «Король целился в народ, но промахнулся. Теперь очередь стрелять за народом». На четвертой: «Закон! Закон!»

В этих самых стенах Конвент судил Людовика XVI.

В Тюильрийском дворце, куда Конвент перенес свои заседания 10 мая 1793 года и который был назван «Народным дворцом», зал заседаний занимал все пространство между павильоном Часов, названным павильоном Единства, и павильоном Марсан, названным павильоном Равенства. В зал заседаний поднимались по большой лестнице Жана Бюллана²¹⁹. Собрание занимало весь второй этаж этой части дворца, а нижний этаж был превращен в большую кордегардию²²⁰, заставленную кроватями и составленными в козла ру-

²¹⁹ Бюллан Жан (1510–1578) – французский архитектор, один из ярчайших представителей искусства эпохи Возрождения во Франции. При Генрихе II был назначен главным наблюдателем за всеми постройками французской короны. По распоряжению Екатерины Медичи достроил дворец Тюильри. Он умел гармонично сочетать формы итальянского Возрождения с национальными особенностями.

²²⁰ Кордегардия – помещение для караула.

жьями солдат, принадлежавших ко всем родам оружия и составлявших охрану Конвента. У Собраниа была своя почетная стража, называвшаяся «гренадерами Конвента».

Трехцветная лента отделяла дворец, в котором заседал Конвент, от сада, по которому прогуливался народ.

III

Теперь представим описание самого зала заседаний. В этом грозном месте все полно интереса.

Прежде всего при входе в зал бросалась в глаза громадная статуя Свободы, стоявшая между окнами. Сам зал, бывший прежде королевским театром и ставший впоследствии театром революции, имел сорок два метра в длину, десять метров в ширину и одиннадцать метров в высоту. Изящный и великолепный зал, выстроенный Вигарани для придворных развлечений, исчезал под грубой плотницкой работой, выполненной в 93 году для того, чтобы зал мог вынести тяжесть народа. Вся эта работа, имевшая целью создание публичных трибун, имела – довольно любопытная подробность – единственной точкой опоры громадный столб, десяти метров в окружности и составлявший одно целое. Немногим кариатидам приходилось нести на себе такую тяжесть, как этому столбу; на нем держалась, можно сказать, в течение нескольких лет вся тяжесть революции; он с честью выдерживал и восторги, и брань, и шум, и весь хаос гнева, и даже бунты, –

и все же он не прогнулся и не сломался. После Конвента он держал Совет старейшин²²¹ и только после 18 брюмера был удален. Персье²²² заменил деревянный столб мраморной колонной, которая, однако, просуществовала не так долго.

Идеалы, к которым стремятся архитекторы, часто бывают весьма странного свойства. Архитектор, прокладывавший улицу Риволи, поставил себе идеалом траекторию пушечного ядра; архитектор, составлявший план города Карлсруэ, имел идеалом раскрытый веер. Громадный комодный ящик – вот, по-видимому, каков был идеал архитектора при устройстве зала, в котором Конвент открыл свои заседания 10 мая 1793 года: длинный, широкий и плоский – вот каков был этот зал. Позади одной из длинных сторон этого параллелограмма был устроен полукруг; здесь стояли амфитеатром скамьи депутатов, без столиков или пюпитров. Гаран-Кулону²²³, имевшему привычку много записывать, приходилось писать на своем колене. Напротив скамеек стояла ораторская трибуна; перед трибуной – бюст Лепеллетье де

²²¹ Совет старейшин – верхняя палата Законодательного собрания во Франции в период Директории (1795–1799). Нижняя палата носила название Совет пятисот (она насчитывала 500 депутатов).

²²² Персье Шарль (1764–1799) – французский архитектор, представитель стиля ампир. Создавал (совместно с П. Фонтеном) торжественные сооружения (арка на площади Карусель в Париже, 1806), оформлял интерьеры. По заданию Наполеона работал над реконструкцией Лувра.

²²³ Гаран-Кулон Жан Филипп (1748–1816) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Впоследствии был членом Совета пятисот, а в эпоху Империи сенатором.

Сен-Фаржо²²⁴; позади трибуны – президентское кресло. Голова бюста несколько возвышалась над краем трибуны, из-за чего его впоследствии отсюда убрали.

Амфитеатр состоял из девятнадцати полукруглых скамеек, слегка возвышавшихся одна над другой; скамьи стояли также и в обоих углах, вправо и влево от амфитеатра. Внизу, у подножия трибуны, сидели и стояли приставы собрания.

По другую сторону трибуны, в раме из черного дерева, висел на стене громадный картон, девяти футов высотой, на котором в два столбца, разделенных подобием скипетра, начертаны были так называемые «права человека»; по другую сторону было пустое пространство, которое впоследствии было занято такою же картонною доскою, с начертанною на ней, также двумя столбцами, разделенных мечом, конституцией II года. Над трибуной, то есть над самой головой ораторов, развевались на больших шестах, прикрепленных к переполненным народом трибунам, три громадных трехцветных флага, свешивавшихся концами над чем-то вроде алтаря, на котором было начертано слово: «закон». Позади этого алтаря возвышался, в виде стража свободного слова, громадный пук ликторских прутьев, высотой с добрую колонну. Вдоль стен стояли громадные статуи, обращенные лицом к народным представителям. Направо от президента стояла

²²⁴ Лепеллетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760–1793) – французский политический деятель. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент. Голосовал за смертную казнь короля и в тот же день вечером был убит роялистом. Конвент устроил ему пышные похороны.

статуя Ликурга²²⁵, налево – статуя Солона²²⁶. Над местами, занимаемыми «горой», виднелась статуя Платона²²⁷. Пьедесталами для этих статуй служили простые кубы, положенные на длинный выступ стены, тянувшийся вдоль всего зала и отделявший публику от собрания. Зрители облокачивались на этот выступ.

Рамка из черного дерева, в которую вставлены были «права человека», доходила до карниза и отчасти закрывала надкарнизные фрески, нарушая прямую линию карниза, что приводило в негодование Шабо и заставляло его говорить на ухо соседу своему Вадье²²⁸: «Как это безобразно!» Над головами статуй попеременно были размещены дубовые и лавро-

²²⁵ Ликург – знаменитый законодатель Спарты, живший во второй половине IX в. до н. э. Он заложил основы государства, начертал план его развития, примирил различные партии.

²²⁶ Солон (ок. 640–560 гг. до н. э.) – афинский политический деятель и поэт. Народное собрание поручило ему составить законы для преодоления бедственного состояния государства. В основу своих законов он положил принцип надления граждан политическими правами пропорционально обязанностям, которые они несут. С этой целью он разделил граждан на четыре класса по их имущественному положению, чем уничтожил родовую аристократию. Кроме того, он дал стране новое законодательство.

²²⁷ Платон (427–347 гг. до н. э.) – знаменитый греческий философ, ученик Сократа. Требовал полного слияния личности с государством, самой строгой регламентации всей жизни граждан, запрета частной собственности.

²²⁸ Вадье Марк Гийом Алексис (1736–1828) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, а впоследствии в Комитет общественной безопасности. Участник термидорианского переворота. После реставрации Бурбонов изгнан из Франции.

вые венки.

Зеленый занавес, на котором намалеваны были более темно-зеленой краской такие же венки, спускался крупными прямыми складками с бокового карниза и закрывал всю нижнюю часть зала, занятого собранием. Стена над этим занавесом была голой и белой. В эту стену углублялись выдолбленные, точно резаком, без всяких украшений и завитушек, два яруса трибун для публики, внизу – четырехугольные, вверху – круглые; согласно существовавшей тогда моде, архивольты²²⁹ были помещены над архитравами²³⁰. В каждой из обеих длинных стен зала было по десяти трибун, а на каждой из двух их оконечностей – по громадной ложе; итого – двадцать четыре ложи. Тут-то и толпилась публика.

Зрители нижних трибун взлезали на балюстрады и на все архитектурные выступы. Длинная железная полоса, крепко вделанная в стену на высоте половины человеческого роста, служила перилами для верхней галереи и защищала зрителей от падения вниз, в случае напора толпы. Один раз, однако, кто-то из зрителей свалился-таки вниз и упал прямо на епископа из Бовэ Моссье. Так как он не убился, то воскликнул: «Вот и епископ на что-нибудь пригодился!»

Зал Конвента мог вместить в себя до двух тысяч человек, а при некоторой тесноте – и до трех тысяч.

²²⁹ Архивольт – наружное обрамление пролета арки, чаще всего профилированное.

²³⁰ Архитрав – нижняя часть балочного перекрытия пролета.

Конвент заседал два раза в сутки: днем и вечером.

Спинка президентского кресла была круглая, с позолоченными гвоздями. Ножки его стола были сделаны в виде четырех крылатых чудовищ, которые точно вышли из Апокалипсиса для того, чтобы присутствовать при революции, они как будто выпряжены были из колесницы Иезекииля²³¹ для того, чтобы тащить телегу палача Сансона²³². На президентском столе стояли большой колокольчик, размером почти с колокол, громадная бронзовая чернильница и лежала большая, переплетенная в пергамент книга – протоколы заседаний. На этом же столе виднелись пятна крови, накапавшие сюда из принесенных в заседание на пиках отрубленных голов.

К ораторской трибуне вели девять довольно неудобных ступеней. Однажды, поднимаясь по ним, Жансонне споткнулся и воскликнул:

– Да ведь это настоящая лестница на эшафот!

– Учись и тренируйся! – крикнул ему Каррье²³³.

²³¹ Иезекииль – библейский пророк, живший в эпоху вавилонского пленения. Его пророчества и проповедь чистой веры изложены в книге его имени.

²³² Сансоны – семья парижских палачей на протяжении многих поколений (1688–1847), занимавшихся семейной профессией.

²³³ Каррье Жан Батист (1756–1794) – французский политический деятель. Будучи избран в Конвент, сначала примкнул к монтаньярам, а затем к жирондистам. После падения жирондистов был послан комиссаром в Нормандию, а затем в Нант, где проявил маниакальную жестокость. Осужденных расстреливали картечью, топили в баржах в Луаре. Это вызвало осуждение даже среди депутатов Конвента, Каррье был отозван, привлечен к ответственности и казнен.

Там, где стены казались слишком голыми, преимущественно в углах зала, архитектор поместил, в виде украшения, пуки прутьев с высовывавшимися секирами. Направо и налево от ораторской трибуны на цоколях стояли громадные канделябры в двенадцать футов высоты, на двадцать свечей каждый. В каждой из трибун для публики было по такому же канделябру. На цоколях были высечены круги, которые народ называл «ошейниками гильотины».

Скамьи собрания возвышались амфитеатром почти до самых карнизов трибун, так что народные представители и зрители могли удобно беседовать между собой. Выходы из трибун вели в целый лабиринт коридоров, в которых обыкновенно стоял невообразимый гул.

Конвент не только занимал весь дворец, но волны его доходили даже до соседних домов – Лонгвилля и Куаньи. В последний из этих домов, если верить письму лорда Брэдфорда, после 10 августа перенесена была королевская мебель. Потребовалось целых два месяца для того, чтобы очистить от нее Тюильри.

Различные комиссии Конвента разместились в окрестностях зала заседаний: в павильоне Равенства – комиссии законодательная, земледельческая и торговая; в павильоне Свободы – комиссии морская, финансовая, колониальная, ассигнационная и Комитет общественного спасения; в павильоне Единства – военная комиссия. Комитет общественной безопасности сообщался прямо с Комитетом общественного

спасения темным коридором, в котором день и ночь горел фонарь и в котором постоянно толкались шпионы различных партий, переговаривавшиеся шепотом.

Скамьи, на которых заседали члены исполнительной власти, неоднократно перемещались. Обычно они стояли справа от президентского кресла. На обоих концах зала были невысокие двери, в которые входили и выходили члены Конвента.

Этот зал, днем скудно освещаемый узкими окнами, а вечером и того хуже – слабым светом свечей, имел чрезвычайно мрачный вид. Дневные и, в особенности, ночные заседания носили в себе какой-то зловещий характер. Депутаты, сидевшее направо и налево, не могли разглядеть друг друга и впотьмах перебрасывались оскорблениями. Даже сталкиваясь лицом к лицу, они часто не узнавали друг друга.

Однажды Ленъело²³⁴, спеша к трибуне, сталкивается с кем-то в проходе.

– Извини, Робеспьер, – говорит он.

– За кого ты меня принимаешь? – отвечает хриплый голос.

– Ах, извини, Марат, – поправляется Ленъело.

Внизу, направо и налево от председателя, находились две привилегированные трибуны. Как оно ни странно, даже в

²³⁴ Ленъело Жозеф Франсуа (1752–1829) – французский драматург и политический деятель, депутат Конвента, монтаньяр, затем правый термидорианец, член Комитета общественной безопасности, автор нескольких трагедий.

таким архидемократическом учреждении, как Конвент, бывали привилегированные посетители. Только эти трибуны украшены были драпировкой, перехваченной посредине позолоченными шнурами с кисточками. Трибуны для народа были без всяких украшений.

Вообще вся эта обстановка носила на себе характер чего-то сурового, свирепого, аскетического. Суровость в свирепости, – таков, впрочем, и был характер революции. Зал Конвента представлял собою лучший образец того, что художники с тех пор называли «архитектурой месяца мессидора». Все было массивно и в то же время хрупко; строители той эпохи принимали симметричность за красоту. Последнее слово стиля «ренессанс»²³⁵ сказано было при Людовике XV, и с тех пор наступила реакция. Благоденствие стиля доведено было до приторности, а его чистота – до скуки. И архитектуре свойственна суровая неприступность. После ослепительных оргий форм и красок восемнадцатого века искусство как бы наложило на себя пост и не отступало от прямых линий. Такого рода прогресс ведет в конце концов к безобразию, и произведение искусства превращается в скелет. Избыток трезвости и сдержанности тоже имеет свои неудобства: стиль становится до того скромным, что дурнеет.

Отрешившись от политических страстей и глядя только на архитектуру этого здания, нельзя было не чувствовать

²³⁵ Ренессанс – эпоха в истории европейской культуры XIII–XVI вв., ознаменовавшая собой наступление Нового времени.

некоторого трепета. Невольно вспоминался прежний театр, разукрашенные гирляндами ложи, потолок, расписанный золотом по синему фону, граненые люстры, жирандоли²³⁶ с алмазными переливами, сизые драпировки цвета голубинового горла, вся эта масса амуров и нимф на занавесе и на драпировках, вся эта королевская любовная идиллия, расписанная, позолоченная и разнообразная, озарявшая своей улыбкой это место, сделавшееся теперь таким суровым – и затем взор переносился к торчавшим всюду прямым углам, холодным и режущим, как сталь. Это было изящное произведение истинного художника Буше²³⁷, обезглавленное бездарным Давидом.

IV

Но тот, кто всматривался в собравшихся здесь людей, забывал о зале; тот, кто смотрел драму, забывал о театре. Ничто не могло быть и безобразнее, и возвышеннее: одновременно и сборище героев, и стадо трусов, дикие звери лесов и гады болот. Здесь толкались, разговаривали, перебранивались, угрожали друг другу, боролись и жили все эти борцы, ставшие теперь призраками. Титанический список.

²³⁶ Жирандоль – фигурный подсвечник для нескольких свечей.

²³⁷ Буше Франсуа (1703–1770) – французский художник, автор большого количества картин, декоративных панно, рисунков для предметов роскоши. Картины Буше отличаются нежностью очертаний, прозрачностью колорита и тонкостью вкуса.

Направо – «жиронда», легион мыслителей; налево – «гора», группа атлетов. С одной стороны Бриссо, которому переданы были ключи Бастилии; Барбару, которому безусловно повиновались марсельцы; Кервелеган²³⁸, начальник брестского батальона, расположенного в казармах Сен-Марсо; Жансонне, установивший надзор народных представителей над командирами отдельных воинских частей; мрачный Гадэ²³⁹, которому однажды ночью королева показывала в Тюильрийском дворце спящего дофина, причем Гадэ поцеловал ребенка в лоб, а вскоре после того подал голос за казнь его отца; Салль²⁴⁰, подававший вымышленные доносы на сношения «горы» с Австрией; Силлери, хромой правой стороны, подобно тому, как Кутон был калекой левой; Лоз-Дюперре, который, когда его назвал «негодяем» один журналист, пригласил последнего обедать, говоря: «Я знаю, что

²³⁸ Кервелеган Огюстен Бернар Франсуа (1748–1825) – французский политический деятель. Депутат Национального собрания, в 1792 г. избран в Конвент. После падения жирондистов был арестован, но сумел бежать. Термидорианский переворот позволил ему вернуться в Париж. Впоследствии был членом Совета старейшин, а в эпоху Империи Законодательного корпуса.

²³⁹ Гадэ Маргерит Эли (1758–1794) – французский политический деятель, адвокат. Депутат Законодательного собрания, Конвента, где стал одним из вождей жирондистов. Выступал против войны с Австрией. Боролся с Робеспьером. После падения жирондистов арестован и казнен. Эта же участь постигла большую часть его родственников.

²⁴⁰ Салль Жан Батист (1759–1794) – деятель Великой французской революции. В 1789 г. избран в Национальное собрание, а в 1792 г. в Конвент. После падения жирондистов бежал из Парижа, но был схвачен и казнен.

под словом «негодяй» следует просто подразумевать человека, думающего не так, как мы»; Рабо Сент-Этьенн, начавший свой альманах за 1790 год словами: «Революция окончена»; Кинетт²⁴¹, один из тех, которые низвергли Людовика XVI; янсенист²⁴² Камюс²⁴³, составлявший гражданский устав для духовенства, веривший в чудеса парижского архидиакона и каждую ночь падавший ниц перед семифутовым распятием, висевшим в его комнате; патер Фоше, вызвавший вместе с Камиллом Демуленом²⁴⁴ восстание 14 июля; Инар, имевший неосторожность сказать: «Париж будет разрушен», в то самое время, когда герцог Брауншвейгский говорил: «Париж будет сожжен»; Жак Дюпон, который первый восклик-

²⁴¹ Кинетт Никола Мари (1762–1821) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Будучи комиссаром, попал в плен к австрийцам, где провел несколько лет в тюрьме. Впоследствии был членом Совета пятисот. В 1815 г. изгнан из Франции.

²⁴² Янсенист – представитель религиозного течения внутри католицизма, ведущего начало от учения голландского богослова Янсения. Течение распространилось во Франции, Голландии и других странах Западной Европы в XVII–XVIII вв. Янсенизм близок к кальвинизму.

²⁴³ Камюс Арман Гастон (1740–1804) – французский политический деятель. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Основал национальный архив в Париже. В 1792 г. избран в Конвент. При попытке арестовать Дюмуре был схвачен сам и более двух лет провел в австрийском плену. В 1802 г. один из немногих голосовал против пожизненного консульства Наполеона.

²⁴⁴ Демулен Бенуа Камилл (1760–1794) – французский политический деятель, адвокат, публицист. Участник штурма Бастилии, основатель клуба кордельеров, депутат Конвента. Выступал против политики террора. Арестован и казнен по обвинению в стремлении восстановить монархию.

нул: «Я атеист», и которому Робеспьер заметил: «атеизм – это учреждение аристократическое»; Ланжюине²⁴⁵ – сметливый, храбрый и упрямый бретонец; Дюкос²⁴⁶ – эвриал Буайе-Фонфреда²⁴⁷; Ребекки²⁴⁸, Пилад²⁴⁹ своего Ореста – Барбару, подавший в отставку потому, что Робеспьер не был еще казнен; Ришо²⁵⁰, ратовавший против несменяемости начальников отделов; Ласурс, которому принадлежало изрече-

²⁴⁵ Ланжюине Жан Дени (1753–1827) – французский политический деятель, адвокат. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент, где примкнул к жирондистам. В результате падения жирондистов был арестован, но сумел бежать. После казни Робеспьера вернулся в Конвент, где боролся одновременно против якобинцев и роялистов, выступая как приверженец либеральной демократии. В эпоху Империи и Ста дней, несмотря на сенаторское звание, был в оппозиции к Наполеону. Во время Реставрации заседал в палате пэров.

²⁴⁶ Дюкос Роже (1747–1816) – французский политический деятель. В 1792 г. избран в Конвент, где примкнул к якобинцам. В 1797 г. поддержал переворот 18 фрюктидора. В 1799 г. вошел в состав Директории и, встав на сторону Наполеона, помог ему совершить переворот 18 брюмера, после чего стал одним из консулов. В эпоху Империи политической роли не играл.

²⁴⁷ Буайе-Фонфред Жан Батист (1766–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, жирондист. После прихода якобинцев к власти арестован и казнен.

²⁴⁸ Ребекки Франсуа Трофим (1744–1794) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, жирондист. После падения жирондистов бежал и в преддверии неминуемого ареста покончил с собой.

²⁴⁹ Пилад – в греческой мифологии племянник Агамемнона. Его дружба с Орестом, который воспитывался вместе с ним у его родителей, служила образцом для подражания в античном мире.

²⁵⁰ Ришо Гиацинт (1757–1822) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, неоднократно направлялся в провинции в качестве комиссара. После прихода Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

ние: «горе благородным народам» и которому, у ступеней эшафота, пришлось самому себе противоречить следующими гордыми словами, брошенными в лицо членам «горы»: «Мы умираем потому, что народ спит, а вы умрете оттого, что народ проснется!» Бирото²⁵¹, который, настояв на отмене закона о неприкосновенности народных представителей, сам накликал на свою голову нож гильотины; Шарль Вильет²⁵², который успокоил свою совесть следующим протестом: «Я не желаю подавать голос под ножом»; Лувэ, автор «Фоблаза», окончивший свою жизнь книготорговцем в Пале-Рояле, Мерсье, автор «Парижских силуэтов», воскликнувший: «Все короли почувствовали на своих затылках двадцать первое января»; журналист Карра²⁵³, который, входя на эшафот, сказал палачу: «Не хочется умирать, я бы желал видеть продолжение»; Виже²⁵⁴, который ввиду ропота, доносившегося с трибун для публики, воскликнул: «Я требую, чтобы, в случае

²⁵¹ Бирото Жан Бонавентюр Блез Илларион (1758–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, жирондист. После падения жирондистов бежал на юг Франции, где присоединился к мятежу. Был схвачен и казнен.

²⁵² Вильет Шарль (1736–1793) – французский политический деятель, маркиз, друг Вольтера. Депутат Конвента, жирондист. После прихода якобинцев к власти арестован и казнен.

²⁵³ Карра Жан Луи (1743–1793) – французский писатель и политический деятель. Став депутатом Конвента, примкнул к жирондистам. По поручению Конвента в качестве комиссара неоднократно выезжал в провинции и своей умеренностью навлек на себя неудовольствие монтаньяров. После падения жирондистов был исключен из Конвента, предан суду и казнен.

²⁵⁴ Виже Луи Жан Батист Этьен (1768–1820) – французский поэт и драматург.

возобновления ропота на трибунах, мы все удалились отсюда и направились в Версаль с саблей в руке»; Бюзо, которому впоследствии пришлось умереть голодной смертью; Валазе, заколовшийся некоторое время спустя кинжалом²⁵⁵; Кондорсе, умерший в Бург-ла-Рене (переименованном в Бург-Эгалите) с Горацием в руках; Петюн, идол толпы в 1792 году и загрызенный волками в 1794 году; Марбоз, Лидон, Сен-Мартен²⁵⁶, Дюссо, переводчик Ювенала²⁵⁷, участвовавший в ганноверской кампании, Буало²⁵⁸, Бертран²⁵⁹, Лестерп-Бове²⁶⁰, Лесаж²⁶¹, Гомэр²⁶², Гардьен²⁶³, Мэнвьель²⁶⁴, Дюплан-

²⁵⁵ Дюфриш де Валазе Шарль Элеонор (1751–1793) – французский политический деятель, адвокат. В 1792 г. избран в Конвент, где примкнул к жирондистам. Выступал против парижской Коммуны, нападал на Робеспьера и Марата. После падения жирондистов был арестован, предан суду и, выслушав смертный приговор, заколол себя кинжалом.

²⁵⁶ Сен-Мартен Франсуа Жером (1744–1814) – деятель Великой французской революции, депутат Национального собрания, Конвента. В эпоху Империи был избран в Законодательный корпус.

²⁵⁷ Ювенал Децим Юний (ок. 60 – после 127) – римский поэт, автор сатир, в которых обличал пороки своего времени. Его ирония метко обличала раболепство придворных, чрезмерную роскошь богачей, бесстыдство выскочек, безнравственность. В средние века благодаря своей моралистичной строгости был одним из самых читаемых авторов.

²⁵⁸ Буало Жак (1751–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, жирондист. После прихода якобинцев к власти арестован и казнен.

²⁵⁹ Бертран Антуан (1749–1816) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента и Законодательного собрания.

²⁶⁰ Лестерп-Бове Бенуа (1750–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, сторонник жирондистов. Сопrotивлялся приходу якобинцев к власти, бежал из Парижа и принял участие в восстании на юге Фран-

тье²⁶⁵, Лаказ²⁶⁶, Антибуль²⁶⁷ и, наконец, Барнав²⁶⁸, по прозванию Верньо.

На другой стороне – Антуан-Луи-Леон-Флорель де Сен-Жюст, бледный, низколобый, с правильным профилем, с печальным выражением лица, молодой человек двадцати трех

ции. Был арестован и казнен.

²⁶¹ Лесаж Дени Туссен (1758–1796) – деятель Великой французской революции, жирондист, депутат Конвента. С приходом якобинцев к власти бежал из Парижа, после термидорианского переворота вернулся в Конвент.

²⁶² Гомэр Жан Эмэ (1745–1805) – деятель Великой французской революции, священник, депутат Конвента. После падения жирондистов арестован, но впоследствии освобожден.

²⁶³ Гардьен Жан Франсуа Мартен (1755–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента. После падения жирондистов арестован и казнен.

²⁶⁴ Мэнвьель Пьер (1764–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, примыкал к жирондистам. После падения жирондистов арестован и казнен.

²⁶⁵ Дюплантье Жак Поль (1764–1814) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, примыкал к жирондистам. После прихода якобинцев к власти ушел в отставку. Впоследствии входил в Совет пятисот. С приходом Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

²⁶⁶ Лаказ Жак (1752–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента. Протестовал против преследований жирондистов после их падения, за что был арестован и казнен.

²⁶⁷ Антибуль Шарль Луи (1752–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, примыкал к жирондистам. После падения жирондистов арестован и казнен.

²⁶⁸ Барнав Антуан Пьер Жозеф Мари (1761–1793) – французский политический деятель, адвокат. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. В 1791 г. попал под личное влияние королевы и стал давать советы королю, как бороться с революцией. В 1792 г. был арестован за переписку с королем и в 1793 г. казнен.

лет; Мерлен де Тионвилль²⁶⁹, которого немцы называли «огненным чертом»; другой Мерлен де Дуэ²⁷⁰, предложивший и проведший закон о подозрительных; Сурбани²⁷¹, которого парижская чернь после разрушения Бастилии требовала себе в генералы; бывший священник Лебон²⁷², променявший кропило на саблю; Билло-Варенн²⁷³, пересоздатель француз-

²⁶⁹ Мерлен де Тионвилль Антуан Кристоф (1762–1833) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. В качестве комиссара Конвента неоднократно выезжал в действующую армию и в Вандею. Способствовал падению Робеспьера. Впоследствии, став членом Совета пятисот, голосовал против пожизненного консульства Наполеона, вследствие чего был вынужден отойти от политической деятельности.

²⁷⁰ Мерлен де Дуэ Филипп Антуан (1754–1838) – французский политический деятель, юрист. Во время Великой французской революции избран в Национальное собрание, затем в Конвент, где в качестве председателя способствовал падению парижской Коммуны и запрету в 1795 г. Якобинского клуба. В 1797–1799 гг. заседал в Директории. При Наполеоне был генеральным прокурором и членом Государственного совета.

²⁷¹ Сурбани Пьер Амабль (1752–1795) – деятель Великой французской революции. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, якобинец. Участник восстания в Париже в мае 1795 г., за что был арестован и приговорен к смерти. Не дожидаясь казни, покончил с собой.

²⁷² Лебон Жозеф (1765–1795) – деятель Великой французской революции, до революции – священник. Избранный в члены Конвента, он в качестве комиссара был послан в северные департаменты, где проявил крайнюю жестокость к противникам якобизма. После переворота 9 термидора был обвинен в превышении власти и казнен.

²⁷³ Билло-Варенн Жак Никола (1756–1815) – французский политический деятель, депутат Конвента, якобинец. После термидорианского переворота сослан в Кайену.

ской магистратуры; Фабр д'Эглантин²⁷⁴, составивший республиканский календарь; этого человека раз в жизни посетило вдохновение, как оно посетило Руже де Лиля²⁷⁵, создавшего «Марсельезу». Ни к тому ни к другому больше оно не возвращалось. Манюэль²⁷⁶, прокурор Коммуны, которому принадлежало выражение: «Мертвый король – это несколько больше, чем сошедший со сцены человек»; Гужон²⁷⁷, взявший Шпейер и Нейштадт и обративший в бегство прусскую армию; Лакруа, из адвокатов превратившийся в генерала и ставший кавалером ордена Святого Людовика за шесть дней до 10 августа; Фрерон-Терсит, сын Фрерона-Зоила; Рюль²⁷⁸,

²⁷⁴ Фабр д'Эглантин Филипп Франсуа Назер (1755–1794) – французский писатель и политический деятель. С началом Великой французской революции попал под влияние Дантона и стал орудием в руках последнего. В 1792 г. избран в Конвент, составил республиканский календарь. Обвиненный Робеспьером в подделке документов, присвоении общественных денег и других преступлениях, он был казнен вместе с Дантоном. Автор нескольких комедий.

²⁷⁵ Руже де Лиль Клод Жозеф (1760–1836) – французский поэт, автор «Марсельезы». Ему также принадлежит ряд военных и революционных песен.

²⁷⁶ Манюэль Пьер Луи (1751–1793) – французский политический деятель, депутат Конвента с 1792 г. Вышел из Конвента в знак протеста против казни Людовика XVI. Казнен в 1793 г.

²⁷⁷ Гужон Жак Мари Клод Александр (1766–1795) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. После подавления якобинского восстания в мае 1795 г. в Париже арестован и приговорен к смертной казни. Не дожидаясь исполнения приговора, покончил с собой.

²⁷⁸ Рюль Филипп Жак (1737–1795) – деятель Великой французской революции, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. После термидорианского переворота был арестован и в тюрьме покончил собой.

впоследствии лишивший себя жизни в тот день, когда пала республика; Фуше²⁷⁹ с лицом трупа и душой дьявола; Камбулас, друг Дюшена; Жаго²⁸⁰, который в ответ на жалобы арестованных, что их плохо содержат, говорил: «Темница – это каменная одежда»; Жавог²⁸¹, перерывший королевские гробницы в Сен-Дени; Осселен, требовавший изгнания всех аристократов, сам скрывший, однако, у себя маркизу Шарри; Бентабаль²⁸², который, председательствуя на заседаниях, сигналом заставлял трибуны рукоплескать или шикать; журналист Робери²⁸³, муж госпожи Кералио²⁸⁴, ненавидевший Робеспьера и Марата; Гаран-Кулон, потребовавший, чтобы

²⁷⁹ Фуше Жозеф (1763–1830) – французский политический деятель. В 1792 г. избран в Конвент, где присоединился к монтаньярам, содействовал падению Робеспьера и приходу Наполеона к власти. В 1799 г. был назначен министром полиции и оставался на этом посту всю эпоху Империи и даже после реставрации Бурбонов. Создал великолепную систему шпионажа, проникшего во все слои общества. Свои незаурядные способности использовал для интриг и корыстолюбивых целей.

²⁸⁰ Жаго Грегуар Мари (1750–1838) – деятель Великой французской революции, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. После прихода Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

²⁸¹ Жавог Клод (1759–1796) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, якобинец. Неоднократно выезжал в провинцию в качестве комиссара. После провала заговора Бабефа был арестован и казнен.

²⁸² Бентабаль Пьер Луи (1756–1798) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента.

²⁸³ Робери Пьер Франсуа Жозеф (1762–1826) – деятель Великой французской революции, публицист, депутат Конвента.

²⁸⁴ Кералио Луиза Фелисите (1758–1821) – французская писательница.

палата не допустила чтения письма испанского короля, ходатайствовавшего за Людовика XVI; аббат Грегуар, напомиравший епископов первых времен христианства, но впоследствии при Империи превратившийся в графа Грегуара; Амар²⁸⁵, сказавший: «Вся земля осудила Людовика XVI. К кому же теперь апеллировать? Только к звездам». Руйе²⁸⁶, который протестовал против того, чтобы во время казни Людовика XVI палили из пушек, доказывая, что из-за королевской головы не следует производить больше шума, чем из-за головы простого смертного; Шенье²⁸⁷, брат известного поэта; Водье, клавший перед собой пистолет, когда он всходил на трибуну; Танис, безуспешно хлопотавший о том, чтобы примирить Марата и Робеспьера; Лежандр, мясник по ремеслу; Колло-д'Эрбуа, бывший актер, требовавший смертной казни Робеспьера и перенесения тела Марата в Пантеон;

²⁸⁵ Амар Андре (1755–1816) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, отличался чрезвычайной жестокостью, содействовал падению и казни Робеспьера. После термидорианского переворота был арестован, но остался жив благодаря амнистии.

²⁸⁶ Руйе Жан-Паскаль (1761–1819) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Неоднократно выезжал в провинцию в качестве комиссара. Был одним из инициаторов термидорианского переворота, впоследствии вошел в Совет пятисот. Во время Реставрации был изгнан из Франции.

²⁸⁷ Шенье Мари Жозеф (1764–1811) – французский драматург, поэт и политический деятель, депутат Конвента, якобинец, поддержал приход Наполеона к власти. Автор нескольких трагедий и многочисленных революционных песен. Брат Андре Шенье.

Жениссье²⁸⁸, требовавший смертной казни для всякого, кто будет носить медаль в память Людовика XVI; учитель Леонард Бурдон²⁸⁹, моряк Топсан, адвокат Гупильо²⁹⁰, купец Лоран-Лекуантр²⁹¹, врач Дюгем²⁹², скульптор Сержант²⁹³, живописец Давид, бывший принц Жозеф Эгалите; Лекуант-Пюираво²⁹⁴, требовавший, чтобы Марат был объявлен сумасшед-

²⁸⁸ Жениссье Ж.-Ж.-В. (1751–1804) – деятель Великой французской революции, адвокат. Депутат Конвента, член Совета пятисот, министр юстиции в 1796 г.

²⁸⁹ Бурдон де Ла Кроньер Жан Жозеф Леонар (1758–1816) – французский педагог и политический деятель. Принимал деятельное участие практически во всех событиях Великой французской революции – участвовал во взятии Бастилии, в восстании 5 октября, был избран членом парижской Коммуны, в 1792 г. избран в Конвент. Участвовал в свержении Робеспьера. При Наполеоне отошел от политики, занявшись всецело педагогической деятельностью.

²⁹⁰ Гупильо де Фонтенэ Жан Франсуа (1755–1823) – французский политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Был комиссаром в Вандее во время восстания. После реставрации Бурбонов изгнан из Франции.

²⁹¹ Лоран-Лекуантр (1742–1805) – деятель Великой французской революции. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Один из организаторов термидорианского переворота, впоследствии член Совета пятисот. С приходом Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

²⁹² Дюгем Пьер Жозеф (1758–1807) – деятель Великой французской революции, врач, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Был членом Комитета общественной безопасности, неоднократно выезжал в провинцию в качестве комиссара. Участник термидорианского переворота. При Наполеоне служил военным медиком.

²⁹³ Сержант Антуан Франсуа (1751–1847) – деятель Великой французской революции, скульптор, депутат Конвента. После переворота 18 брюмера отошел от политической деятельности.

²⁹⁴ Лекуант-Пюираво Мишель Матье (1764–1827) – французский политиче-

шим; Робер Лендэ²⁹⁵, покрывший Францию сетью двадцати одной тысячи революционных комитетов; Томас Пэн²⁹⁶, американец по происхождению; Анахарсис Клоц, немецкий барон, миллионер и атеист; Ровер²⁹⁷, отличавшийся своею злостью; Шарлье²⁹⁸, требовавший, чтобы аристократам говорили вы; Тальен, свирепый автор элегий, один из главных виновников 9 термидора; Камбасерес²⁹⁹, бывший прокурор,

ский деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Был комиссаром в Вандее. Занимал второстепенные посты во времена Империи, после реставрации Бурбонов изгнан из Франции.

²⁹⁵ Лендэ Жан Батист Робер (1746–1825) – деятель Великой французской революции, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, член Комитета общественного спасения. В качестве комиссара неоднократно выезжал в провинцию. После термидорианского переворота был арестован, затем вошел в состав Совета пятисот. С приходом Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

²⁹⁶ Пэн Томас (1737–1809) – английский публицист, отстаивал в Англии идеи Великой французской революции. Переселился в Париж, где был избран в Конвент, в котором примкнул к жирондистам. Был арестован и приговорен к смерти, но сумел бежать и уехал в Америку.

²⁹⁷ Ровер Жозеф (1748–1798) – деятель Великой французской революции. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, а впоследствии в Комитет общественного спасения. Участник термидорианского переворота, позднее входил в состав Совета пятисот.

²⁹⁸ Шарлье Луи Жозеф (1754–1797) – деятель Великой французской революции.

²⁹⁹ Камбасерес Жан Жак Режи (1753–1824) – французский политический деятель. В 1792 г. избран в Конвент, где отличился умением вовремя переходить на сторону более сильной партии. В эпоху Империи был одним из ближайших советников Наполеона, занимая должности архиканцлера и председателя Сената. С реставрацией Бурбонов был изгнан и смог вернуться во Францию только

впоследствии князь; Каррье, прокурор-тигр; Тюрио³⁰⁰, требовавший открытой подачи голосов членами революционно-го судилища; Бурдон³⁰¹, который донес на Пэна и на которого, в свою очередь, донес Гебер; Файо, требовавший образования в Вандее «армии поджигателей»; Таво³⁰², тщетно старавшийся примирить «гору» с жирондистами; Верньо, требовавший, чтобы вожаки жирондистов и вожаки «горы» были отправлены в армию простыми солдатами; Ревбель³⁰³, защитник Майнца; Бурбо³⁰⁴, под которым была убита лошадь при взятии Сомюра; Генберто, делегат при Шербургской армии; Жар-Панвилье, делегат при Ла-Рошельской армии; Ле-

в 1818 г.

³⁰⁰ Тюрио де Ларозьер Жак Алексис (1753–1829) – деятель Великой французской революции. Депутат Конвента, участник термидорианского переворота.

³⁰¹ Бурдон де л’Оаз Франсуа Луи (?—1797) – деятель Великой французской революции, адвокат. В 1792 г. избран в Конвент, где, однажды выступив против Робеспьера, подвергся гонениям и постепенно перешел в ряды противников республики. Директорией был сослан в Гвиану, где и скончался.

³⁰² Таво Луи Жозеф (1767–1830) – французский политический деятель, депутат Конвента. В эпоху Империи входил в состав Трибуната и Законодательного корпуса. После Реставрации изгнан из Франции.

³⁰³ Ревбель Жан Франсуа (1747–1807) – французский политический деятель. Депутат Национального собрания, Конвента, член Директории. В эпоху Империи пострадал за свои республиканские убеждения.

³⁰⁴ Бурбо Пьер (1763–1795) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. Во время восстания в Вандее был послан туда комиссаром. Принимал участие в якобинском восстании в мае 1795 г. в Париже. Приговорен к смертной казни.

карпантье³⁰⁵, делегат при Канкальской эскадре; Робержо³⁰⁶, попавший в ловушку в Раштадте; Левассер³⁰⁷, Ревершон³⁰⁸, Мор³⁰⁹, Бернар де Сент³¹⁰, Шарль Ришар, Лекинио³¹¹ и, наконец, Дантон.

³⁰⁵ Лекарпантье Жан Батист (1760–1828) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, якобинец. В качестве комиссара принимал участие в подавлении восстания в Вандее. Арестован после термидорианского переворота. В 1819 г. вновь арестован, умер в заключении.

³⁰⁶ Робержо Клод (1753–1799) – французский политический деятель, депутат Конвента, посол в Гамбурге. В 1799 г. входил в состав французской делегации на переговорах в Раштадте. После провала переговоров карета с французскими делегатами, покидавшими город, была остановлена австрийскими гусарами, и Робержо был зарублен.

³⁰⁷ Левассер Рене (1747–1834) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента.

³⁰⁸ Ревершон Жак (1746–1828) – деятель Великой французской революции. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, являлся секретарем Комитета общественного спасения. С приходом к власти Наполеона отошел от политической деятельности. После Реставрации изгнан из Франции.

³⁰⁹ Мор (1761–1795) – деятель Великой французской революции, якобинец. В качестве комиссара выезжал в провинцию. Участник якобинского восстания в Париже в мае 1795 г., покончил с собой, чтобы избежать ареста.

³¹⁰ Бернар де Сент Адриан Антуан (1750–1819) – деятель Великой французской революции, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. В качестве комиссара неоднократно выезжал в провинцию.

³¹¹ Лекинио Жозеф Мари (1740–1813) – деятель Великой французской революции. Депутат Законодательного собрания и Конвента. В качестве комиссара Конвента с чрезвычайной жестокостью проводил в северных и западных департаментах закон «о подозрительных». После термидорианского переворота был арестован, но последовавшая амнистия его спасла. Впоследствии занимал скромную дипломатическую должность в США.

В стороне от обоих этих лагерей стоял совершенно особняком Робеспьер, державший, однако, в повиновении и правую и левую стороны.

V

Кроме жирондистов и «горы» в собрании была еще третья группа, называвшаяся «равнина». К этой группе принадлежали колеблющиеся, нерешительные, высматривающие и выжидающие. «Равнина», – это была толпа. Самым выдающимся человеком среди нее был Сийес³¹², который остановился на третьем сословии и не в состоянии был подняться до народа. Некоторые люди так созданы, что они всегда останавливаются на полдороге. Сийес называл Робеспьера тигром, а тот называл его кротом. Этот метафизик был скорее осторожен, чем умен; он скорее ухаживал за революцией, чем служил ей; он заискивал к толпе, но та относилась к нему подозрительно; он советовал быть энергичным, но сам лишен был энергии; он приглашал жирондистов вооружиться, но сам не подавал тому примера. Иные мыслители бывают в то же время и борцами: таковы были Кондорсе, Верньо,

³¹² Сийес Эммануэль Жозеф (1748–1836) – французский государственный деятель. После падения Робеспьера стал членом комитета благоденствия, затем членом Совета пятисот. В 1799 г. вступил в Директорию, поддержал переворот 18 брюмера, участвовал в разработке новой конституции и стал одним из консулов. После Реставрации был вынужден эмигрировать.

Камилл Демулен, Дантон; иные же бывают эпикурейцами³¹³: таков был Сийес.

В самом лучшем вине бывают подонки: такими подонками в Конвенте 1793 года было так называемое «болото», группа безумных эгоистов и трусов, бесчестных и бесстыдных, злых и раболепных, циников и подлецов, не имевших никаких твердых убеждений и склонявшихся лишь на сторону победителя; они выдали Людовика XVI Верньо, Верньо – Дантону, Дантона – Робеспьеру, Робеспьера – Тальену; они выставляли к позорному столбу Марата живого и боготворили Марата мертвого; завтра они ниспровергали то, чему поклонялись сегодня; они любили наносить удар ослиным копытом умирающему льву; в их глазах колебаться значило совершать измену. Они были сильны числом, но слабы характером. Они играли видную роль и 31 мая, и 11 жерминаля, и 9 термидора, – в этих трагедиях, созданных гигантами, но разыгранных карликами.

VI

За людьми страстными следовали мечтатели. Утопия принимала у них самые разнообразные формы: и воинственную, допуславшую эшафот, и гуманную, отменявшую смертную казнь; для трона она являлась страшным призраком, для на-

³¹³ Эпикурец – человек, выше всего ставящий личные удовольствия и чувственные наслаждения.

рода – добрым ангелом. Одни из них только и думали, что о войне, другие – о мире. Карно создал четырнадцать армий; Жан Дебри³¹⁴ мечтал о всемирной демократической федерации. Тут были и пылкие ораторы и люди молчаливые. Лаканаль³¹⁵ молчал и обдумывал свой план всеобщего народного образования; Лантенас³¹⁶ молчал и создавал первоначальные школы; Ревельер-Лепо³¹⁷ молчал и мечтал о возведении философии в религию. Другие занимались второстепенными практическими вопросами: Гюитон-Морво³¹⁸ зани-

³¹⁴ Дебри Жан Антуан Жозеф (1760–1834) – французский политический деятель, якобинец. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. В эпоху Империи занимал второстепенные государственные должности. В 1816 г. изгнан из Франции, в 1830 г. получил разрешение вернуться.

³¹⁵ Лаканаль Жозеф (1762–1845) – французский политический деятель, до революции – священник. После избрания в Конвент примкнул к монтаньярам. Главную задачу своей деятельности видел в распространении всеобщего образования. При Наполеоне отошел от политики и занимался педагогической деятельностью. При реставрации Бурбонов был изгнан и смог вернуться только после 1830 г.

³¹⁶ Лантенас Франсуа (1740–1799) – деятель Великой французской революции, врач и писатель. Депутат Конвента, жирондист, впоследствии член Совета пятисог.

³¹⁷ Ревельер-Лепо Луи Мари (1753–1824) – деятель Великой французской революции. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент, где примкнул к жирондистам, за что в 1793 г. был изгнан. По возвращении в 1795 г. стал членом Директории. За отказ признать переворот Бонапарта был лишен возможности занимать государственные посты и остаток жизни провел в бедности.

³¹⁸ Гюитон-Морво Луи Мари (1753–1824) – французский ученый-химик и политический деятель. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент, а впоследствии в Комитет общественного спасения.

мался оздоровлением госпиталей, Мэр – вопросом об отмене натуральных повинностей, Жан Бон-Сент-Андре³¹⁹ – вопросом об отмене ареста за долги, Дюбоэ – приведением в порядок архивов, Ромм – созданием нового календаря, Корен-Фюстье – созданием анатомического кабинета и естественно-исторического музея, Гюйомар – устройством речного судоходства и строительством плотин на Шельде. И у искусства явились свои фанатики и даже одержимые. 21 января, в то самое время, когда голова Людовика XVI скатывалась на площади Революции, народный представитель Безар отправлялся рассматривать картину Рубенса, обнаруженную на одном чердаке на улице Сен-Лазар. Артисты, ораторы, проповедники, колоссы, в роде Дантона, взрослые дети, в роде Клотца, актеры и философы – все они шли к одной цели – к прогрессу. Ничто их не смущало. Конвент тем и был велик, что искал возможно большего количества реальности в том, что люди называют невозможностью. С одной стороны его – Робеспьер, не сводивший глаз со справедливости; с другой – Кондорсе, не спускавший глаз с долга.

Кондорсе был светлая голова и мечтатель; Робеспьер был человек дела; а иногда, в моменты серьезных кризисов для состарившихся обществ, дело бывает почти равносильно истреблению. Революции похожи на высокие горы, часто на

³¹⁹ Жан Бон Сент Андре (1749–1813) – французский политический деятель, депутат Конвента, якобинец, выполнял дипломатические поручения. В эпоху Империи занимал второстепенные государственные должности.

очень незначительном расстоянии присутствуют все климатические пояса, начиная со льда и кончая цветами. Каждая полоса производит здесь именно тех людей, которые наиболее подходят к ее климату.

VII

Здесь можно было видеть то место в углу коридора, где Робеспьер сказал на ухо Гарашу, другу Клавьера, это ужасное слово: «Для Клавьера заговоры столь же необходимы, как и воздух, которым он дышит». В этом же углу, удобном для беседы вполголоса, Фабр-д'Эглантин упрекал Ромма в том, что тот недостаточно умело составил свой республиканский календарь. Здесь показывали друг другу то место, где когда-то сидели рядом семеро представителей Гаронны, при поименном голосовании первые подавшие голоса за казнь Людовика XVI; словно эхо доносилось с занимаемых ими скамей ужасное слово: «смерть», «смерть», «смерть». Указывали и на других депутатов, участвовавших в этом полном трагизма голосовании. Паганель³²⁰ сказал: «Смерть. Король может быть полезен только своей смертью». Мильо сказал: «В данном случае, если бы смерти не существовало, следовало бы ее изобрести»; старик Раффрон дю Тру-

³²⁰ Паганель Пьер (1745–1826) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента.

лье³²¹ воскликнул: «Смерть, да только поскорее»; Гупильо тоже крикнул: «Сейчас же на плаху; смерть не терпит промедления»; Сиэс лаконично ответил: «Смерть»; Тюрю, вставший против обращения к народу, предложенного Бюзо, и сказавший при этом: «К чему столько разговоров! К чему сорок тысяч судов! К чему эти бесконечные процессы! Этак голова Людовика XVI успеет поседеть, прежде чем свалится!» Огюстен Бон-Робеспьер воскликнул вслед за своим братом: «Я не признаю такого человеколюбия, которое душил народ и прощает деспотизм. Смерть! Требовать отсрочки, – это значит обращаться, вместо суда народного, к суду тиранов»; Фусседуар, заместитель Бернардена де Сен-Пьера: «Я враг пролития человеческой крови; но кровь тирана не есть человеческая кровь. Смерть!» Жан Бон-Сент-Андре, сказавший: «Свобода народа немыслима без смерти тирана». Лавиконтери³²², выступивший со следующей формулой: «Пока дышит тиран, задыхается свобода»; Шатонеф-Рандон, воскликнувший: «Я требую смерти Людовика последнего»; Гюйарден³²³, выразивший желание, чтобы Людовика

³²¹ Раффрон дю Трулье Никола (1723–1801) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. После термидорианского переворота изменил взгляды на более умеренные.

³²² Лавиконтери Луи Тома (1746–1809) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. После термидорианского переворота отошел от политической деятельности.

³²³ Гюйарден Луи (1758–1816) – деятель Великой французской революции, депутат Национального собрания, Конвента. Был комиссаром в действующей ар-

казнили на опрокинутом троне; Телье, потребовавший, чтобы голову Людовика XVI сожгли и чтобы ее пеплом зарядили пушки, направленные против неприятеля. Тут были и более мягкие депутаты, например: Жантиль, требовавший для Людовика, вместо смертной казни, пожизненного тюремного заточения, так как, утверждал он, после Карла I³²⁴ непременно явится Кромвель; Банкаль³²⁵, требовавший изгнания Людовика и говоривший при этом: «Пусть же хоть один монарх в мире научится сам добывать себе хлеб». Альбуис, также требовавший изгнания для того, «чтоб этот живой призрак отправился бродить вокруг тронов»; Занджиакоми, требовавший тюремного заключения: «Пусть, – говорил он, – Людовик Капет остается жить, как вечное пугало»; Шальон, тоже желавший, чтобы королю сохранена была жизнь, «так как в случае его смерти Рим сделает из него святого». Пока в собрании высказывались все эти как беспо-

мии и в различных департаментах. С приходом Наполеона к власти отошел от политической деятельности. При Реставрации изгнан из Франции.

³²⁴ Карл I (1600–1649) – король Англии с 1625 г. Самовластно управлял страной, не соглашаясь ни в чем с парламентом. Игнорирование парламента послужило началом гражданской войны, и Карл I бежал, побежденный Кромвелем, в Шотландию. Возглавив шотландские войска, он вторгся в Англию, но был побежден и взят в плен. По обвинению в государственной измене был осужден к смертной казни.

³²⁵ Банкаль Жан Анри (1750–1826) – деятель Великой французской революции. В 1792 г. избран в Конвент, где примкнул к жирондистам и был отправлен комиссаром в армию Дюмурье, вследствие измены которого оказался в австрийском плену. Выпущенный на свободу стал мистиком, мечтал о примирении католицизма с республикой и полностью отошел от политики.

щадные так и более мягкие мнения и делались достоянием истории, сидевшие на трибунах нарядные и декольтированные женщины, держа в руках списки депутатов и булавки, отмечали последней в списке – жизнь или смерть королю. Даже в трагедии есть место состраданию и жалости.

История Конвента неразрывно связана с историей осуждения Людовика XVI. Легенда 21 января, так сказать, отсвечивалась во всех его действиях; до сих пор еще в этом собрании чувствовалось то страшное дуновение, которое в начале 1793 года задуло старый монархический факел, горевший в течение почти восемнадцати веков; суд над бывшим королем являлся как бы исходной точкой борьбы нового общества против старых преданий; на любом заседании Конвента виднелась бросаемая с эшафота тень Людовика XVI. И еще до сих пор зрители передают друг другу, как после осуждения короля Керсэн и Ролан тут же, на заседании, сложили с себя свои полномочия, и как представитель Севрского департамента Дюшатель, будучи болен, велел принести себя на заседание на своей кровати и, умирая, подал голос за сохранение жизни Людовика, что заставило Марата громко расхохотаться; наконец зрители искали глазами того депутата, имя которого не запечатлела история, который после 37-часового заседания уснул от изнеможения на своем месте, и, будучи разбужен приставом для того, чтобы подать голос, открыл глаза, произнес слово «смерть» и тотчас же снова уснул.

В ту минуту, когда произносился смертный приговор над

Людовиком XVI, Робеспьеру оставалось еще жить восемнадцать месяцев, Дантону – пятнадцать, Верньо – девять, Марату – пять месяцев и три недели, Лепельтье де Сен Фаржо – всего один день. Краткое и ужасное дыхание человеческих уст!

VIII

У народа было свое окошко, сквозь которое он смотрел на то, что происходило в Конвенте: это были публичные трибуны; а когда этого окна оказывалось недостаточно, он отворял дверь, и улица вторгалась через нее в собрание. Подобного рода вторжения толпы в собрание своих правителей представляют собой интересные исторические явления. Обычно они имели весьма миролюбивый характер, и улица по-братски относилась к курульному креслу. Но подобные панибратские отношения народной толпы, захватившей в один день, в несколько часов, сорок тысяч ружей и сотни пушек, все-таки представляли собой нечто страшное. Ежеминутно какое-нибудь новое вторжение прерывало заседание: то приходилось принимать депутации, то поздравления, то изъявления благодарности, то требования. Сент-Антуанские женщины принесли сюда воткнутую на копье голову Людовика XVI; англичане предлагали двадцать тысяч башмаков для босоногих солдат республики. «Гражданин Арну, – сообщал «Монитор», – обоньянский священник, командующий

дромским батальоном, просит, чтоб его отправили на границу, но чтобы за ним был сохранен его приход». Делегаты отдельных парижских округов прибывали сюда с блюдами, чашами, кубками, ковчезцами, грудями золота, серебра и драгоценных камней, предлагаемыми отечеству этой оборванной толпой и требуя, в виде награды, лишь позволения сплясать «карманьолу» перед Конвентом. Шенар, Нарбон и Вальер³²⁶ приходили сюда петь куплеты в честь депутатов «горы». Округ Мон-Блана принес бюст Лепелетье, а какая-то женщина надела красную шапку на голову президента, который за это публично ее поцеловал; другие «гражданки» осыпали цветами «законодателей»; «воспитанники отечества» являлись с музыкой благодарить Конвент за то, что он подготовил «благополучие века»; женщины отдела «стражей Франции» предлагали розы; женщины квартала «Елисейских Полей» предлагали дубовый венок; женщины Тампльского отдела клялись пред Конвентом в том, что будут любить только истинных республиканцев; квартал Мольера представил франклиновскую медаль, которая, силой декрета, была прицеплена к статуе Свободы; подкидыши, объявленные «детьми республики», проходили мимо Конвента, одетые в национальные мундиры; молодые девушки из квартала «Девяносто второго года» являлись сюда, одетые в белые платья, и на следующий день в «Монитер» было на-

³²⁶ Шенар, Нарбон, Вальер – французские артисты, певцы времен Великой французской революции.

печатано: «Президент получил букет из невинных рук молодой красавицы». Ораторы, всходя на трибуны, кланялись толпе, порой льстили ей, уверяли ее, что она непогрешима, безупречна, возвышенна; в толпе бывает много ребяческого: она любит сладости. Иногда бунт, как ураган, налетал на собрание, врвался в него разъяренный и выходил успокоившимся, подобно тому, как Рона, вливаясь в Женевское озеро мутными волнами, а выходит из него волнами лазуревого цвета. Но, впрочем, не всегда все обходилось миролюбиво, и начальнику национальной гвардии Анрио не раз приходилось ставить перед Тюильрийским дворцом жаровни для раскаливания ядер.

IX

Направляя революцию, собрание заботилось также о распространении цивилизации. Это было пекло, но в то же время и кузница. В этом котле, в котором кипятился террор, зарождался и прогресс. Из этого хаоса теней и из этих быстро бегущих по горизонту облаков выходили порой яркие снопы света, подобие вечных законов; и эти снопы света навсегда остались на горизонте, они навеки блещут на небе народов. Их имена: справедливость, терпимость, доброта, разум, истина, любовь. Конвент высказал следующую великую аксиому: «Свобода каждого гражданина оканчивается там, где начинается свобода другого гражданина», то есть, други-

ми словами, в двух строках подытожил всю науку о взаимном существовании людей. Он объявлял бедность священной, глухоту, немоту и слепоту – священными, стоящими под особым покровительством государства; материнство, в лице незамужней женщины, – священным; он старался поднять и утешить девушку-мать, он устанавливал усыновление сирот отечеством, он предписывал, чтоб оказавшийся невинным, несправедливо обвинявшийся подсудимый получал вознаграждение от государства. Он преследовал торговлю невольниками и освобождал рабов. Он ввел бесплатное образование, организовал национальное образование учреждением Нормальной Школы в Париже, центральных школ – в крупнейших городах и элементарных школ – в каждой общине. Он учреждал консерватории и музеи. Он ввел единство уголовного и гражданского кодексов, единство мер и весов, единство счисления путем введения десятичной системы. Он воссоздал французские финансы и заменил монархическое банкротство общественным кредитом. Он сделал пользование воздушным телеграфом общим достоянием, он устроил богадельни для стариков, хорошие больницы – для больных, политехническую школу – для юношества, обсерваторию – для астрономов, академию – для человеческого гения. Будучи национальным, Конвент был в то же время и космополитическим. Из числа одиннадцати тысяч двухсот десяти декретов, изданных Конвентом, одна треть имела в виду цель политическую, две трети – цели гумани-

тарные. Он объявлял публичную мораль – основой общества и общественную совесть – основой закона. И все это – отмену рабства, провозглашение братства, покровительство гуманизму, направление на должный путь человеческой совести, превращение законов о труде в право на труд, превращение их из тягостных в полезные, упрочение народного богатства, призрение и просвещение отрочества, покровительство наукам и литературе, свет, зажженный на всех вершинах, помощь, оказанная всякой нужде, провозглашение самых возвышенных принципов – все это Конвент успел совершить, имея во внутренностях своих такую гидру, как Вандея, и чувствуя на своих плечах такие тигровые когти, как монархическая коалиция.

X

В этом многочисленном собрании можно было встретить всевозможные типы – человеческие, нечеловеческие и сверхчеловеческие. Это было какое-то сборище противоположностей. Тут был и Гильотен, избегавший Давида, и Базир³²⁷, оскорблявший Шабо, и Гюаде³²⁸, смеявшийся над

³²⁷ Базир Клод (1764–1794) – французский политический деятель, адвокат. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, в 1792 г. в Конвент. Участник всех революционных событий того времени в Париже. Безуспешно пытался усмирить народ во время сентябрьских убийств 1792 г. С конца 1793 г. высказывался за прекращение террора. Казнен как сторонник Дантона.

³²⁸ Гюаде Маргерит Эли (1755–1794) – французский политический деятель,

Сен-Жюстом, и Верньо, презиравший Дантона, и Луве³²⁹, нападавший на Робеспьера, и Бюзо, доносивший на Филиппа Эгалите, и Шамбон, клеймивший Паша, и все ненавидевшие Марата. И сколько бы еще пришлось перечислять других имен! Армонвилль³³⁰, прозванный «Красным Колпаком», потому что являлся в заседание не иначе, как в красном фригийском колпаке на голове, друг Робеспьера, желавший, однако, «ради равновесия» отправить после Людовика XVI на эшафот Робеспьера; Массье, друг и двойник епископа Ламуретта³³¹; Легарди³³², из Морбигана, клеймивший бре-

адвокат. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, где примкнул к жирондистам, в 1792 г. депутат Конвента. Был яростным противником Марата и Робеспьера, боролся с якобинцами. После падения жирондистов бежал в Нормандию, чтобы поднять восстание против Конвента, но был пойман и казнен.

³²⁹ Луве де Куврэ Жан Батист (1760–1797) – французский писатель и политический деятель. Избранный в Законодательное собрание примкнул к жирондистам. Требовал наказания виновников сентябрьских убийств 1792 г. и имел мужество прямо обвинять Робеспьера в стремлении к диктатуре. В 1793 г. бежал из Парижа и скрывался до термидорианского переворота. Умер членом Совета пятисот. Автор нескольких романов и мемуаров о своих скитаниях.

³³⁰ Армонвилль Жан Батист (1756–1808) – деятель Великой французской революции, рабочий, якобинец, депутат Конвента (единственный рабочий). После термидорианского переворота вернулся к своей прежней профессии ткача.

³³¹ Ламуретт Антуан Адриен (1742–1794) – французский политический деятель, священник. В 1791 г. избран в Законодательное собрание. Прославился своей речью 7 июля 1792 г., предложив депутатам, отбросив интриги, оставаться верными конституции. Протестовал против сентябрьских убийств 1792 г., принял участие в контрреволюционном движении в Лионе и был казнен во время террора.

³³² Легарди Пьер (1758–1793) – деятель Великой французской революции,

тонских патеров; Барер, председательствовавший в Конвенте во время суда над Людовиком XVI; каноник Дану, только и твердивший, что «нужно выиграть время»; Дюбуа-Крансе, с которым любил шептаться Марат; маркиз де Шатонеф, Лакло³³³, Геро де Сешель³³⁴, отступавший перед Анрю со словами: «Канониры, по местам»; Жюльен, сравнивший «гору» с Фермопилами; Гамон, требовавший, чтоб одна из трибун была отведена исключительно для женщин; Лалуа, предложивший Конвенту публично поблагодарить епископа Гобеля³³⁵, который на заседании снял со своей головы митру и надел красный колпак; Леконт³³⁶, требовавший расстриже-

врач. Депутат Конвента, жирондист, казнен после прихода якобинцев к власти.

³³³ Лакло Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло (1741–1803) – французский генерал и писатель. В начале Великой французской революции познакомился с герцогом Орлеанским и участвовал во всех его интригах. В 1791 г. стал членом Якобинского клуба, был арестован и освобожден только после падения Робеспьера. Во время Консульства был начальником артиллерии Рейнской армии. Своей славе в основном обязан роману «Опасные связи» (1782). Автор еще нескольких романов.

³³⁴ Геро де Сешель Мари Жан (1759–1794) – французский политический деятель, юрист. В 1791 г. избран в Законодательное собрание, где примкнул к жирондистам, в 1792 г. избран в Конвент. В 1793 г. перешел на сторону якобинцев. Постепенно стал проповедовать политику умеренности, за что был обвинен в сношениях с эмигрантами, арестован и казнен.

³³⁵ Гобель Жан Батист Жозеф (1727–1794) – французский политический деятель, священник. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, где поддержал революционные преобразования. Стараясь приноровиться к господствующему течению, в 1793 г. отказался от духовного звания. Робеспьер обвинил его в атеизме, после чего Гобель был арестован и казнен.

³³⁶ Леконт Пьер (1745–1831) – деятель Великой французской революции, де-

ния всех священников; Феро³³⁷, отрубленной голове которого вскоре после того низко поклонился Буасси д'Англа³³⁸; два брата Дюпра³³⁹, один жирондист, другой член «горы», ненавидевшие друг друга не меньше, чем два брата Шенье.

С этой трибуны произнесено было немало головокружительных слов, которые часто, даже помимо воли тех, кто их произносит, тяжело падают на весы революции, будят дремлющие страсти и вызывают неожиданные катастрофы, подобно тому, как достаточно бывает самого обыкновенного звука, чтобы с горы скатилась лавина. Часто одно лишнее слово вызывает крушение; если бы оно не было произнесено, крушения не случилось бы; сами факты порой как будто приходят в гнев и раздражение; так вследствие одного неверно

путат Конвента. После термидорианского переворота отошел от политической деятельности.

³³⁷ Феро Жан Бертран (1759–1795) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента. В качестве комиссара выезжал в провинцию. Погиб во время якобинского восстания в мае 1795 г. в Париже.

³³⁸ Буасси д'Англа Франсуа Антуан (1756–1826) – французский политический деятель и писатель, граф. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1792 г. в Конвент. Во время террора старался держаться в тени, после термидорианского переворота был избран в Комитет общественного спасения. После роспуска Конвента стал членом Совета пятисот. Во времена Империи был на вторых ролях, в период Ста дней активно поддержал Наполеона, сохранив, однако, и после второй Реставрации симпатии правительства Бурбонов.

³³⁹ Дюпра Жан (1760–1793) – деятель Великой французской революции, жирондист, депутат Конвента. После прихода якобинцев к власти был арестован и казнен.

понятого слова пала голова принцессы Елизаветы³⁴⁰, сестры Людовика XVI.

В Конвенте невоздержность в словах была очень в ходу. Угрозы летали по воздуху, точно головни во время сильного пожара. Например: Петюн: «К делу, Робеспьер!» Робеспьер: «Дело – это вы, Петюн, и я до вас доберусь». Голос: «Смерть Марату!» Марат: «В тот день, когда умрет Марат, не будет более Парижа, а в тот день, когда погибнет Париж, не будет более революции». Бильо-Варенн³⁴¹ встает и говорит: «Мы желаем»... Барер прерывает его: «Ты говоришь точно король». Филиппо: «Один из членов обнажил против меня шпагу». Одуэн³⁴²: «Господин председатель, призовите убийцу к порядку». Председатель: «Подождите». Панис³⁴³: «Ну,

³⁴⁰ Елизавета-Филиппина-Мария-Елена (1764–1794) – сестра Людовика XVI. С началом Великой французской революции вернулась к королевскому семейству, участь которого и разделила. В 1792 г. была заключена в тюрьму, после казни короля и королевы, всеми забытая, она жила до мая 1794 г., когда ее обвинили в краже коронных бриллиантов и казнили.

³⁴¹ Бильо-Варенн Жан Никола (1759–1819) – деятель Великой французской революции, юрист и публицист, монтаньяр. Депутат Конвента, член Комитета общественного спасения, активный участник термидорианского переворота. Сослан в Кайену как бывший член Комитета общественного спасения, отказался от амнистии и умер в ссылке.

³⁴² Одуэн Жан Пьер (1764–1808) – французский политический деятель, депутат Конвента, якобинец, член Совета пятисот. Впоследствии исполнял различные дипломатические поручения.

³⁴³ Панис Этьен Жан (1757–1832) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. После термидорианского переворота отошел от политической деятельности.

так я вас призываю к порядку, господин председатель».

В Конвенте было также немало смеха и шуток. Например: Лекуантр: «Священник Шан-Дебу жалуется на то, что его епископ Фоше запрещает ему жениться». Голос: «Я не возьму в толк, почему Фоше, имеющий сам любовниц, желает мешать другим иметь жен». Другой голос: «Ну, так и ты возьми себе любовницу, поп!» Публика, наполнявшая галереи, также вмешивалась в разговоры, обращаясь к депутатам на «ты». Однажды депутат Рюан³⁴⁴ входит на ораторскую трибуну, он был кривобок, кто-то из публики крикнул ему: «Повернись толстой щекой направо!» Вообще толпа позволяла себе большие вольности с Конвентом. Впрочем, однажды, во время бурной сцены 11 апреля 1793 года, председатель велел арестовать одного из крикунов.

Однажды Робеспьер говорил целых два часа, все время глядя на Дантона то прямо ему в глаза, что не предвещало ничего хорошего, то исподлобья, что было еще хуже. Он закончил свою речь следующими зловещими словами: «Интриганы, взяточники, изменники – известны; они в этом собрании. Они слышат нас, мы видим их, мы не спускаем с них глаз. Пусть они поднимут глаза кверху, и они увидят над собою меч правосудия; пусть они заглянут в свою совесть, и они увидят там свой позор. Пускай они остерегаются». Когда

³⁴⁴ Рюан Пьер Шарль (1750–1808) – деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Конвента. В качестве комиссара выезжал в провинцию. После подавления якобинского восстания в Париже в мае 1795 г. отошел от политической деятельности.

Робеспьер закончил, Дантон, прищурив глаза, откинувшись головою назад и глядя на потолок, стал напевать сквозь зубы.

Руссель прекрасно речи говорит,
Но еще лучше, если он молчит.

По собранию то и дело проносились слова: «Заговорщик!», «Убийца!», «Негодяй!», «Изменник!», «Умеренный!» Иные доносили друг на друга, обращаясь к стоявшему тут же бюсту Брута, бросая вокруг себя свирепые взгляды, грозя кулаками, вынимая из карманов пистолеты, выхватывая из ножен кинжалы. Слово «гильотина» слышалось каждую минуту. Страсти были накалены до крайности; в собрании было не меньше восемнадцати священников, подавших голоса за казнь короля. Словом, собрание напоминало собою клубы дыма, подхватываемые и разносимые по воздуху ураганом.

XI

Да, умы уносились ветром, но то был ветер, способный творить чудеса. Быть членом Конвента значило быть одной из волн океана. В Конvente чувствовалось присутствие чьей-то воли, но воля эта была ничья. Этой волей была идея — идея неукротимая и безграничная, дувшая в потемках словно из зенита. Эта-то идея и называется революцией. Пронось над собранием, она валила с ног одного и поднимала в

воздух другого; она уносила одного в брызгах пены и разби- вала другого об утесы. Эта идея знала, куда она катится, и гнала перед собою все и всех. Приписывать революцию лю- дям – это все равно, что приписывать прилив волнам.

Революция – это проявление деятельности неизвестного. Назовите это проявление хорошим или дурным, смотря по тому, обращаете ли вы ваши взоры к будущему или к про- шлому, но не приписывайте ее тому, кто ее произвел. Она – общее дело великих событий и великих личностей, но в большей мере первых, чем последних. События тратят, лю- ди расплачиваются; события предписывают, люди – подпи- сывают. 14 июля подписано Камиллом Демуленом, 10 ав- густа подписано Дантоном, 2 сентября подписано Маратом, 21 сентября подписано аббатом Грегуаром, 21 января подпи- сано Робеспьером; но и Демулен, и Дантон, и Марат, и Гре- гуар, и Робеспьер во всех данных случаях являются только простыми секретарями; имя же автора, написавшего эти ве- ликие страницы истории, – «Рок». Революция является од- ной из форм того охватывающего нас со всех сторон явле- ния, которое мы называем «Неизбежностью».

Ввиду этого таинственного сочетания благотворных и вредных явлений возникает извечный вопрос истории: «по- чему?», на что возможен только один ответ: «потому». Эти периодические катастрофы, приносящие с собой разруше- ние, но в то же время и оживляющие цивилизацию, неудоб- но рассматривать в подробностях. Причитать или хвалить лю-

дей за результаты – это почти то же, что порицать или хвалить цифры слагаемых за полученную в итоге сумму. То, что должно проходить, – проходит, то, что должно дуть, – дует. После бури небо снова проясняется. Истина и справедливость остаются поверх революции, подобно тому как звездное небо остается раскинутым над бурей.

XII

Таков был этот Конвент, этот укрепленный лагерь рода людского, против которого разом ополчились все поборники тьмы, этот сторожевой огонь, зажженный для освещения осажденных идей, этот громадный бивуак гениев, разбитый над пропастью. В истории невозможно найти ничего подобного этой группе людей, одновременно законодателей и черни, трибунала и улицы, ареопага и рынка, судей и подсудимых.

И теперь, по прошествии восьмидесяти лет, каждый раз, когда уму человека, кто бы он ни был, историк или философ, представляется Конвент, человек этот останавливается и размышляет. Да и невозможно не остановиться с полным вниманием пред этой громадной процессией теней.

XIII. Марат на сцене

На следующий день после свидания в кофейне Марат от-

правился в Конвент.

В числе членов Конвента был маркиз-якобинец Луи де Монто, который впоследствии подарил Конвенту стенные часы, украшенные бюстом Марата. В то время, когда Марат входил в зал, Шабо подошел к Монто и сказал ему: «Бывший».

– На каком основании ты называешь меня бывшим? – спросил Монто.

– Да разве ты не был маркизом?

– Никогда! Отец мой был солдатом, дед мой был ткачом.

– Ну, рассказывай нам сказки, Монто!

– Моя фамилия вовсе не Монто, а Марибон!

– Ну, Марибон так Марибон! Для меня все равно.

И он пробормотал сквозь зубы:

– Удивительно, как нынче все стали отрешиваться от титула маркиза!

Марат остановился в левом проходе, глядя на Монто и Шабо. Каждый раз, когда Марат входил в Конвент, поднимался гул, напоминающий отдаленный шум моря; вблизи же его все молчало. Марат не обращал внимания на этот шум, презрительно относясь к «кваканью болота».

В полутьме нижних скамеек указывали друг другу на него пальцами Конпэ из Уаза, Прюнель, епископ Виллар³⁴⁵,

³⁴⁵ Виллар Ноэль Габриэль Люк (1748–1826) – французский политический деятель, священник, депутат Конвента. В 1793 г. сложил свой сан. Во времена Империи получил звание сенатора.

впоследствии ставший членом Французской Академии, Бутру³⁴⁶, Пети, Плэшар, Боннэ³⁴⁷, Тибодо³⁴⁸, Вальдрюш.

– Гляди-ка – Марат!

– Он, значит, не болен?

– Конечно, болен, если он явился сюда в халате!

– Неужели в халате?

– Да конечно же!

– Чего только он себе не позволяет!

– В таком виде являться в палату!

– Отчего бы и нет? Если он мог явиться сюда, увенчанный лаврами, то может же он являться и в халате.

– Бронзовое лицо и зубы словно из начищенной меди.

– Халат-то, кажется, у него новый.

– Из чего он сделан?

– Из репса.

– Полосатого?

– Посмотри-ка на лацканы!

– Они, кажется, сделаны из тигровой шкуры.

³⁴⁶ Бутру Лоран (1757–1816) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента.

³⁴⁷ Боннэ Ф. (1750–1825) – французский политический деятель, маркиз, дипломат. Депутат Национального собрания, подозревался в пособничестве бегству Людовика XVI из Парижа, эмигрировал из Франции.

³⁴⁸ Тибодо Антуан-Клер (1765–1854) – французский государственный деятель и историк. В 1792 г. избран в Конвент, где голосовал за казнь Людовика XVI. В 1795 г. президент Конвента и член Комитета общественного спасения. В 1815 г. изгнан из Франции, куда вернулся после революции 1830 г. Написал чрезвычайно ценные мемуары.

– Нить, из горностая.

– Должно быть, не из настоящего.

– И на нем чулки.

– Это странно!

– И башмаки с пряжками.

– Серебряными!

– Ну, этого не простит ему Камбулас, носящий деревянные башмаки.

На других скамьях делали вид, будто не замечают Марата, и разговаривали на другие темы. Сантонакс обратился к Дюссо с вопросом:

– Слышали, Дюссо? Бывший граф Бриенн...

– Тот самый, который сидел в тюрьме с бывшим герцогом Вильруа? Я знавал их обоих. Ну, что ж?

– Они так перетрусили, что кланялись каждому тюремному сторожу и однажды отказались сыграть партию в пикет, потому что в поданной им колоде карт были короли и королевы.

– Знаю. Ну, так что ж?

– Их обоих вчера казнили.

– А вообще как они держали себя в тюрьме?

– Довольно униженно. Но зато на эшафоте они выказали немалое мужество.

– Да, да, – воскликнул Дюссо, – умирать легче, чем жить!

Барер читал только что полученное донесение из Вандеи. Из Морбигана девятьсот человек и несколько орудий отпра-

вились на выручку Нанта. Крестьяне угрожали Редону. Была произведена атака на Пенбеф. Перед Мендрэном крейсировала эскадра для того, чтобы помешать высадке. Начиная с Энгранда до Мора весь берег был уставлен роялистскими батареями. Три тысячи крестьян овладели Порником с возгласами: «Да здравствуют англичане!» Одно письмо Сантерра в Конвент, прочитанное Барером, оканчивалось следующими словами: «Семь тысяч крестьян атаковали Ванн. Мы отбили их нападение, и они оставили в руках наших четыре орудия»...

– А сколько пленных? – перебил чей-то голос.

Барер продолжал:

– Вот приписка к письму: «Пленных ни одного, потому что мы отказываемся их брать»³⁴⁹.

Марат сидел неподвижно и не слушал, очевидно, чем-то сильно озабоченный. Он держал в руках и нервно мял какую-то бумагу, на которой тот, кто развернул бы ее, мог бы прочесть следующие строки, написанные рукою Моморо и, по всей видимости, заключавшие в себе ответ на сделанный Маратом вопрос: «Ничего не поделаешь против всемогущества уполномоченных комиссаров, в особенности против делегатов Комитета общественной безопасности. Хотя Женисье и сказал в заседании 6 марта: «Каждый член комитета тот же король», но это неверно: они гораздо могущественнее королей; они имеют неограниченное право казнить и мило-

³⁴⁹ «Монитёр», т. XIX, с. 81.

вать. Массад в Анжере, Трюльбар – в Сент-Аманде, Нюн – при генерале Марсэ, Паррен – при Сабльской армии, Мильер – при Нюрской армии – все они всемогущи. Клуб якобинцев назначил даже Паррена бригадным генералом. Обстоятельства все изменяют. Комиссар Комитета общественной безопасности держит в своих руках главнокомандующего».

Марат смял бумагу, сунул ее в карман и медленными шагами подошел к Монто и Шабо, продолжавшим болтать и не заметившим, как он вошел в зал.

– Слушай, Монто или Марибон, – говорил Шабо, – я выхожу из Комитета общественной безопасности.

– Почему? Чем ты недоволен?

– Помилуй! Там священнику поручают наблюдать за дворянином...

– А!

– За дворянином, как ты...

– Я не дворянин, – сказал Монто.

– Попу...

– Вроде тебя...

– Я не поп, – заметил Шабо.

Оба расхохотались.

– Ну, расскажи подробнее, в чем же дело? – продолжал Монто.

– А вот в чем. Какой-то поп, по имени Симурдэн, назначен состоять уполномоченным комиссаром при каком-то виконте, по фамилии Говэн; виконт этот командует экспедицион-

ным отрядом, выделенным из армии, охраняющей морское побережье. Теперь дело в том, чтобы не позволить дворянину вести двойную игру, а попу – изменить делу республики.

– Это очень просто, – возразил Монто. – Следует только пустить в ход смерть.

– И я того же мнения, – проговорил приблизившийся к ним Марат.

Оба собеседника подняли головы.

– А, здравствуй, Марат, – сказал Шабо. – Тебя что-то редко стало видно на наших заседаниях.

– Мой доктор предписывает мне брать ванны, – ответил Марат.

– Нужно быть осторожным с ваннами, – заметил Шабо: – Сенека умер в ванне.

– Не беспокойся, Шабо, – сказал Марат, улыбаясь, – здесь нет Нерона.

– Да, но зато здесь ты, – проговорил грубый голос. Это был Дантон, пробиравшийся к своему месту.

Марат даже не обернулся и сказал, наклоняясь к Монто и Шабо:

– Послушайте! Я пришел сообщить вам нечто важное. Нужно, чтобы кто-нибудь из нас троих внес сегодня в Конвент проект одного декрета.

– Только не я, – проговорил Монто. – Меня не слушают, потому что я маркиз.

– И меня тоже не слушают, потому что я капуцин, – заме-

тил Шабо.

– И меня не слушают, потому что я Марат, – проговорил Марат.

Все они замолчали. Из Марата нелегко было вытянуть ответ. Однако Монто решился спросить его:

– Так какого же декрета ты хочешь, Марат?

– Я желаю казни каждого военачальника, который позволит убежать пленному бунтовщику.

– Да ведь такой декрет существует, – заметил Шабо. – Он был принят еще в конце апреля.

– Но на деле он не применяется, – возразил Марат. – По всей Вандее, все только и делают, что позволяют пленным бежать, и все совершенно безнаказанно дают им убежище.

– Ну, значит, Марат, декрет этот не исполняется.

– Значит, Шабо, нужно предложить Конвенту, чтоб он заставил исполнять его.

– Да при чем же тут Конвент, Марат? Это дело касается Комитета общественной безопасности.

– Цель могла бы быть достигнута, – добавил Марат, – если бы Комитет повелел вывесить этот декрет во всех вандейских общинах и показал бы два-три примера.

– На крупных личностях, – добавил Шабо: – на командирах отдельных частей.

– Да, этого, пожалуй, было бы достаточно, – пробормотал Марат сквозь зубы.

– Ну, так за чем же дело стало? – спросил Шабо. – Пред-

ложи это сам Комитету, Марат.

Марат пристально посмотрел ему в глаза, что заставило смутиться даже Шабо.

– Комитет общественной безопасности, Шабо, – проговорил он, – это – Робеспьер; а я не желаю иметь с ним дела.

– Ну, хорошо, я поговорю с ним, – объявил Шабо.

На следующий же день было разослано предписание Комитета общественной безопасности, обязывающее объявить во всех городах и общинах Вандеи о неукоснительном исполнении декрета, назначающего смертную казнь за всякое содействие бегству пленных «разбойников» и инсургентов.

Декрет этот являлся лишь первым шагом. Вскоре Конвент пошел еще дальше. Несколько месяцев спустя, а именно 11 брюмера II года (в ноябре 1793 года), когда город Лаваль открыл свои ворота перед вандейскими беглецами, он издал декрет, в силу которого всякий город, который даст у себя убежище бунтовщикам, подлежал уничтожению и срытию.

Со своей стороны европейские монархи объявили в манифесте герцога Брауншвейгского, составленном эмигрантами и управляющим делами герцога Орлеанского, Линноном, что всякий француз, схваченный с оружием в руках, будет расстрелян, и что если хоть один волос упадет с головы короля Франции, то Париж будет стерт с лица земли.

Часть третья В Вандее

Книга первая. Вандея

І. Леса

В Бретани в те времена было семь грозных лесов. Вандея, – это было возмутившееся духовенство, а союзником этого возмущения являлись леса. Мрак помогал мраку.

Семь так называемых «черных лесов» Бретани были следующие: Фужерский лес, загораживавший пространство между Долем и Авраншом; Пронсеский, имевший восемь миль в окружности; Пемпонский, перерезанный оврагами и ручьями, почти недоступный со стороны Беньона, но имевший удобное сообщение с роялистским местечком Конкорнэ; Реннский, в котором слышны были звуки набата республиканских приходов, довольно многочисленных в окрестностях городов; в этом-то лесу отряд Пюисэ уничтожил отряд Фокара; Машкульский лес, в котором, словно дикий зверь, скрывался Шаррет; Гарнашский, принадлежавший семействам Ла Тремойль, Говэн и Роган и, наконец, Бросели-

андский, принадлежавший феям.

Один из аристократов Бретани, виконт Фонтенэ, бретонский принц, носил титул «помещика семи лесов». Бретонских принцев не следует смешивать с принцами французскими. Так, например, Роганы были бретонские принцы. Гарнье де Сент, в своем донесении Конвенту от 15 нивоза II года, следующим образом отзывается о принце Тальмоне: «Этот Капет разбойников, считающийся в Мэне и в Нормандии принцем».

История бретонских лесов с 1792 по 1800 год могла бы составить предмет совершенно самостоятельного труда, являясь как бы легендой в обширной вандейской эпопее. У истории своя правда, у легенды – своя. Легендарная правда имеет иное свойство, чем правда историческая. Правда легендарная – это вымысел, имеющий в результате реальную истину. Впрочем, и история, и легенда – обе стремятся к одной и той же цели – к изображению, под видом преходящего человека, человека вечного.

Вандейское восстание может быть вполне объяснено только в том случае, если легенда будет дополнять историю: история нужна для общего, легенда – для подробностей. И нужно сказать, что Вандея стоит этого труда. Вандея – это своего рода чудо.

Эта война темных людей – нелепая и блестящая, ужасная и величественная – причинила Франции много бедствий, но и была ее гордостью. Вандея – это рана, но рана почетная.

Иногда человеческое общество становится своего рода загадкой, разрешающейся для мудреца – светом, а для невежды – потемками, насилиями, варварством. Философ задумается прежде, чем обвинять. Он принимает в соображение неизвестное, присущее каждой задаче. Задачи, подобно облакам, набрасывают на все тень.

Тот, кто желает составить себе объективное понятие о вандейском восстании, не должен ни на одну минуту упустить из виду следующего антагонизма: с одной стороны, французскую республику, с другой – бретонского крестьянина. Ввиду этих несовместимых элементов, постоянной и страшной угрозы всем благодеяниям революции, хлынувшим разом, припадка ярости цивилизации, избытка стремления к прогрессу, несоразмерной и непонятной жажды к реформам – с одной стороны, стоит, с другой стороны этот странный и серьезный дикарь, этот человек со светлыми глазами и длинными волосами, питающийся молоком и каштанами, любящий свою соломенную крышу, свой забор и свой ров, легко различающий по звуку колокола всех окрестных сел, употребляющий для питья только воду, носящий кожаную куртку, расписывающий свою одежду так же, как его предок кельт³⁵⁰ расписывал себе лицо, уважающий в сво-

³⁵⁰ Кельты – древнее, некогда очень распространенное племя, главным местопребыванием которого были Галлия и Британские острова. Из Галлии распространились в Испании, Италии, Германии, Греции и Малой Азии (IV–III вв. до н. э.). Римляне подчинили их себе и романизировали. В настоящее время как народ исчезли.

ем палаче своего господина, говорящий на мертвом языке, что равносильно погребению заживо своей мысли, подготавливающий своих волов, точащий свою косу, возделывающий только рожь, пекущий лепешки из гречневой муки, уважающий прежде всего свой плуг, а затем свою бабушку, верующий и в Богородицу и в привидения, преклоняющий колена и пред алтарем церкви и пред старым друидским³⁵¹ камнем в лесу, земледelec на ниве, рыбак на морском берегу, браконьер в лесу, любящий и королей своих, и господ, и священников, и свою исконную грязь, задумчивый, способный простоять иной раз в полнейшей неподвижности целые часы на пустынном морском берегу, прислушиваясь к шуму морских волн.

И ввиду всего этого спрашивается: мог ли подобный слепец примириться с таким ярким сиянием?

II. Люди

У крестьянина есть две точки опоры: нива, которая его кормит, и лес, который его скрывает.

Теперь даже трудно представить себе, чем были в то время бретонские леса. Это были целые города. На первый взгляд леса эти были не что иное, как громадный глухой, немой и дикий клубок кустарника и терновника, полный неподвижности и тишины; ничто, казалось, не могло быть мертвее и

³⁵¹ Друиды – жрецы древних кельтов в Галлии.

могилоподобнее этих чащ; но если бы можно было моментально, с быстротой молнии, срубить все эти деревья, то оказалось бы, что в этих лесах люди копошатся, словно муравьи в муравейнике.

Круглые и узкие отверстия колодцев, скрытые снаружи наваленными на них камнями и хворостом, спускаясь сначала вертикально и поворачивая затем горизонтально, расширялись под землей в виде воронок и вели к мрачным и темным подземельям, – вот что нашел Камбиз³⁵² в Египте, а Вестерман – в Бретани, с той только разницей, что в Египте они попадались в пустыне, а в Бретани – в лесу, и что в египетских подземельях находились мертвые, а в бретонских – живые люди. Одна из самых глухих прогалин Миздонского леса, вся изрытая пещерами и галереями, в которых снова-таки взад и вперед какие-то таинственные люди, называлась «Большим городом». Другая прогалина, не менее пустынная на поверхности и не менее обитаемая под землю, называлась «Королевской площадью».

Впрочем, в Бретани эта подземная жизнь не была новинкой: здесь во все времена человек скрывался от человека, вырывая себе берлоги под корнями деревьев. Этот обычай берет начало еще с друидских времен, и эти подземные пещеры были такие же древние, как и дольмены. И злые ду-

³⁵² Камбиз – второй царь древней Персии (529–522 гг. до н. э.), сын Кира. Вел многочисленные войны, расширяя царство отца. После покорения Египта, возвращаясь на родину, в Сирии получил известие о государственном перевороте и покончил жизнь самоубийством.

хи легенд и чудовища истории – все прошло по этой дикой стране: Тевтат³⁵³, Цезарь, Гоэль, Неомен, Готфрид английский, Алан Железная Перчатка, Пьер Моклерк³⁵⁴, французское семейство Блуа, английская семья Монфоров, короли и герцоги, девять бретонских баронов, судьи «Великих Дней», графы Нантские, вечно враждовавшие с графами Реннскими, разбойники, бродяги, Рене II³⁵⁵, виконт Роган, королевские губернаторы, добрый герцог Шонский, вешавший крестьян на деревьях под окнами госпожи Севинье³⁵⁶, в пятнадцатом столетии – помещичья резня, в шестнадцатом и семнадцатом – религиозные войны, в восемнадцатом – тридцать тысяч собак, натасканных для охоты на людей; ввиду всех этих невзгод народ заблагорассудил исчезнуть. Поочередно троглодиты, спасаясь от кельтов, кельты, спасаясь от римлян, бретонцы, спасаясь от норманнов, гугеноты, спасаясь от католиков, контрабандисты, спасаясь от жандармов, искали убежища сначала в лесной чаще, а затем под землей. До такого звериного образа жизни тирания довела народ! В тече-

³⁵³ Тевтат – бог войны у древних кельтов.

³⁵⁴ Моклерк Пьер (?—1250) – бретонский герцог, продолжительное время борющийся с королевской властью за политическую автономию Бретани. Участник Шестого крестового похода, во время которого попал в плен, где и умер.

³⁵⁵ Рене II, виконт де Роган (1550–1586) – французский аристократ, протестант, активный участник религиозных войн во Франции.

³⁵⁶ Севинье Мария (1626–1696) – французская писательница, представительница эпистолярного жанра. Ее многочисленные письма дают яркую картину современной ей эпохи и служат важным историческим материалом.

ние целых двух тысячелетий деспотизм во всех своих проявлениях – завоевание, фанатизм феодализма, чиновничество – не переставал устраивать облавы на несчастных жителей Бретани, и эти облавы прекращались в одной форме лишь затем, чтобы возобновиться в другой. Поневоле людям приходилось зарываться в землю.

После всех этих гонений судьбы бретонцы подверглись нашествию войск французской республики, вызванному восстанием Бретани, отрекшейся от свободы, – как, впрочем, нередко случается с рабами. И вот готовые подземелья снова заселились.

III. Сообщничество людей и лесов

Мрачные леса Бретани снова стали играть свою старую роль и сделались сообщниками и пособниками и этого восстания, подобно тому как они были ими и при других восстаниях. Подпочва такого леса сделалась похожа на какой-то звездчатый коралл, будучи изрыта по всем направлениям целой сетью подземных ходов, галерей и келий. В каждой из этих келий жило по пять, по шесть человек. Понятно, что в них трудно было дышать. Некоторые цифры дают более или менее верное понятие о могучей организации так называемых крестьянских восстаний. В департаменте Иль-э-Вилан, в Пертском лесу – убежище принца Тальмона, не слышно было людского голоса, не было видно человеческих следов,

а между тем в нем скрывалось шесть тысяч человек под начальством Фокара; в Морбигане, в Мелакском лесу, никого не было видно, а между тем здесь было восемь тысяч человек. Оба этих леса, Пертский и Мелакский, считаются, впрочем, еще не самыми большими лесами Бретани. Вступать в эти леса было страшно для неприятеля. Эти коварные чащи, наполненные бойцами, спрятанными в подземных лабиринтах, похожи были на громадные губки, из которых, под давлением тяжелой стопы революции, выступала гражданская война.

Здесь сидели в засаде невидимые батальоны. Невидимые армии бродили под ногами республиканских армий, внезапно появлялись из-под земли и снова уходили в нее, выскакивали многочисленные – и снова исчезали, словно одаренные и даром вездесущности и способностью испаряться, то лавина, то пыль, то колоссы, то карлики, великаны в бою, карлики при исчезновении. То были барсы, усвоившие себе нравы кротов.

Подобно тому как большие города окружают мелкие поселки, так непроходимые леса окружала поросль. Большие боры соединялись между собою лабиринтом порослей. Старые замки, напоминавшие собою цитадели, усадьбы, игравшие роль лагерей, фермы, превратившиеся в западни, укрепленные рвами и засеками, являлись петлями этой громадной сети, в которую то и дело попадали республиканские армии.

Вся эта местность была известна под общим названием

«Роши». В состав ее входил Миздонский лес, с большим прудом посредине, – главная квартира Жана Шуана; Женнский лес, в котором расположился Тальефер, и Гюиссерийский лес, прибежище Гуж-ле-Брюана; Шарнийский лес, занятый Куртилье-Батаром, по прозвищу «Апостол Павел»; Бюргольский лес, в котором хозяйничал загадочный Жак, нашедший себе впоследствии столь же загадочную смерть в Жювардейском подземелье; Шарроский лес, в котором вожди вандейцев Пимусс и Пти-Прэне, подвергшись нападению Шатонефского гарнизона, выхватывали из республиканских рядов гренадеров и уносили их в плен; Эрезерийский лес, свидетель поражения лонгфайского гарнизона; Онский лес, из которого можно было наблюдать за Реннской и за Лавальской дорогами; и Гравельский, который один из принцев Латремуйль выиграл в мяч; Лоржский, в департаменте Кот-дю-Нор, в котором Шарль де Буагарди царил после Бернара де Вильнева; Баньярский, близ Фонтенэ, где Шальбос сражался с Лескюром, имея одного человека против пяти; Дюрондейский лес, который некогда оспаривали друг у друга Ален де Редрю и Эрипу, сын Карла Лысого³⁵⁷; лес Круа-Батайль, место поединка Серебряной Ноги и Морьера; Содрейский лес, только что обысканный, как мы видели в начале этого рассказа, одним из парижских батальо-

³⁵⁷ Карл II Лысый (823–877) – германо-римский император с 875 г. В 843 г. получил западную часть империи, оформившуюся впоследствии как французское государство. Всю свою жизнь провел в войнах со своими братьями за право на императорский престол.

нов, и еще многие другие.

В некоторых из этих лесов и рощ встречались не только целые подземные поселки, сгруппированные вокруг главного подземелья, но и целые селения, состоявшие из землянок, приютившихся под свесившимися ветвями деревьев, порой до того многочисленных, что ими бывал занят весь лес. Порой на их существование указывал поднимавшийся среди деревьев дым. Особенно были известны два таких поселка в Миздонском лесу: Лоррьер, близ Летана, и группа шалашей близ Сент-Уэна, прозванная Рю-де-Бо.

Женщины жили в шалашах, а мужчины – в подземельях. Они использовали для военных целей старые кельтские галереи и подкопы. Женщины приносили пищу скрывавшимся под землей мужчинам. Случалось, что про некоторых забывали, и они умирали с голода. Это были, впрочем, большей частью люди неловкие, которые сами не могли найти выход из колодца. Дело в том, что обычно крышки над колодцами делались так искусно из сучьев и мха, что, не будучи заметны в траве снаружи, они, однако, очень легко открывались изнутри. При рытье этих подземных ходов, для предосторожности, вынутая земля выбрасывалась в ближайший пруд. Внутренние стенки колодцев и дно их были выложены папоротником и мхом. Эти ямы назывались «ложами». В них можно было бы неплохо жить, если бы не недостаток света, огня, воздуха и хлеба. Вылезать отсюда на свет Божий без особых предосторожностей было небезопасно: можно было

случайно попасть под ноги проходящему отряду республиканцев. Вообще леса эти были настоящими западнями: синие не осмеливались в них входить, а белые боялись из них выходить.

IV. Жизнь под землей

Понятно, что люди, засев в эти звериные норы, томились от скуки. Поэтому иногда по ночам они рисковали выходить на поверхность и отправлялись поплясать на ближайшую лужайку; большую же часть времени они предавались молитве. «Целый день, – жалуется Бурдуазо, – Жан Шуан заставляет нас перебирать четки».

С наступлением июля не было почти никакой возможности помешать земледельцам департамента Нижнего Мэна выходить из своих убежищ и отмечать праздник жатвы. Некоторые при этом переодевались женщинами, отправлялись на праздник, а затем возвращались в свои ямы или же совершенно спокойно шли на смертный бой, меняя временную могилу на постоянную.

Время от времени сидевшие в колодцах приподнимали их крышки и прислушивались, не раздаются ли барабанный бой и ружейная пальба, и издали следили за ходом сражения. Стрельба республиканцев производилась залпами, пальба роялистов – поодиночке. Этим они и руководствовались. Если залпы внезапно прекращались, это означало, что

роялисты потерпели поражение; если одиночная пальба продолжалась и удалялась, это означало, что они одерживали верх: дело в том, что роялисты всегда преследовали разбитого неприятеля, а республиканцы никогда этого не делали, не будучи достаточно знакомы с местностью.

Эти подземные воины прекрасно знали все, что происходило на свете. Ничто не могло быть быстрее и таинственнее их сношений. Они разрушили все мосты, сняли с осей все повозки, и, несмотря на это, находили возможность все сообщать друг другу, обо всем предупреждать. Между лесами, между поселками, между фермами, между хижинами, между кустами то и дело сновали посыльные. Иной крестьянин с самым тупым выражением лица успешно переносил, однако, депеши в своей выдолбленной палке. Бывало, член Учредительного собрания, Боэтиду, доставлял им для передвижения по всей Бретани республиканские паспорта нового образца, в которых оставалось только проставить имя и которых у него были целые пачки. Было абсолютно невозможно захватить их врасплох. «Тайны, – говорит Бюизе, – вверенные нескольким сотням людей, соблюдались самым добросовестным образом».

Казалось, будто этот громадный четырехугольник, образуемый с юга линией, проведенной из Сабля в Туар, с востока – линией из Туара в Сомюр и рекой Туэ, с севера – Луарой и с запада – океаном, имел один общий нервный механизм и что толчок на любой точке этой местности отзывался по-

всюду. Известия в мгновение ока передавались из Нуармутъе в Люсон, и Луэский лагерь отлично знал, что творилось в Мориносском лагере. Можно было бы подумать, что известия переносятся птицами. Гош писал 7 мессидора III года: «Можно подумать, что у них есть телеграф».

Страна была разделена на кланы, вроде шотландских. У каждого прихода был свой предводитель. Мой отец участвовал в этой войне, и поэтому я могу кое-что рассказать о ней.

V. Вандейцы на войне

Многие вандейцы вооружены были одними только пиками. Было, впрочем, и немало хороших охотничьих ружей; браконьеры из «Роши» и контрабандисты из Лору вообще прекрасные стрелки. Это были странные, смелые и страшные бойцы. При появлении декрета о рекрутском наборе в триста тысяч человек в шестистах деревнях Бретани ударили в набат, и пожар вспыхнул разом по всей стране. Пуату и Анжу взяли за оружие в один и тот же день. Впрочем, зловеющий шум раздался еще 8 июля 1792 года, за месяц до 10 августа, в Кербадерской равнине. Ален Ределер, о котором ныне все забыли, был предтечей Ларошжаклена и Жана Шуана. Роялисты, под угрозой смертной казни, заставляли всех здоровых людей братья за оружие, забирая лошадей, повозки и съестные припасы. По прошествии нескольких дней у Сапино было три тысячи бойцов, у Кателино – десять тысяч, у

Штофэ – двадцать тысяч, а Шаррет овладел островом Нуармутье. Виконт Сепо поднял Верхний Анжу, шевалье Дъези – департамент Вилена-и-Луары, Тристан Отшельник – Нижний Мэн, цирюльник Гастон – город Геменэ, а аббат Бернье – всю остальную провинцию. Для того чтобы поднять все эти массы людей, нужно было немного: в дарохранительницу какого-нибудь республиканского священника сажали большого черного кота, который выскакивал оттуда во время обедни. «Это дьявол!» кричали крестьяне, и вся окрестность бралась за оружие. Из исповедален раздавались пароли и лозунги. Многие бретонцы вооружены были большой и толстой дубиной, сажени в две длиной, которая служила им оружием в бою и помогала перепрыгивать через рвы во время походов. Во время самого боя, встречая в минуту атаки крест или часовню, бретонцы становились на колени и читали молитву под градом пуль; по окончании ее, те, которые остались в живых, поднимались на ноги и бросались на неприятеля. Они обладали способностью на бегу заряжать свои ружья. Легковерию их не было предела. Так, священники показывали им людей с красной полосой вокруг шеи от туго перетянутой бечевки и уверяли их, что это – воскресшие после казни на гильотине. Им не чужд был дух рыцарства; так они похоронили с почетом республиканского знаменосца Феска, который дал изрубить себя на месте, не выпустив из рук своего знамени. Сначала они боялись пушек; но вскоре стали кидаться на них со своими дубинами и захватывать

их. Первую красивую бронзовую пушку, которую они взяли, они назвали «миссионером»; другую, вылитую еще во времена религиозных войн³⁵⁸ и на которой выгравированы были герб Ришелье и образ Богоматери, назвали «Марией-Анной». При взятии республиканцами Фонтенэ была захвачена и «Мария-Анна», вокруг которой пали, не дрогнув, шестьсот крестьян; затем они снова напали на Фонтенэ, чтобы вернуть себе «Марию-Анну», разбили республиканцев, овладели «Марией-Анной» и повезли ее с собою, украшенную белым флагом и убранную цветами, заставляя встречных женщин целовать ее. Но двух орудий было мало. Стоффле взял «Марию-Анну»; Катлино, завидуя ему, двинулся из Пен-ан-Можа, захватил Жаллэ и взял третье орудие; Форэ атаковал Сен-Флоран и взял четвертое. Два других предводителя вандейцев, Шупп и Сен-Поль, придумали следующее: они сделали из бревен подобие пушек, поставили возле них кукол, одетых артиллеристами, и с помощью этой артиллерии, над которой они сами немало хохотали, заставили республиканцев отступить к Марейлю. Это было еще лучшей эпохой их борьбы. Впоследствии, когда Шальбос разбил Ламарсоньера, вандейцы оставили после себя на поле сражения тридцать два орудия с английскими клеймами. Англия выплачи-

³⁵⁸ Во Франции период *религиозных войн* приходится на вторую половину XVI в.; прекратились с принятием Генрихом IV Нантского эдикта, разрешавшего протестантское богослужение на территории Франции. Отголоском религиозных войн стали военные действия Людовика XIII против Ларошели, последнего оплота протестантов.

вала субсидии французским принцам; Нанция писал 10 мая 1794 года, что «принцам посылают деньги, так как Питта³⁵⁹ уверили в том, что в этом нет ничего неприличного». Мелинэ пишет в донесении 31 марта, что в рядах бунтовщиков раздаются клики: «Да здравствуют англичане!» Крестьяне стали грабить, ханжи сделались ворами, дикари усвоили себе пороки. Пюизе говорит (т. II, с. 187): «Мне несколько раз удалось спасти местечко Плелан от разграбления». А дальше (с. 434) он говорит, что нарочно не входил в Монфор: «Я сделал обходный марш, чтобы избежать разграбления домов якобинцев». Вандейцы ограбили Шолле, разнесли Шаллан. Не успев проникнуть в Гранвилль, они разграбили Вилль-Дье. Они называли «якобинскую сволочью» тех из поселян, которые держали сторону синих, и преследовали их с большим ожесточением, чем последних. Они убивали не просто как солдаты, а как разбойники. Им нравилось расстреливать горожан, и они называли это «разговеться». В Фонтенэ один из их священников, аббат Барботен, собственноручно изрубил одного старика саблей. В Сен-Жермен-на-Ил (Пюизе, т. II, с. 35) один из их предводителей, дворянин родом, убил выстрелом из ружья прокурора коммуны и снял с него часы. В Машкуле они убивали республиканцев партиями, по тридцать человек в день, и это продолжалось пять недель; каждая

³⁵⁹ Питт Уильям (1759–1806) – английский государственный деятель. В 24 года стал премьер-министром. С началом Великой французской революции целенаправленно проводил антифранцузскую политику.

такая партия в тридцать человек называлась «четками». Их ставили спиной ко рву и расстреливали; расстрелянные падали в ров часто еще живые, но их тем не менее хоронили вместе с другими. Нечто подобное повторилось, впрочем, и в наши дни³⁶⁰. ... У главы округа Жубера отпилили кисти обеих рук; иногда республиканцам надевали на руки колодки с режущими краями. Их избивали на публичных площадях при звуках охотничьих рогов. Шарретт, подписывавшийся: «Братство, шевалье Шарретт» и надевавший на голову, подобно Марату, платок, завязанный узлом на лбу, сжег дотла город Порник, вместе с его обитателями. Со своей стороны и Каррье был свиреп. Террор вызывал террор. Бретонский инсургент очень походил на инсургента-грека: короткая куртка, ружье на перевязи, набедренники, широкие шаровары, – словом, бретонский мужик был, ни дать ни взять, эллинский клефт³⁶¹. Анри Ларошжаклен отправился в бой 21 года отроду с палкой в руке и с парой пистолетов за поясом. Вандейская армия подразделялась на сто пятьдесят четыре дивизии. Инсургенты вели правильные осады; в течение трех дней они осаждали Брессюир. В Страстную пятницу десять тысяч крестьян обстреливали Сабль-д'Олон калеными ядрами. Им случилось разрушить в один день не менее четырна-

³⁶⁰ Автор имеет в виду переворот 1851 г., в результате которого Наполеон III пришел к власти.

³⁶¹ Клефты – греческие разбойники во время турецкого ига, принимали участие в борьбе за освобождение Греции.

дцати республиканских лагерей, от Монтинье до Курбейля. На высокой стене Туара произошел следующий диалог между Ларошжакленом и одним крестьянским парнем:

– Карл.

– Здесь!

– Подставь плечи, чтобы я мог взобраться на них.

– Пожалуйте!

– Ружье твое давай!

– Извольте!

И Ларошжаклен перепрыгнул через стену в город. Ван-дейцы захватили, даже без помощи лестниц, его башни, которые не мог в свое время взять Дюгесклен³⁶². Они предпочитали патрон червонцу и плакали, теряя из виду колокольню своего села. Они не считали постыдным обращаться в бегство, и тогда начальники кричали им: «Сбросьте с себя башмаки, но оставляйте при себе ружье». Когда у них не хватало зарядов, они, прочитав молитву, набрасывались на зарядные ящики республиканцев; впоследствии д'Эльбе требовал зарядов у англичан. Когда неприятель приближался, они скрывали своих раненых в хлебе или в папоротни-

³⁶² Дюгесклен Бертран (ок. 1320–1380) – знаменитый французский полководец. С 1361 г. на службе у короля Франции. Дважды (в 1361 и 1367 гг.) попадал в плен к англичанам. Назначенный коннетаблем Франции, он начал свои походы против англичан и в течение 10 лет лишил их всех завоеваний, сделанных ими во Франции. Непросвещенный и грубый, но талантливый, прямой и бескорыстный в век вероломства и алчности, он при жизни был образцом рыцаря, а после смерти его имя стало легендой.

ке и по окончании сражения снова подбирали их. У них не было никаких мундиров, и многие из них являлись настоящими оборванцами. Как крестьяне, так и дворяне одевались в первые попавшиеся лохмотья. Роже Мулинье носил чалму и ментик, взятые из гардеробной Ла-Флешского театра, на шевалье де Бовилье надета была прокурорская мантия и женская шляпка поверх шерстяного колпака. Но все носили белые шарфы и перевязи, и чины различались по цвету узлов на шарфах. У Стоффле был красный узел; у Ларошжаклена – черный; Вимпфлен³⁶³, не выходивший, впрочем, из Нормандии, носил кожаные наручники. В рядах инсургентов были и женщины: госпожа Кескюр, вышедшая впоследствии замуж за Ларошжаклена; Тереза де Мольен, любовница Ларуари, которая сожгла списки начальников приходов; госпожа Ларошфуко, молодая и красивая, которая с саблей в руке выстраивала крестьян у подошвы высокой башни Пюи-Руссо; Антуанетта Адамс, которую называли «шевалье Адамс» и которая отличалась такую храбростью, что когда ее взяли в плен, то расстреляли стоя, из уважения к ее мужеству. Это было жестокое и суровое время. Госпожа Лескюр нарочно заставляла свою лошадь наступать на тела лежащих на земле неприятелей, не разбирая того, убиты ли последние, или же только ранены. Среди мужчин иногда встречались изменни-

³⁶³ Вимпфлен Феликс (1744–1814) – французский генерал. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, в 1793 г., командуя армией, восстал против республики, но был разгромлен и бежал в Англию, откуда возвратился в 1799 г. При Наполеоне получил звание дивизионного генерала.

ки, среди женщин – никогда. Госпожа Флери, актриса Французского театра, перешла от Ла-Руари к Марату, но по любви.

Начальники часто бывали такие же невежды, как и солдаты; так, например, Сапино был совершенно безграмотен. Предводители недолюбливали друг друга; предводители из «равнины» открыто кричали: «Долой горцев». Кавалерия их была малочисленна и плохо организована. Пюизе писал: «Иной охотно отдавал мне обоих своих сыновей, но бледнел, когда я требовал у него одного из его коней». Вилы, косы, мотыги, старые и новые ружья, охотничьи ножи, вертела, обитые железом и гвоздями дубины – вот их оружие; некоторые носили на груди изображение крестообразно сложенных костей. Они громко кричали во время нападения, появлялись внезапно, точно вырастая из-под земли, из лесов, из-за холмов, из канав, бросались врассыпную, убивали, истребляли и снова исчезали. Проходя через республиканский город, они срубали дерево свободы, зажигали его и плясали вокруг него. Они охотно подкрадывались в темноте; вообще они руководствовались правилом – появляться внезапно, как снег на голову. Они могли пройти пятнадцать миль, не сломав ни одной ветки, не издав ни единого звука. По вечерам, после того как их начальники определили, где завтра будет произведено нападение на республиканцев, они заряжали свои ружья, читали молитвы, снимали свои деревянные башмаки и длинными колоннами пробирались босиком

по лесу, ступая по мху и вереску, не произнося ни единого звука, не производя ни малейшего шума, словно стая кошек, выступивших в потемках.

VI. Душа земли переходит в человека

Число вандейских инсургентов нельзя определить меньше чем в пятьсот тысяч человек, считая здесь, впрочем, женщин и детей. Тюффен де ла Пуари определяет число одних бойцов в полмиллиона.

Кроме того, им помогали федералисты³⁶⁴: Жиронда была сообщницей Вандеи. Из Лозера прибыло в Вандею тридцать тысяч человек. Открыто восстали восемь департаментов – пять в Бретани и три в Нормандии. Эвре, братаясь с Каэном, имел своим представителем в восстании своего мэра Шомона и старшину Гарденбаса. Бюзо, Горзас и Барбару в Каэне, Бриссо – в Мулене, Шассан – в Лионе, Рабо Сент-Этьенн – в Ниме, Мельян и Дюшатель – в Бретани, – все они раздували пламя восстания.

Были две Вандеи: большая, которая вела войну в лесах, и малая, которая вела ее в кустах; именно это и отличает Шаррета от Жана Шуана. Малая Вандея была наивна, большая – испорчена; во всяком случае первая была симпатичнее. Шаррет был сделан маркизом, генерал-лейтенантом ко-

³⁶⁴ *Федералистами* якобинцы называли жирондистов, которые противопоставляли Парижу провинции, на которые делали ставку.

ролевских армий и получил орден Святого Людовика; Жан Шуан остался Жаном Шуаном; но между тем первый приближается к разбойнику, а второй – к рыцарю. Что же касается великодушных предводителей – Ларошжаклена, Лескюра, Бонтана, то они просто заблуждались. Великая католическая армия была не что иное, как безумная затея, и поражение ее было неизбежно. Вандея не в состоянии была перейти за Лауру. Гражданская война не может быть завоевательной. Цезари и Наполеоны могут переходить Рейн, но для Ларошжаклена немислимо было перейти за Лауру.

Настоящая Вандея – это Вандея у себя дома; здесь она более чем неуязвима – она неуловима.

Вандеец у себя дома – это контрабандист, земледелец, солдат, пастух, браконьер, вольный стрелок, звонарь, крестьянин, шпион, убийца, причетник, лесной зверь. Ларошжаклен – не что иное, как Ахилл³⁶⁵, Жан Шуан – Протей³⁶⁶.

Вандейское восстание потерпело поражение; другие подобные крестьянские восстания, как, например, в Швейцарии, сопровождались успехом³⁶⁷. Между восстанием горцев,

³⁶⁵ Ахилл – герой поэмы Гомера «Илиада».

³⁶⁶ Протей – греческое морское божество, слуга Посейдона. Протею были свойственны мудрость и дар пророчества. Обладая даром превращения, мог принимать облик зверя, воды и дерева.

³⁶⁷ Речь идет о неоднократных попытках в средние века захватить Швейцарию со стороны Германской империи, Бургундии, Австрии и др. Своими победами швейцарская армия обязана исключительно крестьянскому ополчению и именно с тех пор швейцарские наемники стали пользоваться своей заслуженной славой.

как, например, швейцарцев, и восстанием в лесах, как, например, вандейцев, существует та зависящая от среды разница, что первые почти всегда борются за идею, а вторые – за предрассудок. Первые парят, вторые ползают; первые сражаются за человечество, вторые – за пустыню; первые жаждут свободы, вторые – одиночества; у первых во главе общие интересы, у вторых – частные; первые имеют дело с безднами, вторые – с трясиными; первые – люди потоков и пены, вторые – люди стоячих вод, гнездилища лихорадок; у первых над головами – небесная лазурь, у вторых – хворост; первые облиты светом, вторые окутаны потемками.

Горы и равнины порождают разных людей. Гора – это цитадель, лес – это засада; первая синоним смелости, вторая – коварства. Еще люди древнего мира помещали богов на вершинах гор, а сатиров – в лесной чаще. Сатир – это дикарь, полубог, получеловек. В свободных странах мы находим Апеннины, Альпы, Пиренеи, Олимп. Парнас – это опять же гора. Монблан был колоссальным союзником Вильгельма Телля; индийские поэмы сложились у подножия Гималайских гор. Греция, Испания, Италия, Швейцария богаты горами; Кимврия, Германия, Бретань – лесами. Лес – это синоним варварства.

Свойство почвы внушает человеку те или другие действия; оно в большей мере является его сообщником, чем то обыкновенно полагают. Ввиду некоторых диких пейзажей поневоле появляется желание оправдать человека и об-

винить природу, бросающую как бы вызов человеку. Пустыня оказывает порой вредное влияние на совесть, в особенности на совесть малопросвещенную. Возвышенная совесть – это Иисус и Сократ; низкая совесть – Атрей³⁶⁸ и Гуда. Низкая совесть склонна к пресмыканию; она любит скрываться в густом лесу, в терновнике, под кустами, в болоте; там она проникается дурными наклонностями. Оптические обманы, необъяснимые миражи, ошибки во времени и в месте наводят на человека тот страх, полурелигиозный, полуживотный, который в обыкновенные времена ведет к предрассудкам, а в смутные времена – к жестокости. Галлюцинации держат факелы, освещающие путь к убийству. Разбой – это своего рода головокружение. Величественная природа имеет двойной смысл: она просвещает высокие умы и ослепляет низкие. Когда человек невежествен, когда пустыня полна миражей, тьма одиночества присоединяется к тьме разума, и вследствие того перед человеком разверзается несколько бездн. Какой-нибудь утес, какой-нибудь овраг, какая-нибудь чаща, какой-нибудь странный вечерний просвет могут натолкнуть человека на безумное и свирепое действие. Можно было бы почти сказать, что есть преступные местности.

Свидетелем скольких ужасных вещей был мрачный холм, возвышающийся между Беньоном и Плеланом!

³⁶⁸ Атрей – мифический микенский царь, отец Агамемнона и Менелая. Изгнал из страны своего брата Фиеста. Впоследствии, притворившись готовым к примирению, пригласил брата в Микены. Когда тот прибыл, Атрей убил его сыновей и накормил отца их мясом.

Широкие горизонты дают широкий простор и человеческой мысли; суженные горизонты суживают и мысль, и люди с великой душой превращаются в людей ограниченных. Примером тому может служить Жан Шуан. Общие идеи, ненавидимые во имя частных интересов, – в этом и заключается борьба за прогресс.

Родной край и Отечество – в этих двух словах суммируется вся Вандейская война: борьба местной идеи против универсальной, крестьян против патриотов.

VII. Вандея прикончила Бретань

Бретань – это старая бунтовщица. В течение целых двух тысячелетий, каждый раз, когда она поднималась, она была права; но на этот раз она ошибалась. И между тем, в сущности борясь против революции или против монархии, против народных представителей-делегатов или против герцогов и маркизов-губернаторов, против ассигнаций или против соляного налога, кто бы ни были бойцы – Никола Рапен или Франсуа де Лану³⁶⁹, капитан Плювио и госпожа Лагарнаш или Стоффле, Кокеро и Лешанделье де Пьервилль, под начальством ли принца Рогана против короля, или Ларошжаклена за короля – Бретань вела все одну и ту же борьбу –

³⁶⁹ Лану де Франсуа (1531–1608) – французский дворянин, военачальник, один из вождей протестантов во время религиозных войн во Франции во второй половине XVI в.

борьбу местного духа против центральной власти.

Эти старые провинции представляли собой пруд; всякое движение было чуждо этой стоячей воде; дувший на них ветер не освежал, а раздражал их. Недаром часть этой провинции называлась Финистер³⁷⁰: здесь кончалась Франция, кончалась цивилизация и останавливалось поступательное движение поколений.

Стой! – кричал океан суше. Стой! – кричало варварство цивилизации. Каждый раз, когда центр, Париж, давал толчок, все равно, исходил ли этот толчок от королевской или от республиканской власти, был ли он на руку деспотизму или свободе, Бретань, чуя что-то новое, ощетиливалась. Оставьте нас в покое! Чего вам от нас нужно? Равнина хватается за вилы, леса – за карабин. Все наши попытки, наша инициатива в деле законодательства и воспитания, наши энциклопедии, наши философии, наши гении, все то, чем мы гордимся, не имеет никакой цены в глазах этих дикарей. Местные колокольни бьют в набат, призывая к борьбе против французской революции, местные долины возмущаются против шумных парижских площадей, и сельская церковь в каком-нибудь Го-де-Прэ колокольным звоном объявляет войну Луврской башне.

Вандейское восстание было не что иное, как прискорбное недоразумение. Это была колоссальная свалка, ссора титанов, бесполезный бунт, все то, от чего в истории осталось

³⁷⁰ Finis terrae (*фр.*) – конец или край земли.

только одно слово Вандея – слово громкое, но мрачное. Вандея сама накладывала на себя руки ради отсутствующих, жертвовала собой ради эгоистов, предлагала свое беззаветное мужество трусам; она действовала без стратегии, без тактики, без расчета, без плана, без цели, без ответственности, без головы; она ясно доказывала, что можно иметь сильную волю и быть бессильным; вандейцы оказались одновременно и рыцарями и дикарями: они наивно вздумали оградить себя против света перилами мрака; невежество оказывало глупое, но в то же время геройское и продолжительное сопротивление истине, справедливости, разуму, свободе. Восьмилетняя резня, разорение четырнадцати департаментов, заброшенные поля, вытоптанное жатвы, сожженные деревни, разграбленные города, разгромленные дома, убитые женщины и дети, зажженные факелы в соломенных крышах, проткнутые шпагами сердца, ужас цивилизации, надежда сэра Вильяма Питта – вот что такое была эта война, эта бессознательная попытка отцеубийства.

Вообще же Вандея содействовала делу прогресса, доказав необходимость разорвать исконный бретонский мрак и озарить эту чашу яркими лучами света. И исторические катастрофы по-своему могут приносить известную долю пользы.

Книга вторая. Трое детей

I. Plus quam civilia bella³⁷¹

Лето 1792 года было очень дождливое; лето 1793 года было очень жаркое. Вследствие гражданской войны в Бретани были уничтожены все дороги. Однако, благодаря хорошему лету, можно было путешествовать: хорошо просохшая земля – самая лучшая дорога.

В один ясный июльский вечер, приблизительно с час после захода солнца, всадник, ехавший со стороны Авранша, остановился перед небольшой харчевней Круа-Браншар, у въезда в Понторсон, на вывеске которой можно было прочесть следующие слова: «Здесь можно получить хороший мед». Днем было жарко, но теперь начинал дуть свежий ветер.

Путник был укутан в просторный плащ, покрывавший и круп его лошади. На голове у него была надета широкополая шляпа с трехцветной кокардой, что было не совсем безопасно в этих краях, так как, того и гляди, можно было ожидать выстрела из-за какого-нибудь плетня, причем кокарда представляла собою отличную цель. Плащ был завязан под шеей, но спереди он распахивался и из-под него можно было раз-

³⁷¹ Нечто большее, чем гражданская война (*лат.*).

глядеть трехцветную перевязь и две ручки пистолетов, торчавшие из-за пояса. Из-под полы плаща высовывался конец сабли.

Когда всадник остановил своего коня возле харчевни, дверь отворилась, и на пороге показался хозяин с фонарем в руке. На дворе было еще достаточно светло, но в комнате уже стемнело.

– Что, гражданин, вы думаете здесь остановиться? – спросил хозяин, взглянув на кокарду.

– Нет, я еду в Доль.

– В таком случае лучше возвратитесь в Авранш или оставайтесь в Понторсоне. В Доле дерутся.

– Вот как! – заметил всадник и прибавил: – Дайте овса моему коню.

Хозяин принес колоду, высыпал в нее мешок овса и разнуздal лошадь, которая, фыркая, принялась жевать овес. Разговор продолжался.

– Что, гражданин, этот конь ваш собственный или реквизированный?

– Мой собственный. Я купил его, заплатив свои кровные денежки.

– А откуда держите путь?

– Из Парижа. Только я еду окольными дорогами.

– Еще бы! Большие дороги не безопасны. Впрочем, почта еще ходит.

– До, но только до Алансона. Туда я доехал в почтовой

карете.

– А-а, скоро во Франции уже не будет почты! Не хватает лошадей. За лошадь в триста франков платят шестьсот, а к фуражу и не подступишься. Я сам прежде держал почту, а теперь приходится держать постоянный двор. Из 1313 прежних содержателей почтовых станций двести бросили это занятие. А что, гражданин, вы платили прогоны по новому тарифу?

– Да, начиная с первого мая.

– Значит, по двадцати су за милю в карете, по двенадцати – в кабриолете и по пяти – в телеге. А эту вы лошадь купили в Аланосе?

– Да, в Аланосе.

– И вы ехали на ней целый день?

– Да, с самого рассвета, равно как и вчера и третьего дня.

– Оно и видно. Вы проехали, значит, на Домфрон, Мортен и Авранш. Послушайте моего совета, гражданин, – отдохните. И лошадь ваша устала, да и вы, вероятно, не менее того.

– Лошади имеют право уставать, но люди этого права не имеют.

Хозяин снова уставился на путника и увидел перед собою лицо спокойное, серьезное и даже строгое, обрамленное седыми волосами. Затем он перевел взор на дорогу, на которой ни в ту ни в другую сторону не видно было ни души, и спросил:

– И вы решаетесь путешествовать совершенно один?

– Нет, у меня есть конвой: моя сабля и мои пистолеты!

Хозяин принес ведро воды и напоил лошадь, не переставая смотреть на приезжего и бормоча сквозь зубы:

– До чего он похож на священника!

– Вы говорите, что в Доле дерутся? – спросил всадник.

– Да. Вероятно, мы сейчас услышим выстрелы.

– Но кто же дерется?

– «Бывший» с «бывшим»; один «бывший» дерется за республику, а другой – за короля.

– Да ведь уже нет больше короля.

– Все равно: есть дофин. И любопытнее всего то, что оба «бывшие» – родня между собой.

Всадник внимательно слушал его. Трактирщик продолжал:

– Один молод, другой стар; племянник сражается против дяди. Дядя – роялист, племянник – республиканец; дядя начальствует над белыми, племянник – над синими. Ну, это уж не пощадят друг друга, нет! Вот увидите! Это – борьба не на жизнь, а на смерть. Хотите ли знать, гражданин, какими любезностями они обмениваются? Прочтите-ка вот эту афишу; старик велел расклеить ее повсюду, на всех заборах, на всех деревьях и даже на моей двери.

Трактирщик поднес свой фонарь к листу бумаги, наклеенному на одной из створок дверей, и так как афиша была напечатана очень крупными буквами, то всадник, не слезая с коня, мог прочесть следующее:

«Маркиз Лантенак имеет честь уведомить племянника своего, господина виконта Говэна, что если ему, маркизу, удастся захватить господина виконта, то он с превеликим удовольствием велит его расстрелять».

– А вот и ответ, – продолжал трактирщик, оборачиваясь и освещая фонарем другую афишу, приклеенную рядом с первой, на другой створке двери. Путник прочел:

«Говэн предупреждает Лантенака, что если он Лантенака захватит, то велит его расстрелять».

– Вчера, – сказал трактирщик, – на мою дверь наклеили первую из этих афиш, а сегодня утром – вторую. Как видите, ответ не заставил себя долго ждать.

Путник вполголоса, как бы говоря сам с собою, произнес следующие слова, которые трактирщик расслышал, но которых не мог понять.

– Да, это уже не гражданская война; это – война семейная. Впрочем, оно так и лучше. Обновление народов может совершиться только этой ценой, – и затем, не спуская глаз со второй афиши, он поднес руку к шляпе и отдал ей честь.

– Видите ли, в чем дело, гражданин, – продолжал трактирщик. – Мы, жители городов и местечек, стоим за революцию, поселяне – против нее; другими словами, мы – французы, они – бретонцы. Это борьба горожан против мужиков. Они называют нас мещанами, мы их называем мужланами. Дворяне и попы стоят за них.

– Ну, однако же, не все, – проговорил всадник.

– Понятно, не все, гражданин; вот видите ли, – прибавил он, указывая на обе афиши, – виконт против маркиза. – И он пробормотал сквозь зубы: – И к тому же бьюсь об заклад, что я теперь беседую с бывшим попом.

– А на чьей же стороне пока успех? – спросил всадник.

– Пока на стороне виконта. Но он достается ему нелегко. Старик силен. Оба они – из семейства Говэнов, из здешних. Семейство это разделилось на две ветви: на старшую, главой которой считается маркиз Лантенак, и на младшую, с виконтом Говэном во главе. Теперь обе эти ветви борются друг с другом. У деревьев это не случается, но среди людей бывает. Этот маркиз Лантенак пользуется в Бретани громадным авторитетом; крестьяне считают его принцем. В первый же день его высадки под его знаменем собралось восемь тысяч человек; в течение одной недели поднялось триста приходов. Если бы ему удалось утвердиться на каком-нибудь пункте побережья, англичане немедленно бы высадились. К счастью, по какой-то странной случайности, тут оказался его племянник с отрядом республиканцев, и он оттеснил от берега своего дядю. К тому же случилось, что этот Лантенак в самый день своего прибытия велел перебить множество пленных и в том числе двух женщин, у одной из которых было трое ребятишек, усыновленных одним из парижских батальонов. Это привело батальон в ярость, – он называется батальоном Красной Шапки; уцелели уже немногие из этого батальона, но все это народ беззаветно храбрый. Они во-

шли в состав отряда Говэна, и ничто не в состоянии противостоять им. Они во что бы то ни стало желают отомстить за смерть женщин и выручить ребятишек; а между тем неизвестно, что сделал с последними старик, и это приводит в ярость парижских гренадеров. Если бы не случай с этими детьми, борьба никогда не велась бы с таким ожесточением. Виконт – храбрый и прекрасный молодой человек, но старик – настоящий изверг. Крестьяне называют эту войну борьбой архангела Михаила против Вельзевула; вам, быть может, известно, что архангел Михаил особенно почитается в этой стране; его имени посвящен большой утес, возвышающийся в бухте из воды. По распространенному в народе преданию, он убил дьявола и зарыл его тело под другой горой, недалеко отсюда, которая зовется «Могильной».

– Да, да, знаю, – проговорил путник и продолжал как бы про себя: – Гора называется могильной, «tombelaine». Может быть, это название происходит также от латинского «Tumba Beleni», то есть могила Ваала или Вельзевула.

– Я вижу, что вам знакомы эти подробности, – сказал трактирщик и прибавил про себя: «Он знает по-латыни! Ну конечно же, это поп!» Так вот, гражданин, – продолжал он, – в глазах крестьян возобновляется именно борьба святого Михаила против Вельзевула. Само собою разумеется, что для них святой Михаил – это роялистский генерал, а Вельзевул – это предводитель республиканцев. На деле же, если здесь есть дьявол, то это Лантенак, а если есть ангел, то это

Говэн. Ах, я совсем было забыл спросить вас, гражданин, не желаете ли вы поужинать?

– Спасибо; у меня есть кусок хлеба и фляжка с вином. Но вы ничего не сказали мне о том, что происходит в Доле.

– А вот что. Говэн командует экспедиционным отрядом, предназначенным для операций вдоль побережья. Цель Лантенака заключалась в том, чтобы поднять всю страну, чтобы опереть Нижнюю Бретань на Нижнюю Нормандию, чтобы открыть доступ в страну англичанам и привести на помощь двумстам тысячам восставших вандейцев английский вспомогательный корпус в 20 000 человек. Говэн расстроил весь этот план. Он занял побережье и оттесняет Лантенака внутрь страны, а англичан – в море. Недавно еще Лантенак был здесь, но Говэн выбил его; он отнял у него Пантобо, прогнал его из Авранша и Вильдье, не допустил до Гранвилля. Теперь он разными маневрами старается загнать его в Фужерский лес и там окружить. До сих пор все шло хорошо. Не далее как вчера Говэн был здесь со своей колонной. Но вдруг старик сделал ловкий маневр, и, как слышно, идет теперь к Долю. Если ему удастся взять этот город и установить на близлежащей горе батарею, – а при его отряде есть артиллерия, – то англичанам можно будет здесь высадиться, и все будет потеряно. Поэтому, так как нельзя было терять ни минуты, то Говэн, человек очень способный, быстро, никого не спрашиваясь и не дожидаясь приказаний, принял самостоятельное решение: велел седлать лошадей и запрягать

орудия, собрал свой отряд, и в то самое время, когда Лантенак собрался атаковать Долю, двинулся вперед, чтобы атаковать Лантенака. В Доле оба этих упрямых бретонца должны столкнуться лоб в лоб. Удар будет сильный! В настоящее время они уже должны быть там.

– А за сколько времени можно добраться отсюда до Доля?

– Для отряда с обозом, по крайней мере, нужно три часа.

Но они уже там.

– Действительно, мне кажется, будто я слышу пушечную пальбу, – сказал путник, прислушиваясь.

– Да, гражданин, – подтвердил трактирщик, вслушиваясь в свою очередь. – Слышна даже и ружейная перестрелка, точно разрывают пополам холст. Вам бы лучше переночевать здесь. Что вам там делать?

– Нет, я не могу медлить. Мне необходимо продолжать путь.

– Напрасно! Я не знаю, какие у вас там дела, но риск очень велик, и если только дело не идет о том, что для вас всего дороже на свете...

– Именно об этом-то и идет дело, – перебил его всадник.

– Например, о вашем сыне...

– Почти что так, – проговорил всадник.

Трактирщик поднял голову и проговорил про себя: «Этот гражданин, однако, поразительно похож на священника! – И, немного подумав, он прибавил про себя: – Впрочем, что ж! Встречались примеры, что и у священников бывали дети».

– Взнуздайте мою лошадь, – проговорил путник. – Сколько вам с меня следует?

Трактирщик ответил и получил деньги. Он отодвинул колыду и ведро к забору, снова приблизился к путешественнику и произнес:

– Так как вы решили ехать дальше, то послушайте моего совета. Вы, очевидно, едете в Сен-Мало; ну, так не ездите на Доль. В Сен-Мало ведут две дороги: одна – через Доль, другая – вдоль морского берега. Обе они одинаковой длины. Прибрежная дорога проходит через Сен-Жорж-де-Брээн, Шерюэ и Ирель-Вивье; Доль останется у вас к югу, Канкаль – к северу. В конце улицы, гражданин, будет развилка: налево пойдет дорога на Доль, направо – дорога на Сен-Жорж. Послушайтесь меня; если вы поедете к Долю, вы рискуете быть убитым. Поэтому не берите влево, берите вправо.

– Спасибо, – сказал путник и дал шпоры своей лошади.

За время остановки его на постоялом дворе уже совсем стемнело, и потому трактирщик скоро потерял его из виду.

Когда путник доехал до конца улицы, он услышал голос трактирщика, кричавшего ему издали: «Поезжайте направо!»

Он повернул налево.

II. Доль

Доль, «испанский город во Франции, в Бретани», как зна-

чится в старинных документах, собственно, не город, а только улица, длинная готическая улица³⁷², по обеим сторонам которой возвышаются дома с колоннами, не составляющие, впрочем, прямой линии, а то выдающиеся в широкую улицу, то отступающие назад. Вся остальная часть города составляет лишь сеть переулков и тупиков, выходящих на эту большую улицу и напоминающих собою ручейки, вливающиеся в реку. Город был совершенно открытый, не имел ни стен ни ворот; кроме того, над ним господствовала гора Мон-Доль, так что он не мог бы выдержать осады; но на улице можно было, благодаря топографическим особенностям, держаться довольно долго. Выступы домов, которые можно было видеть еще пятьдесят лет тому назад, и тянувшиеся по обеим сторонам колоннады, были очень удобны для обороны. Сколько домов, столько и цитаделей, и неприятелю приходилось брать каждую из них поочередно. Старый рынок находился приблизительно посередине улицы.

Трактирщик в Круа-Браншаре не ошибся: в то время, как он беседовал с путником, в Доле происходила ожесточенная схватка; в нем внезапно начался ночной поединок между белыми, занявшими город с утра, и синими, прибывшими к вечеру. Силы обеих сторон были неравны: белых было шесть

³⁷² Готическое зодчество (готика) – художественный стиль, существовавший в Западной Европе в XII–XV вв., на смену которому пришла культура эпохи Возрождения. Собор был главным средоточием готического изобразительного искусства – архитектуры, скульптуры и живописи (преимущественно в виде витражей).

тысяч, синих же – всего полторы тысячи; но зато ожесточение было одинаково с обеих сторон. Интересно было то, что не шесть тысяч атаковали полторы тысячи, а наоборот.

С одной стороны была беспорядочная толпа, с другой – правильный строй. С одной стороны шесть тысяч крестьян, с вышитым у них на кожаных куртках сердцем Иисуса, в шляпах, обвитых белыми лентами, с евангельскими текстами на знаменах и четками на кушаках. Шесть тысяч простых мужиков, вооруженных по большей части вилами и лишь изредка ружьями, да и то без штыков, тащивших за собой на веревках орудия, плохо одетых, плохо обученных, плохо вооруженных, но неистовых. С другой стороны – полторы тысячи солдат, в треуголках с трехцветной кокардой, с загнутыми полями и отворотами, в перевязях крест-накрест, вооруженных тесаками с медными рукоятками и ружьями с примкнутыми штыками, вымуштрованных, умевших держать правильный строй, дисциплинированных, хотя и свирепых в бою, умевших одинаково хорошо и командовать и повиноваться, тоже своего рода волонтеры, но волонтеры отечества, одетые, впрочем, в лохмотья и босоногие. За монархию стояли крестьяне-рыцари; за революцию – босоногие герои; и душой каждой из этих армий был ее начальник: у роялистов – старик, у республиканцев – молодой человек; с одной стороны – Лантенак, с другой – Говэн. У революции, рядом с молодыми гигантами, какими были Дантон, Сен-Жюст, Робеспьер, соседствовали и молодые идеалисты, как,

например, Гош и Марсо³⁷³. К числу последних принадлежал и Говэн.

Говэну было тридцать лет. У него было телосложение Геркулеса, взгляд пророка и улыбка ребенка. Он не курил, не пил, не говорил бранных слов. Он возил с собой во время похода туалетную шкатулку; он очень заботился о своих ногтях, о своих зубах, о своих темно-русых красивых волосах; во время привала он сам чистил свой мундир, простреленный пулями и побелевший от пыли. Хотя он бросался очертя голову в самое пекло боя, но он ни разу не был ранен. Голос его, по природе мягкий, отчетливо раздавался во время сражения. Он подавал своим солдатам пример, ложась отдыхать на голой земле, под дождем, в снег и в ветер, завернувшись в плащ и положив свою красивую голову на камень. Это была героическая и невинная душа. Бросаясь в атаку, он совершенно преображался. У него в лице было что-то женственное, что делает человека во время боя страшным. Вместе с тем он был мыслитель и философ, молодой мудрец. Взглянуть на него – Алкивиад³⁷⁴, послушать его – Сократ.

В той великой импровизации, которая называется Великой французской революцией, этот молодой человек сразу

³⁷³ Марсо Франсуа Соверин (1769–1796) – французский генерал. Участник взятия Бастилии, воевал в Вандее, откуда был отозван за гуманное отношение к повстанцам. Впоследствии воевал на Рейне, погиб в бою.

³⁷⁴ Алкивиад (ок. 450 – ок. 404 гг. до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец. Инициатор катастрофического похода в Сицилию. Неоднократно переходил на сторону Спарты и обратно.

же проявил свои военные дарования. Сформированный им отряд представлял собою, подобно римскому легиону, маленькую армию. Он состоял из пехоты и кавалерии; при нем были разведчики, саперы, понтонеры. Подобно тому, как при каждом римском легионе были катапульти, при этом отряде были пушки. Три конных орудия придавали отряду силу, не лишая его подвижности.

Лантенак тоже был недюжинный военачальник. Он был рассудительнее и даже смелее своего племянника. Истинные старые герои бывают обыкновенно холоднее молодых, так как они уже далеки от утренней зари, и смелее, потому что они ближе к заре вечерней. Что они, собственно, теряют? Почти ничего! Этим объясняются смелые, хотя в то же время и искусные маневры Лантенака. Но почти всегда в этом упорном поединке старика и молодого человека перевес оставался на стороне последнего. Впрочем, это скорее следует приписать счастью, чем чему-либо другому. Счастье вообще благоприятствует молодости. В этом отношении победа похожа на женщину.

Лантенак ненавидел Говэна всеми фибрами своей души: во-первых, за то, что тот его побеждал, а во-вторых, за то, что он был ему родственник. И что за фантазия пришла этому Говэну, этому молокососу, стать якобинцем! Да к тому же еще он был наследник Лантенака, так как у последнего не было детей, и он когда-то считал Говэна как бы своим сыном. «О-о, – ворчал про себя дядюшка, – если он попадетя в мои

руки, я убью его, как собаку!»

Республика имела, впрочем, все основания беспокоиться по поводу этого маркиза Лантенака. Не успел он высадиться на берега Бретани, как уже заставил всех трепетать. Его имя пробежало по Вандее, точно дорожка из пороха, и Лантенак сразу же сделался центром мятежа. В подобного рода восстании, где все ревниво относятся друг к другу и где каждый держится своего оврага или своего кустарника, непременно должна быть личность, стоящая выше других, которая могла бы сплотить вокруг себя всех остальных, равных между собою предводителей. Почти все остальные вожди сразу же подчинились Лантенаку и слушались его и вблизи и издали. Только один из них покинул его, и это был первый присоединившийся к нему – Гавар. Почему? А потому, что Гавар знаком был со всеми тайнами и планами предыдущего этапа войны, которые Лантенак хотел изменить и упразднить. Он не хотел подчиняться Лантенаку и отправился в Нормандию, к Боншану.

Лантенак, как военачальник, придерживался школы Фридриха Великого и старался вести одновременно и большую и малую войну. Он не хотел и слышать ни о «нестройной массе», какую, собственно, представляла собою католическая и королевская армия, представлявшая собою отличный объект для истребления, ни о разбрасывании вооруженных сил по чащам и кустарникам, что могло утомлять неприятеля, но не в состоянии было уничтожить его. Партизанская война

не может иметь решающего влияния: начинается она с нападения на республику и оканчивается нападением на дилижанс. Лантенак не понимал ни системы ведения войны исключительно в открытом поле, как вел ее Ларошжаклен, ни ведения ее исключительно в лесах, как ее вел Жан Шуан. Он желал войны настоящей, он желал пользоваться крестьянином, но опираться на солдата. Он желал, чтобы были банды для малой войны и полки для войны регулярной. Он находил очень полезными для внезапных нападений и для засад эти отряды поселян, собирающиеся и рассеивающиеся с одинаковой быстротой, но он находил их недостаточно стойкими; они в его глазах имели слишком большое сходство с жидкостью; он считал необходимым иметь более плотный состав армии; он желал присоединить к беспорядочной армии лесных дикарей регулярное войско, которое представляло бы собою как бы ось для маневров крестьян. Это была во всяком случае глубокая и опасная мысль; если бы ее удалось осуществить, то Вандея оказалась бы непобедимой.

Но откуда взять регулярное войско, откуда взять солдат, как образовать полки? По глубокому убеждению Лантенака, в этом отношении могла бы помочь только одна Англия, и поэтому он не переставал хлопотать об английском десанте. Когда в деле замешаны партийные страсти, совесть легко идет на компромиссы; из-за белой кокарды Лантенак не видел красного мундира. У Лантенака была только одна забота: овладеть каким-нибудь прибрежным пунктом и предо-

ставить его Питту. Поэтому-то, узнав, что Доль не защищен, он бросился к Долью в надежде овладеть после этого городка и господствовавшей над ним горой, а этим путем – и частью побережья.

Место было выбрано удачно. Из орудий, поставленных на Дольской горе, можно было обстреливать с одной стороны Френуа, с другой – Сен-Брелад, не подпускать к берегу канкальскую эскадру и очистить весь берег для возможного десанта, начиная от Роз-сюр-Куэнона и до Сен-Мелуар-Дезонда. Для того чтобы сделать возможным осуществление этой решительной попытки, Лантенак привел с собой шесть с небольшим тысяч человек, выбрав их из самых надежных людей, а также всю свою артиллерию, то есть десять шестнадцатифунтовых, одно восьмифунтовое и одно полевое четырехфунтовое орудия. Он намеревался поставить батарею на Дольской горе, не без основания полагая, что тысяча выстрелов из десяти орудий могут принести больше пользы, чем полторы тысячи выстрелов из пяти.

Успех казался ему несомненным. При нем было шесть тысяч человек. Опасаться можно было со стороны Авранша только Говэна с его полутора тысячами человек, и со стороны Динана – Лешелля. Правда, у Лешелля было двадцать тысяч человек, но он был еще в двадцати милях. Поэтому, несмотря на превосходство сил Лешелля, Лантенак считал себя с этой стороны в безопасности ввиду значительного расстояния, а со стороны Говэна – благодаря незначительно-

сти сил неприятеля. Нужно еще к этому добавить, что Лешелль был человек бездарный и что несколько позднее он допустил истребить свой двадцатитысячный отряд в Круа-Батайльской равнине, сам покончив жизнь самоубийством.

Итак, Лантенак имел основание считать себя в полной безопасности. Неожиданное вступление его в Доль навело ужас на жителей, так как он пользовался репутацией безжалостного и жестокого человека. Городское население даже и не пыталось сопротивляться, и испуганные обыватели заперлись в своих домах. Шесть тысяч вандейцев расположились беспорядочным бивуаком на городских улицах, не имея ни квартирьеров ни отведенных для постоя определенных помещений, варя себе пищу под открытым небом, отставив ружья для молитв и проводя большую часть времени в церквях. Лантенак поспешил взойти с несколькими артиллерийскими офицерами на Дольскую гору, чтобы произвести рекогносцировку, оставив временным начальником в городе своего помощника Гуж ле Брюана.

Этот Гуж ле Брюан оставил по себе некоторый след в истории. Он имел два прозвища: «Истребитель синих», благодаря беспощадным убийствам, произведенным в рядах республиканцев, и «Иманус», благодаря тому, что в нем было что-то неестественно-ужасное. «Иманус» – слово, происходящее от латинского «immanis», – слово нижненормандское, обозначающее нечеловеческое, как бы сверхъестественное безобразие, демона, сатира, лешего. Нынешние старики в лес-

ной Бретани не знают уже ни Гуж ле Брюана, ни «Истребителя синих», но они смутно знакомы с «Иманусом», применяя его имя к местным предрассудкам. О нем говорят еще и в Трemorеле и в Плюмоге – двух селениях, в которых Гуж ле Брюан оставил после себя кровавые следы. В Вандее было немало дикарей, но Гуж ле Брюан был настоящий варвар. Это был какой-то ирокез, татуированный крестами и цветами лилий; на его лице четко отражалась безобразная, почти сверхъестественная душа, не похожая ни на какую другую людскую душу. В бою он отличался какою-то адскою храбростью, после окончания боя – такой же жестокостью. Сердце его было полно преданности тому делу, которому он взялся служить, и ярости ко всему остальному. Он рассуждал так же, как ползают змеи, то есть спиралью; он исходил от героизма для того, чтобы прийти к убийству. Трудно было угадать, что внушало ему его решения, порой чудовищные до величия. Свирепость его имела какой-то эпический характер. Этому-то он и был обязан своим прозвищем «Иманус».

Маркиз Лантенак доверял ему именно по причине его жестокости. Действительно, жестокость его была вне всякого сомнения; но что касается стратегии и тактики, то в этом отношении он стоял весьма невысоко, и, быть может, маркиз делал ошибку, выбирая его своим помощником. Как бы то ни было, но, удаляясь из городка, он оставил в нем Имануса своим заместителем. Тот, будучи не столько стратегом, сколько простым рубакой, был более способен передуть

всех жителей, чем защитить город. Однако он повсюду расставил часовых.

С наступлением вечера, когда Лантенак, осмотрев место для предполагаемой батареи, возвращался в Долю, он вдруг услышал ружейную пальбу. Он стал всматриваться: в стороне большой улицы виднелось красное зарево. Было ясно, что на город было сделано нападение и что на улицах происходит свалка.

Его нелегко было удивить, но здесь он был поражен. Он не ждал ничего подобного. Кто бы это мог быть? Очевидно, это не был Говэн, так как было бы безумием нападать на вчетверо сильнейшего неприятеля. Неужели это был Лешелль? Но в таком случае какой форсированный переход! Прибытие к Долю Лешелля было неправдоподобно, Говэна – невозможно.

Лантенак дал своей лошади шпоры. По дороге он повстречал бегущих обывателей. Он стал расспрашивать их, но они совершенно обезумели от страха. Впрочем, он разобрал из их криков слова: «Синие, синие!» Когда он прибыл в город, положение дел было отчаянное.

Вот что случилось.

III. Маленькая армия и большие сражения

По прибытии в Долю крестьяне, как сказано было выше,

рассеялись по всему городу, причем каждый заботился только о себе, как это всегда бывает, когда, по выражению вандейцев, «служишь из одной чести». При таком недостатке дисциплины возможны герои, но невозможны солдаты. Они убрали свои орудия под навесы старого рынка, а сами принялись есть, пить, молиться и, наконец, разбрелись по улицам городка, нимало не заботясь о караульной службе. Так как наступала ночь, то большая часть их заснула, положив под головы свои котомки, некоторые рядом со своими женами (в Вандее крестьянки нередко следовали за своими мужьями, исполняя отчасти разведывательную службу). Стояла теплая, июльская ночь, и звезды ярко блестели в глубокой синеве небес. Весь этот бивуак, скорее похожий на привал каравана, чем на военный стан, предался мирному сну. Вдруг, при слабом свете сумерек, те, которые не успели еще уснуть, увидели три орудия, поставленные в конце улицы.

То был Говэн. Он потихоньку подкрался к городу, снял часовых, и голова его колонны входила на главную улицу. Один из крестьян вскочил, воскликнул: «Кто идет?» и выпалил из своего ружья; ответом на это был пушечный выстрел. Затем начался сильный ружейный огонь. Вся задремавшая уже было армия вскочила на ноги. Неприятное пробуждение: уснуть под звездами и проснуться под картечью!

Первые минуты были ужасны. Ничто не может быть беспомощнее толпы, на которую напали врасплох. Все кинулось к оружию, кричали, бегали взад и вперед, многие па-

дали. Растерявшиеся крестьяне, сами не зная, что они делают, стреляли по своим же. Иные спросонок выходили из домов, опять входили в них, снова выходили и растерянно толкались в общей суматохе. Члены одного семейства громко звали друг друга по имени; мужчины, женщины, дети – все смешались в общей свалке. Сквозь ночную тьму свистели пули. Ружейная пальба раздавалась отовсюду. Повозки и телеги загромождали улицы; лошади становились на дыбы; под конскими копытами и под колесами повозок валялись раненые, испуская дикие вопли. Многие были объаты ужасом, всех охватила паника. Офицеры искали своих солдат, солдаты – офицеров. И среди всего этого можно было видеть примеры какого-то странного безучастия. Какая-то женщина кормила грудью своего ребенка, сидя возле забора, к которому прислонился муж ее, раненный в ногу, не обращающий внимания на свою рану, спокойно заряжавший свое ружье и стрелявший наугад в темноту. Иные, лежа ничком, стреляли между повозок. По временам возгласы усиливались, и все это покрывалось громким гулом пушек. Вообще происходило нечто страшное. Все, точно валежник в лесу, падало в кучу. Говэн, расположив войска за укрытием, бил картечью и нес ничтожные потери.

Наконец, храбрая, но беспорядочная толпа крестьян несколько пришла в себя и организовала оборону; она отступила к рынку, обширному и темному зданию, представлявшему собою целый лес каменных столбов. Там она снова

сделалась стойкой: все, что напоминало собой лес, внушало ей доверие. Иманус старался, как умел, заменить отсутствующего Лантенака. У них была при себе артиллерия, но, к великому удивлению Говэна, они ею не пользовались; происходило же это вследствие того, что все артиллерийские офицеры отправились вместе с Лантенаком осматривать Дольскую гору, а крестьяне без их указаний не знали, как управляться с орудиями, но зато они осыпали пулями осыпавших их картечью республиканцев. Крестьяне, находясь теперь под прикрытием, отвечали ружейным огнем на неприятельскую картечь. Они построили себе баррикаду из ящиков, телег, тюков, бочек, найденных ими на старом рынке, проделав в ней отверстия, сквозь которые они просовывали свои карабины. Из-за этого укрытия они открыли убийственный огонь. Все это совершилось с необыкновенной быстротой, и через четверть часа здание рынка представляло собою неприступную крепость.

Дело принимало для Говэна серьезный оборот. Этот рынок, внезапно превратившийся в цитадель, не входил в его расчеты. Крестьяне собрались здесь плотной массой. Говэну удалось напасть на них врасплох, но не удалось обратить в беспорядочное бегство. Он сошел с коня и, скрестив на груди руки, освещенный факелом, зажженным на его батарее, пристально всматривался в темноту. При свете факела его высокая фигура была прекрасно видна защитникам баррикады, представляя собою отличную цель; но он об этом не

думал. Град пуль, сыпавшихся с баррикады, падал вокруг погруженного в задумчивость Говэна.

Но ружьям приходилось иметь дело с пушками. Победа всегда останется на стороне артиллерии. Правильно используемые орудия обеспечивали ему победу. Вдруг из темной массы рынка блеснула точно молния, раздался как бы громовой удар, и пушечное ядро пробило стену над самой головой Говэна. Оказалось, что баррикада стала отвечать пушечной пальбой на пушечную.

Что такое случилось? Что это означало? Значит, теперь артиллерия была не на одной только стороне.

Второе ядро последовало за первым и врезалось в стену в нескольких шагах от Говэна. Третье ядро снесло с его головы шляпу. Эти ядра были большого калибра. Стреляли из 16-фунтового орудия.

– В вас метят, полковник, – закричал ему артиллерист и поспешил потушить факел. Говэн в задумчивости нагнулся, чтобы поднять свою шляпу.

Действительно, в Говэна кто-то целился. То был Лантенак, только что прибывший на баррикаду с противоположной стороны.

– Ваше сиятельство, на нас напали врасплох, – крикнул Иманус, подбегая к нему.

– А что, дорога на Динан свободна?

– Кажется, свободна.

– Нужно начать отступление.

– Оно уже началось. Многие уже уходят по этой дороге.

– Не бежать нужно, а отступить. Почему вы не используете артиллерию?

– В первую минуту расчеты растерялись, и к тому же не было ни одного офицера.

– Я сейчас сам отправлюсь туда.

– Ваше сиятельство, я направил в Фужер обозы и женщин, – словом, все ненужное. Что прикажете делать с тремя маленькими пленниками?

– А-а, с этими ребятами! Они нам служат заложниками. Отправьте их в Тург.

Затем маркиз отправился на баррикаду. С прибытием начальника все приняло совершенно иной вид. Баррикада была неудобно устроена, и в ней нельзя было поместить более двух орудий. Маркиз велел поставить здесь два шестнадцатифунтовых орудия и устроить для них амбразуры. Перегнувшись через одно из орудий, чтобы рассмотреть неприятельскую батарею, он заметил Говэна и воскликнул:

– А-а, это он!

Он сам взял в руки банник, почистил ствол, зарядил его, навел орудие и выстрелил. Три раза он целился в Говэна, но не мог попасть в него. Третье ядро только сбilo с Говэна шляпу.

– Какой я неловкий! – пробормотал Лантенак. – Чутьочку пониже, и я снес бы ему голову.

Вдруг факел потух, и он больше ничего не мог разглядеть.

– Ладно, – проговорил он и крикнул, обращаясь к крестьянам-артиллеристам: – Картечь!

Тем временем Говэн все больше и больше беспокоился. Положение становилось серьезным. Бой вступал в новую фазу, батарея роялистов уже стала обстреливать его. Почему знать, не собираются ли они перейти от обороны к наступлению? Он имел пред собою, даже если вычесть убитых, раненых и убежавших, по крайней мере, пять тысяч человек, а у него было всего тысяча двести. Что станет с республиканцами, если неприятель убедится в их малочисленности? Роли не замедлят поменяться: теперь он напал, тогда нападать станут на него. Стоило только роялистам сделать вылазку из здания рынка, и все погибло.

Что было делать? Нечего было и думать о том, чтоб атаковать баррикаду с фронта при таком неравенстве сил: с тысячью двумястами человек трудно выбить пять тысяч человек. Действовать напролом было рискованно, ждать было еще опаснее. Нужно было что-то делать. Но что?

Говэн был местный уроженец. Он был хорошо знаком с городом и знал, что позади рынка находится целый лабиринт узких и извилистых улиц. Он обратился к своему помощнику, тому самому храброму капитану Гешану, прославившемуся впоследствии тем, что он очистил от вандейцев Консизский лес, в котором родился Жан Шуан, и помешал бунтовщикам взять Бургнёф, загородив им проход по шоссе мимо Шенского пруда.

– Гешан, – сказал он, – я передаю вам командование. Старайтесь поддерживать по возможности сильный огонь и сбить, если возможно, баррикаду пушечными выстрелами. Вообще старайтесь отвлечь внимание этих мужиков.

– Понял, господин полковник, – ответил Гешан.

– Постройте колонну, прикажите зарядить ружья и будьте наготове к атаке. – И затем он сказал еще несколько слов на ухо Гешану.

– Понял, господин полковник, – повторил Гешан.

– Все ваши барабанщики налицо? – спросил Говэн.

– Все, господин полковник.

– Их у нас девять. Оставьте себе двоих, а семерых дайте мне.

Семь барабанщиков молча вышли из рядов и выстроились перед Говэном. Затем последний воскликнул:

– Батальон Красной Шапки, ко мне!

Двенадцать человек, в том числе один сержант, выступили из рядов на несколько шагов вперед.

– Я звал весь батальон, – заметил Говэн.

– Здесь он весь, – ответил сержант.

– Как, неужели вас только двенадцать?

– Нас осталось только двенадцать, – проговорил сержант.

– Хорошо, – сказал Говэн.

Сержант был тот добрый, хотя и грубоватый Радуб, который от имени батальона усыновил трех малюток, найденных в Содрэйском лесу. Целая половина этого батальона бы-

ла, как, быть может, помнит читатель, уничтожена на ферме Эрб-ан-Пайль, но Радуб по какой-то счастливой случайности уцелел.

Недалеко от этого места стояла повозка фуражиров. Говэн указал на нее пальцем сержанту.

– Радуб, – сказал он, – прикажите вашей команде обмотать свои ружья соломой, чтобы при ходьбе не было слышно их бряцания.

Через минуту это приказание было исполнено в потемках и среди глубокого молчания.

– Ваше приказание выполнено, – доложил сержант.

– Солдаты, снимите с себя башмаки, – скомандовал Говэн.

– Да у нас их и нет, – ответил сержант.

Вместе с семью барабанщиками образовался небольшой отряд в девятнадцать человек; Говэн был двадцатым. Он скомандовал:

– Выстроиться в одну шеренгу. Следовать за мной. Сначала барабанщики, а затем батальон. Сержант, вы будете командовать батальоном.

Он встал во главе колонны, и пока артиллерийский огонь поддерживался с обеих сторон, эти двадцать человек, пробираясь точно тени, углубились в пустынные переулки городка. Они некоторое время шли, держась как можно ближе к стенам домов. Весь город точно вымер; обыватели забились в погреба. Все двери были заперты, все оконные ставни были закрыты; нигде не было видно света.

И среди этого молчания шум на большой улице казался еще сильнее. Пушечная стрельба продолжалась; республиканская батарея и роялистская баррикада продолжали неистово извергать смерть из своих орудий.

После двадцатиминутной ходьбы по извилистым улицам Говэн, ведший свой небольшой отряд с большой уверенностью, несмотря на темноту, дошел до конца переулка, выходящего на главную улицу, но только с противоположной стороны рынка. Позиция неприятеля была обойдена. Говэн и его небольшой отряд имели перед собой пять тысяч вандейцев, но только с тыла, а не с фронта. Он что-то сказал вполголоса сержанту. Солдаты отвязали солому, обмотанную вокруг ружей; двенадцать grenadier выстроились за углом переулка, а семь барабанщиков собирались забить наступление по первому сигналу.

Артиллерийские залпы производились с равными промежутками. Вдруг, в один из этих промежутков, Говэн поднял свою шпагу и голосом, звучавшим особенно громко среди наступившей на минуту мертвой тишины, он скомандовал:

– Двести человек направо, двести – налево, все остальные – прямо!

Раздалось двенадцать ружейных выстрелов, а семь барабанов забили дробь.

– В штыки! Вперед! Марш! – раздалась страшная для «белых» команда Говэна.

Эффект был поразительный. Вся эта орава крестьян,

услышав у себя в тылу такие зловещие слова, вообразила, что к республиканцам подоспела на помощь чуть ли не целая армия. В то же самое время, услышав барабанную дробь, часть республиканского отряда, оставшаяся возле рынка под начальством Гешана, тоже забила в барабаны и двинулась беглым шагом в атаку. Крестьяне увидели себя между двух огней. Паника имеет свойство представлять все в преувеличенном виде; во время паники пистолетный выстрел кажется пушечным залпом, всюду мерещатся призраки, принимаемые за живых людей, собачий лай представляется рыканием льва. Нужно еще заметить, что страх охватывает крестьянина так же легко, как огонь соломенную крышу; крестьянин не способен к правильному отступлению – он сейчас же обращается в беспорядочное бегство. Именно это и произошло.

В несколько мгновений площадь опустела, повстанцы побежали беспорядочными толпами и поодиночке. Офицеры ничего не могли поделать. Иманус попробовал было убить двух или трех беглецов, но это ни к чему не повело. Со всех сторон раздавались крики: «Спасайся, кто может!», и вся армия рассеялась по улицам и закоулкам, словно вода сквозь решето, стараясь выбраться из города. Одни бежали по направлению к Шатонефу, другие – к Плергэ, третьи – к Антрэну.

Маркиз Лантенак был свидетелем этой паники. Он собственноручно заклепал орудия и затем удалился медленными и спокойными шагами, бормоча сквозь зубы:

– Нет, с одними мужиками решительно ничего не поделаешь! Без англичан нам не обойтись.

IV. Во второй раз

Победа была полная. Говэн обратился к остаткам батальона Красной Шапки и сказал им:

– Вас всего двенадцать человек, но вы стоите целой тысячей.

В те времена похвала начальника была высшей наградой.

Гешан, посланный Говэном для преследования беглецов, захватил много пленных. Затем были зажжены факелы и начались поиски в городе. Все, кто не успел бежать, сдались. На улицах немедленно развели костры: оказалось, что они были покрыты множеством убитых и раненых. Кое-где небольшие группы продолжали еще сопротивляться; их окружили, и они положили оружие.

Говэн успел заметить среди беспорядочного бегства какого-то храброго, ловкого и сильного человека, который прикрывал бегство других, но сам и не думал бежать. Крестьянин этот энергично действовал ружьем, стреляя и отбиваясь прикладом, который, наконец, и сломал; тогда он схватил в одну руку пистолет, а в другую – саблю. Все боялись подступиться к нему. Вдруг Говэн заметил, что он зашатался и прислонился к одному из столбов. Он, очевидно, был только что ранен, но не выпускал из рук своей сабли и своего пистоле-

та. Говэн взял свою шпагу подмышку, направился к нему и сказал:

– Сдавайся!

Человек этот пристально взглянул на него. Из-под его одежды сочилась кровь, которая образовала уже порядочную лужу у его ног.

– Ты мой пленник, – продолжал Говэн.

Вандеец продолжал молчать.

– Как тебя звать?

– Мое прозвище «Пляска Тени», – ответил раненый.

– Ты молодец, – проговорил Говэн и протянул ему руку.

– Да здравствует король! – громко воскликнул вандеец и, собрав последние свои силы, разом поднял обе свои руки, выстрелил в Говэна из пистолета и ударил его по голове саблей.

Он сделал все это с быстротою тигра; но кто-то оказался еще быстрее его. Это был всадник, прибывший несколько минут тому назад и на которого до сих пор никто не обратил внимания. Человек этот, увидев, что вандеец поднимает на Говэна саблю и пистолет, бросился между ними. Не будь его – Говэн был бы убит. Пуля попала в лошадь всадника, а сабельный удар в него самого, и оба они упали. Все это произошло среди полнейшей тишины. Вандеец, с своей стороны, повалился на мостовую. Сабельный удар пришелся всаднику поперек лица; он без чувств упал вместе с лошадыю, которая оказалась убитой наповал.

– Кто бы мог быть этот человек? – проговорил Говэн, приближаясь к распростертому на мостовой всаднику и всматриваясь в него. Но все лицо всадника было залито кровью, струившейся из раны, так что невозможно было его разглядеть. Видны были только седые волосы.

– Человек этот спас мне жизнь, – продолжал Говэн. – Не знает ли его кто-нибудь из вас?

– Господин полковник, – проговорил один из солдат, – этот человек только что прибыл в город. Я видел, как он въезжал по Понторсонской дороге.

Подошел полковой врач со своими инструментами. Раненый все еще лежал без чувств. Врач осмотрел его и проговорил:

– Рана не опасна. Это пустяки. Только рассечена кожа. Мы наложим ему перевязку, и через неделю он будет на ногах. Сабельный удар, однако, сильный.

Раненый был закутан в плащ, из-под которого виднелись трехцветная перевязь, пара пистолетов и сабля. Его положили на носилки и стали раздевать. Врач велел принести ведро воды и обмыть рану. Скоро можно было различить черты его лица. Говэн всматривался в него с напряженным вниманием.

– Нет ли при нем каких-нибудь бумаг? – спросил он.

Врач ощупал боковой карман и вынул из него бумажник, который и подал Говэну. Тем временем раненый, которого освежила холодная вода, начал приходить в себя, и веки его стали подергиваться.

Говэн начал рассматривать бумажник. Он нашел в нем сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и прочел:

«Комитет общественного спасения. Гражданин Симурдэн»...

– Симурдэн! – воскликнул он.

Этот возглас заставил раненого открыть глаза.

– Как! Симурдэн! Это вы! – твердил Говэн. – Во второй раз вы спасаете мне жизнь.

Симурдэн взглянул на Говэна, и его окровавленное лицо озарилось радостной улыбкой.

Говэн опустил на колени перед раненым и воскликнул:

– Мой учитель!

– Твой отец, – проговорил Симурдэн.

V. Капля холодной воды

Они не видались в течение многих лет, но сердцем никогда не расставались. Они сразу же узнали друг друга, как будто расстались не далее как вчера.

В здании Дольской ратуши был устроен походный лазарет. Симурдэна положили на кровать в небольшой комнатке, смежной с большой залой, превращенной в общую палату для раненых. Врач, зашив рубец, объявил, что Симурдэн нуждается в покое, и тем положил конец взаимным изливаниям чувств; к тому же Говэну необходимо было сделать распоряжения, обусловленные его должностью. Симурдэн остался

один; но он не спал, охваченный лихорадкой от раны и волнением от радости.

Он не спал, а между тем ему казалось, будто он видит сон. Может ли это быть? Его сны сбываются наяву. Симурдэн никогда не верил в возможность большого выигрыша, а между тем этот выигрыш выпал на его долю. Он снова нашел Говэна! Он покинул его ребенком и нашел его теперь молодым человеком, храбрым, отважным, уважаемым; он нашел его торжествующим и торжествующим за народное дело. Говэн являлся в Вандее точкой опоры для революции, и не кто иной, как он, Симурдэн, воспитал его для служения республике. Этот победитель – его воспитанник. В этом молодом человеке, предназначенном, быть может, для украшения республиканского Пантеона, он видел отражение своих мыслей; его ученик, его духовный сын, уже теперь герой, а со временем станет гордостью нации; Симурдэну казалось, будто его собственная душа превратилась в гения. Он только что видел собственными глазами Говэна в роли военачальника; ему казалось, будто он – Хирон³⁷⁵, видевший подвиги своего ученика Ахилла.

Все случайности его ранения, вместе с бессонницей, наполняли душу Симурдэна каким-то таинственным опьяне-

³⁷⁵ Хирон – мудрый, справедливый и благожелательный к людям кентавр. Согласно мифам, являлся наставником и воспитателем знаменитых греческих героев, в число которых входили Ахилл, Асклепий, Язон. Во время охоты его случайно ранил отравленной стрелой Геракл. Яд причинял Хирону такие мучения, что он предпочел умереть, отказавшись от бессмертия в пользу Прометея.

нием. Он видел перед своими глазами восходящее светило, и что его особенно радовало, это светило было отчасти его созданием; еще один такой подвиг, как тот, свидетелем которого он только что был, и Симурдэну достаточно будет произнести одно слово, для того чтобы республика поставила Говэна во главе целой армии. Ничто не ослепляет так, как успех. Это было время военных мечтаний; всякому хотелось создать великого полководца. Дантон желал создать Вестермана, Марат желал создать Россиньоля³⁷⁶, Эбер желал создать Ронсена, Робеспьер желал всех их уничтожить. «Чем же Говэн хуже других?» – размышлял Симурдэн и впадал в глубокую задумчивость. Перед ним открывались безграничные горизонты; он переходил от одной гипотезы к другой; все препятствия исчезали; если кто один раз поставил ногу на нижнюю ступень этой лестницы, то ничто уже не может заставить его остановиться; он может только подниматься все выше и выше, он может добраться до звездного пространства. Генерал – только начальник армии; но великий полководец в то же время повелитель идей; а Симурдэн уже видел в Говэне великого полководца. Он уже мысленно видел – мечта возносится далеко – Говэна в океане, преследующим англичан; на Рейне – отражающим монархическую коалицию; у подножия Пиренеев – разбивающим испанцев; за

³⁷⁶ Россиньоль Жан Антуан (1759–1802) – французский политический деятель. Отличился при взятии Бастилии, командовал республиканскими войсками в Вандее. После переворота 18 брюмера был сослан в Африку, где и умер.

Альпами – восстанавливающей Римскую республику. В Симурдэне скрывалось два человека – нежный и суровый, и оба эти человека были довольны, так как он видел Говэна одновременно и покрытым славой и внушающим ужас. Симурдэн был убежден в том, что прежде, чем создавать, нужно разрушать, и он сам себе говорил, что теперь не время для сантиментов. Говэн, конечно, окажется «на высоте своей задачи», как тогда говорили. Симурдэн воображал себе Говэна в светлом ореоле, рассеивающим мрак, носящимся по горизонту, точно метеор, парящим по воздуху на крыльях справедливости, разума и прогресса, с мечом в руке, точно ангел-истребитель.

Среди этих мечтаний, сказать по правде, в достаточной степени бредовых, он расслышал сквозь полуотворенную дверь голоса в большой комнате походного лазарета, смежной с его комнатой. Он узнал голос Говэна. Этот голос, несмотря на многие годы разлуки, никогда не переставал звучать в его ушах, и в голосе взрослого мужчины он узнал голос ребенка. Он стал прислушиваться. Послышался топот шагов, и он услышал, как какой-то солдат говорил:

– Господин полковник, вот человек, который стрелял в вас. Он успел незаметно пробраться в какой-то погреб, но мы разыскали его. Вот он.

Дале Симурдэн расслышал следующий диалог между Говэном и пленником:

– Ты ранен?

– Не настолько серьезно, чтобы нельзя было меня расстрелять.

– Уложите его в постель. Перевяжите его рану и позаботьтесь о нем.

– Я желаю умереть.

– Нет, ты не умрешь. Ты желал убить меня во имя короля; я дарю тебе жизнь во имя республики.

Чело Симурдэна омрачилось. Он как бы пробудился от глубокого сна и пробормотал мрачным и печальным голосом:

– Да, действительно, он из породы милосердных.

VI. Излечены телесные раны, но не душевные

Рубец скоро заживет. Но был один человек, раненный гораздо серьезнее, чем Симурдэн: это была расстрелянная женщина, которую нищий Тельмарк поднял в большой луже крови на ферме Эрб-ан-Пайль.

Положение Михалины Флешар было гораздо хуже, чем предполагал Тельмарк. Рана, полученная ею в грудь, была сквозная, и пуля вышла через спину, пробив лопатку; другая пуля разбила ей ключицу, третья – попала в плечевую кость. Однако легкие не были задеты, и поэтому она могла выздороветь. Крестьяне называли Тельмарка «философом», что в их устах означало, что они считали его отчасти врачом,

отчасти знахарем, отчасти колдуном. Он стал ухаживать за раненой в своей берлоге, устланной вереском, используя так называемые «простые» средства, и, благодаря его заботам, она стала поправляться. Ключица срослась, раны на груди и на плече затянулись, и через несколько недель раненая была уже на ногах.

Однажды утром она вышла из берлоги Тельмарка, опираясь на его руку, и уселась на солнышке под группой деревьев. Тельмарк почти ничего не знал о ней, так как раны в грудь требуют полного молчания, и за все время лечения она произнесла всего несколько слов. Когда она собиралась говорить, Тельмарк заставлял ее молчать. Но ее, очевидно, сильно заботила какая-то мысль, и Тельмарк видел по ее глазам, что что-то раздирает ее сердце. В это утро она чувствовала себя особенно хорошо и могла даже ходить почти без поддержки. Уход за больными сближает людей, и Тельмарк смотрел на нее почти с отеческой нежностью. Этот добрый старик стал улыбаться и сам заговорил с нею.

– Ну вот, мы и на ногах, – сказал он. – Раны наши зажили?

– Да, за исключением раны в сердце, – ответила она; и, помолчав немного, она продолжала:

– Значит, вам ничего неизвестно о том, где они?

– Кто такие – они? – спросил Тельмарк.

– Да мои дети.

Это «значит» выражало собою целый рой мыслей. В нем слышалось следующее: «Так как вы ничего не говорите мне

о них, так как вы, проводя целые дни возле меня, ни единым словом не упоминаете о них, так как вы заставляете меня молчать каждый раз, как только я желаю спросить о них, так как вы, очевидно, боитесь, чтобы я не стала расспрашивать о них, то, значит, вы ничего не можете мне о них сообщить».

Часто в бреду, в забытии, в горячке она звала своих детей, и она отлично заметила, – ибо человек и в горячечном состоянии не лишен известной доли наблюдательности, – что старик ей не отвечал.

Но дело в том, что Тельмарк действительно не знал, что ему ей ответить. Нелегко говорить с матерью о ее пропавших детях. И наконец, что, собственно, он знал? Ничего. Он знал, что солдаты расстреляли какую-то женщину, что он подобрал эту женщину – скорее труп, чем живое существо, что у этого трупа было трое детей и что маркиз Лантенак, велел расстрелять мать, увел с собою детей. Вот чем ограничивались все его сведения. Что стало с этими детьми? Живы ли они, или убиты? Он слышал, что в числе их были двое мальчиков и одна только что отнятая от груди девочка, – вот и все. Он сам ставил себе по поводу этих малюток множество вопросов, но не в состоянии был на них ответить. Окрестные жители, которых он расспрашивал по этому поводу, только пожимали плечами. Маркиз Лантенак был такого рода человек, о котором вообще неохотно разговаривали.

Впрочем, неохотно разговаривали не только о Лантенаке, но и о Тельмарке. Бретонские крестьяне, народ по природе

подозрительный, недолюбливали Тельмарка. Он казался им подозрительным. И чего это он постоянно глазеет на небо? Что он делал и о чем он думал, оставаясь в течение целых часов неподвижным? Это был, без сомнения, странный человек. В этой стране, охваченной пламенем гражданской войны, где все думали только об одном – об опустошении, где все занимались только одним – резней, где у каждого только и было на уме, что сжечь дом, перерезать целое семейство, разграбить почву, разнести селение, устроить засаду или вовлечь неприятеля в западню, перебить как можно больше народу, – этот отшельник, углубившись в созерцание природы, собирая травы, занимаясь исключительно цветами, птицами и звездами, являлся, очевидно, человеком опасным или же сумасшедшим; он не прятался ни за какой куст, не пытался подстрелить кого-нибудь из ружья. Понятно, что его все боялись.

– Это безумный, – твердили вокруг него, и вскоре все стали избегать Тельмарка. К нему никто не обращался, но и никто не отвечал на его вопросы.

Поэтому понятно, что его попытки собрать сведения относительно детей убитой женщины не могли увенчаться успехом. Военные действия были перенесены в другие округа, маркиз Лантенак исчез с местного горизонта, а Тельмарк был такого рода человек, что война должна была наступить на него самого, только тогда он был способен заметить ее существование.

После произнесенных женщиной слов «мои дети» Тельмарк перестал улыбаться, а мать снова погрузилась в свои мысли. Что происходило в этой душе? Она находилась как бы на дне пропасти. Вдруг она опять взглянула на Тельмарка и воскликнула почти гневным голосом:

– Детей моих! Отдайте мне моих детей!

Тельмарк склонил голову, как виноватый. Он думал об этом маркизе Лантенаке, который, конечно, в эту минуту не думал о нем и даже, вероятно, забыл о самом его существовании. Он сознавал это и сказал про себя: «Когда эти баре нуждаются в вас, они вас знают; раз нужда миновала, вы больше для них не существуете». И затем он сам себе поставил вопрос: «Так для чего ж в таком случае я спас этого барина?» И тут же он сам себе ответил: «Потому, что это – человек». Но затем он задумался и пробормотал про себя: «Да полно, неужели человек?» И он опять с горечью повторил свое восклицание: «Ах, когда б я знал!»

Все это тяготило его, ибо во всем, что он сделал, он видел какую-то загадку. Он с горечью думал о том, что хороший поступок может в то же самое время быть и дурным поступком; тот, кто спасает волка, губит овец; кто вылечит крыло коршуна, отвечает за его когти. Он в глубине души чувствовал себя виноватым. Бессознательный гнев этой матери был основателен. Он, правда, находил некоторое утешение в том, что, не выдав маркиза, он спас эту мать. Но дети?!

Женщина тоже размышляла. Мысли обоих шли, так ска-

зять, бок о бок и, без всяких слов, быть может, встречались в мечтательном сумраке. Наконец женщина снова уставилась на Тельмарка печальным взором.

– Так, однако, не может продолжаться, – проговорила она.

– Тсс! – произнес Тельмарк, прикладывая палец к губам.

– Вы напрасно спасли меня, – продолжала она, – и я на вас за это в обиде. Лучше бы уж было мне умереть: тогда, по крайней мере, я увидела бы их на том свете. Я бы, по крайней мере, знала, где они, и если б даже они меня не видели, то я бы видела их. И мертвая может оберегать своих детей.

– Успокойтесь, – сказал он, беря ее за руку и щупая ей пульс, – у вас опять начнется лихорадка.

– Когда мне можно будет уйти? – спросила она его почти грубым голосом.

– Никогда, если вы не будете рассудительны; пожалуй, хоть завтра, если вы не будете волноваться.

– А что вы называете быть рассудительной?

– Полагаться на Бога.

– На Бога! А что Он сделал с моими детьми? – Здесь голос ее вдруг принял опять мягкое выражение. – Вы понимаете, – продолжала она, – что так я не могу жить. У вас не было детей, у меня они были. А это большая разница. Невозможно судить о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия. Ведь у вас никогда не бывало детей, не правда ли?

– Нет, не бывало, – ответил Тельмарк.

– А у меня только и было, что мои дети. Без детей мне

незачем жить. Я хотела бы знать, почему дети мои не со мной? Я чувствую, что происходит что-то особенное, чего я не понимаю. Мужа моего убили, меня расстреляли, – а я все-таки ничего не понимаю.

– Ну, вот, – проговорил Тельмарк, – у вас снова начинается жар. Перестаньте говорить.

Она взглянула на него и замолчала. Начиная с этого дня, она не произнесла больше ни слова. Тельмарк встретил с ее стороны такое безусловное повиновение, какого он даже не желал. Ввиду этого немого страдания, старик начинал рассуждать, как женщина. «О, да, – говорил он сам себе, – ее уста молчат, но ее глаза говорят, и я очень хорошо понимаю, что в ее мозгу гвоздем засела какая-то мысль. Быть матерью – и перестать ею быть! Быть кормилицей – и перестать ею быть! Она не может примириться со своей потерей. Она все думает о малютке, которую она еще так недавно кормила грудью. Она все думает, все думает, все думает о ней. А действительно, должно быть, приятно чувствовать прикосновение маленького розового ротика, который высасывает душу из вашего тела и который из вашей жизни создает себе свою собственную жизнь».

И он молчал, понимая все бессилие слова ввиду такого горя. Молчание, как результат затаенной идеи, имеет в себе нечто страшное. А какими доводами можно рассеять затаенную в уме матери идею? Материнство это – нечто не поддающееся рассуждению. Мать, в известном смысле, – животное,

и это еще более возвышает ее. Материнский инстинкт имеет в себе что-то и божественное и животное в одно и то же время. Мать перестает быть женщиной и становится самкой. Поэтому во всякой матери есть нечто такое, что и ниже и выше рассудка. У матери сильно развито чутье. В ней сказывается громадная, таинственная воля мироздания, которая и руководит ею. Это ослепление, полное прозорливости.

Когда, наконец, Тельмарк вздумал заставить говорить эту несчастную, это ему не удалось. Однажды он сказал ей:

– К сожалению, я становлюсь стар и мне трудно ходить. Я скорее дождусь конца моих сил, чем конца моего пути. После пятнадцати минут ходьбы мои ноги отказываются служить мне, и мне приходится отдыхать; иначе я мог бы сопровождать вас в ваших поисках. А впрочем, оно, может быть, и лучше, что я не могу идти с вами: я бы мог оказаться для вас более опасным, чем полезным. Меня здесь, правда, терпят, но только терпят; парижане подозрительно относятся ко мне, как к крестьянину, а крестьяне видят во мне колдуна.

Он ждал, что она ответит ему; но она даже не подняла глаз. Сосредоточенность на одной какой-нибудь мысли ведет или к безумию или к героизму. Но на какой героизм способна бедная крестьянка? Ни на какой. Она может быть матерью – вот и все. Она с каждым днем погружалась все глубже и глубже в свою задумчивость. Тельмарк наблюдал за нею. Он всячески старался развлечь ее; он принес ей ниток, иглолок, наперсток; и действительно, к великому удовольствию

нищего, она принялась шить. Она не выходила из своей задумчивости, но работала – что уже было признаком здоровья. Силы мало-помалу возвращались к ней. Она починила свое белье, свою одежду, свою обувь; но взор ее по-прежнему оставался бессмысленным. Работая, она напевала вполголоса разные грустные песни. Она произносила шепотом какие-то имена, по всей видимости имена своих детей, но, впрочем, недостаточно внятно для того, чтобы Тельмарк мог их расслышать. По временам она переставала петь и прислушивалась к щебетанию пташек, как будто те могли сообщить ей какие-нибудь известия о ее детях. Она глядела на небо, губы ее шевелились: очевидно, она говорила сама с собою. Она сшила себе мешок и наполнила его каштанами. Однажды утром Тельмарк увидел, как она пустилась в путь, устремив неподвижный взор в чащу леса.

– Куда вы идете? – окликнул он ее.

– Я иду их искать, – ответила она.

Он не стал ее удерживать.

VII. Два полюса правды

По прошествии нескольких недель, полных разных перипетий междоусобной войны, во всем Фужерском округе только и речи было, что о двух личностях, составлявших самый резкий контраст и в то же время делавших одно и то же дело, то есть сражавшихся рядом за великое дело республи-

ки.

Свирепый вандейский поединок продолжался, но вандейцы теряли почву под ногами. В особенности в департаменте Иль и Вилэн, благодаря молодому офицеру, так доблестно отбившему Доле с полутора тысячами солдат у шести тысяч роялистов. Восстание было если не подавлено, то во всяком случае весьма сильно ослаблено. Несколько удачных боев последовали один за одним, благодаря чему сложилась новая ситуация.

Итак, дела приняли новый оборот; но тут случилось странное осложнение. В этой части Вандеи перевес был на стороне республики, – это не подлежало сомнению, – но какой республики? Среди вырисовывавшейся победы определялись две формы республики – республика террористическая и республика гуманная, из которых первая желала действовать строгостью, а вторая идти путем кротости. Вопрос состоял в том, которая из них одержит верх? Обе эти республики, примирительная и беспощадная, имели здесь своими представителями двух людей, влиятельных и авторитетных, один из которых был военачальник, а другой – гражданский делегат. Который из них одолеет? Из этих двух деятелей один – комиссар Конвента – имел сильную точку опоры в Париже. Он прибыл к батальонам Сантерра со страшным лозунгом: «Не давать пощады, не давать помилования!» Он имел при себе декрет Конвента, угрожавший смертной казнью всякому, «кто даст свободу или позволит бежать плен-

ному предводителю бунтовщиков», неограниченные полномочия от «Комитета общественной безопасности» и повеление – оказывать безусловное повиновение ему, делегату, подписанное именами Робеспьера, Дантона и Марата. Другой, военный, имел только одну точку опоры – чувство сострадания. Правда, он, кроме того, имел за себя еще руку, разившую неприятелей, и сердце, дававшее пощаду побежденному врагу. После победы он считал себя вправе щадить побежденных.

Результатом этого являлось скрытое, но глубокое разногласие между обоими этими людьми. Оба они витали в различных облаках; оба они боролись против восстания, но у каждого из них было свое оружие: у одного – победа, у другого – террор.

Во всей Лесной Бретани только и было речи, что о них. Интерес, который всюду возбуждали оба этих лица, увеличивался еще тем, что они, при резкой противоположности своих взглядов, были связаны самой тесной дружбой. Эти два антагониста были друзьями. Никогда еще более искренняя и более глубокая симпатия не сближала двух сердец; свирепый спас жизнь кроткому, и еще не вполне зажил рубец от полученного им при этом случае сабельного удара. Оба эти человека были воплощением: один – смерти, другой – жизни, один – принципа террора, другой – принципа миролюбия, – и в то же время они искренне любили друг друга. Странная загадка! Можно ли представить себе милосердного Ореста и

жестокосердного Пилада? Можно ли представить себе Аримана братом Ормузда?

Нужно еще заметить, что тот, которого называли свирепым, был в отдельных случаях очень милосердным: он перевязывал раненых, ухаживал за больными, проводил дни и ночи в лазаретах и на перевязочных пунктах, с состраданием относился к босоногим детям, все, что у него было, раздавал бедным. Во время сражения он шел во главе колонн в самых опасных местах, в одно и то же время и вооруженный двумя пистолетами и саблей, и безоружный, потому что никто никогда не видел, чтобы он пользовался этим оружием. Он подставлял самого себя под удары, но сам их не наносил. О нем говорили, что он когда-то был священником.

Один из этих двух друзей был Говэн, другой – Симурдэн. Люди эти были связаны дружбой, но их принципы находились в состоянии войны; это была как бы одна душа, разрезанная на две половинки. Действительно, Говэну досталась одна половинка души Симурдэна, а именно половинка кроткая; Говэну досталась светлая ее сторона, а на долю Симурдэна осталась темная. Все это не могло не привести к внутреннему разногласию, и эта глухая борьба не могла рано или поздно не превратиться в борьбу открытую. Однажды утром конфликт действительно вспыхнул.

– Ну, в каком положении наши дела? – спросил как-то Симурдэн у Говэна.

– Вам это известно не хуже, чем мне, – ответил Говэн. – Я

рассеял шайки Лантенака, и с ним осталось всего несколько человек. Теперь мы оттеснили его к Фужерскому лесу; через неделю он будет окружен со всех сторон, а через две недели захвачен в плен.

– Прекрасно! А дальше что?

– Дальше? Вы читали мое воззвание? Он будет расстрелян.

– Опять излишняя мягкость! Нет, он должен быть казнен на гильотине.

– Что касается меня, – заметил Говэн, – то я, как военный, стою за расстрел.

– А я, – возразил Симурдэн, – как революционер, стою за гильотину. – И, посмотрев Говэну в глаза, он спросил его: – Зачем ты велел освободить этих монахинь из монастыря Святого Марка?

– Потому что я не воюю с женщинами, – ответил Говэн.

– Да, но эти женщины ненавидят народ, а ненависть одной женщины стоит ненависти десяти мужчин. А почему ты не отправил в революционный трибунал этих старых попов-фанатиков, захваченных в Лувинье?

– Потому что я не воюю со стариками, – ответил Говэн.

– Старый священник хуже молодого. Бунт, проповедуемый седовласым человеком, особенно опасен. Морщины внушают доверие. Избегай всякой сентиментальности, Говэн. Не спускай глаз с Тампльской башни.

– С Тампльской башни? Я бы выпустил из нее дофина. Я

не воюю с детьми.

Взгляд Симурдэна принял строгое выражение, и он проговорил:

– Говэн, знай, что следует воевать с женщиной, если ей имя Мария-Антуанетта³⁷⁷, со стариком, если ему имя Пий VI³⁷⁸, и с ребенком, если его зовут Людовик Капет.

– Мой любезный учитель, я политикой не занимаюсь.

– Но все-таки тебе следует стараться о том, чтобы не представлять себя опасным человеком. Почему при штурме Косе, когда бунтовщик Жан Третон, окруженный со всех сторон, ринулся один, с саблей в руке, против целой колонны, ты воскликнул: «Расступитесь! Пропустите его!»

– Потому, что для полутора тысяч человек было бы позорно убивать одного человека.

– А почему при Кайльтри-д’Астильэ, когда ты увидел, что твои солдаты собираются убить вандейца Жозефа Безье, который был тяжело ранен и едва мог ползти, ты воскликнул: «Прочь! Я сам его прикончу!» и затем ты выстрелил из пистолета в воздух?

– Потому что лежачего не бьют.

– И в том и в другом случай ты был неправ; оба они теперь командуют отрядами инсургентов: Жозеф Безье – под

³⁷⁷ Мария-Антуанетта (1755–1793) – королева Франции. С началом Великой французской революции тщетно побуждала Людовика XVI к решительным действиям, в 1792 г. арестована, в 1793 г. казнена.

³⁷⁸ Пий VI (1717–1799) – римский папа с 1775 г. В 1798 г. был арестован французами и заключен в крепость, где и умер.

именем «Уса», а Жан Третон – под именем «Серебряная нога». Даруя жизнь этим двум личностям, ты дал двух врагов республике.

– Разумеется, я желал бы приобретать ей друзей, а не врагов! – воскликнул Говэн.

– Почему после одержанной тобой при Ландеане победы ты не велел расстрелять триста крестьян, взятых в плен?

– Так как перед тем Боншан только что пощадил пленных республиканцев, то я счел долгом справедливости пощадить пленных роялистов.

– Значит, если ты захватишь в плен Лантенака, ты и его пощадишь?

– Нет.

– Почему же? Ведь помиловал же ты триста крестьян?

– Крестьяне сами не знают, что они делают, а Лантенак это отлично знает.

– Но ведь Лантенак тебе родня.

– Он мне не ближе родня, чем Франция.

– И Лантенак старик.

– Мне дела нет до его возраста. Изменники возраста не имеют. Лантенак призывает англичан, готовит Франции иноземное нашествие. Лантенак – враг своего отечества. Поединок между ним и мною может кончиться лишь его или моей смертью.

– Помни об этих словах, Говэн.

– Они сказаны.

Оба они некоторое время помолчали. Наконец Говэн проговорил:

– Настоящий, 1793 год, будет записан кровавыми буквами на страницах истории.

– Берегись! – воскликнул Симурдэн. – Существуют ужасные обязанности. Не обвиняй того, что не заслуживает обвинения! С каких это пор врач должен считаться виновником болезни? Да, именно то и характеризует этот великий год, что он не знает жалости! Почему? Потому что это – великий революционный год! Нынешний год есть воплощение революции. У революции один серьезный враг – дряхлый, отживший мир, и она должна относиться к нему безжалостно, точно так же, как безжалостно относится хирург к своему врагу – гангрене. Революция уничтожает королевскую власть в лице монарха, аристократию – в лице дворянина, деспотизм – в лице солдата, предрассудки – в лице священника, несправедливость – в лице судьи, – словом, все, что является тиранией, во всем, что называется тираном. Операция опасная, но революция осуществляет ее твердой рукой. Что касается количества живого мяса, которое она затрагивает, то спросите об этом мнения Боэргава. Можно ли срезать опухоль, не пролив ни единой капли крови? Можно ли потушить пожар без того, чтобы хоть что-нибудь не было уничтожено огнем? Эти жертвы являются одним из условий успеха. Хирург часто бывает похож на мясника, а врач – на палача. Революция вся отдает себя своей великой, но часто

тяжелой задаче. Она калечит организм, но этим спасает его. Неужели вы от нее потребуете, чтобы она бережно обходилась с гноем, чтобы она щадила яд? Но она вас не послушает! Она взялась за дело и закончит его. Она делает на цивилизации глубокий надрез, и от этого зависит здоровье рода человеческого. Вам больно – что ж делать? Сколько времени продлится эта боль? Столько же, сколько продлится операция. Но зато ваша жизнь будет спасена. Революция ампутирует старый мир; а ампутация немыслима без сильной потери крови. Вот что такое девяносто третий год.

– Но хирург всегда спокоен, – возразил Говэн, – а те люди, которых я вижу, неистовствуют.

– Для успеха революции, – продолжал Симурдэн, – необходимы неистовые люди. Она отталкивает всякую дрожащую руку. Она верит только в людей неумолимых. Дантон грозен, Робеспьер непреклонен, Сен-Жюст неотвратим, Марат неумолим. Заметь себе это, Говэн; имена эти нам необходимы: они заменяют нам целые армии, они устрашают Европу.

– А быть может, также устрашат и будущие поколения, – заметил Говэн. Помолчав немного, он продолжал: – Впрочем, любезный мой учитель, вы в данном случае ошибаетесь: я никого не обвиняю. По-моему, настоящая точка зрения на революцию – это ее полная ответственность. Здесь нет ни невинных, ни виновных. Людовик Шестнадцатый – это овца, брошенная в стаю волков. Он желает бежать, он желает спастись, он стал бы кусаться, если бы в состоянии был это

сделать. Но не всякому дано быть львом. Его попытки вменяются ему в преступление. Раздраженная овца скалит зубы, а в этом усматривается измена. Поэтому овцу разрывают на части, и после этого волки начинают кидаться друг на друга.

– Овца – животное, – заметил Симурдэн.

– А что такое волки? – спросил Говэн.

Этот вопрос заставил задуматься Симурдэна. Наконец он поднял голову и сказал:

– Они – общественная совесть, они – идея, они – принципы.

– И вместе с тем они наводят ужас.

– Да, но наступит день, когда то, что создала революция, заставит забыть об этом ужасе.

– А я, напротив, боюсь, что этот ужас заставит забыть обо всем, что было хорошего в революции, – возразил Говэн. – Свобода, Равенство, Братство – это учение мира и согласия. К чему же придавать этому учению вид чего-то страшного? К чему мы стремимся? К тому, чтобы склонить народы к идее всеобщей республики. Но в таком случае не следует их пугать. К чему наводить на них страх? Пугалами не приманишь ни птиц, ни людей. Делая зло, не достигнешь добра. Нельзя низвергать трон и оставлять на месте эшафот. Уничтожайте короны, но не убивайте людей. Революция должна быть синонимом согласия, а не ужаса. Хорошим идеям должны служить и хорошие люди. По-моему, самое красивое на человеческом языке – это слово «амнистия». Я не желаю

проливать чьей-либо крови иначе, как рискуя и своей. Впрочем, я простой солдат, я умею только сражаться. Но если не умеешь прощать, то не стоит и заставлять. Во время боя мой противник – мне враг, но после победы он мне брат.

– Берегись! – повторил Симурдэн в третий раз. – Говэн, ты для меня больше чем сын. Берегись! – И он добавил с задумчивым видом: – В такие времена, как наше, сострадание может быть одним из видов измены.

Слушая разговор этих двух людей, можно было бы подумать, что слушаешь диалог меча с топором.

VIII. Опечаленная мать

Тем временем бедная мать продолжала искать своих малюток. Она шла куда глаза глядят. Чем она питалась? Это трудно было бы объяснить; да она и сама этого не знала. Она шла и днем и ночью; она просила милостыню, питалась травой, спала на голой земле, под открытым небом, в кустарнике, часто под дождем и ветром.

Она переходила из селения в селение, с фермы на ферму и всюду расспрашивала. Она останавливалась у порогов домов; одежда ее превратилась в лохмотья. Иногда ее впускали, иногда прогоняли. Когда ее не впускали в дом, она отправлялась в лес. Хотя она и была местная уроженка, но она не знала страны, никогда отроду нигде не бывала, кроме своей деревни Сискуаньяра и своего прихода Азэ. Часто она, со-

вершенно не зная дороги, кружилась на одном и том же месте, возвращаясь туда, где уже была, вторично шла по недавно пройденному пути, теряя понапрасну силы и время. Она шла то по большим дорогам, то по колеям, проложенным телегами, то по тропинкам, протоптанным в лесу. Во время этих скитаний ее одежда и ее обувь окончательно износились; под конец ей приходилось ходить босиком, и ноги ее были стерты до крови.

Она проходила мимо сражающихся, среди ружейных выстрелов, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не избегая, думая только о своих детях, которых она искала. Так как вся страна охвачена была восстанием, то нигде не было ни мэров, ни полиции, ни вообще каких-либо властей. Ей приходилось иметь дело только с прохожими. Иногда она оставливалась их и спрашивала:

– Не видали ли вы где-нибудь троих детей?

Прохожие с удивлением поднимали головы.

– Двух мальчиков и одну девочку, – продолжала она. – Рене-Жана, Алена и Жоржетту? Вы их не видели?.. Старшему четыре с половиной года, младшей год восемь месяцев. Не знаете ли вы, где они? Их у меня отняли.

Люди смотрели на нее с недоумением и ничего не отвечали. Видя, что ее не понимают, она добавляла:

– Это, видите ли, мои дети. Вот почему я о них спрашиваю.

Прохожие удалялись своею дорогой. Она же молча смот-

рела им вслед и царапала себе грудь ногтями.

Однажды, впрочем, один крестьянин, выслушав ее вопрос, стал что-то соображать.

– Пойдите-ка, – сказал он. – Вы говорите, трое детей: два мальчика...

– И одна девочка.

– Их-то вы и ищете? Видите ли, я что-то такое слышал об одном помещике, который захватил где-то трех детей и держит их при себе.

– Где этот человек? – воскликнула она. – Где мои дети?

– Ступайте в Тург, – ответил крестьянин.

– И там я найду своих детей? Как вы сказали? Тург? Но где же это? Далеко?

– Не могу вам сказать. Я там никогда не был.

– Но что это такое? Селение, замок, ферма?

– И этого не знаю. Я знаю только, что Тург – где-то по соседству с Фужером.

– А как же пройти туда?

– Вы дойдете до Ванторта, – ответил крестьянин, – вы оставите Эрне слева и Коксель – справа, вы пройдете через Лоршан, по направлению к Леру. Словом, идите все время вперед в ту сторону, где заходит солнце, – прибавил крестьянин, протягивая руку на запад.

Не успел еще крестьянин опустить руку, как она уже шла в указанном ей направлении.

– Только будьте осторожны! – крикнул он ей вслед. – Там

воюют.

Она даже не обернулась, чтобы ответить ему, и продолжала идти вперед.

IX. Провинциальная Бастилия

1. Ла-Тург

Путника, который лет сорок тому назад, войдя в Фужерский лес со стороны Ленъелэ, выходил из него со стороны Паринье, ожидала на опушке этой глухой чащи неприятная встреча. Выйдя из лесу, он вдруг видел перед собою Ла-Тург, но Ла-Тург не живой, а мертвый, потрескавшийся, обвалившийся, разрушенный. По отношению к зданию развалины то же, что призрак по отношению к человеку. Трудно было вообразить себе более печальное сооружение, чем Ла-Тург. Глазам представлялась высокая круглая башня, стоявшая одиноко возле леса, точно злоумышленник. Эту башню, выстроенную на остроконечном утесе, можно было принять за остаток римской архитектуры, до того правильно и прочно она была построена и до того в этой солидной массе идея могущества смешивалась с идеей разрушения. Но это была не римская, а так называемая романская³⁷⁹ башня. Будучи

³⁷⁹ Романский стиль – художественный стиль, господствовавший в Западной Европе в X–XII вв. Главная роль в романском стиле отводилась суровой, крепостного вида архитектуре, отличавшейся простотой, строгостью и массивно-

начата в IX столетии, она была окончена только в XII, после Третьего крестового похода³⁸⁰. Просветы ее сводов свидетельствовали о ее древности. Приблизившись к ней и поднявшись на ее откос, посетитель видел перед собою брешь; войдя в нее, он находил вокруг себя абсолютную пустоту. Это было нечто вроде большого каменного горна, опрокинутого книзу широким отверстием. Сверху донизу – никакой перегородки: ни крыши, ни потолков, ни полов; одни только обломки сводов и печей, и на различной высоте амбразуры для фальконетов; гранитные кронштейны и несколько поперечных балок, обозначавших прежнее деление на этажи; на балках густым слоем лежал помет ночных птиц; толстая стена, пятнадцати футов у основания и двенадцати на вершине, там и сям отверстия и расщелины, очевидно, представлявшие прежде двери и окна, сквозь которые видны были остатки темных лестниц, сделанных внутри стен. По вечерам здесь можно было слышать крики конюхов, козодоев, черных цапель и сов; под ногами видны были кусты терновника, камни и змеи, а над головою, сквозь круглое отверстие, напоминавшее собою отверстие громадного колодца, – звезды.

Среди местных жителей существовало предание, что в верхних ярусах этой башни были потайные двери, сделанные, как и двери гробниц иудейских царей, из громадных камней, поворачивающихся вокруг своей оси, открывающи-

стью.

³⁸⁰ 3-й Крестовый поход – состоялся в 1147–1149 гг.

еся и снова закрывающиеся так, что их невозможно и заметить в стене; эта архитектурная мода была привезена крестоносцами с Востока, вместе со стрельчатыми сводами. Когда эти вращающиеся двери были закрыты, невозможно было их заметить: до того они сливались с остальными камнями стены. И в настоящее время можно еще встретить такие двери в некоторых захолустных селениях Анти-Ливана, уцелевших от громадного землетрясения, бывшего здесь при Тиберии³⁸¹.

2. Пролом

Пролом, через который входили в руины, был сделан искусственно, путем взрыва мины. В глазах знатока, знакомого с Эрраром, Сарди и Паганом, эта мина была проведена не без искусства, с точным соблюдением количества пороха по отношению к толщине той стены, которую предполагалось взорвать. Она должна была заключать в себе не менее двух берковцев пороху. Подкоп, который вел к этой мине, шел извилинами, что явно безопаснее, чем прямой ход. Взрыв разрушил значительную часть толстой стены, так что осаждав-

³⁸¹ Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.), римский император с 14 г. Успешно воевал в качестве командующего армией в Армении, Дакии, Германии. Продолжил политику укрепления императорской власти, улучшил систему управления империей. Вторая половина его правления отмечена многочисленными казнями, ссылками и конфискациями имущества знати и богачей. Его принято изображать тираном и лицемером, что не вполне соответствует действительности.

шим, очевидно, нетрудно было проникнуть в пролом. По всему было видно, что этой башне неоднократно приходилось выдерживать настоящие осады: на ней остались следы ядер, принадлежавших самым различным эпохам. На ее стенах присутствовали отметины различных снарядов, начиная с каменного ядра XIV века и кончая чугуном – XVIII века.

Пролом вел в ту часть здания, которая когда-то была нижним этажом. Напротив пролома, в башенной стене, виднелось отверстие, ведущее в склеп, высеченный в утесе и разветвляющийся под различными частями здания. Этот склеп, или застенок, на три четверти заваленный мусором, был расчищен в 1835 году стараниями господина Огюста Ле Прево, бернэйского антиквара.

3. Застенок

В прежние времена в любом замке или башне был свой застенок. Застенок Тургской башни, подобно многим другим подземным темницам той же эпохи, состоял из двух ярусов. Первый, в который проходили через дверцу, представлял собою довольно обширную сводчатую комнату, находившуюся на одном уровне с залой нижнего этажа. На одной из стен этого помещения видны параллельные вертикальные борозды, проходившие вдоль всей стены и довольно глубоко в ней высеченные, напоминавшие собой выбоины от колес. Это и в действительности были выбоины, пробитые двумя колесами:

в прежние времена в этой комнате производилось четвертование, менее шумным образом, чем с помощью четырех лошадей. Здесь были установлены два колеса таких значительных размеров, что они касались одновременно и стен и свода. К каждому из этих колес привязывали по одной руке и по одной ноге истязуемого, и затем колеса вращали в противоположных направлениях, так что привязанный к ним человек разрывался на части. Вертясь, колеса и образовали вышеупомянутые желоба в стене. Еще и в наше время можно видеть подобную комнату в Виандене.

Под этой комнатой была другая, в которой хоронили людей заживо. В нее попадали не через дверь, а через отверстие в потолке. Раздетого донага несчастного спускали сюда на веревке, продевая под мышки, через вышеупомянутое отверстие; через это же отверстие бросали ему пищу. Подобная темница существует в Бульонском замке.

Из этого отверстия сильно дуло. Нижнее помещение, вырытое глубоко в земле, было скорее колодезем, чем комнатой; на дне его была вода, и воздух в нем был холодный и сырой. Дувший постоянно снизу сквозняк убивал нижнего жильца и позволял дышать и жить верхнему, иначе последнему не хватало бы воздуха. Всякий, кто раз попадал сюда, больше уже отсюда не выходил. Поэтому верхнему жильцу нужно было быть крайне осторожным, чтобы не упасть в это подземелье. Если он желал жить, то это отверстие представляло для него постоянную опасность, если он желал умереть – оно облег-

чало ему исполнение этого желания. Верхний ярус был темницей, нижний – могилой. Так же примерно было устроено в то время и само общество.

Вот что наши предки называли «подземной темницей». Каменные мешки исчезли, и теперь эти слова для нас пустой звук. Благодаря прогрессу мы можем оставаться довольно равнодушными при произнесении этих слов.

На наружной стене башни, над проломом, являвшимся сорок лет тому назад единственным входом в нее, видна была амбразура более широкая, чем остальные бойницы, возле которой висела сломанная и погнутая железная решетка.

4. Мост и замок

К этой башне, со стороны, противоположной пролому, примыкал трехарочный, довольно хорошо сохранившийся, каменный мост. На этом мосту прежде, очевидно, стояло здание, от которого теперь оставались только одни развалины; оно, несомненно, было уничтожено пожаром, и до наших дней сохранились только одни стропила, нечто вроде почерневшего остова, вытянувшегося возле развалин замка, словно скелет возле призрака. Теперь эти руины совсем снесены, и от них не осталось даже и следа. Достаточно одного дня и пары крепких рук для того, чтобы разрушить то, что создавали многие века и многие короли.

«Тург», как сокращенно называли замок окрестные кре-

стьяне, собственно, назывался по-настоящему «Тур-Говэн». Замок этот, бывший сорок лет тому назад развалиной, а теперь являющийся какою-то тенью, в 1793 году был еще цитаделью. Это был старинный укрепленный замок Говэнов, охранявший с западной стороны вход в Фужерский лес, который, в свою очередь, превратился в настоящее время в сильно поредевшую рощу. Его выстроили на одной из тех сланцевых скал, которых так много между Майеном и Динаном, а также и в других местах Бретани, среди лесов и кустарников, как будто когда-то титаны швыряли ими друг в друга.

Вся цитадель состояла из одной этой башни. Под башней была скала, а у подножия скалы протекал один из тех ручьев, которые в январе месяце превращаются в бурные потоки, а в июне совершенно пересыхают. Цитадель эта в средние века была почти неприступна. Слабую сторону ее составлял мост; но первые Говэны построили ее без моста, и попасть в нее можно было только по подъемным мосткам, которые нетрудно было разрушить несколькими ударами топора. Пока Говэны были виконтами, они довольствовались и этим; но когда они стали маркизами и променяли свою берлогу на придворную жизнь, они перекинули через поток мост и тем сделали возможным доступ к замку со стороны равнины, подобно тому же, как они открыли для самих себя доступ ко двору. Герцоги семнадцатого века точно так же мало дорожили неприступностью, как герцогини восемнадцатого. Вместо того чтобы брать пример со своих предков, они стали копи-

ровать Версаль.

Против самой башни, с запада, было довольно значительное плоское плато, замыкавшее собой долину; оно тянулось почти до самой башни и отделялось от нее только очень глубоким рвом, составлявшим русло речонки, впадавшей в Куэнон. Мост, соединявший цитадель с плато, был перекинут через него на высоких опорах; на нем было выстроено, как и в Шенонсо³⁸², здание в стиле Мансара³⁸³, более удобное для жилья, чем сама башня. Но в те времена нравы были еще очень суровы, и феодалы сохраняли привычку жить в своих башнях, скорее похожих на темницы, чем на барские покои. Что касается здания на мосту, представлявшего собой тоже нечто вроде маленького замка, то нижний его этаж был как бы гауптвахтой; над этой гауптвахтой была библиотека, а над библиотекой – чердак. Длинные и узкие окна, с маленькими рамами, в которые было вставлено богемское стекло, четы-

³⁸² Шенонсо – замок во Франции, построенный в начале XVI в. Генрихом II для своей фаворитки Дианы де Пуатье. Его особенностью является то, что он был построен поперек реки, представляя собой мост, на котором во всю его длину и ширину было возведено двухэтажное здание. Во время регентства Екатерины Медичи замок перешел в собственность короны.

³⁸³ Мансар Франсуа (1598–1666) – французский архитектор. Творчески перерабатывая традиции французского и отчасти итальянского Возрождения, сочетая пластическое богатство декора с ясностью и простотой общей объемно-пространственной композиции, со строго регулярным построением плана, заложил основы классицизма XVII в. Мансар разработал конструкцию мансарды – жилого помещения на чердаке здания, крыша которого состоит из пологой верхней и крутой нижней частей.

решетчатые столбы в простенках между окнами, резные медальоны на стенах; три этажа: внизу – бердыши и ружья, по середине – книги, наверху – кули овса; все это было несколько дико, но вместе с тем и благородно.

Стоявшая рядом башня имела мрачный вид. Она господствовала над этой изящной постройкой своими суровыми очертаниями. С ее верхней площадки можно было обстреливать мост. Оба этих здания составляли скорее резкий контраст, чем одно целое. Сами их архитектурные стили несколько не были похожи один на другой. Хотя, казалось бы, два полукруга должны быть схожи, но между классическим архивольтом и романским полукругом существует громадная разница. Эта башня, настоящее место которой было бы в темном бору, являлась довольно странной соседкой для этого моста, который хоть сейчас переноси в Версаль. Можно ли представить себе Алана – Всклоченную Бороду, шествующего под руку с Людовиком XIV? Эти две величественные, каждая по-своему, постройки производили, стоя рядом, какой-то резкий диссонанс.

Со стратегической точки зрения, повторяем, мост делал башню почти безоружной; он ее украшал, но вместе с тем и ослаблял; выигрывая в красоте, она утрачивала в силе. Этот мост ставил ее в зависимость от плато. Оставаясь неприступной со стороны леса, она перестала быть такой со стороны равнины. Прежде она господствовала над возвышенностью, теперь последняя господствовала над ней. Неприя-

телю, утвердившемся там, нетрудно было овладеть мостом. Библиотека и чердак могли оказать пользу осаждавшим и вред осажденным: библиотека и чердак схожи между собой в том, что и книги и солома представляют собой превосходный горючий материал; для осаждающего, надеющегося извлечь для себя пользу из пожара, совершенно безразлично – сжечь ли Гомера или вязанку соломы, лишь бы горело. Французы доказали это немцам, сожгя Гейдельбергскую библиотеку, а немцы доказали это французам, уничтожив библиотеку Страсбургскую. Итак, этот мост, соединенный с Тургской башней, представлялся в стратегическом отношении ошибкой; но при этом не следует упускать из виду того, что, начиная с семнадцатого столетия, начиная с Кольбера³⁸⁴ и Лувуа³⁸⁵, виконты Говэны, точно так же, как принцы Роганы и

³⁸⁴ Кольбер Жан Батист (1618–1683) – выдающийся французский государственный деятель, протеже Мазарини. С 1666 г. генерал-контролер финансов. Система Кольбера, названная кольбертизмом, заключалась в том, что предпринимались всякие меры для поднятия национальной промышленности и торговли. С этой целью запрещался ввоз иностранных товаров, основывались субсидируемые общества, получавшие монополию на внешнюю торговлю. Кольбер создал сильный военный флот, занимался расширением колоний, покровительствовал наукам и искусствам, устроил обсерваторию, снаряжал научные экспедиции. Борясь с расточительностью королевского двора, к концу жизни впал в немилость у Людовика XIV.

³⁸⁵ Лувуа Франсуа Мишель (1639–1691) – французский политический деятель. Воспитывался вместе с Людовиком XIV, благодаря чему быстро сделал карьеру. Уже в 1667 г. возглавил военное министерство, проявив на этом посту блестящие способности. Благодаря его реформам французская армия стала сильнейшей на континенте, и Франция смогла бороться за гегемонию в Европе. Лувуа оставался

Ла-Тремуйли, не предполагали, чтобы им впоследствии когда-нибудь пришлось выдерживать осаду. Несмотря на это, строители моста приняли некоторые меры предосторожности. Во-первых, они предвидели возможность пожара и потому подвесили под тремя окнами, обращенными вниз по течению реки, в горизонтальном положении, на крюках, которые можно было еще видеть полвека тому назад, лестницу. Во-вторых, они предвидели возможность приступа, и потому они приняли меры к тому, чтобы в случае опасности изолировать мост от башни при помощи невысоких, но крепких железных ворот. Ворота эти, устроенные с перемычкой, запирались большим ключом, скрытым в потайном месте, известном только хозяину; они были так крепко построены, что смело могли выдержать удары тарана и едва ли даже не пушечных ядер. Приходилось переходить через мост, чтобы добраться до этих ворот, и через эти ворота, чтобы проникнуть в башню. Другого входа в нее не существовало.

5. Железные ворота

Второй ярус мостового замка соответствовал третьему же ярусу башни, и для большей безопасности на этой же высоте и были устроены железные ворота.

Эти железные ворота открывались со стороны моста – в библиотеку, а со стороны башни – в большой зал со сводами,

с громадным каменным столбом посередине. Этот зал, как уже сказано выше, составлял третий этаж башни. Он был такой же круглый, как и вся башня; и освещался бойницами, выходящими на равнину. Стены его, сложенные из очень больших симметрично уложенных камней, не были оштукатурены. В зал вела пробитая в стене витая лестница, что было совершенно естественно при толщине стены в 15 футов. В средние века город брали улица за улицей, улицу – дом за домом, дом – покой за покоем, крепость – ярус за ярусом. Тургская башня была в этом отношении построена чрезвычайно искусно, и ее нелегко было взять. Из одного яруса в другой приходилось подниматься по узкой винтовой лестнице, двери были ниже человеческого роста и устроены вкось, так что в них приходилось протискиваться боком и согнувшись; а входить к осажденным в согнутом положении – значит рисковать получить удар по голове прежде, чем успеешь выпрямиться. Осаждающий мог заранее быть уверен, что у каждой из подобных дверей его подкарауливает осажденный.

Под круглым залом с колонной были два соответствующих ему таких же покоя в двух нижних этажах и три в трех верхних ярусах. Над этими шестью, лежавшими друг на друге покоем была каменная площадка, которая составляла крышу этого сооружения и на которой стояла небольшая будка.

Около ворот, со стороны моста, в толще стены, была небольшая потайная дверь, которая вела в коридор перво-

го этажа, проходивший под библиотекой. Это было еще одно препятствие для осаждавшего. Мостовое здание со стороны равнины представляло собой отвесную стену, и мост здесь обрывался. Подъемный мост соединял его с плато. Этот мост, будучи опущенным, представлял собой наклонную плоскость и открывал доступ прямо в длинный коридор, или гауптвахту. Но даже овладев этим коридором, осаждающий, для того чтобы добраться до железных ворот, должен был прежде захватить витую лестницу, которая вела на второй этаж.

6. Библиотека

Что касается библиотеки, это была продолговатая комната, по размерам соответствующая длине и ширине моста, в которую вела только одна дверь – железные ворота. Фальшивая дверь, обитая зеленым сукном, маскировала изнутри вход в башню. Стены библиотеки, во всю ширину и высоту, были уставлены стеклянными шкафами XVII столетия. Комнату освещали шесть больших окон, по три с каждой стороны, по одному над каждой аркой. Сквозь эти окна снаружи, и даже с вершины плато, можно было разглядеть внутреннее убранство библиотеки. В простенках между окнами стояли на дубовых резных тумбах шесть мраморных бюстов – Ермолая Византийского, навкратического грамматика Атенея, Свида, Казабона, Хлодвига, короля Франции, и канцлера его

Анахала, который, заметим, был таким же канцлером, каким тот королем.

В библиотеке были самые разнообразные книги. Одна из них заслуживала особого внимания. То был старинный фолиант с гравюрами, на заглавном листе которого было написано крупными буквами: Святой Варфоломей, а далее, более мелким шрифтом: Евангелие святого Варфоломея, с предисловием Пантена, христианского философа, по вопросу о том, следует ли считать это Евангелие подлинным, а святого Варфоломея – тождественным с Нафанаилом. Книга эта, считавшаяся единственным из существующих на свете экземпляров, лежала на особом аналое посреди библиотеки. Еще в последнем столетии многие нарочно приезжали сюда, чтобы взглянуть на эту редкостную книгу.

7. Чердак

Что касается чердака, имевшего, подобно библиотеке, продолговатую форму моста, то он представлял собою не что иное, как подкровельное пространство, наполненное овсом и сеном и освещенное шестью небольшими оконцами. В нем не было никакого иного украшения, кроме статуи святого Варнавы, вырезанной на двери и под которой можно было прочесть следующую подпись: «Святому Варнаве приятно было водить косой по траве».

Итак, высокая и широкая шестиярусная башня, с проби-

тыми кое-где бойницами, имевшая единственным входом и выходом железные ворота, выходявшие на мост и отделенные от последнего еще подъемным мостом; позади башни – густой бор, впереди ее – возвышенность, заросшая вереском, повыше моста и пониже башни; под мостом, между башней и возвышенностью, глубокий, узкий, заросший кустарником овраг, превращавшийся зимою в поток, весною – в ручей, летом – в каменистую канаву, – вот что такое представлял собой замок Тур-Говэн, в простонародье известный просто под именем Турга.

Х. Заложники

Миновал июль, наступил август. По Франции пронеслось какое-то веяние героизма и свирепости. Два привидения только что мелькнули на горизонте: Марат с ножом в боку и Шарлотта Кордэ без головы; все вокруг принимало ужа-сающие формы. Что касается Вандеи, то, потерпев поражение в большой войне, она стала ограничиваться малой вой-ной, партизанской, но, как мы уже говорили выше, еще более опасной. Война эта, так сказать, рассеялась теперь по лесам. Большая вандейская «католическая и королевская» армия потерпела несколько неудач; в силу декрета Конвента в Ван-дею была послана Майнцская армия; восемь тысяч вандей-цев пали при Ансени; вандейцев прогнали из-под Нанта, из Монтегю, из Туара, с острова Нуармутье, из Шолле, Морта-

ня и Сомюра; они уже не могли держаться в Шатильоне; вынуждены были очистить Портенэ, Клиссон, Шатильон; потеряли знамя при Сент-Илере, они были разбиты при Порнике, при Сабле, Фонтенэ, Дрэ, Шато-д'О, Пон-де-Сэ, им угрожали в Люсоне, их оттеснили от Ла-Шатеньерэ, обратили в бегство под Рош-сюр-Ионом. Но зато, с другой стороны, они угрожали Ла-Рошели, а в Гернсейских водах стоял английский флот под командованием адмирала Крэга, на котором, кроме довольно значительного числа французских морских офицеров, был десант, состоявший из нескольких английских полков, который ждал только сигнала маркиза Лантенака, чтобы высадиться на берег. Эта высадка могла влить новые силы в роялистское восстание. Питт был человек коварный. Впрочем, коварство составляет такую же часть политики, как кинжал составляет часть полного вооружения. Питт заносил кинжал над нашей страной и изменял своей, ибо бесчестить свое отечество – значит изменять ему; при нем и благодаря ему Англия вела своего рода пунические войны: она шпионила, обманывала, лгала; она не брезгала браконьерами и фальшивомонетчиками; она стала мелочной в своей ненависти; так, например, она захватывала всюду, где только было возможно, французское сало, стоившее пять франков фунт. В Лилле захвачен был один англичанин, при котором нашли письмо Прайджента, агента Питта в Вандее, содержащее в себе, между прочим, следующие строки:

«Прошу вас не жалеть денег. Мы надеемся на то, что убийства будут совершаться с должной осторожностью. Переодетые священники и женщины наиболее пригодны для этой цели. Пошлите шестьдесят тысяч фунтов стерлингов в Руан и пятьдесят тысяч в Каэн».

Письмо это было прочитано Барером³⁸⁶ на заседании Конвента 1 августа. Ответом на это коварство послужили жестокости Паррена и позднее варварство Каррье. Мецские и марсельские республиканцы требовали, чтобы им позволили идти против бунтовщиков. Особым декретом Конвента приказано было сформировать двадцать четыре саперные роты для уничтожения всех изгородей и плетней в Бретани. Словом, был неслыханный кризис. Война прекращалась в одном месте только для того, чтобы возобновиться в другом. «Не давать пощады! Не брать пленных!» – раздавалось с обеих сторон. Ужасная и мрачная страница истории!

В августе месяце Тургский замок был осажден. Однажды вечером, когда уже зажглись звезды, среди полусвета ясной летней ночи, когда в воздухе было так тихо, что не шелестел ни один лист, не колебалась ни одна былинка на лугу, сре-

³⁸⁶ Барер де Въезак Бертран (1755–1841) – французский политический деятель. В 1789 г. избран в Генеральные штаты и впоследствии в Конвент. Голосовал за немедленную казнь короля. В разгоревшейся политической борьбе поддерживал монтаньяров, способствовал падению Робеспьера. В 1794 г. был осужден к изгнанию, вернувшись лишь с приходом к власти Наполеона. В 1815 г. изгнан из Франции как убийца Людовика XVI и вернулся только после революции 1830 г.

ди тишины надвигавшейся ночи вдруг раздался звук трубы. Раздался он с верхушки башни. Ответом на этот звук был звук рожка, раздавшийся у подножия башни.

На башне стоял только один вооруженный человек; внизу, у ее подножия, был целый лагерь. Среди темноты, окутывавшей Тур-Говэн, можно было различить какие-то двигающиеся в разных направлениях черные фигуры. Здесь был разбит лагерь. Кое-где, под деревьями и среди вереска плато, горели огни, издали похожие на светляков, как будто земля, завидуя небу, тоже пожелала засветиться звездами – печальными звездами войны и разрушения. Со стороны возвышенности лагерь раскинулся до самой долины, а со стороны леса углублялся в чащу. Тургский замок был обложен со всех сторон. Количество бивуачных огней показывало, что число осаждающих было довольно значительно. Лагерь тесно обложил цитадель, простираясь со стороны башни до самой скалы, а со стороны моста до самого рва.

Вторично раздался звук трубы, которому вторил звук рожка. Труба, очевидно, спрашивала, а рожок отвечал. Голосом трубы башня спрашивала бивуак: «Можно ли переговорить с вами?», а лагерь рожком отвечал: «Да».

В те времена, так как Конвент отказался признавать вандейцев воюющей стороной и так как декретом Конвента были запрещены переговоры с «разбойниками» через парламентаров, то приходилось прибегать к разным уловкам для сношений, допускаемым международным правом при обыч-

ной войне, но не допускаемым при войне гражданской. Поэтому и приходилось прибегать к таким изворотам, как, например, к диалогу между крестьянской трубой и военным рожком. Первый сигнал имел только целью вызвать внимание противной стороны, второй ставил вопрос: «Желаете ли вы слушать?» Если на этот второй сигнал рожок не давал ответа, то это означало отказ, если же он отвечал, то это означало согласие или, другими словами, перемирие на несколько минут.

Так как рожок ответил на второй сигнал, то человек, стоявший на верхушке башни, заговорил. Вот что услышали люди, бывшие внизу, в лагере:

– Слушайте меня! Я – Гуж ле Брюан, по прозвищу «Истребитель синих», потому что я отправил на тот свет многих из ваших, а также «Иманус», «Леший», потому что я истреблю их еще большее число, чем истребил до сих пор. При нашем нападении на Гранвилль кто-то из ваших отрубил мне палец сабельным ударом, а в Лавале вы казнили на гильотине моего отца, мою мать и мою восемнадцатилетнюю сестру Жаклин. Вот кто я!

Я обращаюсь к вам от имени господина маркиза Говэна де Лантенака, виконта Фонтенэ, бретонского принца, владельца семи лесов, моего господина.

Знайτε, во-первых, что господин маркиз, прежде чем запереться в этой башне, в которой вы его держите в осаде, поручил ведение военных действий шести предводителям,

своим помощникам: он оставил Дельера в местности между Брестской и Эрнейской дорогами; Третона – в местности между Ла-Роэ и Ла-Валем; Жакэ, по прозвищу Тайльфера, – на границе Верхне-Мэнской провинции; Голье, по прозвищу Гран-Пьер, – в Шато-Гонтье; Леконта – в Краоне, Дюбуа-Гюи – в Фужере, а всю Майенскую провинцию он поручил господину Рошамбо. Таким образом, вы ничего не выиграете, взяв эту цитадель, и даже если господин маркиз умрет, Вандея, преданная Богу и королю, не умрет.

Я счел нужным предупредить вас об этом. Господин маркиз здесь, возле меня; я лишь передаю его собственные слова. А теперь не шумите и слушайте, что я вам скажу дальше.

Не забывайте того, что война, которую вы ведете против нас, – война несправедливая. Мы, мирные обитатели нашей провинции, сражаемся честно; мы люди простые и бесхитростные; мы живем по-божески и никого не трогаем. На нас напала республика, она потревожила нас в наших селениях, она сожгла наши дома и жатвы, разрушила наши фермы, и наши жены и дети вынуждены были босиком бродить по лесам, когда еще не наступала весна.

Вы, слушающие меня, вы, точно зверей, преследовали нас в лесу и теперь осаждаете нас в этой башне; вы убили или разогнали тех, кто присоединился к нам; вы имеете при себе артиллерию; вы присоединили к вашему отряду гарнизоны Мортена, Барантона, Тельеля, Ландови, Эврана, Тентениака и Витрэ, так что теперь вас всех, нападающих на нас, здесь

не менее четырех с половиной тысяч человек, а нас, защищающихся, здесь всего девятнадцать. Но у нас достаточно съестных и военных припасов.

Вам удалось подвести мину и взорвать часть нашей скалы и часть нашей стены. Таким образом, в башне образовалось отверстие, брешь, в которую вы можете войти, хотя она и очень узка и хотя над ней все еще высится грозная, несокрушимая башня.

Теперь вы готовитесь к приступу. Но мы – во-первых, господин маркиз, бретонский принц и светский приор аббатства Святой Марии в Лантенаке, в которое королева Иоанна³⁸⁷ внесла вклад на вечное поминовение с тем, чтобы там каждый день неукоснительно служилась обедня, и другие защитники башни, в том числе господин аббат Тюрмо, иначе называемый Гран-Франкер, товарищ мой Гинуазо, начальник Зеленого лагеря, другой мой товарищ Зимний Певец, начальник Овсяного лагеря, товарищ мой Ла-Мюзент, начальник Муравьиного лагеря, и я, крестьянин, уроженец Даона на речке Мориандр, – мы все объявляем вам следующее. Прислушайтесь!

В наших руках находятся три пленника – трое детей. Дети эти усыновлены одним из ваших батальонов, значит, это – ваши дети. Мы предлагаем возвратить вам этих трех детей, но с тем условием, чтобы вы предоставили нам свободный

³⁸⁷ Иоанна – имя нескольких французских королей, трудно сказать, кого из них имел в виду автор.

выход из башни.

Если вы откажетесь от этого нашего предложения, то слушайте: вы можете атаковать башню только двумя способами, – или через пролом, со стороны леса, или через мост, со стороны холма. Здание на мосту – трехъярусное. В нижний этаж я, Иманус, говорящий с вами, велел поставить шесть бочек смолы и сто пучков сухого вереска; в верхнем этаже навалена солома, а в среднем хранятся книги и бумаги. Железные ворота между мостом и башней заперты и ключ от них у господина маркиза; я же просверлил в полу под воротами отверстие и провел через него пропитанный серой фитиль, один конец которого опущен в одну из смоляных бочек, а другой – находится у меня под рукой, в самой башне, и я могу зажечь его, когда мне заблагорассудится. Если вы откажетесь нас выпустить, мы поместим троих детей во второй этаж мостового здания, между ярусом, в который проведен фитиль и где хранится смола, и тем, в котором сложена солома, затем мы запрем за ними железные ворота. Если вы поведете атаку со стороны моста, то вы сами подожжете здание; если вы поведете ее со стороны пролома, то его подожжем мы; а если вы поведете ее одновременно и со стороны моста и со стороны пролома, мы подожжем его сообща; но в любом случае трое детей погибнут.

Теперь от вас зависит – принять наше предложение или отвергнуть его. Если вы его примете, мы немедленно уходим; если вы его отвергнете, дети умрут. Выбирайте!

Человек, говоривший с высоты башни, замолк. Снизу раздался голос:

– Мы отказываемся.

Голос этот был решителен и резок. Другой голос, менее резкий, но тоже твердый, добавил:

– Мы даем вам двадцать четыре часа для безоговорочной капитуляции.

Наступило молчание. Наконец тот же голос продолжал:

– Если завтра, в этот час, вы не сдадитесь, мы начнем против вас приступ.

– И тогда никому не будет пощады, – добавил первый голос.

На этот резкий голос отозвался другой голос с крыши башни. Между двух ее зубцов просунулась высокая фигура, в которой при свете звезд можно было узнать грозную фигуру маркиза Лантенака, и фигура эта, как бы ища кого-то в темноте, воскликнула:

– Как, это ты, поп?

– Да, это я, изменник! – ответил снизу грубый и резкий голос.

XI. Ужасы войны

Резкий голос, действительно, принадлежал Симурдэну; более молодой и мягкий был голос Говэна. Маркиз Лантенак не ошибся, признав в первом говорившем аббата Симурд-

эна.

В течение немногих недель в этой стране, которую гражданская война залила кровью, Симурдэн успел приобрести громкую известность, но известность самого жуткого свойства. Про него говорили: «Симурдэн в Вандее будет почище Марата в Парижа и Шалье в Лионе». Аббата Симурдэна настолько же порицали теперь, насколько его прежде уважали: надетая наизнанку священническая ряса всегда производит такое действие. Симурдэн наводил на всех ужас. Люди слишком строгие, в сущности, несчастные люди, их осуждают на основании их поступков; но тот, кто мог бы взглянуть в их душу, быть может, оправдал бы их. Непонятый Ликург может показаться Тиберием. Как бы то ни было, два человека, маркиз Лантенак и аббат Симурдэн, склоняли одинаково низко каждый на свою сторону чашу весов ненависти: проклятия, расточаемые роялистами по адресу Симурдэна, составляли должный противовес ненависти, которую питали республиканцы к Лантенаку. Каждый из этих двух людей считался в противном лагере чудовищем, так что в то самое время, когда марнский депутат назначал в Гранвилле награду за голову Лантенака, Шаррет назначал в Нуармутье награду за голову Симурдэна.

А между тем оба этих человека, и маркиз и аббат, были в каком-то смысле одним существом. У маски гражданской войны два лица; одно из них обращено к прошлому, другое – к будущему, причем они оба одинаково ужасны. Лантенак

был одним из этих лиц, Симурдэн – другим; с той только разницей, что на ужасном облике Лантенака лежали исключительно мрак и тень, а на зловещем лице Симурдэна отсвечивалась утренняя заря.

Таким образом осажденная Тургская башня добилась отсрочки в двадцать четыре часа. Благодаря вмешательству Говэна, как видел читатель, военные действия были приостановлены на этот срок. Гуж-де-Брюан, как оказалось, имел совершенно точные сведения: благодаря стараниям Симурдэна, под начальством Говэна теперь, действительно, было четыре тысячи пятьсот человек, частью линейных солдат, частью национальных гвардейцев, с которыми он и осадил Лантенака в Ла-Турге; кроме того, у него было двенадцать орудий, из которых он поставил шесть у опушки леса, направив их на саму башню, а шесть – на возвышенности, направив их против мостового укрепления. Кроме того, ему удалось подвести мину и расширить брешь у подножия башни.

Поэтому, по истечении суточного срока перемирия, борьба должна была возобновиться при следующем раскладе сил: на холме и в лесу стояли четыре тысячи пятьсот республиканцев; в башне было девятнадцать роялистов, имена которых, в случае желания, можно было бы восстановить на основании публикаций, объявлявших их стоящими вне закона. Мы, впрочем, быть может, еще встретимся с ними.

Симурдэн хотел, чтобы Говэн, поставленный во главе такого значительного отряда, в сущности небольшой армии,

был произведен в генералы; но тот отказался, сказав: «Когда Лантенак будет захвачен, тогда посмотрим. Пока я еще не заслужил этого звания». Впрочем, в нравах республики было поручать команду над значительными силами офицерам, состоящим в сравнительно невысоких чинах.

Странная судьба выпала на долю замка Тур-Говэн: один Говэн его защищал, другой осаждал. Этим может быть объяснена некоторая сдержанность атаки, но отнюдь не защиты, так как Лантенак принадлежал к числу тех людей, которые ничего не щадят; к тому же он почти всю свою жизнь прожил в Версале и относился очень равнодушно к Тургу, которого он почти совсем не знал. Он просто пришел сюда искать убежища, будучи тесним со всех сторон, – вот и все, но он ни на одну минуту не задумался бы в случае необходимости его скрыть. Говэн, напротив, относился к старому замку с большой почтительностью.

Слабым местом этой небольшой крепости был мост. Но в библиотеке, находившейся на мосту, хранились семейные архивы; если повести с этой стороны приступ, невозможно было бы избежать пожара; а Говэну казалось, что сжечь архивы значило бы оскорбить своих предков. Тург был одним из самых старинных замков в Бретани; от него зависели все бретонские лены, подобно тому как в средние века все французские лены зависели от Луврского замка. Кроме того, Говэна связывали с этим замком семейные воспоминания: он здесь родился и вырос. И вот извилистые хитросплетения

судьбы заставили его, взрослого человека, атаковать эти почтенные стены, которые охраняли его, когда он был ребенком. Неужели же он до того проявит свою непочтительность к этому зданию, что превратит его в прах и пепел? Быть может, в каком-нибудь углу чердака еще стоит колыбель, в которой он, Говэн, лежал, когда был младенцем. Воспоминания очень часто бывают способны растрогать человека, и Говэн, ввиду этого старинного дома, его фамильной собственности, был чрезвычайно взволнован. Поэтому-то он и пощадил мост и ограничился тем, что устранил возможность всякой вылазки или бегства в эту сторону, наведя на мост батарею; для атаки же он избрал противоположную сторону, подведя подкоп и мину под самое основание башни.

Симурдэн предоставил ему поступать по-своему; но в душе он был недоволен им, относясь в высшей степени равнодушно и даже пренебрежительно ко всему этому «старому, готическому хламу» и столь же мало допуская снисхождение к зданиям, как и к людям. Щадить замок, это, по его мнению, значило выказывать слабость; а слабость характера, по мнению Симурдэна, была одним из главных недостатков Говэна, и он, внимательно наблюдая за ним, всячески старался остановить его на этой, крайне опасной на его взгляд, наклонной плоскости. Однако он сам, – и он должен был сам себе сознаться в том не без досады, – почувствовал некоторое волнение при виде Тургского замка, этой библиотеки, из которой он брал первые книги, по которым он учил читать

Говэна. Он был сельским священником в соседнем приходе Паринье; он сам, Симурдэн, жил долгое время во флигеле на мосту; в этой самой библиотеке он, держа у себя на коленях Говэна, учил его азбуке; среди этих старых стен он видел своего возлюбленного воспитанника, своего духовного сына, растущим и развивающимся физически и духовно. Неужели он разрушит и сожжет эту библиотеку, этот мостовой флигель, эти стены, среди которых, казалось, еще раздавались благословения, призываемые им на ребенка? Нет, он решил их пощадить, хотя и не без угрызений совести.

Он предоставил Говэну вести осаду с противоположной стороны. Тургский замок имел свою дикую сторону – башню и свою цивилизованную сторону – библиотеку. Симурдэн решил, что атака должна вестись только с первой из этих сторон.

Вообще, это старое здание, защищаемое одним из Говэнов и атакуемое другим Говэном, еще в эпоху французской революции как будто жило старой феодальной жизнью. Вся история состоит из рассказов о войнах между родственниками. Этеоклы и Полиники³⁸⁸ настолько же греки, насколько и готы. Гамлет совершил в Эльсиноре то же самое, что Орест в Аргосе³⁸⁹.

³⁸⁸ Полиник – в греческой мифологии сын Эдипа и Иокасты. В борьбе за царствование в Фивах Полиник выступил вместе со своим тестем от имени Семерых против Фив против своего брата Этеокла. В единоборстве погибли оба брата.

³⁸⁹ На восьмой год после смерти своего отца Агамемнона Орест неизвестным образом вернулся на родину в Аргос и убил свою мать и Эгисфа, так как ими был убит

ХII. Меры для возможного спасения детей

Вся ночь прошла и с той и с другой стороны в приготовлениях.

Как только окончились переговоры, Говэн тотчас же позвал к себе своего помощника. Гешан, о котором уже была выше речь, был человек довольно заурядный, честный, храбрый, созданный больше для повиновения, чем для командования, понятливый до тех пор, пока это нужно начальству, бесстрастный, неподкупный, не способный войти в стовор со своей совестью. Движения его души и сердца регулировались чувством долга и дисциплины, подобно тому как движения пугливой лошади регулируются прикрепленными с обеих сторон ее головы наглазниками, для того чтобы она могла смотреть только прямо перед собой, а не по сторонам, и он поэтому и шел вперед все по прямой линии, не озираясь по сторонам. Шел-то он прямо, но по очень узкой дороге. Впрочем, это был человек вполне надежный, в роли начальника – строгий, в роли подчиненного – послушный.

– Гешан, нам нужна лестница, – обратился к нему Говэн, как только он вошел.

– Господин полковник, у нас нет лестниц.

– Но она нам необходима. Не штурмовая лестница, а спа-

сательная.

– Понимаю, – ответил Гешан, подумав немного. – Но для того, чего вы желаете, нужна очень высокая лестница.

– Да, такая, которая доставала бы, по крайней мере, до третьего этажа.

– Точно так, господин полковник, такой приблизительно высоты она должна быть.

– И даже на всякий случай еще выше того. Но как же случилось так, что у вас нет лестницы?

– Да вот видите ли, господин полковник, вы не заблуждались осадить Тург со стороны плато, а ограничились с этой стороны блокадой; вы пожелали атаковать замок не со стороны моста, а со стороны башни. Поэтому все внимание было обращено на подкоп, и никто и не думал о возможности влезть на стену. Вот почему мы и не заготовили лестниц.

– Ну, так велите сейчас сделать лестницу.

– Лестницу, которой хватало бы до третьего этажа, нельзя изготовить так быстро.

– В таком случае велите связать вместе несколько коротких лестниц.

– Да и короткие-то лестницы не так-то легко найти. Крестьяне повсюду их уничтожают подобно тому, как они снимают с колес телеги и разрушают мосты.

– Это верно! Они думают парализовать тем республику.

– Они желают лишить нас возможности иметь при себе обоз, перейти через реку, взобраться на стену.

– Однако мне во что бы то ни стало нужна лестница.

– Вот что я придумал, господин полковник; в Жавенэ, близ Фужера, есть большая плотницкая мастерская. Там можно будет сделать лестницу.

– Но ведь нам нельзя терять ни одной минуты.

– А к какому времени вам нужна лестница?

– Завтра, к этому часу, – самое позднее.

– Я сейчас пошлю в Жавенэ нарочного с приказом непременно изготовить лестницу к завтрашнему дню. В Жавенэ стоит кавалерийский патруль, который может доставить ее сюда. Завтра, до заката солнца, лестница будет здесь.

– Хорошо, это не будет поздно, – сказал Говэн, – но только поторопитесь. Ступайте!

Десять минут спустя Гешан вернулся и сказал Говэну:

– Господин полковник, нарочный поскакал в Жавенэ.

Говэн взошел на плато и долго смотрел оттуда на мост и на стоявшее на нем здание. Его глухая стена, не имевшая с этой стороны иного входа, кроме низеньких ворот, закрытых в это время поднятым подъемным мостом, выходила на обрыв оврага. Для того чтобы добраться с холма до устоев моста, нужно было спуститься с этого обрыва, что не представлялось невозможным, так как можно было цепляться за кусты. Но, спустившись в ров, нападающий был бы совершенно беззащитен против разных метательных снарядов, которые могли сыпаться на него из всех трех ярусов здания. Это привело Говэна к окончательной мысли, что при существую-

щем положении дел приступ может быть осуществлен только через пролом в башне.

Он принял меры к тому, чтобы сделать всякое бегство из замка невозможным. Он организовал блокаду Турга еще теснее; он расставил свои батальоны так, чтобы сквозь их ряды никто не мог проскочить. Говэн и Симурдэн распределили между собою роли при предстоящей атаке крепости: Говэн взялся руководить атакой со стороны леса, а Симурдэну он предоставил командование со стороны плато. Решено было, что тем временем, пока Говэн и Гешан поведут приступ через подкоп, Симурдэн, зарядив все орудия, поставленные на холм, будет наблюдать за оврагом и мостом.

ХIII. Что делает маркиз

Пока снаружи башни делались приготовления к атаке, внутри ее всю шла подготовка к обороне. Не без основания иногда башню сравнивают с бочкой; взрыв мины способен сделать башню до такой же степени негодной, как удар шилом бочку. Брешь в стене — это то же, что дыра в бочке. Именно это и произошло с Тургской башней. Сильный удар шилом, данный двумя или тремя центнерами пороха, продырявил насквозь толстую стену. Отверстие это шло от основания башни, через всю толщу стены, и кончалось безобразной аркой в ее нижнем этаже. Кроме того, осаждающие, для того чтобы воспользоваться этим отверстием на случай

вылазки, расширили его с помощью пушечных ядер.

Нижний этаж, в который вел этот пролом, был занят залой – самой обширной комнатой во всей башне, имевшей не менее сорока футов в диаметре. Во всех остальных ярусах были совершенно одинаковые комнаты, с той только разницей, что они были снабжены бойницами, между тем как в нижнем зале не было бойниц; он не имел также и окон, так что в нем было темно, как в могиле. В этот же зал выходила обитая железом дверь подземной темницы. Другая дверь из зала выходила на лестницу, которая вела на верхние этажи. Все эти лестницы проходили в толще стены.

В этом зале было так душно, что здесь нельзя было провести и сутки, не рискуя задохнуться. Теперь, благодаря пролому, сюда проникало немного свежего воздуха. Поэтому осажденные и не старались заделать пролом. Да и к чему бы это привело? Пушечные ядра не замедлили бы образовать новый. Поэтому осаждающие могли рассчитывать попасть сюда через пробитый ими в стене пролом. А раз будет взята эта комната, нетрудно будет взять и всю башню.

Осажденные вбили в стену подфакельник, вставили в него факел и осветили таким образом зал.

Возникал вопрос: как здесь защищаться? Положим, можно было бы заделать отверстие, но смысла в этом не было. Лучше было воспользоваться им для того, чтобы обстреливать наступающих. Они и устроили здесь нечто вроде блокгауза, оставив небольшие отверстия для ружей. Угол

этой импровизированной баррикады опирался в центральный столб, а обе его стороны – в стену возле пролома. Кроме того, в подходящих местах были размещены фугасы.

Маркиз лично всем распоряжался с неиссякаемой энергией. Он придумывал, приказывал, руководил и сам помогал работать. Лантенак принадлежал к числу тех генералов XVIII столетия, которые в восемьдесят лет сохраняли еще юношескую бодрость и свежесть. Он походил на того графа Альберта, который, будучи почти восьмидесяти лет от роду, прогнал из Риги польского короля.

– Не робейте, друзья! – говорил маркиз. – В начале нашего столетия, в тысяча семьсот тринадцатом году, Карл Двенадцатый, запершись в Бендерах в одном доме, держался с тремястами шведов против двадцати тысяч турок.

На двух этажах были устроены баррикады, двери были подперты крепкими бревнами, забитыми в распор; пришлось только оставить свободным проход по винтовой лестнице, так как загородить ее для осаждающего значило загородить ее в то же время и для осажденных. Защита укреплений всегда имеет какое-нибудь слабое место.

Маркиз, неутомимый и деятельный, как молодой человек, показывал всем личный пример, перетаскивал балки, помогал рабочим, приказывал, распоряжался, болтал, шутил со своими подчиненными, оставаясь, однако, все время аристократом, гордым – несмотря на фамильярность, изящным – несмотря на простоту в обращении. Нечего было и думать о

том, чтобы возражать ему. Он с самого начала объявил спокойным тоном: «Если б одна половина из вас взбунтовалась, я бы приказал другой расстрелять ее и стал бы защищать башню с оставшейся половиной». Подобные слова заставляют подчиненных боготворить своего начальника.

XIV. Что делает Иманус

Тем временем, пока маркиз распоряжался в башне и около пролома, Иманус распоряжался на мосту. С самого начала осады спасательная лестница, подвешенная поперек наружной стены, под окнами второго этажа, была убрана по распоряжению маркиза и поставлена Иманусом в библиотечной комнате. Быть может, эту-то лестницу и желал заменить Говэн. Окна нижнего этажа, или гауптвахты, были защищены тройным рядом железных полос, крепко вбитых в каменную стену, и здесь проникнуть в помещение было нельзя. Окна библиотеки не были защищены железными полосами, но зато они находились на значительной высоте.

Иманус взял с собою трех надежных, энергичных людей, а именно Уанара, по прозвищу Золотая Ветка, и обоих братьев Пиканбуа. Он захватил фонарь, отпер железные ворота и тщательнейшим образом осмотрел все три этажа мостового здания. Уанар был не менее решителен и неумолим, чем Иманус, так как республиканцы убили у него брата.

Иманус осмотрел верхний этаж, наполненный соломой и

сеном, и нижний этаж, в который он велел принести еще несколько горшков с углями и поставить их рядом со смоляными бочками. Затем он велел подложить пуки сухого вереска к самым бочкам и удостоверился в том, что обмакнутый в раствор серы фитиль, один конец которого находился в башне, а другой на мосту, был в исправном состоянии. Он вылил на пол, под бочки и пуки вереска, часть смолы и обмакнул в нее фитиль; затем он велел поставить в библиотечном зале, как раз над нижним этажом, где была смола, и под верхним, где была солома, три кровати, в которых глубоким, безмятежным сном спали Рене-Жан, Ален и Жоржетта. Кроватки были перенесены сюда с величайшею осторожностью, для того чтобы не разбудить малюток.

Это были обыкновенные деревенские люльки, плетеные ивовые корзины с очень низкими стенками, которые ставятся на пол для того, чтобы ребенок один, без чужой помощи, мог выползти из них. Подле каждой люльки Иманус велел поставить по миске супа и положить по деревянной ложке. Спасательная лестница, снятая с крюков, была положена на пол, вдоль стены. Иманус велел расставить люльки рядом вдоль другой стены, напротив лестницы. Затем, сообразив, что сильная тяга воздуха может оказаться полезной для его целей, он распахнул настежь все шесть окон библиотеки. Стояла ясная и теплая летняя ночь.

Затем он послал братьев Пиканбуа отворить окна нижнего и верхнего этажей. Он заметил на восточном фасаде здания

раскидистый, старый, высохший плющ, цвета трута, покрывавший почти всю стену с этой стороны и обрамлявший окна. Он подумал, что этот плющ может оказаться полезным. Наконец Иманус окинул еще раз все внимательным взглядом, вышел из здания со своими тремя спутниками и возвратился в башню. Он запер железные ворота на два поворота ключа, внимательно осмотрел громадный, тяжелый замок, затем, с довольным видом, взглянул на фитиль, проходивший сквозь просверленную им в воротах дыру и составлявший отныне единственный путь сообщения между башней и мостовым зданием. Фитиль этот шел от круглого зала башни, проходил сквозь железные ворота, вдоль свода, спускался в нижний этаж, извиваясь по витой лестнице, проползал по полу коридора нижнего этажа и своим концом упирался как раз в лужу пролитой жидкой смолы и вороха сухого вереска. Иманус высчитал, что понадобится приблизительно с четверть часа для того, чтобы этот фитиль, подожженный внутри башни, зажег лужу дегтя под библиотечной комнатой. Произведя осмотр и сделав все эти приготовления, он принес обратно ключ от железных ворот маркизу Лантенаку, который сунул его в карман.

Нужно было внимательно следить за всеми движениями осаждающих. Иманус поднялся на верхнюю площадку башни, со своим пастушьим рогом на поясе, и стал караулить, всматриваясь то направо, по направлению к лесу, то налево, по направлению к мосту. Рядом с ним, в амбразуре стены,

лежала пороховница, мешок из парусины, наполненный пулями, и кipa старых газет, из которых он, разрывая их, делал патроны.

Когда вошло солнце, оно осветило восемь батальонов, выстроившихся в лесу с примкнутыми штыками и готовых по первому приказу кинуться на приступ; на плато – батарею пушек, с зарядными ящиками, в которых были и ядра, и картечь; в башне – девятнадцать человек, заряжавших ружья, пистолеты и мушкетоны; а в трех люльках – трех спящих детей.

Книга третья.

Варфоломеевская резня

I

Наконец, дети проснулись. Раньше всех проснулась маленькая Жоржетта.

Просыпающийся ребенок – это словно распускающийся цветок. Из этих невинных душ словно несется какое-то свежее благоухание.

Жоржетта, младшая из трех детей, двадцатимесячный ребенок, которую еще в мае мать кормила грудью, приподняла свою головку, уселась в своей люльке, посмотрела на свои ножки и принялась болтать. Луч утреннего солнца падал на ее убогую кроватку; но трудно было бы сказать, у чего был нежнее розовый цвет – у утренней зари или у ножки ребенка.

Мальчики еще спали: сон у мужчины всегда бывает крепче. А Жоржетта, веселенькая и спокойная, болтала да болтала.

Рене-Жан был черноволос, у Гро-Алена волосы были каштановые, а у Жоржетты совершенно белокурые. Цвет волос у детей в зависимости от их возраста часто меняется. Рене-Жан похож был на маленького Геркулеса; он спал ничком, подложив под лицо оба свои кулачка. Гро-Ален перекинул

обе ноги за спинку своей люльки.

Все трое были одеты в лохмотья. Одежда, которой снабдил их батальон Красной Шапки, давно уже износилась. На них не было даже белья; оба мальчика были почти голые, а на Жоржетте было надето что-то такое, что когда-то представляло юбку, а теперь не похоже было даже на кофточку. Да и кому было заботиться об этих детях? Некому. Матери у них не было; а дикари-крестьяне, таскавшие их за собой из леса в лес, уделяли им часть своей пищи, но, конечно, с ними не нянчились. Малютки изворачивались, как умели. Но ребенок, даже и в лохмотьях, представляет собой светозарное явление. Словом, эти дети были прелестны.

Жоржетта болтала. Болтовня ребенка – это то же, что щебетание птички, это – тот же гимн, – невнятный, но возвышенный. Но ребенок имеет перед собой то, чего нет у птички, – мрачную судьбу человека. От этого и происходит то, что взрослый человек не может слышать без грусти веселого пения младенца. Самый возвышенный гимн, который можно услышать на земле, – это лепет человеческой души в устах младенца. Это смутное шептание мысли, являющейся пока лишь инстинктом, содержит в себе как бы призыв к вечной правде: оно может также являться протестом, скромным и печальным, прежде чем переступить через порог жизни. Это неведение, улыбающееся бесконечности, как бы приобщает все сотворенное к судьбе, готовящейся этому слабому, безоружному существу. Если случится несчастье, оно явится

злоупотреблением доверия. Лепет ребенка – это в одно и то же время и больше и меньше, чем человеческое слово. Это не ноты, и в то же время это пение; это не слова, и в то же время это язык; лепет этот начинается на небе, но не кончается на земле; он начинается еще раньше рождения ребенка и продолжается долго после него. Этот лепет состоит из того, что говорил ребенок, когда он был еще ангелом, и из того, что он скажет, когда станет человеком. У колыбели есть свой вчерашний день, подобно тому, как у могилы есть день завтрашний; вчерашний и завтрашний дни сливаются в этом щебетании свое темное неизвестное; и ничто лучше не доказывает существования Бога, вечности, ответственности, двойственности судьбы, чем эта печальная тень в этой розовой душе.

То, что лепетала Жоржетта, очевидно, не печалило ее, так как все ее милое личико улыбалось: улыбались ее губки, улыбались глазки, улыбались ямочки на щечках. Эта сплошная детская улыбка была как бы приветом зарождающемуся утру. Душа любит свет. Небо было голубое, солнце ярко светило, в воздухе было тепло. Это слабое созданище, ничего не зная, ничего не понимая, бессознательно мечтало, чувствовало себя в полнейшей безопасности среди этих честных деревьев, среди этой искренней зелени, среди этой чистой и мирной природы, среди мягкого и приятного шума ручейков, листвы, насекомых, птишек, над которыми ярко сияло невинное, радостное солнце.

Вслед за Жоржеттой проснулся старший, «большой» ее брат – четырехлетний Рене-Жан. Он вскочил в кровати на ножки, перешагнул через спинку кровати, увидел свою миску, нашел это вполне естественным, уселся на полу и принялся за свой завтрак. Болтовня Жоржетты не в состоянии была разбудить младшего из мальчиков, толстяка Гро-Алена; но стук ложки о миску заставил его открыть глаза и усесться в кроватке. Гро-Алену было три года от роду. Он увидел и свою миску, протянул ручонку и, не вылезая из кроватки, поставил миску к себе на колени, взял в кулачок ложку и, следуя примеру старшего брата, принялся есть.

Жоржетта их не слушала и продолжала что-то мурлыкать себе под нос. Широко открыв глазки, она смотрела куда-то вверх; что бы ни было над головою ребенка, потолок или свод, в глазах его постоянно отражается небо.

Рене-Жан опорожнил свою миску, выскреб дно ее ложкой, вздохнул и проговорил серьезным голосом: «Я съел свой суп». Слова эти вывели Жоржетту из ее задумчивости, и она повторила: «Шуп, шуп». Затем, увидев, что Рене-Жан уже закончил свой завтрак, а Гро-Ален кончает его, она также взяла стоявшую рядом с ней мисочку и принялась есть, поднося, однако, ложку гораздо чаще к уху, чем ко рту. Иногда она отказывалась от благ цивилизации и ела просто пальцами. Гро-Ален, выскребя, по примеру старшего своего брата, дно миски, выполз из кроватки, и они вдвоем пустились бегать.

II

Вдруг внизу, со стороны леса, раздался громкий и резкий звук рожка. На этот звук сверху, из башни, ответил звук трубы. На этот раз призыв исходил от рожка, а труба только вторила. Вторично рожок дал сигнал, и вторично на него ответила труба. Затем с опушки леса раздался отдаленный, но довольно внятный голос, который кричал:

– Разбойники, сдавайтесь! Если вы не сдадитесь к закату солнца, мы начнем штурм!

– Штурмуйте! – раздался с верхней площадки голос, похожий на рычание.

– За полчаса до приступа, – продолжал голос снизу, – в качестве последнего предупреждения будет сделан пушечный выстрел.

– Штурмуйте! – повторил голос с башни.

Эти голоса не долетали до детей, но звуки рожка и трубы доносились дальше, и потому Жоржетта при первом звуке рожка перестала есть и вытянула шейку; при вторичном звуке она приподняла указательный пальчик правой руки и стала размахивать им в такт трубным звукам; когда рожок и труба замолкли, она, не опуская пальчика, пролепетала вполголоса:

– Музыка!

Мальчики, Рене-Жан и Гро-Ален, не обратили внимания

на звуки трубы и рожка, так как они всецело отдались наблюдениям над мокрицей, как раз в это время ползшей по комнате.

– Гляди-ка, животное! – воскликнул Гро-Ален, первый заметивший насекомое.

Рене-Жан подбежал к нему.

– Оно кусается, – продолжал Гро-Ален.

– Нет, не кусается, ты только его не трогай, – рассудительно заметил Рене-Жан.

И оба они, наклонившись над насекомым, стали внимательно его рассматривать.

Тем временем Жоржетта окончила свой завтрак и стала глазами искать своих братьев. Рене-Жан и Гро-Ален удалились в оконную нишу и продолжали, сидя на корточках, наблюдать за движениями мокрицы, чуть не сталкиваясь лбами; они от восхищения едва переводили дыхание и смотрели на насекомое, переставшее ползти и, очевидно, вовсе не польщенное таким избытком внимания.

Жоржетта, заметив, что ее братья чем-то заинтересовались, также пожелала узнать, в чем дело. Хотя ей и нелегко было добраться до братишек, она, однако, рискнула и отправилась в путь. Путешествие совершилось не без затруднений. Пол был завален опрокинутыми табуретами, кипами бумаг, пустыми ящиками, баулами и разными другими предметами, которые приходилось обходить, – словом, целым архипелагом подводных камней. Но все-таки Жоржетта пусти-

лась в путь. Выкарабкавшись из своей кровати, она принялась обходить различные препятствия, лавировать в теснинах; она отодвинула один табурет, проползла между двумя ящиками, перешагнула через связку бумаг, где ползая, где спотыкаясь, почти совсем голенькая и, наконец, успела выбраться в то, что моряк назвал бы открытым морем, то есть в довольно обширное пространство комнаты, которое ничем не было загромождено и где уже не было никаких опасностей. Она проползла это пространство на четвереньках, с быстротой котенка, и добралась до окошка. Но тут она натолкнулась на непреодолимое препятствие – на длинную лестницу, положенную вдоль стены, захватывавшую почти все окошко и образовавшую между Жоржеттой и ее братьями нечто вроде мыса. Она остановилась и стала размышлять. Окончив свой монолог, она схватилась обеими своими розовыми ручонками за одну из перекладин лестницы, лежавшей в горизонтальном положении, так что перекладина приходилась вертикально к полу. Затем она попробовала встать на ножки, но упала; два раза она возобновляла свою попытку, которая, наконец, в третий раз увенчалась успехом; тогда, придерживаясь поочередно за каждую из перекладин лестницы, она направилась вдоль нее; добравшись до конца лестницы и не имея под руками точки опоры, она было споткнулась, но удержалась на ножках, обогнула страшный мыс, взглянула на Рене-Жана и Гро-Алена и засмеялась.

III

В эту самую минуту Рене-Жан, довольный своими наблюдениями над мокрицей, поднял голову и проговорил:

– Это самка.

Смех Жоржетты заставил рассмеяться Рене-Жана, а смех Рене-Жана заразил Гро-Алена. Жоржетте удалось, наконец, благополучно присоединиться к братьям, и, таким образом, составился небольшой кружок, расположившийся на полу. Однако тем временем мокрица исчезла: она воспользовалась смехом Жоржетты для того, чтобы забраться в щель в полу.

Это обстоятельство, впрочем, не слишком огорчило детей, так как наступили другие важные события. Во-первых, мимо окна пронеслась стая ласточек. По-видимому, их гнезда были под карнизом крыши. Они кружились около окна, беспокоясь, очевидно, за своих птенцов, описывая большие круги по воздуху и о чем-то между собою тараторя. Это заставило троих детей поднять глаза, и мокрица была забыта. Жоржетта ткнула пальчиком по направлению к ласточкам и проговорила:

– Кокочки!

Но Рене-Жан поправил ее, проговорив строгим голосом:

– Какая ты глупая девочка! Кто же говорит «кокочки»?

Говорят «пташки».

– Птаски, – покорно пролепетала Жоржетта, и все трое

принялись смотреть на ласточек.

Вслед за тем в открытое окно влетела пчелка. Пчелка похожа на детскую душу: она порхает с цветка на цветок, как душа со звезды на звезду, и впитывает в себя мед, как душа впитывает в себя свет.

Эта пчела, влетев, громко жужжала, как бы желая сказать: «Вот и я! Я только что была в гостях у роз; теперь я прилетела в гости к детям. Ну, что вы здесь поделяваете, малютки?» Пчела – это та же домовитая хозяйка: она, любя, не может не поворчать.

Пока пчела оставалась в комнате, трое ребят не спускали с нее глаз. Пчела осмотрела всю библиотеку, залетела во все углы, налеталась по всей комнате, как будто она была дома, в своем улье, и в качестве крылатой, жужжащей гостьи заглядывала через стеклянные дверцы на корешки книг, как будто желая ознакомиться с заглавиями последних. Окончив свой осмотр, она улетела.

– Она отправилась к себе домой, – проговорил Рене-Жан.

– Это зверь, – заметил Гро-Ален.

– Не зверь, а муха, – наставительно произнес Рене-Жан.

– Мука, – поддакнула Жоржетта.

Затем Гро-Ален нашел где-то веревочку, на одном конце которой был узел, схватил ее указательным и большим пальцами за конец, противоположный узлу, и стал кружить ее вокруг себя, с глубочайшим вниманием следя за кругами, описываемыми ею по воздуху. Со своей стороны, Жор-

жетта, снова превратившись в четвероногое существо, продолжала ползать в разных направлениях по полу. Наконец ей удалось сделать важное открытие: она наткнулась в своих странствованиях на старое, изъеденное молью кресло, из-под обивки которого, через несколько дыр, выглядывал конский волос. Это кресло сильно заинтересовало ее: она стала ковырять пальчиком дыры и вытаскивать из них конский волос.

Вдруг она подняла кверху пальчик, что должно было означать: «Слушайте». Оба мальчика повернули головы. Издали доносился какой-то грохот. Вероятно, нападающие совершали какой-нибудь маневр возле леса. Лошади ржали, барабаны били, пушки грохотали, цепи лязгали, рожки перекликались, и весь этот разнообразный шум сливался в какую-то страшную гармонию. Удивленные и восхищенные этим новым развлечением дети стали прислушиваться.

– Это Боженька шумит, – проговорил Рене-Жан.

IV

Шум вскоре прекратился, но Рене-Жан оставался погруженным в задумчивость.

Каким образом возникают и исчезают мысли в этих маленьких головках? Действию каких таинственных законов подчинена работа этих шатких и несформировавшихся рассудков? В этой маленькой задумавшейся головке в эту ми-

нугу перемешалось все: и Боженька, и молитва, и сложенные ручки, и какая-то нежная улыбка, останавливавшаяся когда-то на вас, но которой теперь уже не было видно, и Рене-Жан прошептал вполголоса:

– Мама.

– Мама, – повторил Гро-Ален.

– Мама, – пролепетала Жоржетта.

Рене-Жан принялся прыгать. Гро-Ален не замедлил последовать его примеру. Вообще, Ален считал своею обязанностью рабски копировать все движения и жесты своего старшего брата. Жоржетта была самостоятельнее. Трехлетнему возрасту свойственно подражать четырехлетнему; но полуторагодовалый ребенок стремится к большей независимости.

Жоржетта осталась сидеть на полу, лепеча время от времени какие-нибудь слова. Она не любила говорить фразами, для нее это было пока тяжело, а изъяснялась лишь отрывочными словами и односложными изречениями. Она была мечтательница. Однако по прошествии некоторого времени пример подействовал заразительно и на нее; она нашла нужным подражать братьям, и все три пары маленьких босых ножек принялись топтать, семенить и прыгать по старому пыльному дубовому паркету, под строгими взорами мраморных бюстов, на которые Жоржетта бросала иногда беспокойные взгляды, лепеча: «Люди». Хотя она и старалась подражать братьям, но она охотнее ползала на четвереньках, чем бегала

на двух ножках.

Вдруг Рене-Жан, приблизившись к одному из окон, поднял голову, но сейчас же живо опустил ее и спрятался за прилоку окна: он заметил кого-то, смотревшего на него. Это был один из «синих», который, воспользовавшись кратким перемирием и, быть может, отчасти нарушая его, рискнул приблизиться до рва, откуда можно было заглянуть внутрь библиотеки. Увидев, что Рене-Жан прячется, Ален счел нужным также спрятаться рядом с ним. Жоржетта тоже последовала примеру старших братьев. Они сидели там молча, неподвижно, причем Жоржетта приложила свой пальчик к губам. По прошествии нескольких минут Рене-Жан рискнул высунуть голову, – солдат все стоял на прежнем месте. Рене-Жан быстро отдернул голову, и трое малюток не осмеливались переводить дыхание. Наконец этот страх надоел Жоржетте, и она, в свою очередь, решилась выглянуть. Солдат ушел. Они снова принялись бегать и играть.

Гро-Ален, хотя вообще старался подражать Рене-Жану и преклонялся пред ним, имел, однако, одну склонность – он любил делать находки. Его братишка и сестренка вдруг увидели его неистово скачущим, причем он тащил за собой небольшую тележку на четырех колесах, которую откопал неизвестно откуда. Эта кукольная тележка, очевидно, валялась здесь, всеми забытая, в течение многих лет, в добром соседстве с творениями гениев и с бюстами мудрецов. Быть может, это была одна из игрушек, которою забавлялся Говэн,

будучи ребенком.

Ален сделал из своей бечевки кнутик, которым он бойко пощелкивал, чем немало гордился. Это, впрочем, слабость всех изобретателей: если нельзя открыть Америку, то открываешь тележку. Все-таки открытие. Но этой находкой ему пришлось поделиться с другими: Рене-Жан пожелал впрячься в нее, а Жоржетта – в нее залезть.

Рене-Жан изображал собою лошадь, а Гро-Ален – кучера. Но так как оказалось, что кучер не умел править, то лошади пришлось его учить, как что делается.

– Кричи: «ну-у!» – сказал Рене-Жан Алену.

– Ну-у! – повторил Ален. Но в эту минуту экипаж опрокинулся и Жоржетта покатила по полу. Иногда и ангелы умеют кричать, и Жоржетта закричала благим матом. Потом ей захотелось плакать.

– Сударыня, – заметил ей Рене-Жан, – вам стыдно плакать: вы большая.

– Я большая, – повторила Жоржетта, и сознание своего величия заставило ее забыть про падение.

Карниз под окнами был очень широк. На нем насело немало пыли, нанесенной сюда с площадки; дожди снова превратили эту пыль в землю, ветер принес сюда семена, и некоторые травки воспользовались импровизированной грядкой для того, чтобы пустить здесь ростки. Между прочим, ухитрился пустить здесь корни один вид терновника, известный под именем «лисьей морошки». Стоял август, и ветка была

покрыта ягодами; она спускалась до самого пола.

Все тот же Гро-Ален, открывший уже веревочку, открывший тележку, открыл теперь и эту ветку. Он приблизился к ней, сорвал ягоду и съел ее. «И мне!» – проговорил Рене-Жан. Жоржетта тоже подросла, галопируя на руках и на коленках. Они втроем обобрали ветку и съели все ягоды. При этом они до того перепачкали себе лица, что из трех маленьких серафимов превратились в трех маленьких фавнов, что вызвало бы негодование Данте и привело бы в восторг Вергилия. При этом они все трое заливались смехом.

По временам они кололи себе пальцы, но не обращали на это внимания. Жоржетта протянула старшему брату свой пальчик, на котором выступила капелька крови, и проговорила, указывая на ветку:

– Она кусается.

Гро-Ален, который тоже успел уколотся, подозрительно взглянул на ветку и проговорил:

– Это зверь.

– Вовсе не зверь, а палка, – поправил его Рене-Жан.

– Злая палка, – сердито пробормотал Гро-Ален.

Жоржетте и на этот раз захотелось было плакать, но вместо того она засмеялась.

V

Однако Рене-Жан, завидуя, может быть, успешным от-

крытиям своего младшего брата, задумал великий проект. Уже в течение некоторого времени, срывая морошку и укалывая себе пальцы, он неоднократно обращал взоры к предмету, похожему на церковный аналой и стоявшему посреди библиотеки. На этом аналое, или пюпитре, лежал знаменитый фолиант «Святой Варфоломей»³⁹⁰.

Это был, действительно, великолепный и замечательный том in quarto. Он был издан в Кельне знаменитым издателем Библии 1682 года Блёвом или, по-латыни, Цезиусом. Он был напечатан не на голландской, а на прекрасной белой арабской бумаге, приводившей в восхищение Эдризиды, сделанной из шелка и хлопка, и никогда не желтевшей. Переплетен он был в позолоченную кожу, с серебряными застежками; белые листы в начале и в конце книги были сделаны из того редкого пергамента, который можно найти только в монастыре Святого Матурина и нигде больше. Том этот был переполнен гравюрами на меди и на дереве и географическими картами разных стран. В виде предисловия к нему был напечатан протест печатников, бумажников и книготорговцев против эдикта 1635 года, облагавшего налогом «кожу, пиво, парнокопытных животных, морскую рыбу и бумагу», а на оборотной стороне заглавного листа можно было прочесть посвящение Грифам, игравшим в Лионе такую же роль, ка-

³⁹⁰ *Святой Варфоломей* – один из 12 апостолов Христа. О его жизни и деятельности почти ничего не известно. По одним сведениям, он проповедовал в Индии, по другим – в Месопотамии, Парфии, Аравии и Армении.

кую Эльзевиры играли в Амстердаме. Все это делало этот экземпляр почти такую же достопримечательностью, как и московский «Апостол».

Вообще книга эта была очень красива и поэтому Рене-Жан рассматривал ее, быть может, с излишним вниманием. Фолиант был раскрыт как раз на странице, на которой был большой эстамп, изображавший святого Варфоломея, несущего в руке содранную с него кожу. Эту гравюру, благодаря наклонному положению верхней доски пюпитра, можно было разглядеть снизу. Когда были съедены все ягоды морошки, Рене-Жан взглянул на картинку жадно-зловещим взором; а Жоржетта, следившая глазами за направлением взоров старшего брата, тоже заметила гравюру и пролепетала:

– Калтинка.

Это слово, казалось, положило конец нерешительности Рене-Жана, и он, к великому удивлению Гро-Алена, совершил нечто необыкновенное. В одном из углов библиотеки стоял большой стул из дубового дерева. Рене-Жан направился к этому стулу, схватил его и потащил к аналою. Приставив его вплотную к последнему, он влез на стул и положил оба кулака на книгу. Добравшись до своей цели, он почувствовал потребность оказаться на высоте своего положения: он схватил «калтинку» за верхний угол и стал отрывать ее; но, несмотря на все свое старание, он оторвал ее вкось, так что остался прикрепленным к корешку весь левый угол ли-

ста, с левым глазом и частью сияния святого мученика. Затем он очень галантно преподнес Жоржетте всю остальную часть святого, с перекинутой через руку его кожей включительно. Жоржетта благосклонно приняла подношение и пролепетала:

– Человек.

– И мне, и мне! – завопил Ален.

Первая вырванная из книги страница – это то же, что первая пролитая капля крови: за этим начинается истребление.

Рене-Жан перевернул страницу. За изображением святого оказалось изображение комментатора Пантэна. Рене-Жан преподнес комментатора Гро-Алену. Тем временем Жоржетта нашла нужным разорвать свой большой лист на два меньших, затем оба меньших на четыре еще меньших, и таким образом святой Варфоломей, после содрания с него кожи в Армении, семнадцать веков спустя был четвертован в Бретани.

VI

Окончив четвертование листа с картинкой, Жоржетта протянула к Рене-Жану руку и пролепетала:

– Еще!

После святого и комментатора наступила очередь толкователей. Первым на очереди оказался Гавантус. Рене-Жан вырвал и его и отдал Гавантуса в распоряжение Жоржетты.

За ним через ее руки прошли все толкователи жития святого Варфоломея.

Дарить приятно, и Рене-Жан простер свое великодушие до того, что сам себе ничего не оставил. Ален и Жоржетта взирали на него с благоговением, и это вполне удовлетворяло его; восторг публики – высшая награда для истинного артиста. Итак, Рене-Жан, неистощимый в своем великодушии, подарил сначала Гро-Алену Фабричио Пиньаттели, а Жоржетте – патера Стильтинга; затем Гро-Алену – Альфонса Тоста, а Жоржетте – Корнелия Лапида; далее Ален получил Генриха Гаммонда, а Жоржетта – патера Роберти, в придачу еще вид города Дуэ, в котором этот патер родился в 1619 году. Алену достался протест типографщиков, а Жоржетте – посвящение семейству Грифов. В фолианте оказались также и географические карты; Рене-Жан разделил и их: Эфиопию он подарил Алену, а Ликаонию – Жоржетте. Свершив все это, он сбросил книгу на пол.

То была страшная минута. Ален и Жоржетта смотрели с чувствами восторга и ужаса, как Рене-Жан сперва нахмурил брови, раздвинул на стуле ноги, сжал кулаки и, наконец, спихнул с аналоя массивный фолиант. Падение старой книги не лишено трагизма. Этот сдвинутый с места тяжелый том повисел некоторое время в воздухе, покачался и, наконец, грохнулся на пол – изорванный, помятый, с погнутыми застегками. К счастью, он при своем падении не задел малюток и растянулся на полу вверх корешком.

Дети были поражены, но не ушиблены. Нельзя сказать, чтобы все подвиги победителей всегда оканчивались так же благополучно. Подобно падению всякой славы, падение редкостного фолианта произвело страшный грохот и подняло целое облако пыли.

Покончив с книгой, Рене-Жан слез со стула. Наступило молчание ужаса: и победа вызывает ужас у победителя. Трое ребят, взявшись за ручонки, стояли в сторонке, не спуская глаз с побежденного фолианта. Первым оправился от чувства робости Гро-Ален, он решительно приблизился к остаткам книги и пнул их ногою.

Это послужило сигналом. Известно, что у детей, как и у взрослых, сильно развита страсть к разрушению. Рене-Жан тоже счел нужным пнуть книгу ногой. Жоржетта намеревалась было сделать то же, но потеряла равновесие и упала; тогда она накинулась на книгу руками. Детьми овладел настоящий экстаз. Они набросились на фолиант, веселые, торжествующие, беспощадные, рвали картинки и печатные листы, вытаскивали закладки, царапали переплет, отклеивали золотые украшения на кожаном переплете, выковыривали серебряные гвоздики из наугольников, сгибали пергаментные листы, работали одновременно руками, ногами, ногтями и зубами; эти три хищных ангела, розовые, смеющиеся и свирепые, набросились на беззащитного евангелиста. Они уничтожали с одинаковой беспощадностью и Армению, и Иудею, и Беневент, где хранятся мощи святого, и Нафанаила, быть

может тождественного с Варфоломеем, и папу Геласия³⁹¹, объявившего Евангелие Варфоломея-Нафанаила апокрифическим, и все оставшиеся еще в ней политипажи и карты. Эта беспощадная казнь старого фолианта до того поглотила все их внимание, что они не обратили даже ни малейшего внимания на пробежавшую мимо них мышку.

Это было полное уничтожение. Разносить по частям историю, легенду, науку, чудеса, истинные или ложные, церковную латынь, предрассудки, фанатизм, мистерии, разорвать сверху донизу целую религию, – этот труд, достойный трех великанов, могут совершить и трое малых ребят. Правда, им пришлось употребить на это дело несколько часов, но все же они справились с ним и от святого Варфоломея не осталось ничего.

Когда все было кончено, когда была вырвана последняя страница, когда последняя гравюра очутилась на полу, когда от всего фолианта остались только обрывки печатного текста и картин в переплете, тогда Рене-Жан выпрямился, взглянул на валявшиеся на полу клочки бумаги и захлопал в ладоши. Гро-Ален последовал его примеру. Жоржетта подняла с полу один лист книги, встала на ноги, прислонилась к подоконнику, доходившему ей до подбородка, и стала, отрывая от листа полоски, выбрасывать их в окошко.

³⁹¹ Геласий I – римский папа в 492–496 гг., причислен к лику святых. Установил строгое различие между каноническими и неканоническими книгами, ввел праздник Сретения.

Увидев это, Рене-Жан и Гро-Ален пожелали последовать ее примеру. Они, подобно Жоржетте, стали подбирать с полусты, разрывать их и бросать обрывки за окошко; и вскоре вся старинная книга, страница за страницей, разорванная на мелкие кусочки этими маленькими пальчиками, улетела, подхваченная ветром. Жоржетта задумчиво смотрела на то, как порхали по воздуху эти рои белых бумажек, и пролепетала: «Бабочки».

Вскоре дело истребления книги было завершено ветром, разнесшим ее во все четыре стороны света.

VII

Такова была вторичная казнь святого Варфоломея, в первый раз принявшего мученический венец в 49 году от Рождества Христова.

Тем временем наступил вечер. Было жарко, воздух был неподвижен, глаза Жоржетты начали слипаться. Рене-Жан подошел к своей кровати, стащил с нее мешок, набитый соломой, заменявший матрац, приволок его к окну, разостлал его на полу, вытянулся на нем и сказал: «Давайте спать». Гро-Ален положил свою голову на живот Рене-Жана, Жоржетта положила свою на живот Алена, и трое маленьких палачей заснули.

Через открытые окна в комнату проникали теплый воздух и благоухание цветов, росших по соседним холмам и овра-

гам. В природе все было тихо; все блестело, все было полно ко всему любовью. Солнце заливало землю своим ласковым светом; всеми порами чувствовалась гармония, выливающаяся из каждого творения природы; в бесконечности было что-то материнское. Мир Божий – это вполне распустившееся чудо, смягчающее свое величие своею добротою. Кажется, будто что-то невидимое принимает эти таинственные предосторожности, оберегающие в страшном столкновении существ слабого против сильного. И в то же время это было прекрасно; великолепие равнялось кротости. Вся окрестность, как бы объятая сладкой дремою, покрыта была тем волнистым лоском, которым покрывают долины и реки передвигающиеся тени. Легкая мгла поднималась к облакам, точно мечты к видениям. Стаи птиц носились над Тургской башней: ласточки заглядывали в окна, как бы желая убедиться в том, хорошо ли спят дети. Последние составляли прелестную группу, неподвижную, полунагаую, точно три маленьких амура; они были восхитительны; им втроем было неполных девять лет; они, очевидно, видели сладкие сны, и на устах их лежала ангельская улыбка; быть может, Бог шептал им что-то на ухо; они были теми, что на всех человеческих наречиях называются слабыми и благословенными; невинность их внушала почтение. Все вокруг них молчало, как будто их ровное дыхание интересовало весь мир и как будто к нему прислушивалась вся вселенная; листья не шелестели, трава не шуршала; казалось, будто обширный звезд-

ный мир затаил дыхание для того, чтобы не нарушить сна этих трех ангелов. Нельзя было представить себе ничего более величественного, чем это глубокое уважение природы к таким маленьким созданиям.

Солнце уже приближалось к горизонту. Вдруг, среди этого глубокого мира природы, блеснула молния, сверкнувшая из чащи леса, и затем раздался громкий гул. Это был пушечный выстрел. Эхо подхватило этот гул и стало перекатывать его с холма на холм, с возвышенности на возвышенность. Шум разбудил Жоржетту.

Она приподняла немного голову, вытянула пальчик, прислушалась и проговорила: «Бум!»

Но шум умолк, и снова водворилась тишина. Жоржетта опять склонила свою головку на Гро-Алена и снова уснула.

Книга четвертая. Мать

I. Смерть шествует

В этот самый вечер мать, которая, как читатель знает, брела почти наугад, едва не падала от усталости, проведя целый день; впрочем, она это делала ежедневно: она все шла и шла, никогда не останавливаясь. Даже когда она засыпала от усталости в первом попавшемся углу, это нельзя было назвать сном, точно так же, как нельзя было назвать питанием те крохи пищи, которые она от времени до времени принимала и которые не в состоянии были бы насытить даже птицу. Она ела и спала ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы не упасть на землю мертвой.

Предшествовавшую ночь она провела в пустом сарае. Во время гражданской войны подобные убежища встречаются часто. Она нашла среди открытого поля четыре стены, раскрытую дверь, немного соломы под остатками кровли и улеглась на этой соломе, под этой крышей, чувствуя сквозь солому, как под нею шныряли крысы, и видя сквозь остатки кровли мерцание звезд. Она проспала несколько часов; затем проснулась среди ночи и пустилась в путь, чтоб успеть пройти возможно большее пространство до наступления полуденной жары. Для пешехода летом полночь приятнее по-

лудня.

Она, как умела, старалась держаться того пути, который указал ей вантортский крестьянин, и следовала по возможности в западном направлении. Если бы кто-нибудь был рядом с ней, он мог бы ясно слышать, как она ежеминутно повторяла: «Ла-Тург». Кроме имен своих троих детей, она теперь помнила только это слово.

Но ходьба не мешала ей думать. Она думала о пережитых ею приключениях, обо всем, что она перестрадала, о всем, с чем ей пришлось смириться, – о своих встречах, о грубом с ней обращении, о поставленных ей условиях, о предложенных и заключенных сделках, то из-за убежища, то из-за куска хлеба, то просто из-за указания дороги. Несчастливая женщина более достойна сожаления, чем несчастный мужчина, потому что она в то же время является и орудием удовольствия. Ужасный торг! Впрочем, что ей было за дело до этого, лишь бы ей удалось разыскать своих детей!

В этот день ей прежде всего попало на пути селение. Заря едва брезжила, и все вокруг было еще окутано ночным сумраком. Однако несколько ворот, выходящих на деревенскую улицу, были уже приотворены, и из окон высовывались головы любопытных. Обыватели волновались, как потревоженный пчелиный улей. Вызвано было это волнение неожиданно раздавшимся среди ночной тишины стуком копыт и колес.

На площади, перед церковью, стояла перепуганная тол-

па, которая, подняв глаза кверху, смотрела на что-то, спускавшееся по дороге к селению с ближайшего холма. Это была большая четырехколесная телега, запряженная пятью лошадьми, с цепями вместо постромок. На телеге были навалены какие-то длинные брусья, среди которых виднелось что-то неопределенной формы, и это что-то было покрыто большим чехлом, похожим на саван. Десять верховых ехали впереди телеги и столько же позади нее. На них были надеты треугольные шляпы и над их плечами виднелись острия сабель наголо. Все это шествие, медленно приближаясь, отчетливыми черными линиями выделялось на горизонте; и телега, и лошади, и всадники – все казалось черным. Сзади них брезжила заря.

Эта процессия въехала в селение и направилась на площадь. Тем временем, пока повозка спускалась, немного рассвело, и можно было яснее различить кортеж, похожий на шествие призраков, так как из его среды не раздавалось ни единого звука.

Всадники оказались жандармами, державшими сабли наголо. Покрывало было черное.

Несчастливая мать со своей стороны вошла в селение и приблизилась к толпе крестьян в то самое время, когда на площадь въезжали повозка и жандармы. В толпе раздавались вопросы и ответы, произносимые вполголоса.

– Что это такое?

– А это из Фужера везут гильотину.

– Куда же ее везут?

– Не знаю. Говорят, что ее везут в какой-то замок около Паринье.

– Пускай ее везут куда угодно, лишь бы она не останавливалась здесь!

Большая повозка со своею кладью, покрытой чем-то вроде савана, жандармы, лязг цепей, молчаливый конвой, ранний утренний час – во всем этом было что-то неестественное.

Кортеж проехал по площади и выехал из деревни. Последняя лежала в котловине, как раз между спуском и подъемом. По прошествии получаса крестьяне, оставшиеся стоять как вкопанные, снова увидели мрачную процессию на вершине холма, лежавшего к западу. Большие колеса прыгали по выбоинам, цепи упряжи бряцали среди тишины раннего утра, сабли блестели, обливаемые лучами восходящего солнца. Поворот дороги – и все исчезло.

В эту самую минуту Жоржетта, как мы видели выше, просыпалась в библиотечной зале и любовалась своими розовыми ножками, между тем как лежавшие рядом с ней маленькие братья спали еще сладким сном.

II. Смерть говорит

Мать с любопытством посмотрела на проехавшую мимо нее странную повозку, но не поняла, да и не старалась понять, что это такое, так как перед глазами ее носилось другое

видение – ее дети, поглощенные мраком.

Вскоре после того, как кортеж исчез из виду, она вышла из деревни и направилась по той же дороге, немного позади заднего взвода жандармов. Вдруг ей припомнилось слово «гильотина». «Гильотина», – подумала она. Эта дикарка, Михалина Флешар, не знала, что это такое, но какой-то инстинкт подсказал ей неведомый смысл этого слова. Она, сама не отдавая себе отчета, почему-то задрожала, и ей показалось страшным идти за этой машиной; она взяла влево, свернула с дороги и углубилась в чащу деревьев, оказавшуюся Фужерским лесом.

Пробродив некоторое время, она увидела на опушке леса колокольню и крыши. Она проголодалась и потому пошла по направлению к этим зданиям. Селение было одно из тех, в которых республиканцы устроили сторожевой пост.

Она дошла до площади перед квартирой мэра. И в этом селении среди жителей царил страх и волнение. Перед низким крыльцом в несколько ступеней, составлявших вход в мэрию, толпился народ. На крыльце стоял какой-то человек, державший в руках развернутым какой-то лист; позади него стоял военный конвой. Справа от него стоял барабанщик, а слева – чиновник, с горшком клея и кистью в руке. На балконе, над входной дверью в мэрию, стоял сам мэр, опоясанный поверх своей крестьянской одежды трехцветным шарфом. Человек, с развернутым листом бумаги, был общественным глашатаем. Поверх его официальной перевязи ви-

села небольшая сумка, что означало, что он переходит из селения в селение и что ему поручено огласить что-то для всеобщего сведения.

В ту самую минуту, когда Михалина Флешар приблизилась к крыльцу, глашатай только что развернул лист и принялся читать громким голосом:

– «Французская республика, единая и неделимая...»

Раздалась барабанная дробь. В толпе произошло некоторое движение; одни сняли шапки, другие надвинули шляпы еще ниже на глаза. В те времена и в той стране можно было почти безошибочно определить мнение человека по его головному убору: в шляпах были роялисты, шапки были на республиканцах. Говор прекратился. Все стали прислушиваться. Глашатай продолжал читать:

– «...в силу данных нам Комитетом общественного спасения приказаний и полномочий...»

Барабанщик вторично забил дробь. Глашатай продолжал:

– «...и во исполнение декрета национального Конвента, лишаящего покровительства закона всех бунтовщиков, захваченных с оружием в руках, а также подвергающего уголовному наказанию всякого, кто даст у себя убежище или будет способствовать бегству...»

– Что такое значит «уголовному наказанию»? – шепотом спросил один из крестьян у своего соседа.

– Не знаю, – ответил сосед.

– «...принимая в соображение, – продолжал глашатай,

махая в воздухе афишей, – 17-ю статью закона от 30 апреля, предоставляющую неограниченные полномочия комиссарам в возмутившихся провинциях, – объявляются стоящими вне закона...»

Здесь он помолчал немного и затем продолжал:

– «...лица, обозначенные нижеследующими именами и фамилиями...»

Толпа замерла. Глашатай еще более повысил голос и продолжал:

– «...Лантенак, разбойник!»

– Это он о нашем барине, – пробормотал один из крестьян. И по всей толпе пронеслось:

– Это наш барин.

– «...Лантенак, бывший маркиз, а ныне разбойник! – продолжал глашатай. – Иманус, разбойник!»

– Это Гуж-ле-Брюан.

– Да, это истребитель синих, – проговорили два крестьянина, искоса поглядывая друг на друга.

– «...Гран-Франкёр, разбойник», – продолжал глашатай свое перечисление.

– Это священник. Это господин аббат Тюрмо, – пронеслось в толпе.

– Да, он состоит священником где-то в окрестностях Шапельского леса.

– Что не мешает ему быть разбойником, – заметил третий.

– «...Буануво, разбойник, – читал глашатай. – Оба брата

Пиканбуа, разбойники. – Узар, разбойник...»

– Это господин де Келен, – проговорил один из крестьян.

– «...Панье, разбойник...»

– Это господин Сефер.

– «...Плас-Нетт, разбойник...»

– Это господин Жамуа.

Глашатай продолжал свое чтение, не обращая внимания на эти комментарии.

– «...Гинуазо, разбойник. – Шатенэ, по прозвищу Роби, разбойник...»

– Гинуазо – это Белокурый, Шатенэ – это Сент-Уэн, – прошептал один крестьянин.

– «...Уанар, разбойник», – читал глашатай.

– Он из Рюлье, – слышалось в толпе. – Да, это Золотая Ветка. – Еще его брат был убит при нападении на Понторсон. – Да, да, Уанар-Малоньер. – Такой красивый девятнадцатилетний парень!

– Тише! – крикнул глашатай. – Выслушайте список до конца: «Бель-Винь, разбойник. Ла Мюзетт, разбойник. Сабрту, разбойник. Брэн д'Амур, разбойник...»

Какой-то парень толкнул локтем стоявшую возле него девушку. Та улыбнулась.

– «...Шант ан Ивэр, разбойник, – продолжал глашатай. – Ле Ша, разбойник...»

– Это Мулар, – заметил один из крестьян.

– «...Табуз, разбойник...»

– Это Гоффри, – пробормотал другой крестьянин.

– Да ведь их двое, Гоффри, – заметила какая-то женщина.

– Оба они молодцы, – проговорил крестьянин.

Глашатай затряс афишей, и барабанщик забил дробь. Глашатай продолжал чтение:

– «...Вышепоименованные лица, где бы они ни были схвачены, по удостоверении их личности, будут немедленно преданы смерти».

По толпе пробежало движение. Глашатай продолжал:

– «...А всякий, кто даст им у себя убежище или станет способствовать их бегству, будет предан военно-полевому суду и казнен смертью. Подписано...»

Воцарилось глубокое молчание.

– «Подписано: комиссар Комитета общественного спасения *Симурдэн*».

– Тоже священник, – проговорил один из крестьян.

– Да, бывший приходский священник в Паринье, – подтвердил другой.

– Тюрмо и Симурдэн, – заметил третий. – Один белый, другой синий; оба священники.

– Это неверно, что один синий, другой белый, они оба черные, – сострил четвертый.

– Да здравствует республика! – воскликнул мэр, стоявший все время на балконе, приподнимая свою шляпу.

Барабанная дробь возвестила толпе, что глашатай еще не

кончил; и, действительно, он сделал знак рукой.

– Внимание! – крикнул он. – Вот еще четыре последние строчки правительственного объявления. Они подписаны начальником экспедиционного отряда на северном побережье, полковником Говэном.

– Слушайте! слушайте! – пронеслось в толпе.

– «...Под страхом смертной казни...» – прочел глашатай.

Все затаили дыхание.

«...Под страхом смертной казни запрещается, во исполнение вышеприведенного распоряжения, оказывать какую-либо помощь девятнадцати вышепоименованным бунтовщикам, окруженным и запертым в настоящее время в Тургской башне».

– Что? Тургская башня? – раздался в толпе голос.

То был женский голос, голос матери.

III. Народный гул

Михалина Флешар замешалась в толпу. Хотя она и не вслушивалась в то, что читалось и говорилось, но когда до ее слуха долетели слова «Тургская башня», она подняла голову.

– Что! – повторила она. – Тургская башня?

Все оглянулись на нее. Она имела совершенно растерянный вид, а тело ее было покрыто лохмотьями.

– Это какая-то бродяжка, – раздалась вокруг нее голоса.

Одна крестьянка, несшая в корзине лепешки из гречневой

крупы, приблизилась к ней и сказала ей на ухо:

– Замолчите!

Михалина Флешар с удивлением посмотрела на эту женщину. Она снова перестала что-либо понимать. Это слово «Ла-Тург» словно молнией озарило ее ум, и затем все опять покрылось густым мраком. Разве она не имела права спросить? Чего это все так на нее уставились?

Барабанщик в последний раз ударил дробь, чиновник приклеил к стене афишу, мэр возвратился в свои комнаты, глашатай отправился в следующую деревню, и толпа начала расходиться. Перед афишей осталась только небольшая кучка людей. Михалина Флешар направилась к этой группе. В ней шли разговоры по поводу лиц, только что объявленных стоящими вне закона. Группа эта состояла из белых и из синих, то есть из крестьян и мещан. Какой-то крестьянин говорил:

– А все же им не удалось захватить всех. Девятнадцать человек – это еще далеко не все. В этом списке не значится ни Приу, ни Бенжамен Мулен, ни Гупиль из Андудьеского прихода.

– Ни Лориен из Монжана, – вставил другой.

– Ни Брис-Дени, ни Франсуа Дюдуэ из Лавалья, – раздалось в толпе. «Ни Гюэиз из Лонэ-Вилье». «Ни Грежис». «Ни Пилон». «Ни Фильёль». «Ни Мениссан». «Ни Гегаррэ». «Ни три брата Ложерэ». «Ни господин Лешанделье из Пьервилля».

– Дураки! – проворчал седовласый старик. – Разве вы не понимаете, что когда они захватят Лантенака, в их руках будет все?

– Да ведь они его еще не захватили, – пробормотал один из более молодых.

– Лантенак захвачен – захвачена душа, – продолжал старик. – Лантенак убит – убита Вандея.

– А кто такой этот Лантенак? – спросил один из мещан.

– Это – один из «бывших», – ответил другой мещанин.

– Это – один из тех, которые расстреливают женщин, – добавил третий.

Михалина Флешар услышала эти слова и проговорила:

– Это верно.

На нее оглянулись.

– Да, да, меня расстреляли, – продолжала она. Эти слова «меня расстреляли» произвели на толпу странное впечатление: живое существо вдруг объявляло себя мертвецом. Ее начали разглядывать несколько искоса. Ее внешний вид, действительно, производил тяжелое впечатление: вся трепещущая, дрожащая, растерянная, озиравшаяся, как дикий зверь, и до того перепуганная, что она способна была навести страх и на других. В отчаянии женщины, при всем ее бессилии, есть что-то ужасное. Перед собой точно видишь существо, повешенное над бездной судьбы. Но крестьяне смотрят на вещи несколько грубее. Один из них пробормотал сквозь зубы:

– Должно быть, шпионка.

– Замолчите же и уходите, – шепнула ей та самая женщина, которая уже раньше заговаривала с нею.

– Да ведь я никому не делаю зла, – ответила Михалина Флешар. – Я только разыскиваю своих детей.

Женщина взглянула на тех, которые уставились на Михалину Флешар, приложила себе палец ко лбу и, мигая глазами, проговорила:

– Она говорит правду.

Затем она отвела ее в сторону и дала ей гречневую лепешку.

Михалина Флешар, даже не поблагодарив ее, с жадностью принялась есть лепешку.

– Да, – сказали крестьяне, – она ест, точно скотина. Очевидно, она не виновата.

Затем и последние разошлись; все удалились один за другим.

Когда Михалина Флешар закончила есть, она сказала крестьянке:

– Хорошо; я насытилась. А теперь укажите мне дорогу в Ла-Тург.

– Ну, вот, снова начинается! – воскликнула крестьянка.

– Мне необходимо идти в Ла-Тург. Как туда пройти?

– Ни за что вам этого не скажу, – проговорила крестьянка. – Чтобы вас там убили, что ли! Да к тому же я и не знаю дороги туда. Что же это такое, вы действительно с ума со-

шли? Послушайте, моя милая, у вас такой усталый вид. Хотите отдохнуть у меня?

– Мне некогда отдыхать, – ответила мать.

– У нее с ног даже кожа сошла, – проговорила вполголоса крестьянка.

– Ведь вам же говорят, – с живостью заговорила Михалина Флешар, – что у меня украли моих детей: двух мальчиков и девочку. Я иду из жилища Тельмарка-Бродяги, там, в лесу, знаете? Вы можете справиться обо мне у Тельмарка, да и у того крестьянина, которого я встретила там в поле. Этот бродяга меня вылечил. Кажется, у меня была переби-та какая-то кость. Все это, действительно, было. Да вот еще сержант Радуб, и у него можно справиться. Он все скажет; ведь это он встретил нас в лесу. Трое, слышите ли, трое детей. Старшего зовут Рене-Жан; я могу доказать это; второго зовут Гро-Ален, а девочку – Жоржетта. Мой муж умер; его убили. Он был крестьянином в Сискуаньяре. У вас такой добрый вид: пожалуйста, укажите мне дорогу. Я не сумасшедшая, – я мать. Я потеряла своих детей и теперь ищу их, – вот и все. Я сама не знаю, откуда я иду. Прошлую ночь я спала на соломе в каком-то сарае. А теперь я иду в Ла-Тург. Я не воровка. Вы видите, что я говорю правду. Следовало бы помочь мне разыскать моих детей. Я не здешняя. Меня расстреляли, но я сама не знаю где.

– Послушайте, проходя, – проговорила крестьянка, пожимая плечами, – во время революции не следует болтать

такого вздора, которого никто не понимает. Вас за это могут арестовать.

– Где Ла-Тург? – воскликнула несчастная мать. – Ради Младенца Иисуса и Пресвятой Девы прошу вас, умоляю вас, скажите мне, как мне пройти в этот Тург?

– Не знаю! – резко сказала окончательно рассердившаяся крестьянка. – И если бы я и знала, то все-таки не сказала бы вам. Это нехорошее место. Вам туда незачем идти.

– А я все-таки пойду туда, – сказала Михалина и, действительно, пошла.

Крестьянка посмотрела ей вслед и пробормотала:

– Однако нужно же ее хоть покормить.

Она побежала вслед за Михалиной и сунула ей в руку еще одну лепешку, со словами: «Возьмите себе это на ужин».

Михалина Флешар взяла лепешку, ничего не отвечая, не поворачивая даже головы, и продолжала идти вперед. Она вышла за околицу селения. Здесь она встретила трех детей в лохмотьях. Она подошла к ним поближе и пробормотала про себя: «Нет, не они. Две девочки и один мальчик». Заметив, что они уставились на ее лепешку, она отдала ее им. Дети пугливо схватили ее, а Михалина углубилась в лес.

IV. Ошибка

В это самое утро, еще до рассвета, среди царившего еще в лесу сумрака, по дороге, ведущей от Жавенэ к Лекуссу,

случилось следующее:

В лесной части Бретани все дороги сильно разбиты и, кроме того, дорога из Жавенэ в Паринье, через Лекусс, проходила между двух обрывистых холмов, к тому же она была очень извилиста; вообще она походила скорее на овраг, чем на дорогу. Эта дорога идет из Витрэ, и когда-то по ней проезжала карета госпожи Севинье. Вдоль дороги, с обеих сторон, тянутся изгороди. Словом, трудно представить себе лучшее место для засады.

В это утро, за час перед тем, как Михалина Флешар, пройдя другой стороной леса, зашла в первое селение, где ей довелось увидеть мрачное шествие гильотины, в лесной чаще, через которую проходит Жавенейская дорога, сразу за мостом, через реку Куэнон, собралась толпа людей, прятавшихся в густом кустарнике. Люди эти были крестьянами, одетыми в кожаные плащи, вроде тех, какие носили короли Бретани в VI столетии и которые продолжали носить крестьяне в XVIII. Они были вооружены, одни – ружьями, другие – мотыгами. Те, у которых были мотыги, только что сложили на небольшой лужайке костер из сухого хвороста и бревен, который оставалось только поджечь. Те же, у которых были ружья, расположились по обе стороны дороги и затаились. Если бы кто-нибудь мог разглядеть этих людей сквозь чащу листьев, то он увидел бы, что все они держали указательный палец правой руки у взведенных курков, направив дула своих ружей из-за ветвей на дорогу. Очевидно было, что они

засели в засаду. Среди утренних сумерек раздавались отрывочные, произносимые вполголоса слова:

- Уверен ли ты в этом?
- Да, так говорят.
- Она сейчас проедет?
- Говорят, что она уже недалеко.
- Ну, так пускай же она здесь и остается.
- Нужно ее сжечь.
- Нас именно для этого и собралось здесь три деревни.
- А как же с конвоем?
- Его перебьют.
- Да верно ли, что она проедет именно по этой дороге?
- Говорят.
- Значит, ее везут из Витрэ?
- Конечно.
- А раньше слышно было, что ее повезут из Фужера.
- Из Фужера или из Витрэ – один черт.
- Это верно.
- Ну и пускай себе едет обратно.
- Конечно.
- В Паринье ее везут, что ли?
- Кажется.
- Ну, туда она не попадет.
- Ни за что!
- Тише, тише!

Действительно, нелишне было помолчать, так как начина-

ло уже светать. Вдруг сидевшие в засаде люди затаили дыхание: послышались стук колес и конский топот. Они взглянули из-за ветвей и увидели на дороге длинную повозку, на которой что-то лежало, и конный конвой. Все это направлялось в их сторону.

– Вот она! – проговорил человек, которого можно было принять за предводителя отряда.

– Да, – подтвердил другой, – да еще с конвоем.

– В конвое всего двенадцать человек; а говорили, что их будет двадцать.

– Двенадцать или двадцать – все равно; мы всех их перебьем.

– Нужно подождать, пока они подъедут поближе.

Немного погодя повозка и конвой показались из-за поворота дороги.

– Да здравствует король! – крикнул один из крестьян, и раздался залп из ста ружей.

Когда дым рассеялся, конвоя уже не оказалось: семь всадников были убиты, остальные пятеро обратились в бегство. Крестьяне подбежали к повозке.

– Смотрите-ка! – воскликнул предводитель. – Это вовсе не гильотина, а лестница.

Действительно, на повозке не оказалось ничего, кроме лестницы. Обе лошади были ранены; возчик был убит.

– Впрочем, все равно, – продолжал предводитель, – лестница, которую везут под конвоем, это нечто подозрительное.

Везли ее по направлению к Паринье. Очевидно, она предназначалась для того, чтобы по ней взобраться на Тургскую башню.

– Нужно ее сжечь! – воскликнули крестьяне, что и было немедленно выполнено.

Что касается той зловещей повозки, которую они в действительности поджидали, то она направилась по другой дороге и была уже двумя милями дальше, в том самом селении, в котором видела ее Михалина Флешар.

V. Vox in deserto³⁹²

Михалина Флешар, расставшись с детьми, которым она отдала свою лепешку, пустилась наугад дальше, идя по лесной тропинке. Так как крестьянка не захотела указать дорогу, то ей приходилось самой отыскивать ее. Она то присаживалась, то вставала, то снова присаживалась. Она чувствовала, как усталость переходила из мускулов в кости. Такую усталость чувствуют рабы; и она, действительно, была рабой, – рабой своего материнского чувства. Ей во что бы то ни стало нужно было найти своих детей; каждая потерянная минута могла быть для них роковой. Тот, на ком лежит такая обязанность, не имеет больше никаких прав; она не признавала за собою права на отдых. Но она дошла до такой степени усталости, когда после каждого лишнего шага можно за-

³⁹² Голос в пустыне (*лат.*).

дать вопрос: в состоянии ли будет человек сделать следующий? Она была на ногах с самого утра, не встретив на своем пути ни селения, ни даже отдельного дома. Она сначала пошла по одной тропинке, затем свернула на другую, и кончилось тем, что она окончательно заблудилась в гуще леса. Приближалась ли она к цели? Достигла ли она конца своих страданий? Она шла по тернистому пути и чувствовала то изнеможение сил, которое чувствует обычно путник, делая последний переход. Неужели она упадет на дороге и больше не сможет подняться? Минутами ей казалось, что она не в состоянии будет сделать и шага вперед. В лесу было темно, тропинки исчезали под травой, и она не знала, что ей делать. Она стала кричать, – никто не отзывался. Ей оставалась одна только надежда – на Бога.

Она осмотрелась кругом и увидела сквозь ветви просвет, направилась в ту сторону и внезапно очутилась на открытом пространстве. Перед ней была долина или, вернее сказать, узкая ложбина, на дне которой струился по камням ручеек. При виде воды она вспомнила, что ее давно уже томит жажда. Она подошла к ручью, нагнулась и напилась. Воспользовавшись тем, что для того, чтобы напиться, ей пришлось стать на колени, она горячо помолилась.

Приподнявшись, она постаралась ориентироваться и перешагнула через ручей. За ложбинкой тянулась насколько хватал глаз возвышенность, покрытая низкорослым кустарником, которая от самого ручейка медленно поднималась и

терялась в дали. Если лес представлял собой уединенное место, то возвышенность была пустыней. В лесу, по крайней мере, можно было надеяться, что из-за каждого куста может показаться человек; на этой же возвышенности сразу было видно, что здесь никого нет. Только несколько птиц, как будто от чего-то спасавшихся, летали над вереском.

Тогда, чувствуя, как ноги ее подкашиваются, и придя в какое-то исступление, несчастная мать обратилась к пустынной местности с воплем отчаяния:

– Эй, кто тут?!

Она стала ждать ответа, и ответ не замедлил последовать. Раздался глухой, точно выходящий из глубины, голос, который несколько раз повторило эхо; но это было похоже не столько на человеческий голос, сколько на громовой удар или на пушечный выстрел. Матери, однако, показалось, будто этот голос ей ответил: «Да». Затем снова воцарилась мертвая тишина.

Михалина ободрилась и оживилась. Значит, все-таки вблизи кто-то есть, значит, она здесь не одна. Она только что напилась воды и помолилась; и то и другое ее подкрепило, и она принялась взбираться на плато с той стороны, откуда она услышала отдаленный громкий голос.

Вдруг на горизонте появилась высокая башня, одиноко возвышавшаяся среди равнины и позолоченная лучами заходящего солнца. Но до башни было еще больше лье. Позади нее, сквозь вечернюю мглу, чернел Фужерский лес. Михали-

не показалось, что звук, услышанный ею, раздался со стороны башни.

Михалина Флешар дошла до вершины плато. У ног ее расстилалась равнина. Она пошла по направлению к башне.

VI. Положение вещей

Решительный момент наступил. Неумолимость одержала верх над беспощадностью. Лантенак был в руках Симурдэна. Берлога старого мятежника была обложена со всех сторон. И было очевидно, что ему из нее не выбраться. Симурдэн настаивал на том, чтобы маркиз был обезглавлен тут же на месте, в своем имении, так сказать, в своем доме, для того чтобы старое феодальное жилище стало как бы свидетелем того, как скатится голова его феодала, и чтобы пример этот остался у всех надолго в памяти. Поэтому-то он и послал в Фужер за гильотиной, перевозку которой в Тург случайно увидела Михалина Флешар.

Убить Лантенака, по его мнению, означало убить Вандею; а убить Вандею – значило спасти Францию. Симурдэн не колебался. Для этого человека ничего не стоило быть жестоким ради исполнения того, что он считал своим долгом.

Маркиз погиб, – в этом отношении Симурдэн был спокоен; но его беспокоило нечто другое. Борьба, без сомнения, будет отчаянная. Говэн будет распоряжаться ею и, быть может, пожелает принять в ней личное участие. Этот молодой

начальник был прежде всего солдат и готов был броситься в рукопашную схватку. Как бы не убили его духовного сына, единственное существо в мире, к которому он питал нежную любовь. Правда, до сих пор Говэну благоприятствовало счастье, но и удача порой устает. Симурдэн нервничал. По странной иронии судьбы он очутился между двух Говэнов, из которых одному он желал смерти, другому – долголетия.

Пушечный выстрел, который разбудил Жоржетту в ее кровати и вызвал ее мать из лесного уединения, привел не только к этим результатам. Вследствие ли простой случайности или же благодаря искусно взятому прицелу, ядро, которое должно было служить лишь простым сигналом, попало точно в железные полосы, маскировавшие большую бойницу нижнего этажа башни, погнуло и наполовину сорвало их. Осажденные не имели времени исправить это повреждение.

Осажденные только хвастались, заявив, будто у них очень много боевых припасов; в действительности же их было очень мало. Вообще их положение было гораздо более тяжелым, чем даже могли предположить осаждающие. Если бы у них было достаточно пороха, то они могли бы взорвать башню, как только в нее проникли бы осаждающие, конечно, взорвав вместе с ними и самих себя; они и мечтали об этом, но их запасы пороха были ничтожны; их едва хватало на тридцать выстрелов на человека. Правда, ружей, мушкетов и пистолетов было достаточно, но было мало патронов. Они зарядили все имевшееся в их распоряжении огне-

стрельное оружие для того, чтоб иметь возможность поддерживать непрерывный огонь; но на сколько времени его могло хватить? Приходилось в одно и то же время и поддерживать огонь, и беречь запасы. Вот в чем заключалась главная их беда. К счастью – жалкое счастье! – можно было предвидеть, что борьба предстоит преимущественно рукопашная, лицом к лицу, на саблях и на кинжалах, – борьба, в которой придется больше рубить и колоть, чем стрелять; это была единственная их надежда.

Впрочем, башня казалась неприступной. В нижней зале, на которую выходил пролом в стене башни, была баррикада, искусно сооруженная Лантенаком и загораживавшая вход. Позади баррикады стоял длинный стол, на котором навалены были заряженные ружья, карабины, мушкетеры, сабли, кинжалы и топоры. Не имея возможности воспользоваться для взрыва башни склепом, соединявшимся с нижней залой, маркиз велел наглухо закрыть дверь в него. Над нижней залой была круглая комната второго этажа, в которую, как уже сказано выше, можно было попасть только по очень узкой винтовой лестнице; в этой комнате, как и в нижней зале, стоял большой стол, заваленный всякого рода оружием, так что к нему оставалось только протянуть руку. Она была освещена большой бойницей, с которой ядро только что сорвало решетку; из этой комнаты лестница вела в круглую комнату следующего этажа, в которой была железная дверь, выходившая на мостовое здание. Эта комната называлась и «комна-

той с железною дверью» и «зеркальной комнатой», так как по стенам ее, на ржавых гвоздях, висело множество маленьких зеркал, – довольно странное украшение в этой суровой обстановке. Так как продолжительная оборона была невыносима, то зеркальный зал являлся тем, что Манессон Маллет, в своем трактате об оборонительных сооружениях, называет «последним убежищем, в котором осажденные заключают капитуляцию». Нужно было стараться во что бы то ни стало не допустить сюда осаждающих.

И эта круглая комната освещалась бойницами; кроме того, здесь горел факел, вставленный в железный подфакельник, вроде того, который был внизу. Этот факел был зажжен Иманусом, положившим возле самого факела фитиль, пропитанный серой. Мрачные предосторожности!

В глубине нижнего зала, на длинных подмостках, расставлена была еда, напоминавшая собой гомерический пир: большие блюда с рисом, ржаной кашей, телячьим рагу, лепешками из разваренных в воде муки и овощей, кувшины с яблочным вином. Всякий мог здесь есть и пить, сколько его душе было угодно.

Пушечный выстрел заставил всех встрепнуться. Оставалось всего полчаса до начала приступа.

Иманус с вышки башни наблюдал за приближением осаждающих. Лантенак строго запретил стрелять раньше времени, прежде чем атакующие подойдут на самое близкое расстояние.

– Их четыре тысячи пятьсот человек, – сказал он. – Убивать их извне бесполезно. Бейте их только тогда, когда они войдут. Внутри башни равенство сил восстановится, – и, засмеявшись, он добавил: – Равенство и Братство!

Решено было, что, когда неприятель двинется в атаку, Иманус предупредит о том, протрубив в рог. Все, в глубоком молчании, разместившись за баррикадой или на ступеньках лестницы, ждали, держа в одной руке ружье, а в другой – четки.

Вот как обстояли дела на тот момент. Нападающим предстояло ворваться в пролом, овладеть сначала баррикадой, затем тремя находящимися одна над другою комнатами и захватить, ступенька за ступенькой, под градом пуль, две узкие винтовые лестницы. Осажденным предстояло только одно – умереть.

VII. Приготовления

Говэн, со своей стороны, готовился к штурму. Он давал последние указания Симурдэну, который, как помнит читатель, должен был, не принимая непосредственного участия в деле, охранять холм, и Гешану, который должен был с большей частью отряда оставаться и наблюдать у опушки леса. Было условлено, что ни нижняя батарея у опушки леса ни верхняя батарея на плато не будут стрелять, если только не будет вылазки или попытки к прорыву. Говэн принял личное

командование над штурмовой колонной. Это-то обстоятельство и смущало Симурдэна.

Солнце только что зашло. Башня на открытом месте похожа на корабль в открытом море. Их приходится атаковать одинаковым образом; это скорее абордаж, чем штурм. Пушки здесь становятся бесполезными. Что проку обстреливать стены в пятнадцать футов толщиной? Отверстие в борту, в которое одни стараются проникнуть и которое другие всячески стараются загородить, топоры, ножи, пистолеты, кулаки, зубы – вот что такое этого рода бой.

Говэн понимал, что не было иного пути для того, чтобы овладеть башней. Ничего не может быть убийственнее нападения, в котором противники сходятся лицом к лицу. Ему знакомо было строение башни, так как он бывал в ней ребенком. Он впал в глубокую задумчивость.

В нескольких шагах от него его помощник Гешан, с подозрительной трубой в руке, смотрел вдаль, по направлению к Паринье. Вдруг он воскликнул:

– А, наконец-то!

– Что такое, Гешан? – спросил Говэн, выведенный этим восклицанием из своей задумчивости.

– А вот, господин полковник, везут спасательную лестницу.

– Как, разве она еще не здесь?

– Нет, господин полковник, и я начал уже тревожиться. Нарочный, которого я посылал в Жавенэ, вернулся и сооб-

шил, что он нашел у жавенейских плотников лестницу желаемых размеров, что он реквизирует ее, велел погрузить на телегу, потребовал конвой в двенадцать всадников и что он сам видел, как телега, конвой и лестница двинулись по дороге в Паринье, после чего он прискакал сюда.

– Да, да, знаю; и он добавил еще, что так как повозка запряжена двумя здоровыми лошадьми и двинулась в путь во втором часу утра, то она может быть здесь еще до заката солнца. Все это мне известно. Ну и что же?

– Ну и вот, господин полковник, солнце уже зашло, а повозки с лестницей все еще не видать.

– Неужели? Однако нам пора начинать приступ. Данный нами срок уже истек. Если мы еще промедлим, осажденные подумают, что мы трусим.

– Ну, что же, господин полковник, поведем приступ!

– Но как же мы будем штурмовать без лестницы?

– Отчего без лестницы? С лестницей. Вы только что слышали, как я воскликнул: «А, наконец-то!» Видя, что повозка не едет, я взял подзорную трубу и стал смотреть на дорогу из Паринье в Ла-Тург; к великому моему удовольствию, господин полковник, я увидел на дороге повозку с лестницей и конвой. Вон она спускается с холма. Вы сами можете увидеть ее.

– Действительно, это она, – проговорил Говэн, взяв у Гешана подзорную трубу и посмотрев в нее. – Впрочем, уже смеркается и нельзя хорошо ее рассмотреть. Но вот и кон-

вой; ну, конечно, это она! Только конвой кажется мне более многочисленным, чем тот, который вы отправили, Гешан.

– Да, и мне самому так показалось.

– Они теперь приблизительно в четверти лье отсюда.

– Через четверть часа лестница будет здесь, господин полковник. Значит, можно начинать штурм.

То, что они увидели, была действительно повозка, но только не та, которую они ждали.

Говэн, обернувшись, увидел позади себя сержанта Радуба, стоявшего вытянувшись в струнку, с рукою под козырек, по всем правилам военной дисциплины.

– Что вам нужно, сержант Радуб? – спросил он.

– Гражданин полковник, мы, команда батальона Красной Шапки, желали бы просить вас об одной милости.

– О какой милости?

– Не будете ли вы, господин полковник, так добры, чтобы велеть нас убить?

– Что такое? – спросил Говэн. – Убить? Зачем убить?

– Вот видите ли, господин полковник, после Дольского дела вы бережете нас. А нас еще двенадцать человек. Это для нас очень обидно.

– Вы будете в резерве.

– Мы предпочли бы находиться в авангарде.

– Но я вас берегу для решительного удара. Вы мне еще понадобится. Вы ведь тоже входите в состав штурмовой колонны.

– Да, но только сзади; а парижане привыкли и имеют право идти впереди всех.

– Хорошо, я подумаю об этом, сержант Радуб.

– Только сделайте это сегодня, господин полковник. Такой удобный случай не скоро представится. Дело, очевидно, будет жаркое. Можно будет здорово обжечь себе пальцы о Тургскую башню. Мы просим, как милости, чтобы нас послали в первых рядах.

Тут сержант остановился, покрутил себе ус и продолжал дрогнувшим голосом:

– И затем, вот видите ли, господин полковник, в этой башне заперты наши ребята; у нас там трое детей, то есть детей нашего батальона. Все эти Грибульи, Гуж ле Брюаны, Иманусы, и как их там зовут, этих разбойников, угрожают нашим детям; слышите ли, господин полковник, нашим малюткам! Хотя бы земля разверзлась под нашими ногами, мы не допустим, чтобы с ними случилось какое-либо несчастье. Слышите, господин полковник, мы этого не допустим! Я воспользовался недавним перемирием, прокрался к мосту и посмотрел на них в окошко. Оказалось, что они действительно там, эти херувимчики, я видел их собственными глазами и даже, этакий дурак, перепугал их. Я, сержант Радуб, клянусь всем, что есть святого, господин полковник, что, если падет хоть один волос с их маленьких головок, я этого так не оставлю. Да и весь наш батальон говорит: «Мы желаем, чтобы ребята наши были спасены или чтобы нас убили». Ведь

имеем же мы на это право, черт побери! Да, чтобы нас всех убили! Счастливо оставаться, господин полковник!

Говэн протянул Радубу руку и проговорил:

– Вы – молодцы! Я назначаю вас в штурмовую колонну, но я разделю вас на две части: шесть человек я поставлю в авангард, для того чтобы колонна шла за вами, а шесть человек в арьергард, для того чтобы никто не отступал.

– А что же, господин полковник, я по-прежнему остаюсь начальником этих двенадцати человек?

– Конечно. А как же иначе?

– В таком случае благодарю вас, господин полковник. Значит, я буду в авангарде.

Радуб приложил руку к козырьку и возвратился к своему батальону.

Говэн посмотрел на часы, сказал несколько слов на ухо Гешану, и штурмовая колонна начала строиться.

VIII. Речь и рычание

Симурдэн, еще не ушедший на свой пост на плато и стоявший возле Говэна, приблизился к трубачу и сказал ему:

– Давай сигнал трубе на башне.

Рожок подал сигнал, труба с башни ответила. Затем рожок и труба еще раз обменялись сигналами.

– Что это значит? – обратился Говэн к Гешану. – Что нужно Симурдэну?

Тем временем Симурдэн приблизился к башне, размахивая белым платком.

– Эй, вы там, в башне, – крикнул он громким голосом, – знаете ли вы меня?

– Знаем, – ответил голос с башни. То был голос Имануса.

Затем между обоими этими голосами произошел следующий диалог:

– Я – комиссар Конвента.

– Неправда: ты бывший сельский поп из Паринье.

– Я – делегат Комитета общественного спасения, представитель закона.

– Неправда: ты бывший поп, ты расстрига.

– Я – Симурдэн, комиссар революционного правительства.

– Неправда: ты отступник, ты дьявол.

– Итак, вы меня знаете.

– Мы тебя ненавидим.

– Вы были бы рады, если бы я попал к вам в руки?

– Сколько нас тут есть, всего восемнадцать человек, мы все охотно отдали бы наши головы за твою.

– Ну, так слушайте же: я отдаюсь вам в руки.

– Милости просим, – раздалось с башни и затем послышался дикий взрыв хохота.

Внизу весь лагерь точно замер, прислушиваясь к этому диалогу.

– Но только с одним условием, – продолжал Симурдэн. –

Слушайте.

– С каким же это условием? Говори!

– Вы меня ненавидите, а я вас люблю. Я – ваш брат.

– Да, такой же брат, каким Каин был Авелю, – раздался голос с башни.

Симурдэн продолжал со странной интонацией голоса, в одно и то же время и надменной и кроткой:

– Оскорбляйте меня, но выслушайте! Я пришел к вам парламентаром. Да, вы – мои братья. Вы – темные, заблуждающиеся люди. Я – друг ваш. Я – свет, говорящий с тьмою. А свет – это братство. Да и к тому же, разве у нас всех не одна общая мать – родина? Ну, так слушайте же меня! Вы узнаете впоследствии, или это узнают ваши дети, или же внуки, что все, совершающееся ныне, совершается во исполнение законов, предписанных свыше. Неужели же в ожидании того времени, когда все умы, и даже ваши, поймут это, когда все страсти, и даже наши, улягутся, в ожидании того, когда прольется свет, – неужели же никто не сжалится над вашей темнотой? Я прихожу к вам, предлагая вам мою голову; даже больше – я протягиваю вам руку. Я прошу у вас, как милости, чтобы вы погубили меня для того, чтобы спастись самим. Я обладаю самыми обширными полномочиями и я говорю не просто так. Наступила решительная минута; я делаю последнюю попытку. Тот, кто говорит с вами, – гражданин, но этот гражданин в то же время и служитель Господень. Гражданин воюет с вами, но служитель Господень умо-

ляет вас. Слушайте меня! У многих из вас есть жены и дети. Я выступаю защитником ваших жен и детей. Я выступаю защитником их против вас самих. О, братья...

– Ну, замолол поп! – воскликнул со смехом Иманус.

– Братья мои, – продолжал Симурдэн, – не доводите дело до крайности. Сейчас начнется резня. Многие из нас, которых вы теперь видите перед собою, уже не увидят завтра солнечного света: да, погибнут многие из наших, а вы – вы все погибнете. Пощадите самих себя. К чему без всякой пользы проливать столько крови? К чему убивать столько людей, когда достаточно убить двоих?

– Как двоих? – спросил Иманус. – Кого же это?

– Да, двоих – Лантенака и меня, – ответил Симурдэн, возвышая голос. – Здесь есть два лишних человека: Лантенак для нас, и я – для вас. Вот какое я вам делаю предложение, ручаясь вам за то, что, приняв его, вы все спасете вашу жизнь. Выдайте нам Лантенака и берите меня. Лантенак будет казнен на гильотине, а со мною вы сделаете, что вам будет угодно.

– Если бы ты попался к нам в руки, поп, – закричал Иманус, – мы бы зажарили тебя на медленном огне.

– Я и на это согласен, – ответил Симурдэн и продолжал: – Вы все заперты в башне и обречены на неминуемую гибель. Вы можете через час не только спасти свою жизнь, но и быть свободными. Я предлагаю вам спасение. Принимаете ли вы мое предложение?

– Ты не только негодей, – закричал Иманус, – но ты еще и безумец! Чего тебе от нас надо? Кто тебя просил приходить разговаривать с нами? Чтобы мы выдали господина маркиза! Да чего тебе от него нужно?

– Головы его. А взамен того я предлагаю вам...

– Свою шкуру! Ибо мы содрали бы с тебя с живого шкуру, поп Симурдэн. Ну, так нет же! Твоя шкура не стоит его головы. Убирайся прочь!

– Еще раз подумайте. Наступает решительный момент.

В то время, пока происходил этот ужасный диалог между башней и лужайкой, стало уже темнеть. Лантенак молча слушал. Предводители, чувствуя свое превосходство, считают себя вправе быть эгоистами.

– Вы, нападающие на нас, – крикнул Иманус Симурдэну, – слушайте: мы уже объявили вам наши условия и мы от них не отступим. Принимайте их, иначе будет плохо. Согласны ли вы? Мы возвратим вам находящихся в наших руках троих детей, а вы выпустите нас всех из башни.

– Всех, за исключением одного только Лантенака, – ответил Симурдэн.

– Как, господина маркиза? Выдать господина маркиза! Никогда!

– Нам необходим Лантенак. Мы можем вступить в соглашение только на этом условии.

– А я повторяю вам, что никогда. В таком случае начинайте.

Воцарилось молчание. Иманус еще раз протрубил сигнал и спустился с вышки башни. Маркиз вынул из ножен шпагу; девятнадцать осажденных молча разместились в нижнем зале, позади баррикады, и опустились на колени. Они ясно слышали размеренные шаги штурмовой колонны, в потемках приближавшейся к башне. Вдруг стук шагов раздался уже совсем близко от них, возле самого пролома. Тогда все, стоя на коленях, вставили в отверстие баррикады дула своих ружей и мушкетонов, а один из них, Гран-Франкёр, или аббат Тюрмо, приподнялся и, держа в правой руке обнаженную саблю, а в левой – распятие, произнес громким голосом:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Все выпалили залпом – и грянул бой!

IX. Исполины против великанов

Бой был поистине ужасный, лицом к лицу, и ожесточение его не знало пределов. Для того чтобы отыскать что-либо подобное, пришлось бы вернуться к Эсхиловым единоборствам или к резне феодальных времен, к тем рукопашным схваткам, которые продолжались до XVII века, в которых прорывались в укрепленные места через проломы, к тем трагическим приступам, во время которых, как описывает один летописец, «после взрыва мин осаждавшие приближались к стене, прикрываясь большими досками, обитыми железью, круглыми и продолговатыми щитами, и имея при се-

бе ручные бомбы, вытесняя осажденных из их укреплений и овладевая ими, беспощадно истребляя их защитников».

Место боя было поистине ужасно. Это был один из тех проломов, которые, на языке инженеров, называются «подсводными брешами», то есть была трещина, проходящая через всю толщу стены, а не просто круглое отверстие. Порох произвел здесь действие бурава. Действие мины было так сильно, что стена треснула на высоту сорока футов; но эта трещина была узка и походила скорее на щель, чем на отверстие, скорее на результат удара копьем, чем удара топором. Это был прокол в подножии башни, откуда расходились в разных направлениях змееобразные жилки, какой-то бесформенный цилиндр, полный препятствий и опасностей, в котором приходилось наткаться головой на гранит, ногами – на щебень, глазами – во мрак.

Перед осаждающими, точно громадная пасть, разверзлось это черное отверстие; это была настоящая пасть акулы, в которой обломки камней заменяли зубы. Необходимо было сначала проникнуть в это отверстие, а затем выбираться оттуда. В нижнем ярусе их ожидала баррикада, а сверху их должны были осыпать пулями и картечью. Им предстояло выдержать жестокий бой, наподобие тех, которые выдерживают саперы, встречаясь лицом к лицу в подземных галереях, или моряки при взятии судна на abordаж. Биться на смерть на дне ямы – это верх ужаса.

Как только к пролому хлынула первая волна осаждаю-

щих, с баррикады сверкнули молнии и послышался точно подземный гул. Гром извне явился ответом на этот гул изнутри. Началась ожесточенная перестрелка. Слышался голос Говэна: «Напролом!», и затем голос Лантенака: «Держитесь крепче!» и голос Имануса: «Ко мне, уроженцы Мэна!» После этого – лязг сабельных ударов и целый ряд убийственных залпов. Факел, вставленный в стену, тускло освещал этот кошмар. Невозможно было ничего разглядеть, вся комната наполнилась красноватым дымом; всякий, входивший сюда, тотчас же делался слепым вследствие густого дыма и глухим вследствие страшной трескотни. Убитые и раненые валялись среди обломков; сражающиеся шагали через трупы, наступали ногами на раны; в воздухе стоял рев, и раненые кусали зубами ноги тех, кто приближался к ним. Иногда наступало молчание, еще более ужасное, чем весь этот шум и гам. Люди хватали друг друга за одежду; слышались тяжелое дыхание, скрежет зубов, хрипение, ругань, и все это покрывалось грохотом пальбы. Сквозь пролом из башни вытекал поток крови и исчезал в темноте, дымясь в окружавшей башню траве. Можно было бы подумать, что сама башня ранена и что кровь текла из ее раны.

Но – странное дело! – снаружи башни не слышно было почти никакого шума. Ночь была совершенно темна, и вокруг штурмуемого замка, на равнине и в лесу, царила глубокая, как бы могильная тишина. Внутри был ад, снаружи – могильный покой. Это взаимное истребление людей в потемках, эти

ружейные выстрелы, эти крики, весь этот грохот оставались под тяжелой массой стен и сводов, заглушались как бы недостатком воздуха, точно боролись насмерть не люди, а тени. Словом, вне башни почти ничего не было слышно, и во время всей этой ужасной бойни трое детей спали мирным сном.

Бой становился все ожесточеннее. Баррикада держалась; нет ничего труднее, как брать баррикады в таком тесном пространстве. Если преимущество в численности было на стороне осаждающих, то превосходство в позиции на стороне осажденных. Нападающие понесли уже чувствительные потери. Выстроившись в линию у подножия башни, они чуть ли не поодиночке исчезали в проломе, и их линия становилась все короче и короче, напоминая собою ящерицу, вползающую в свою нору.

Говэн, пылкий и неосторожный, как почти все молодые офицеры, стоял посреди залы в центре ужасной свалки, не обращая внимания на свиставшие вокруг него пули. Нужно, впрочем, заметить, что, не будучи ни разу ранен, он в бою становился фаталистом. Обернувшись для того, чтобы отдать какое-то распоряжение, он внезапно, во время ружейного залпа, увидел позади себя лицо Симурдэна.

– Симурдэн, чего вам здесь нужно? – воскликнул он.

– Я желаю быть возле тебя, – ответил его бывший воспитатель.

– Да ведь этак вас могут убить!

– Ну, так что ж! А тебя разве не могут? Раз ты здесь – и

мое место здесь же.

– Нисколько, мой дорогой учитель! Я здесь по долгу службы.

– И я также, – спокойно ответил Симурдэн и остался рядом.

Убитые валялись на каменном полу залы, и число их постоянно возрастало. Хотя баррикада еще не была взята, но уже становилось очевидным, что одолеет в конце концов численный перевес. Правда, нападающие сражались без прикрытия, а осажденные – под прикрытием; и хотя на одного убитого осажденного приходилось десять осаждающих, но к последним подходили все новые и новые подкрепления, и в конце концов число их постоянно росло, а число осажденных уменьшалось.

Все девятнадцать осажденных собрались позади баррикады; но и среди них уже были убитые и раненые, так что число сражающихся среди них уменьшилось до пятнадцати. Один из самых храбрых из их среды, приземистый и лохматый бретонец Шант-ан-Ивер, был страшно обезображен: у него была раздроблена челюсть и выколот глаз. Он подполз к винтовой лестнице и поднялся в верхнюю комнату, желая там сначала помолиться, а потом умереть. Он приблизился к амбразуре в надежде вдохнуть там свежего воздуха.

Между тем внизу, возле баррикады, бойня становилась все ужаснее и ужаснее. В промежутке между двумя залпами Симурдэн крикнул:

– Осажденные, к чему продолжать бесполезное кровопролитие? Вам все равно нет спасения, – сдавайтесь! Подумайте: ведь нас четыре тысячи пятьсот человек, а вас только девятнадцать, то есть более двухсот против одного. Сдавайтесь!

– К чему эта болтовня, – воскликнул Лантенак, и двадцать пуль были ответом на слова Симурдэна. Баррикада не доходила до свода, что позволяло осажденным стрелять из-за нее, но вместе с тем это давало осаждающим возможность на нее взобраться.

– Берите приступом баррикаду! – крикнул Говэн. – Есть охотники?

– Есть! – раздался голос.

То был голос сержанта Радуба.

Х. Радуб

Но тут нападающие увидели нечто такое, что повергло их в крайнее изумление. Радуб пролез в пролом с остатками своего батальона, то есть всего вшестером, и из этих шести человек четверо уже пали. Крикнув «есть», он, однако, не бросился вперед, а попятился назад, почти согнувшись пробрался между ног нападающих и, добравшись до отверстия пролома, вылез из него. Что это такое было – бегство? Такой человек – и бежать! Что бы это могло означать?!

Выбравшись из пролома, Радуб, будучи еще наполовину

ослепленный дымом, протер глаза, при свете звезд осмотрел стену башни и кивнул головой, как бы желая сказать: «Отлично!» Дело в том, что еще раньше он успел заметить, что глубокая трещина, произведенная взрывом, доходила до той амбразуры второго этажа, с которой ядро сорвало железную решетку. Железные полосы были настолько погнуты, что сквозь них в амбразуру мог пролезть человек. Но недостаточно было пролезть: нужно было еще вскарабкаться наверх, а это, казалось, было возможно только для кошки.

Но для Радуба это не оказалось невозможным. Он принадлежал к тем людям, которых Пиндар³⁹³ называл «ловкими атлетами». Можно быть старым солдатом и молодым человеком, а Радубу, уже служившему раньше в гвардии, было всего сорок лет от роду. Словом, это был проворный Геркулес.

Он положил на землю свой мушкет, снял с себя амуницию, кафтан и жилет, оставил при себе только два пистолета, которые он заткнул за пояс, и обнаженную саблю, которую он взял в зубы. Ручки обоих пистолетов высовывались из-за его пояса. Избавившись, таким образом, от всего лишнего, он, на глазах у всех атакующих, не успевших еще проникнуть через пролом, стал взбираться по камням, высовывав-

³⁹³ Пиндар (552 или 518–446 или позднее гг. до н. э.) – древнегреческий поэт-лирик. В честь победителей спортивных игр сочинял торжественные песни. В изысканной торжественной величавости он выражал жизненные позиции представителей аристократии, ставил их самосознание, основанное на доблести, в центр своего поэтического творчества.

шимся из трещины, точно по ступенькам лестницы. Тут ему как нельзя лучше пригодились то, что он был босым, потому что лазить легче всего босому; он всовывал пальцы ног в попадающиеся ему небольшие отверстия, а коленями и руками цеплялся за выступы. Это было похоже на карабканье по зубьям пилы. «К счастью, – думал он, – в комнате второго этажа никого нет, иначе мне не позволили бы взобраться этим путем наверх».

Таким способом ему пришлось взобраться на высоту не менее сорока футов, причем ему порой мешали ручки его пистолетов. Кверху трещина сужалась и подъем становился все более и более затруднительным. Опасность падения с каждой минутой увеличивалась пропорционально высоте подъема. Наконец он добрался до края бойницы. Раздвинув несколько погнутые и вырванные из стены железные полосы, он проделал отверстие настолько широкое, что через него можно было пролезть. Затем, собрав все свои силы, он уперся коленом в карниз и просунул половину своего тела в амбразуру, вися на руках над пропастью и держа саблю в зубах. Оставалось только перешагнуть карниз, чтобы очутиться в зале первого этажа.

Вдруг из-за бойницы выглянуло чье-то лицо. Радуб сквозь темноту разглядел перед собою нечто ужасное: выколотый глаз, раздробленную челюсть, лицо, залитое кровью, и это нечто ужасное смотрело на него своим единственным глазом. Но у этой ужасной маски оказались две руки, которые

высунулись в амбразуру и потянулись по направлению к Радубу; одна из них выхватила оба пистолета из-за его пояса, а другая – вырвала саблю, которую он держал в зубах.

Радуб оказался обезоруженным. Колено его скользило по узкому карнизу, оба его кулака, вцепившись в обломки решетки, с трудом поддерживали тяжесть его тела, а под ним разверзлась пропасть в сорок футов.

Читатель, конечно, догадался, что ужасное лицо и руки принадлежали раненому и обезображенному Шант-ан-Иверу. Задыхаясь от дыма, поднимавшегося снизу вверх, он смог доползти до амбразуры. Здесь свежий воздух несколько освежил его, кровь на ранах запеклась, и он немного собрался с силами. Вдруг он увидел перед собою, с наружной стороны амбразуры, туловище Радуба, и, заметив, что тот вынужден был обеими руками крепко цепляться за карниз, так что ему оставалось на выбор – или дать обезоружить себя, или свалиться в бездну, Шант-ан-Ивер с зловещим спокойствием прежде всего вынул у него пистолеты из-за пояса и саблю из стиснутых зубов, и затем началось неслыханное единоборство – единоборство между безоружным и раненым. Было очевидно, что победа останется на стороне последнего. Достаточно было нанести Радубу самую легкую рану для того, чтобы тот свалился вниз.

К счастью для Радуба, Шант-ан-Ивер, держа оба пистолета в одной руке, не мог выстрелить ни из одного из них и вынужден был пустить в ход саблю; и, действительно, он нанес

ею удар по плечу Радуба; этот удар ранил Радуба, но вместе с тем и спас его. Дело в том, что он, хотя и безоружный, сохранил еще все свои силы; поэтому, не обратив внимания на рану, которая к тому же не задела кости, выпустил из рук железные полосы, сделал скачок вперед и очутился в амбразуре, лицом к лицу с Шант-ан-Ивером, бросившим саблю в сторону и державшим в каждой руке по пистолету. Стоя в амбразуре на коленях, он прицелился в Радуба почти в упор; но ослабевшая рука его дрожала, и он не мог сразу же спустить курок.

– Эй, ты, – крикнул ему Радуб, разразившись громким хохотом, – неужели ты, урод, думаешь напугать меня своей окровавленной мордой? Хорошо же ты, однако, черт побери, искромсал себе лицо!

Шант-ан-Ивер не переставал целиться в него.

Радуб продолжал:

– Нечего сказать, хорошо обработала тебя картечь! Богиня войны недурно распорядилась твоей физиономией, мой бедный малый! Ну, ну, пали, пали, мой милый!

Тот, действительно, выстрелил, и пуля оторвала у Радуба половину уха. Шант-ан-Ивер направил было в него второй пистолет, но Радуб не дал ему времени выстрелить.

– Довольно, милейший! – воскликнул он. – Ты меня уже ранил два раза. Теперь мой черед!

Он кинулся на Шант-ан-Ивера, подтолкнул его под локоть так, что пуля попала в потолок, и схватил его рукою за раз-

битуую челюсть. Тот заревел и лишился чувств.

– Теперь, – проговорил Радуб, перешагивая через него, – лежи здесь и не шевелись. У меня нет ни времени, ни охоты добивать тебя. Ползай сколько тебе угодно по полу, со товарищ моих подошв, а если желаешь, и околевай: мне это совершенно безразлично. Ты сейчас узнаешь, что твой сельский поп говорит тебе один только вздор, так как ты отправишься прямо в ад, – и с этими словами он спрыгнул в зал второго этажа.

– Однако здесь ни зги не видать, – пробормотал он сквозь зубы.

Шант-ан-Ивер в агонии судорожно метался по полу и ревел.

– Молчать, – прикрикнул Радуб, оборачиваясь к нему. – Сделай мне одолжение и помолчи, гражданин, против воли. Я в твои дела не вмешиваюсь и не желаю добивать тебя. Молчать!

Затем он беспокойным жестом почесал у себя в голове, продолжая глядеть на Шант-ан-Ивера.

– Однако что я стану теперь делать? – бормотал он. – Все это очень хорошо, но только я безоружен. У меня было два выстрела, а ты, негодяй, выпустил их на воздух. А к тому же этот едкий дым просто так и ест глаза.

Задев нечаянно рукою за оторванное наполовину ухо, он вскрикнул и продолжал:

– Ну и что же ты выиграл от того, что лишил меня поло-

вины уха? А впрочем, лучше пол-уха, чем полголовы! Ведь уши, в сущности, служат нам только для украшения. Кроме того, ты оцарапал мне плечо, да это пустяки! Издыхай, мужлан! Я прощаю тебя!

Он стал прислушиваться. Снизу доносился страшный шум, и борьба была ожесточеннее, чем когда-либо.

– Дело там, кажется, идет недурно, – проговорил он. – Они ревут «да здравствует король!». Однако они умирают молодцами.

Тут он задел ногой за валявшуюся на полу свою саблю. Он поднял ее и сказал, обращаясь к Шант-ан-Иверу, который не шевелился и, быть может, уже умер:

– Вот видишь ли, болван, для того, что я желал сделать, сабля – все равно что ничего. Мне бы нужны были мои пистолеты... Но я беру ее ради тебя, чтобы тебя, дикаря, побрали черти! Да, ну а что же я теперь стану делать? Без пистолетов много не сделаешь!

Он стал медленно продвигаться вперед по комнате, стараясь сориентироваться. Вдруг, сквозь полутьму, он заметил за средней колонной длинный стол, на котором что-то блестело и отсвечивало. Он потрогал рукою: это оказались мушкетеры, пистолеты, карабины, – словом, целый арсенал огнестрельного оружия, разложенного в порядке и, казалось, ожидавшего только рук, чтобы пустить его в ход. Это был запас оружия, разложенного здесь осажденными, для второй фазы нападения, – словом, целый арсенал.

– Да здесь целый буфет! – воскликнул Радуб, бросаясь к оружию. Лицо его приняло свирепое выражение.

Дверь, которая вела на лестницу, соединявшую верхний этаж с нижним, находившаяся возле самого стола, заваленного оружием, была открыта настежь. Радуб, бросив свою саблю, схватил в каждую руку по двуствольному пистолету и выстрелил из них наугад на лестницу; затем он схватил ружье и выстрелил из него, затем мушкетон – и также выстрелил из него; мушкет оказался заряженным картечью и из него вылетело пятнадцать пуль сразу. После всего этого Радуб крикнул изо всей мочи: «Да здравствует Париж!» – и, схватив второй мушкетон, еще больших размеров, чем первый, он направил его дуло на лестницу и стал ждать.

Трудно описать смятение, поднявшееся в зале нижнего этажа. Подобного рода неожиданности парализуют сопротивление. Два выстрела из трех, сделанных Радубом, попали в цель: одним из них убит был старший из братьев Пиканбуа, другой – господин де Келен, по прозванию Узар.

– Неприятель пробрался наверх! – крикнул маркиз.

Этот возглас заставил защитников баррикады покинуть ее. Точно стая испуганных птиц, все кинулись к лестнице. Маркиз поощрял это бегство.

– Скорее, скорее! – говорил он. – Теперь храбрость заключается в том, чтобы спастись. Заберемся на второй этаж. Там мы возобновим сопротивление.

Он последним покинул баррикаду, и этой своей храбро-

сти он обязан был спасением.

Радуб, стоя на верхней ступеньке лестницы, держал палец на курке мушкетона и наблюдал. Первые появившиеся на повороте лестницы были поражены залпом картечи и упали мертвые или раненые. Если бы маркиз вздумал бежать вместе с другими, он бы тоже был убит. Прежде чем Радуб успел схватить другой мушкетон, оставшиеся в живых ворвались в верхнюю комнату, маркиз позади всех. Они ожидали встретить в верхней комнате целую толпу осаждающих и поэтому не заглянули даже в нее, а поспешили прямо на третий этаж, в зеркальную комнату, ту самую, на которую выходила железная дверь, в которую был проведен обмакнутый в серный раствор фитиль, где приходилось или сдаваться, или умереть.

Говэн, удивленный не менее осажденных раздавшимися сверху выстрелами и не понимая, откуда к нему пришла эта помощь, поспешил ей воспользоваться: он и окружавшие его перескочили через баррикаду и, обнажив сабли, стали преследовать осажденных до второго этажа. Он немало удивился, увидев здесь Радуба. Тот, отдав ему честь, сказал:

– С вашего позволения, господин полковник, это сделал я. Я вспомнил о Доле и, последовав вашему примеру, поставил неприятеля между двух огней.

– Примерный ученик! – проговорил Говэн, улыбаясь.

Когда, по прошествии некоторого времени, глаза его несколько привыкли к темноте, он заметил кровь на лице и

на одежде Радуба.

– Да ты ранен, товарищ!

– Не извольте обращать на это внимания, господин полковник. Одним ухом больше, одним меньше – это все вздор; такие же пустяки – полученный мною удар саблей. Ведь нельзя же разбить кулаком стекло, не порезав себе руку. К тому же здесь не только моя кровь.

Штурмующие сделали небольшой привал в зале второго этажа, завоеванного Радубом. Принесли фонарь; сюда же пришел и Симурдэн и стал совещаться с Говэном. Действительно, было о чем подумать. Осаждающие, не будучи посвящены в тайны осажденных, не знали, что у последних ощущался недостаток в военных припасах, не знали, что у них кончается порох. Верхний этаж был последним их убежищем, и можно было предполагать, что под лестницу подведена мина.

Несомненно было только одно – что неприятель не мог уйти. Кто не был убит, был там, наверху; они очутились как бы в мышеловке. При этой уверенности нечего было торопиться и можно было дать себе время подумать и найти наилучшее решение. И без того уже потери отряда были значительны. Нужно было позаботиться о том, чтобы не положить слишком много народу при последнем приступе. Этот приступ и без того был сопряжен с большим риском, так как нетрудно было предвидеть отчаянное сопротивление неприятеля.

Бой на некоторое время прекратился. Осаждавшие, овла-

дев нижним и вторым этажами, ждали для возобновления атаки команды своего начальника. Говэн и Симурдэн продолжали совещаться. Радуб молча присутствовал при их совещании. Наконец он снова, приложив руку к козырьку, робко проговорил:

– Господин полковник...

– Чего тебе нужно, Радуб?

– Имею ли я право на небольшую награду, господин полковник?

– Конечно, имеешь. Говори, чего ты желаешь?

– Я желал бы, чтобы мне дозволено было первому идти наверх по лестнице.

Трудно было бы отказать ему в этой просьбе. Да к тому же он бы сделал то, о чем просил, и без разрешения.

XI. Отчаянные

Тем временем, пока во втором этаже шло совещание, на третьем наскоро сооружалась баррикада. Успех опьяняет, неудачи приводят в ярость. Между обоими ярусами должна была начаться борьба не на жизнь, а на смерть. Нижний этаж, в предвидении победы, предавался надежде, которая была бы самою значительной из всех сил человеческой души, если бы не существовало отчаяния.

Отчаяние царило наверху, отчаяние спокойное, холодное, мрачное.

Добравшись до этого последнего убежища, дальше которого для них уже ничего не существовало, осажденные прежде всего позаботились о том, чтобы загородить вход. Закрывать дверь они сочли бесполезным; им показалось предпочтительнее завалить лестницу. В подобных случаях куча, из-за которой можно видеть и сражаться, гораздо полезнее затворенной двери.

Их освещал факел, воткнутый Иманусом в подфакельник возле фитиля. В этой комнате стоял один из тех больших и тяжелых дубовых сундуков, в которых, до изобретения комодов с выдвигаемыми ящиками, хранились белье и одежда. Осажденные притащили этот сундук и поставили его стоймя к самой двери. Он как раз приходился по ширине ее и плотно закрывал вход. Лишь наверху, около свода, оставалось свободным небольшое пространство, через которое очень удобно можно было стрелять в поднимающихся по узкой лестнице солдат.

Загородив вход, они осмотрелись и стали считать. Из двенадцати их оставалось только семеро, да и из числа этих семерых только маркиз и Иманус не были ранены. Впрочем, и пятеро раненых, как это часто бывает во время жаркого боя, если только рана не тяжелая, сохранили всю свою бодрость и силу. Эти пятеро были: Шатенэ, по прозвищу Роби, Винуазо, Гранар – Золотая Ветка, Брен д'Амур и Гран-Франкёр. Все остальные погибли. У них не хватало пороха; пороховницы были пусты. Они пересчитали свои заряды, и

оказалось, что на семь человек у них оставалось всего четыре выстрела. Очевидно было, что им не оставалось ничего иного, как умереть. Они были приперты к самому краю разверстой и ужасной пропасти. Не упасть в нее казалось совершенно невозможным.

Тем временем штурм возобновился, на этот раз медленно и методично. Слышно было, как осаждающие, поднимаясь по лестнице, стучали прикладами ружей по ступенькам. О бегстве нечего было и думать. Через библиотеку? Но на плато стояли шесть пушек, с зажженными фитилями, направленные на библиотеку. Через верхние комнаты? Но к чему бы это привело? Из них был только один выход – на крышу башни, откуда можно было разве что только броситься вниз головой.

Семь человек, переживавших этот бой титанов, оказались в плену у той самой толстой стены, которая еще недавно защищала их, а теперь стала их темницей. Они не были еще схвачены, но уже были пленниками.

– Друзья мои, – все кончено, – обратился маркиз к остальным, повысив голос, и, немного помолчав, он прибавил: – Пускай Гран-Франкёр снова превратится на время в аббата Тюрмо.

Все встали на колени, взяв в руки четки. Удары прикладами осаждающих слышались все ближе и ближе.

Гран-Франкёр, с лицом, покрытым кровью от полученной им раны в голову, причем была содрана часть кожи, поднял

правую рукой распятие. Маркиз, хотя и скептик в душе, преклонил колени.

– Пусть каждый из вас, – проговорил Гран-Франкёр, – громко покается в своих грехах, господин маркиз, начинайте!

– Я убивал, – ответил маркиз.

– Я убивал, – сказал Гранар.

– Я убивал, – сказал Гинуазо.

– Я убивал, – сказал Брен д’Амур.

– Я убивал, – сказал Шатенэ.

– Я убивал, – сказал Иманус.

– Во имя Пресвятой Троицы, – проговорил Гран-Франкёр, – отпускаю вам грехи ваши. Да отыдут ваши души с миром. Аминь.

– Аминь, – повторили в один голос остальные шестеро.

– А теперь давайте умирать, – проговорил маркиз, поднимаясь на ноги.

– И убивать, – добавил Иманус.

Удары прикладами уже слышались у самой двери. Загораживавший ее сундук зашатался.

– Думайте о Боге, – проговорил аббат. – Земля уже более не существует для вас.

– Да, – подтвердил маркиз, – мы все уже находимся в могиле.

Все преклонили головы и, встав на колени, стали креститься. Только маркиз и аббат продолжали стоять. Устре-

мив глаза в землю, священник молился, крестьяне молились, маркиз о чем-то думал. Сундук издавал глухие, зловещие звуки, точно под ударами молотов.

В эту самую минуту громкий голос вдруг раздался за их спинами и воскликнул:

– Ведь я же правду говорил, господин маркиз!

Все в изумлении оглянулись. В стене неожиданно открылось отверстие. Камень, аккуратно пригнанный к остальным, но не скрепленный цементом, с железными скобами наверху и внизу, повернулся на своей оси, словно турникет, и, поворачиваясь, открыл отверстие в стене или, вернее сказать, два отверстия, по одному с каждой стороны оси камня; отверстия эти, хотя довольно узкие, позволяли, однако, человеку пролезть в них. Позади этой спасительной двери виднелись ступеньки лестницы. В отверстие выглядывало человеческое лицо.

Маркиз узнал в нем Гальмало.

XII. Спаситель

– Как! Это ты, Гальмало?

– Я, господин маркиз. Вы видите, что существуют вертящиеся камни, что есть возможность выбраться отсюда. Я, кажется, слава Богу, поспел вовремя. Поторопитесь, и через десять минут вы будете в чаще леса.

– Велик и милосерден Господь! – проговорил аббат.

– Спасайтесь, господин маркиз! – закричали все в один голос.

– Нет, сначала спасайтесь вы все, – спокойно возразил маркиз.

– Вы должны выбраться отсюда первым, господин маркиз, – сказал аббат.

– Нет, я выйду последним, – ответил маркиз и прибавил строгим голосом: – К чему все эти разговоры! У нас нет времени на то, чтобы играть в великодушие. Вы ранены. Я приказываю вам бежать и жить. Пользуйтесь скорее этой лазейкой. Спасибо тебе, Гальмало!

– Так, значит, нам приходится расстаться, господин маркиз? – спросил аббат Тюрмо.

– Внизу – конечно! Ведь бежать можно только поодиночке.

– Но не назначить ли нам, господин маркиз, какое-нибудь место для сбора?

– Непременно. Там, в лесу, есть лужайка, называемая Гоэнов камень. Знакомо ли вам это место?

– Оно нам всем знакомо.

– Я буду там завтра в полдень. Пусть там же будут все, кто еще в состоянии ходить, и мы занова начнем борьбу.

Тем временем Гальмало, надавив на вращающийся камень, заметил, что он уже не вертится и что таким образом после бегства нельзя будет снова закрыть отверстие.

– Господин маркиз, – воскликнул он, – нужно торопить-

ся: камень больше не поворачивается. Мне удалось открыть отверстие, но не удастся снова его закрыть.

Действительно, шарниры, на которых поворачивался камень, очевидно, заржавели и их заклинило, в результате чего оказалось невозможным снова привести их в движение.

– Господин маркиз, – продолжал Гальмало, – я надеялся было снова закрыть отверстие, так чтобы синие, войдя сюда и никого здесь не застав, не смогли бы понять, куда все девались, и подумали бы, что мы вылетели в трубу. Но вот этот проклятый камень застрял. Неприятель увидит отверстие, через которое все бежали, и пустится преследовать. Поэтому нам не следует терять ни минуты. Живее спасайтесь все по лестнице!

– Товарищ, – спросил Иманус, кладя ему руку на плечо, – сколько потребуется времени для того, чтобы, пройдя через это отверстие, найти безопасное убежище в лесу?

– А среди вас нет тяжело раненных? – в свою очередь, спросил Гальмало.

– Нет, никого, – ответили ему.

– В таком случае достаточно получаса.

– Значит, если бы неприятелю не удалось проникнуть сюда в течение получаса...

– То он может преследовать нас, сколько ему угодно: ему нас не настигнуть.

– А они могут ворваться сюда через пять минут, – заметил маркиз. – Этот старый сундук не в состоянии будет надолго

задержать их. Несколько ударов прикладом – и он будет повален. Четверть часа! Да разве можно будет задержать их на четверть часа?

– Можно, – проговорил Иманус. – Я берусь за это.

– Как! Ты, Гуж ле Брюан?

– Да, я, господин маркиз. Видите ли, из шести человек здесь пятеро раненых, а у меня же нет ни царапины.

– И у меня тоже, – сказал маркиз.

– Да, но вы начальник, господин маркиз, а я – простой солдат. А начальник и солдат – не одно и то же.

– Я это знаю. У каждого из нас свой особый долг.

– Товарищи, – проговорил Иманус, обращаясь к своим товарищам, – дело состоит в том, чтобы по возможности дольше задержать неприятеля и отсрочить преследование. Слушайте! Я сохранил все свои силы, я не потерял ни единой капли крови; не будучи ранен, я могу выдержать дольше всякого другого. Уходите все, но оставьте мне ваше оружие. Я его использую с толком. Я берусь задержать неприятеля на добрых полчаса. Сколько здесь имеется заряженных пистолетов? Четыре? Хорошо! Положите их там, на пол.

Все послушались. Он продолжал:

– Прекрасно. Я остаюсь. Им еще придется побороться со мной. А теперь – марш, уходите!

Бывают такие исключительные обстоятельства, при которых благодарность становится излишней. Все ограничились тем, что наскоро пожали ему руку.

– До скорого свидания, – сказал ему маркиз.

– Нет, господин маркиз, нет, надеюсь, что не до скорого, ибо я через несколько минут умру.

Все принялись, один за другим, спускаться по узкой лестнице, раненые впереди. Пока спускались первые, маркиз вынул из записной книжки свой карандаш и написал несколько слов на камне, который не мог уже поворачиваться и который оставлял отверстие открытым.

– Идите же, господин маркиз, – крикнул ему Гальмало. – Теперь дело только за вами.

Он стал спускаться, маркиз последовал за ним. Иманус остался один.

XIII. Палач

Четыре заряженных пистолета были положены на плиты, так как в этой комнате, собственно, пола не было. Иманус взял по одному из них в каждую руку и приблизился к выходу на лестницу, загороженному сундуком.

Нападающие опасались, очевидно, какой-нибудь ловушки, какого-нибудь взрыва, который погребет под развалинами крепости и побежденных и победителей. Насколько первая атака была решительна, настолько же последняя была осторожна. Быть может, солдаты не могли, а быть может, и не хотели отодвинуть сундук; ударами прикладов они выбили в нем дно, ударами штыков продырявили его крышку и

теперь пытались разглядеть через эти дыры комнату, прежде чем в нее проникнуть. Свет фонарей, которые они взяли с собою, поднимаясь на лестницу, проходил через эти дыры.

Иманус заметил у одной из этих дыр чей-то наблюдающий глаз. Он быстро направил туда дуло одного из своих пистолетов и спустил курок; раздался выстрел, и обрадованный Иманус услышал страшный крик: пуля попала в глаз и пробила голову смотревшего в отверстие солдата. Тот навзничь опрокинулся на лестницу. Однако нападающим удалось пробить два довольно значительных отверстия в крышке сундука и сделать из них нечто в виде двух бойниц. Иманус воспользовался одним из этих отверстий, просунул в него руку и наугад выстрелил в кучу нападающих из второго своего пистолета. Пуля ударила, очевидно, рикошетом несколько раз, так как раздались крики, как будто трое или четверо человек были убиты или ранены, и на лестнице послышался топот, свидетельствовавший о том, что нападающие поспешно удалялись.

Иманус отбросил в сторону только что разряженные им два пистолета и схватил два остальных; затем, держа эти пистолеты в руках, он заглянул сквозь отверстия в сундуке и обрадовался достигнутому им результатам: нападающие поспешно спустились с лестницы и никого из них уже не было видно, так как повороты лестницы позволяли разглядеть только три или четыре ступеньки лестницы; на этих ступеньках валялись мертвые и умирающие.

Иманус немного подождал и проговорил: «Все же немного времени выиграно». В эту самую минуту он увидел какого-то человека, взбиравшегося ползком на ступеньки лестницы, а пониже его из-за поворота показалась еще чья-то голова. Иманус прицелился в эту голову и выстрелил. Раздался крик, солдат упал, а Иманус переложил из левой руки в правую последний из оставшихся еще у него заряженных пистолетов. Но в это самое время он почувствовал жгучую боль и, в свою очередь, испустил громкий крик: чья-то сабля воткнулась ему в живот. Кулак, принадлежавший проползшему по лестнице человеку, просунулся во второе из отверстий, пробитых в дне ящика, и этот кулак вонзил саблю в живот Имануса.

Рана была ужасная, так как живот был проткнут насквозь. Иманус, однако, не упал. Он только заскрежетал зубами, проговорил: «ладно» – и, шатаясь и спотыкаясь, доплелся до горевшего возле железной двери факела, положил свой пистолет на пол, схватил факел и, поддерживая левой рукою вываливавшиеся внутренности, правой рукою опустил факел и поджег фитиль. Огонек тотчас же стал перебегать по пропитанному серой фитилю. Иманус выпустил из рук факел, продолжавший еще гореть на земле, схватил валявшийся на полу последний свой заряженный пистолет, приподнялся, насколько то позволяли его силы, и стал раздувать горевший фитиль. Пламя разгоралось ярче, прошло под дверь и вскоре добралось до мостового здания.

Тогда, увидев, что его ужасное дело увенчалось успехом, быть может, более довольный своим преступлением, чем своею добродетелью, этот человек, который только что был героем, а теперь превратившийся в гнусного убийцу, собираясь умереть, улыбнулся и проговорил:

– Будут же они меня помнить! Я отыграюсь на их малютках за нашего малютку, за нашего короля, которого они держат в темнице.

XIV. Иманус также спасается

В это самое мгновение раздался сильный треск; сундук под сильным напором повалился, и в комнату ворвался какой-то человек, с обнаженной саблей в руке, и закричал:

– Это я – Радуб! Выходите против меня! Мне надоело ждать, и я прорвался к вам. Одному я уже успел выпустить кишки. Теперь я вас всех вызываю на бой. Пусть другие следуют за мной или не следуют, мне все равно. Сколько вас здесь?

Действительно, Радуб был один. После бойни, произведенной Иманусом на лестнице, Говэн, опасаясь взрыва, приказал своим солдатам отступить и совещался с Симурдэном. Стоя на пороге двери, с обнаженной саблей в руке, Радуб, ничего не видя впотьмах, так как единственный факел, освещавший комнату, почти погас, повторил свой вопрос:

– Я один! Сколько же вас?

Не получая ответа, он сделал несколько шагов вперед. Гаснувший факел вспыхнул предсмертной, так сказать, вспышкой, которая осветила всю комнату. Радуб заметил одно из небольших зеркал, висевших на стене, увидел в нем свое окровавленное лицо и державшееся на одной только коже ухо, и проговорил:

– Однако же недурно они меня отделали!

Затем он огляделся, удивляясь пустоте залы, и воскликнул:

– Неужели же здесь никого нет?!

Тут он заметил отверстие в стене, поворачивающийся камень, лестницу за ним и проговорил:

– А-а, понимаю! Удрали! Идите сюда, товарищи, идите! Они скрылись, бежали, дали деру! Эта старая башня дала трещину, и они через нее утекли, каналы! Можно ли справиться с Питтом и герцогом Кобургским, когда имеешь дело с такими людьми! Очевидно, им помог сам дьявол. Здесь больше никого нет!

В это самое время раздался пистолетный выстрел, и пуля, задев локоть Радуба, ударилась в стену.

– А, нет! Есть кто-то! Кто бы это оказал мне такой любезный прием?

– Это я, – проговорил чей-то голос.

Радуб стал всматриваться в темноту и различил на полу какой-то предмет. Это был Иманус.

– Ага! – воскликнул он. – Один-то здесь, а остальные бе-

жали. Ну, ты-то не убежишь!

– Ты думаешь? – спросил Иманус.

– Эй, ты, что валяешься на земле, – крикнул Радуб, делая один шаг вперед, – кто ты?

– Я – тот, кто лежит на земле и кто смеется над теми, что стоят на ногах.

– Что у тебя в правой руке?

– Пистолет.

– А в левой?

– Мои кишки.

– Ты мой пленник!

– Неправда, ошибаешься! – и Иманус, нагнувшись к по-
дожженному им фитилю, дунул на него из последних сил и
умер.

Вскоре сюда же поднялись Говэн, Симурдэн и другие. Все они обратили внимание на отверстие в стене, обыскали все углы, осмотрели лестницу: она вела в какой-то ров. Не осталось никакого сомнения относительно того, что по ней ушли оставшиеся в живых. Стали расталкивать Имануса, но он был мертв. Говэн, с фонарем в руке, осмотрел камень, давший осажденным возможность бежать. Он когда-то слышал об этом вертящемся камне, но до сих пор считал эти рассказы легендой. Рассматривая камень, он заметил несколько слов, написанных карандашом. Он поднес к этому месту фонарь и прочел: «До свидания, господин виконт. *Лантенак*».

Гешан подошел к Говэну. Всякое преследование станови-

лось, очевидно, бесполезным: со времени бегства прошло уже достаточно времени, бежавшие, без сомнения, хорошо знали окрестность, за них были леса, кустарники, овраги, жители. Они, конечно, успели уйти уже далеко и отыскать их было невозможно. Весь Фужерский лес был не что иное, как громадное потайное убежище. Что было делать? Приходилось начинать все сначала. Говэн и Гешан, оба одинаково разочарованные, обменивались своими предположениями. Симурдэн слушал их с серьезным видом, не произнося ни слова.

– Кстати, Гешан, – вспомнил Говэн, – а что же лестница?

– Ее не привезли, господин полковник.

– А между тем ведь я сам видел, как подъезжала повозка под конвоем жандармов.

– Да, но только она привезла не лестницу, – ответил Гешан.

– Что же такое она привезла?

– Гильотину, – ответил за Гешана Симурдэн.

XV. Не следует класть в один и тот же карман часы и ключ

Маркиз Лантенак не был так далеко от них, как они предполагали; но тем не менее он был в полной безопасности и они уже никак не смогли бы его схватить.

Он последовал за Гальмало. Лестница, по которой он и

Гальмало спустились вслед за остальными беглецами, кончалась у самого рва, близ пролетов моста, возле узкого, сводчатого коридора. Коридор этот был, собственно, не что иное, как глубокая, естественная трещина в почве, выходявшая одним своим концом в ров, а другим в лес. Эта расщелина, совершенно незаметная для глаз, извивалась среди густого, непроходимого кустарника. Тут не было никакой возможности найти человека. Беглец, добравшийся до этой расщелины, мог считать себя в полнейшей безопасности. Вход в этот коридор со стороны лестницы был до такой степени укрыт густо разросшимся кустарником, что строители подземного хода сочли даже излишним делать дверь.

Маркизу оставалось теперь заботиться лишь о том, как бы подальше уйти. Ему даже незачем было переодеваться, так как с самого своего прибытия в Бретань он не снимал свое крестьянское платье, полагая, что этим он свою знатность не умалит. Он ограничился тем, что отстегнул от пояса шпагу и бросил в сторону как ее, так и перевязь.

Когда Гальмало и маркиз вышли из подземного хода в расщелину, остальных пятерых – Гинуазо, Гранара – Золотой Ветки, Брен д'Амура, Шатенэ и аббата Тюрмо здесь уже не было.

– Они, как видно, даром времени не теряли, – заметил Гальмало.

– Последуй и ты их примеру, – сказал маркиз.

– Господин маркиз желает, чтобы я покинул его?

– Без сомнения. Ведь я это уже говорил тебе. Бежать удобно только поодиночке. Там, где проберется один, двоих поймают. Мы вдвоем обратили бы на себя внимание; ты был бы виновником, что захватили бы меня, а я – что захватили бы тебя. Я и без тебя хорошо знаю местность.

– Значит, господин маркиз, остается при том, что все соберутся у Говэнова камня?

– Да, завтра в полдень.

– Я буду там. Мы все там будем. Ах, господин маркиз, – воскликнул он, – когда я подумаю о том, что мы с вами были вдвоем в открытом море, что мы были одни, что я желал убить вас, что вы были моим господином, что вы могли напомнить мне о том и что вы этого не сделали! Ах, что вы за человек!

– Да, Англия, одна только Англия, – проговорил маркиз, как бы не слушая его. – Другого средства нет! Через две недели англичане должны быть во Франции.

– А мне нужно еще отдать подробный отчет господину маркизу. Я исполнил все ваши поручения.

– Мы об этом потолкуем завтра. Кстати, ты, быть может, голоден?

– Немного, господин маркиз. Я так спешил к вам, что не успел сегодня поесть.

Маркиз вынул из своего кармана плитку шоколада, разломил ее пополам, отдал одну ее половину Гальмало, а сам принялся есть другую.

– Господин маркиз, – проговорил Гальмало, – направо от вас – ров, налево – лес.

– Хорошо. Оставь меня. Ступай своей дорогой.

Гальмало повиновался и пошел по направлению к лесу. Вскоре послышался треск сухих сучьев, и затем все смолкло. Уже через несколько секунд не было ни малейшей надежды напасть на его след. Лесистая часть Бретани, дикая и непроходимая, являлась лучшим союзником для беглецов. Человек здесь не исчезал, а, можно сказать, растворялся. Эта-то возможность для бунтовщиков скрываться в одно мгновение ока заставляла республиканские армии действовать как бы ошупью в этой постоянно отступающей Вандее, против этих опасных беглецов.

Маркиз остался неподвижен. Он принадлежал к числу тех людей, которые стараются ничего не испытывать; но тем не менее он невольно полною грудью вдохнул в себя свежий воздух, после того как вдыхал в себя так долго лишь запах крови и трупов. Чувствовать себя вполне спасенным после того, как он считал себя безвозвратно погибшим; чувствовать себя полным жизни после того, как уже видел перед собой разверстую могилу; уйти от смерти и возвратиться к жизни – это было даже для такого человека, как Лантенак, большим потрясением. И хотя ему уже не раз приходилось испытывать подобные повороты судьбы, он не мог не ощущать некоторого минутного содрогания в своей закаленной душе. Он должен был сознаться сам себе, что он был дово-

лен. Но он поспешил обуздать это чувство, почти похожее на радость.

Но который же был час? Он вынул свои часы, нажал пружину и прислушался к их бою. К немалому его удивлению, оказалось, что было всего десять часов. Человеку, только что пережившему одно такое потрясение, когда все его существование ставилось на карту, всегда свойственно удивляться, что такие важные для него минуты не длиннее других. Сигнальный пушечный выстрел сделан был незадолго до солнечного заката, штурм Тургской башни начался полчаса спустя, между семью и восемью часами, когда начало смеркаться. Таким образом, этот ожесточенный бой, начавшийся в восемь часов, окончился к десяти. Вся эта трагическая эпопея продолжалась менее ста двадцати минут. Катастрофы совершаются порой с быстротой молнии; события способны сжимать время. Но если хорошенько вдуматься в это явление, то нельзя будет не прийти к заключению, что удивительным скорее представлялось бы обратное, а именно двухчасовое сопротивление этой горсти людей неприятелю, превосходившему их силой в двести раз, эта продолжительная геройская борьба девятнадцати против четырех тысяч.

Однако пора было уходить. Гальмало, очевидно, находился уже далеко, и маркиз сообразил, что и ему незачем оставаться здесь дольше. Он снова опустил часы в карман, но не в тот самый, в котором они были прежде, так как он только что заметил, что они находятся там в соприкосновении с

ключом от железной двери, который незадолго перед началом атаки передал ему Иманус, и что, таким образом, стекло его часов может разбиться о ключ; затем и он собирался было направиться в лес.

Поворачивая влево, он заметил что-то вроде отблеска зарева. Он обернулся и сквозь кустарник, отчетливо выделявшийся на красном фоне в мельчайших своих подробностях, заметил в овраге какой-то яркий свет. Он пошел было в ту сторону, но затем спохватился, что ему незачем оказываться на виду; да и, наконец, какое ему было дело до этого света? Он пошел в том направлении, которое указал ему Гальмало, и стал приближаться к лесу.

Вдруг, уже успев углубиться в терновник и скрыться в нем, он услышал над своей головой страшный крик. Этот крик раздался, по-видимому, с вершины площадки, над самым рвом. Маркиз поднял глаза и остановился.

Книга пятая. In demone deus³⁹⁴

I. Найдены, но потеряны

В то время, когда Михалина Флешар увидела башню, залитую красноватым светом заходящего солнца, она находилась от нее на расстоянии чуть больше лье. Несмотря на свою крайнюю усталость, она не задумалась пройти это расстояние. Женщины слабы, но матери сильны.

Итак, она пустилась в путь. Солнце зашло; сначала наступили сумерки, потом – совершенная темнота. По дороге она слышала, как на какой-то отдаленной, но невидимой ею колокольне пробило сначала восемь, потом девять часов; вероятно, то была колокольня в Паринье. Иногда она на секунду останавливалась, прислушиваясь к неопределенным ночным звукам. Она шла все время прямо, ступая стертymi в кровь ногами по дикому терновнику. Она шла на слабый свет, исходивший от отдаленной башни, обрисовывавший ее очертания и придававший ей таинственные формы. Этот свет становился более ярким, когда звуки усиливались, и затем снова исчезал.

Местность, по которой шла Михалина Флешар, поросла травой и вереском; но на всем пути ей не попалось ни одно-

³⁹⁴ В демоне – Бог (лат.).

го дома и ни одного дерева. Дорога шла все время в гору и на горизонте как бы упиралась в темное звездное небо. Вид башни, которую она постоянно имела перед глазами, придавал ей силы на то, чтобы совершить этот трудный подъем. Башня медленно, но постоянно росла.

Свет и звуки исходили из башни, как мы только что сказали, с перерывами, представляя собой мучительную загадку для несчастной матери. Вдруг они прекратились; все погасло и замолкло; наступили мертвое, зловещее молчание и темнота.

В эту самую минуту Михалина Флешар дошла до вершины плато. Она увидела у своих ног ров, дно которого терялось среди ночной тьмы. На некотором расстоянии перед собой она увидела колеса, откосы, амбразуры: это была республиканская батарея, а еще далее, при слабом свете тлевших артиллерийских фитилей, она увидела большую постройку, казавшуюся еще более темной, чем окружавшая ее мгла. Постройка эта состояла из моста, быки которого уходили в ров, и из какого-то возвышавшегося на этом мосту здания; и мост и это здание прислонялись к чему-то темному и круглому: это и была башня, составлявшая цель долгого путешествия несчастной матери.

В окнах и амбразурах башни мелькали какие-то тени, и, по доносившимся оттуда звукам, можно было заключить, что то была толпа людей: несколько таких же теней появилось и на верхней площадке башни. Возле батареи были раз-

биты палатки и стояли часовые; но последние среди глубокой темноты не заметили ее.

Она подошла так близко к мосту, что, казалось, могла достать его рукой; но ее отделял от него ров. Однако сквозь темноту она успела разглядеть, что здание на мосту было трехэтажное. Она остановилась в раздумье и нерешительности перед рвом и этим зданием. Что это было такое? Неужели Ла-Тург? Голова у нее закружилась. Она в недоумении спрашивала себя, зачем она здесь?

Она всматривалась, вслушивалась – и вдруг все скрылось из ее глаз. Густое облако дыма внезапно появилось между нею и тем, на что она смотрела. Яркий свет ударил ей в глаза, и она вынуждена была их зажмурить. Когда она снова раскрыла их, то вокруг нее уже было не темно, а совершенно светло; но то был не яркий солнечный свет, а зловещий свет огня. В нескольких шагах от нее начинался пожар. Дым из черного стал ярко-красным, и из него выбивалось пламя. Оно то появлялось, то опять скрывалось, крутясь и извиваясь, точно молния или змея. Пламя это, словно длинным языком, выходило из какого-то темного пространства: это было окно, решетка которого уже раскалилась докрасна, в нижнем этаже мостового здания. Изо всего здания можно было различить одно только это окно. Дым застилал все, даже возвышенность, и на алом фоне пламени выделялся только край оврага.

Михалина Флешар смотрела с удивлением. Дым – это то

же облако; облако – та же мечта. Что ей было делать? Бежать? Остаться? Она почти утратила всякое осознание действительности.

Порыв ветра несколько рассеял завесу дыма, и сквозь просвет ярко проявились мрачная башня, мост, замок, ослепительные, ужасные, залитые сверху донизу заревом пожара. В этом зловещем освещении Михалина Флешар могла все разглядеть.

Горел нижний этаж мостового здания. Верхние два этажа еще не были тронуты пламенем, и они как бы покоились в огненной корзине. С того места, на котором стояла Михалина, можно было, сквозь дым и огонь, рассмотреть их внутренности. Все окна были отворены.

Сквозь большие и высокие окна второго этажа Михалина Флешар могла различить стены, уставленные шкафами, как ей показалось, – с книгами, и на полу, возле одного из окон, в полутьме, какую-то небольшую группу, похожую на гнездо или на выводок, которая, казалось, время от времени шевелилась.

Она стала всматриваться. Что бы могла означать эта маленькая группа теней? Иногда ей казалось, что это живые существа. У нее была лихорадка, она ничего не ела с самого утра, она весь день шла, почти не отдыхая, она изнемогала от усталости, у нее было нечто вроде галлюцинации, к которой она сама относилась с инстинктивной подозрительностью; а между тем ее глаза не могли оторваться от этой

небольшой загадочной кучки, по-видимому, неодушевленных и неподвижных предметов, лежавших на полу в комнате, приходившейся как раз над горевшей частью здания.

Вдруг пламя, как будто обладавая сознательной волей, вытянуло один из своих языков и охватило сухой плющ, покрывавший стену как раз с той стороны, откуда смотрела Михалина Флешар. Казалось, огонь только что заметил эту новую пищу и спешил воспользоваться ею. Он с жадностью схватил ее и стал подниматься по лозе вверх с ужасающей ловкостью бикфордова шнура. В одно мгновение он добрался до второго этажа, и внутренность последнего осветилась. При ярком свете пламени было можно ясно различить трех детей, спокойно спавших на полу, переплетаясь руками и ногами, с закрытыми глазами и с улыбками на устах.

Мать узнала своих детей и испустила душераздирающий крик – тот крик, которым могут кричать только матери. Ничто не может быть ужаснее и вместе с тем трогательнее этого крика. Когда его испускает женщина, – кажется, будто слышишь волчицу; когда его испускает волчица, – кажется, будто слышишь женщину. Это был не крик, а рев. «Гекуба залаяла»³⁹⁵, – говорит Гомер.

Этот-то крик и услышал маркиз Лантенак.

³⁹⁵ Гекуба – в греческой мифологии жена царя Приама, мать Гектора, Кассандры и др. Во время второй беременности ей было видение, что она в себе носит факел, который подожжет Трои. Ее вторым сыном был Парис. После разрушения Трои стала рабыней у Одиссея. В конце концов была превращена в собаку и погибла при переправе через Геллеспонт.

Он, как сказано было выше, остановился между выходом из подземного хода, через который провел его Гальмало, и рвом. Из-под нависшего над ним кустарника он увидел горевший мост, залитую заревом башню, и, над самой своей головой, на краю возвышенности, напротив горевшего здания, освещенную пламенем, с искаженным от ужаса лицом, женщину, наклонившуюся над рвом.

Эта-то женщина и испустила тот крик. Но то была уже не Михалина Флешар, – то была Горгона³⁹⁶. Несчастье делает страшным. Крестьянка превратилась в Эвмениду³⁹⁷. Простая поселянка, наивная, грубая, невежественная, вдруг получила чисто эпический облик отчаяния. Великие страдания чрезвычайно преобразуют души. Эта мать в настоящий момент являлась олицетворением материнства. Она стояла здесь, на краю этого рва, перед этим пламенем, перед этим преступлением, как гробовое видение. Ее крик был криком зверя, ее жесты олицетворяли богиню. Лицо ее приняло угрожающее и в то же время лучезарное выражение. Ничего не может быть величественнее блеска глаз, наполненных слезами. Взгляд ее, казалось, вызывал пожар на бой.

Маркиз стал прислушиваться к звукам, доносившимся

³⁹⁶ Горгона – в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями вместо волос. Взгляд горгоны превращал все живое в камень. Из трех горгон единственной смертной была Медуза, которой отрубил голову Персей.

³⁹⁷ Эвмениды – в греческой мифологии другое обозначение эриний, которые перестали считаться богинями мщения и стали божествами благодати, предотвращающими несчастья и дарующими плодородие.

сверху. В них было что-то невнятное и раздражающее душу; то были скорее рыдания, чем слова.

– О, боже мой! Дети мои! Это мои дети! Помогите! Пожар! Пожар! Да ведь вы разбойники! Неужели здесь никого нет? Дети мои сгорят! Беда, беда! Жоржетта, Гро-Ален, Рене-Жан! Дети мои! Но что бы это могло значить? Как попали туда мои дети? Они спят! Я с ума сойду! Это невозможно! Помогите!

В башне и на площадке стало замечаться сильное движение. Со всех сторон к месту пожара сбегались люди. Осаждающим, после картечи, приходилось бороться с огнем. Говэн, Симурдэн, Гешан отдавали приказания. Но что можно было сделать? В небольшом ручейке, протекавшем в овраге, было всего несколько ведер воды. Волнение все усиливалось. Весь край площадки покрылся встревоженными и испуганными лицами.

И действительно, зрелище было ужасное, тем более ужасное, что все осознавали невозможность помощи. Пламя по загоревшемуся сухому плющу добралось до верхнего этажа, где обильную пищу для него представляла сложенная там солома. Теперь горел уже весь чердак. Пламя, точно радуясь, весело прыгало, – ужасное веселье! Казалось, будто какие-то невидимые преступные уста раздували это пламя. Можно было подумать, что вся гнусная душа Имануса превратилась в вихрь искр, жила убийственной жизнью огня и будто эта чудовищная душа превратилась во всепожирающее пламя.

Второй этаж, в котором находилась библиотека, еще не был охвачен пламенем; высота его потолка и толщина стен служили препятствием огню и отдаляли минуту, когда и библиотека сделается добычей пламени; но тем не менее это ужасное мгновение приближалось; и сюда уже стали пробираться огненные языки из верхнего и нижнего этажей, уже и на них ложилось ужасное лобзание смерти. Внизу – точно погреб лавы, наверху – словно громадный костер; прогорит пол – и дети провалятся в огненный котел; прогорит потолок – на них посыплются горящие обломки. А между тем Рене-Жан, Гро-Ален и Жоржетта спали глубоким, безмятежным, детским сном, и сквозь завесу огня и дыма, которая то закрывала, то снова открывала окна, их можно было различить в этой огненной пещере, на ярком фоне, лежавшими в спокойных, милых позах, словно три ангела мирно уснули в аду. Кажется, даже тигр мог бы заплакать, увидев эти лепестки роз в пекле, эти колыбели в могиле.

– Пожар! – продолжала вопить мать, ломая себе руки. – Я кричу пожар, а никто не приходит! Что же они, все оглохли, что ли? Жгут детей моих! Приходите же, эй вы, кто там есть! Сколько уже дней я хожу, чтобы разыскать их, и вот в каком виде я их нахожу! Пожар! Помогите! Ведь это ангелы, сущие ангелы! В чем они-то виноваты, эти невинные младенцы! Меня расстреляли, а их сжигают. Разве можно так поступать? Помогите! Спасите детей моих! Неужели вы меня не слышите? Ведь, кажется, можно бы сжалиться даже над

собакой, а не только над человеком. Дети мои, дети мои! Они спят! Ах, Жоржетта! Я вижу отсюда животик этого амурчика. Рене-Жан! Гро-Ален! Ведь их так зовут! Вы, значит, видите, что я их мать! И какие только теперь творятся ужасы! Я шла дни и ночи! Я только сегодня утром говорила о них со встречной женщиной. Помогите! Пожар! Да это какие-то чудовища! Ведь это просто ужас! Старшему нет еще и пяти лет, а младшей два года. Вон их голенькие ножки! Пресвятая Богородица, они спят! Небо возвращает их мне, а ад отнимает их у меня. А я-то сколько исходила ради них! Дети мои, которых я вскормила своей грудью! Я была так несчастлива, что не могла отыскать их. Сжальтесь надо мною! Мне нужны мои дети. Они ведь, действительно, в огне. Посмотрите на мои бедные ноги, они все в крови. Помогите! Не может быть, чтобы, пока на земле есть люди, этим бедным малюткам дали умереть такой ужасной смертью. О разбойники! И что это за дом такой! Их у меня украли для того, чтобы убить! Господи Иисусе! Я желаю получить своих детей. О! я не знаю, что я готова была бы сделать! Я не хочу, чтоб они умирали! Помогите! Помогите! О, если бы им суждено было умереть такой смертью, я, кажется, в состоянии была бы убить всех людей.

Одновременно с отчаянными мольбами несчастной матери раздавались голоса на площадке и во рву:

– Лестницу! – Нет лестницы! – Воды! – Нет воды! – Там наверху, во втором этаже, есть дверь! – Да она железная! –

Выломайте ее! – Невозможно!

А между тем отчаянные вопли матери продолжались:

– Пожар! Помогите! Да торопитесь же! А то убейте меня!
Дети мои, дети! О, какое ужасное пламя! Спасите их оттуда!
Бросьте их мне сюда!

В промежутках между этими возгласами слышался ровный треск пламени.

Маркиз ощупал свой карман и вынул оттуда ключ от железной двери. Затем, согнувшись, он прошел под свод, через который он убежал, и направился по подземному коридору.

II. От каменной двери до железной

Целая армия, парализованная своим бессилием, четыре тысячи человек, не имевшие возможности спасти трех детей, – вот каково было положение дел.

Действительно, лестницы не было. Та, которая была послана из Жаневэ, как видел читатель, не прибыла. Пламя вырывалось из мостового замка, точно из жерла вулкана. Смешно было и подумать о том, чтобы залить его водою из почти высохшего ручья: это было все равно, как если бы попытаться потушить вулкан стаканом воды.

Симурдэн, Гешан и Радуб спустились в ров. Говэн снова поднялся на третий этаж башни, в котором были поворотный камень, потайной выход и железная дверь, ведущая в библиотеку. Как известно, отсюда был проведен пропитанный

серой фитиль, зажженный Иманусом; отсюда-то и начался пожар. Говэн захватил с собою двадцать саперов. Выломать железную дверь – вот последнее оставшееся еще средство. Но она, к несчастью, была на редкость прочной. Сначала стали было рубить ее топорами, но топоры ломались.

– С этим железом и сталь превращается в стекло, – с досадой проговорил один из саперов.

Действительно, дверь была сделана из кованого железа и, кроме того, обита толстыми железными полосами в три дюйма толщины. Попробовали было выломать дверь железными брусьями, просунутыми под дверь, но брусья эти тоже сломались.

– Как спички! – воскликнул тот же сапер. А Говэн с мрачным видом пробормотал:

– Эту дверь можно вышибить только пушечным ядром. Нужно было бы втащить сюда пушку.

– Да и это еще вопрос, – заметил сапер.

Все в отчаянии опустили руки. Все эти люди безмолвно, с видом отчаяния и досады, смотрели на страшную, несокрушимую дверь. Из-за щелей ее виднелся красноватый отблеск. Очевидно было, что пожар за этой дверью все усиливается. А возле нее лежал ужасный труп Имануса, зловещего победителя.

Еще, быть может, несколько минут – и все рухнет. Что было делать? Не оставалось никакой надежды. Говэн в отчаянии воскликнул, устремив глаза на поворотный камень в

стене и на отверстие, через которое совершилось бегство:

– Вот каким путем ушел маркиз Лантенак!

– И опять вернулся, – раздался чей-то голос, и чья-то белая голова показалась в отверстии потайного выхода.

То был маркиз. Уже в течение многих лет Говэн не видел его так близко. Он отступил. Все находившиеся в комнате замерли на своих местах точно вкопанные.

Маркиз держал в руке большой ключ. Высокомерным взором он заставил расступиться нескольких саперов, стоявших на его дороге, направился прямо к железной двери, нагнулся и вложил ключ в замочную скважину. Замок заскрипел, дверь повернулась на своих петлях, и показалось целое море пламени. Маркиз твердым шагом вошел в него с высоко поднятой головой. Все с ужасом следили за ним.

Едва только маркиз прошел несколько шагов по горевшей комнате, как прогоревший пол, вследствие шагов маркиза, рухнул позади него и образовал пропасть между ним и дверью. Но маркиз даже не обернулся и продолжал идти вперед. Вскоре он исчез в дыму, и ничего не стало видно.

Успел ли он пройти дальше? Не разверзлась ли под его ногами новая огненная пропасть? Неужели он только и добился того, что сам погиб? На эти вопросы ответить было невозможно. Перед глазами стояла стена огня и дыма. За нею был маркиз, но мертвый или живой – это было неизвестно.

III. Уснувшие дети пробуждаются

Дети, наконец, открыли глаза. Пожар, не успевший еще охватить библиотечный зал, бросал на его потолок розовый отблеск. Дети, незнакомые еще с этим видом зари, стали с любопытством смотреть на нее, а Жоржетта даже восхищалась ею.

Пожар разгорался во всем своем зловещем величии. Клубы густого черного, с красноватым отблеском, дыма представлялись то черной гидрой, то ярко-красным драконом. Длинные огненные языки реяли в темноте, точно сражающиеся, преследующие друг друга кометы. Пламя бывает очень щедро и разбрасывает на ветер драгоценные камни; недаром уголь и алмаз одинаковы по составу. В стене третьего этажа образовалась трещина, через которую падал из пламени в овраг целый дождь драгоценных камней. Вороха соломы и мешки овса, горевшие на чердаке, начинали струиться из окон потоками золотого дождя, причем зерна овса превращались в аметисты, а стебли соломы – в кораллы.

Все трое детей вскочили на ноги.

– Ах, как хорошо! – воскликнула Жоржетта.

– Они просыпаются! – проговорила мать.

И, действительно, сначала встал Рене-Жан, затем Гро-Ален, и последней Жоржетта. Рене-Жан протянул руки к окошку и сказал:

– Мне жарко.

– Мне залко, – повторила Жоржетта.

– Родные мои! – воскликнула мать. – Рене, Ален, Жоржетта!

Дети оглянулись вокруг, ничего не понимая. То, что на взрослых людей наводит ужас, у детей возбуждает только удивление; а того, кто легко удивляется, нелегко испугать; неведение является источником храбрости. Дети до того невинны, что если бы они увидели ад, они стали бы им любоваться.

– Рене! Ален! Жоржетта! – повторила мать.

Рене-Жан обернулся. Этот голос вывел его из его рассеянности. У детей память короткая, но вспоминают они очень быстро. Все прошлое для них является вчерашним днем. Рене-Жан увидел свою мать, нашел это совершенно естественным и, смутно сознавая себя в странной обстановке, чувствуя потребность опоры, воскликнул:

– Мама!

– Мама, – повторил Гро-Ален.

– Мама, – пролепетала Жоржетта и протянула к ней свои ручки.

Несчастливая женщина испустила страшный вопль:

– Дети мои!

Все трое подошли к окошку; к счастью, огонь еще не добрался до этого окошка.

– Мне очень жарко, – проговорил Рене-Жан и прибавил: –

Горит.

Затем он стал искать глазами свою мать и закричал:

– Иди же, мама!

– Мама, мама! – повторила Жоржетта.

Несчастливая женщина, с распущенными волосами, с окровавленными ногами, в разорванной одежде, цепляясь за кусты, спустилась в ров. Здесь уже стояли Симурдэн и Гешан, столь же бессильные внизу, как и Говэн наверху. Солдаты, приведенные в отчаяние сознанием своей беспомощности, теснились вокруг них. Жар был невыносимый, но никто его не чувствовал. Все смотрели на мост, на его быки, на высокие стены, на недоступность окон и в то же время все сознавали необходимость принять безотлагательно какое-нибудь решение. Но пришлось бы взбираться на третий этаж, а для этого не было никаких подручных средств. Сюда же прибежал и Радуб, с сабельной раной в плече, с оторванным ухом, обливаясь потом и кровью. Он увидел Михалину Флешар и узнал ее.

– Как! – воскликнул он. – Вас же расстреляли, а вы живы!

– Мои дети! – проговорила ему в ответ мать.

– Это верно, – заметил Радуб. – Теперь не время думать о чем-либо другом, – и он принялся карабкаться на мост, но все усилия его были тщетны.

Вцепившись ногтями в камень, он прополз несколько секунд. Но камни были гладкие: в них не оказывалось ни малейшей трещины, ни малейшего выступа, стена была сложе-

на так аккуратно, точно она была совершенно новая, и Радуб, не поднявшись и на три фута, упал на землю. А между тем пожар продолжал свирепствовать со страшной силой; в открытом окне, на ярко-красном фоне, отчетливо вырисовывались три детские головки.

Михалина, стоя на коленях, обнимала устои моста и кричала: «Спасите! Спасите!»

Глухой треск раздался из библиотечного зала: стекла в книжных шкафах стали лопаться от жары и с шумом падать на пол. Было очевидно, что через несколько минут все здание рухнет. Тут не в состоянии была помочь никакая человеческая сила. Еще несколько секунд, и все будет кончено. Все с замиранием сердца ждали катастрофы. А из горевшего здания продолжали доноситься детские голоса: «Мама, мама!..»

Ужас достиг предела.

Вдруг у окна, соседнего с тем, возле которого стояли дети, на ярко-красном фоне пламени, появилась чья-то высокая фигура. Все головы поднялись кверху, все взоры устремились на эту фигуру. Несомненно было одно: там, наверху, в библиотечном зале, в этом пекле, находился какой-то человек. Его черная фигура отчетливо вырисовывалась на фоне огня. Все сразу узнали маркиза Лантенака.

Он на мгновение исчез было, но вскоре показался снова. Старик подошел к окну, держа в руках длинную лестницу. То была лестница, лежавшая в библиотечной комнате, вдоль

стены, которую он притащил к окну. Он схватил ее за один конец, а другой с силой и ловкостью атлета опустил в окно и установил его на краю рва. Стоявший внизу Радуб, взволнованный и обрадованный, протянул руки, ухватился за опущенный конец, крепко схватился за него и воскликнул:

– Да здравствует республика!

– Да здравствует король! – ответил маркиз.

– Ну, ладно, – проворчал сквозь зубы Радуб, – ты можешь там кричать, что тебе угодно, говорить даже, если желаешь, глупости, но все же ты явился здесь Самим милосердным Господом Богом.

Лестница была закреплена, сообщение между горевшим зданием и остальным миром установлено. Двадцать человек, во главе с Радубом, кинулись к лестнице, и в одно мгновение разместились по ее ступенькам снизу доверху. Радуб, взобравшись на самую верхнюю ступеньку, стоял на одном уровне с подоконником, лицом к окну. Солдаты, рассеянные по склонам холма и среди вереска, теснились, обуреваемые самыми разнообразными чувствами, составляя группы на откосах холма, во рву, на площадке башни.

Маркиз снова исчез, но через несколько секунд появился у окна, держа в руках ребенка. Раздались неистовые рукоплескания.

То был первый ребенок, выхваченный маркизом из горевшей комнаты, – Гро-Ален.

– Я боюсь, – кричал ребенок.

Маркиз передал его Радубу, который, в свою очередь, передал его через голову стоявшему позади него солдату, передавшему его следующему; и пока Гро-Ален, громко кричавший от испуга, очутился внизу лестницы, маркиз, снова отошедший на несколько секунд от окна, возвратился к нему с Рене-Жаном на руках. Тот кричал, барахтался и даже ударил Радуба по лицу в то мгновение, когда маркиз передавал его сержанту.

Маркиз снова вошел в комнату, объятую пламенем, в которой теперь оставалась одна только Жоржетта. Он подошел к ней, и она ему улыбнулась. Этот словно из гранита высеченный человек почувствовал, как на глазах у него выступили слезы.

– Как тебя звать? – спросил он ребенка.

– Зорзета, – ответила она.

Он взял ее на руки. Она продолжала улыбаться. В то самое мгновение, когда он передавал ее Радубу, эта черствая и мрачная душа озарилась отблеском невинности, и старик поцеловал ребенка.

– А-а, это наша малютка, – радостно воскликнули солдаты, и Жоржетта, в свою очередь, была спущена с рук на руки на землю, среди восторженных кликов присутствующих. Все рукоплескали, топали ногами; старики гренадеры рыдали, а ребенок им улыбался.

Мать стояла у подножия лестницы, задыхаясь, с блуждающими глазами, как бы опьяненная всею этою неожиданно-

стью, переброшенная внезапно, без перехода, из ада в рай. Избыток радости причиняет сердцу особого рода боль. Она протягивала руки, схватила ими сначала Гро-Алена, затем Рене-Жана и, наконец, Жоржетту. Она покрывала поцелуями то того, то другого, то третью, затем захохотала и, наконец, упала на землю без чувств.

– Все спасены! – пронесся в толпе громкий крик.

Действительно, все были спасены, кроме старика. Но никто о нем в эту минуту не думал, и, быть может, меньше всего он сам.

Он простоял некоторое время в задумчивости у окошка, как бы желая дать пламени время принять какое-нибудь решение. Затем без всякой суеты, медленно, гордо, он перешагнул через подоконник и, не оборачиваясь, выпрямившись, прислоняясь спиной к ступенькам, имея позади себя пожар, а под ногами – пропасть, принялся молча спускаться с лестницы, со спокойствием и величием призрака. Люди, еще стоявшие на лестнице, поспешили сойти с нее; все присутствующие почувствовали дрожь, все с каким-то священным трепетом ужаса отступали перед этим спускающимся сверху человеком, как перед привидением. А он спокойно и медленно продолжал опускаться в расстилавшуюся у ног его тьму; по мере того как он к ним подходил, они отступали, и на его мраморно-бледном лице не было заметно ни малейшей складки, в его глазах, напоминавших глаза призрака, не видно было никакого блеска. По мере того как он

приближался к этим людям, испуганные зрачки глаз которых устремлены были на него из темноты, он, казалось, вырастал с каждым шагом, лестница дрожала и глухо скрипела под его тяжелыми шагами. Его можно было бы принять за статую командора, снова опускающуюся в могилу.

Когда маркиз дошел до последней ступеньки лестницы, когда он ступил ногой на землю, на его плечо опустилась чья-то рука. Он обернулся.

– Я тебя арестую, – проговорил Симурдэн.

– Правильно, – ответил ему Лантенак.

Книга шестая. После победы начинается борьба

I. Лантенак в плену

Маркиз, действительно, опустился в могилу.

Его увели. Темница в нижнем этаже башни была немедленно отперта по распоряжению и под наблюдением Симурдэна. В нее принесли лампу, кружку воды, краюху черного хлеба, связку соломы, и менее чем через четверть часа после того, как рука священника опустилась на плечо маркиза, дверь темницы, в которую был посажен Лантенак, была заперта на ключ. После этого Симурдэн отправился разыскивать Говэна. В ту самую минуту на отдаленной колокольне в Паринье било одиннадцать часов. Симурдэн сказал Говэну:

– Я немедленно созову военный суд, но ты в его состав не войдешь. Ты и Лантенак – родственники; и ты и он – из рода Говэнов. Ты слишком близкий родственник для того, чтобы быть судьей, и я очень осуждаю Филиппа Эгалитэ за то, что он не отвел себя от суда над Капетом. Военный суд будет состоять из трех лиц: одного офицера, капитана Гешана, одного нижнего чина, унтер-офицера Радуба, и меня, в качестве председателя. Но все это тебя не касается. Мы будем действовать в соответствии с декретом Конвента; мы огра-

ничимся удостоверением тождества бывшего маркиза Лантенака с нашим пленником. Завтра военный суд, послезавтра – гильотина. Конец Вандее!

Говэн не возразил ни слова, и Симурдэн, весь поглощенный важностью предстоявшего ему дела, покинул его. Симурдэну предстояло сделать распоряжения относительно выбора места и времени для казни маркиза. Он имел привычку, подобно Лекинио в Гранвилле, Тальену в Бордо, Шалье в Лионе и Сен-Жюсту в Страсбурге, – подавать «хороший пример» и лично присутствовать при казнях. В те времена считалось полезным, чтобы судья следил за чистотой работы палача. Французский террор 1793 года заимствовал этот обычай у средневековых французских парламентов и у испанской инквизиции.

Говэн тоже был озабочен. Со стороны леса дул холодный ветер. Говэн, предоставив Гешану сделать необходимые распоряжения, направился к своей палатке, раскинутой на лужайке, близ опушки леса, у самого подножия Тургской башни, отыскал там свой плащ с капюшоном и укутался в него. Плащ этот, согласно господствовавшей в то время республиканской моде, избегавшей всяких излишних украшений, был обшит лишь узеньким галуном, служившим знаком отличия начальника отряда. Он стал расхаживать по лужайке, откуда начался приступ. Он был один. Пожар еще продолжался, но никто на него не обращал внимания. Радуб ухаживал за детьми и за их матерью с почти материнской нежно-

стью. Здание на мосту догорало, саперы рыли рвы, хоронили убитых, санитары перевязывали раненых, уносили из комнат трупы, солдаты разбирали баррикаду, уничтожали следы побоища, выносили и выбрасывали обломки, – словом, все производилось с чисто военным проворством – то, что можно было бы назвать наведением порядка после оконченного сражения.

Но Говэн ничего этого не видел и только время от времени бросал задумчивый взор на караул возле пролома, удвоенный по распоряжению Симурдэна. Несмотря на потемки, он мог видеть этот пролом приблизительно в двухстах шагах от того угла лужайки, куда он удалился. Он ясно видел перед собою это черное отверстие, откуда три часа тому назад начался штурм и через которое он проник в башню. За ним находилась комната нижнего этажа, в которую вела дверь темницы. Караул возле пролома стерег эту темницу. Не спуская глаз с пролома, он в то же время явственно слышал слова, звучавшие точно погребальный звон: «Завтра – военный суд, послезавтра – гильотина».

Пожар, который удалось изолировать и который саперы усердно заливали, не сразу прекратился и порой озарял окрестность ярким пламенем. Иногда слышался треск потолков и видны были обвалившиеся, обгорелые балки, причем искры разлетались во все стороны, пламя освещало отдаленный горизонт и Тургская башня бросала свою гигантскую тень на всю площадку, до самого леса.

Говэн медленными шагами расхаживал взад и вперед по лужайке перед проломом, скрестив руки за спиной, под капюшоном своего военного плаща. Он думал.

II. Говэн в раздумьях

С Говэном произошла резкая перемена. Маркиз Лантенак преобразился, и Говэн был очевидцем этого преобразования.

Никогда бы он не мог поверить тому, чтобы подобные вещи могли явиться результатом стечения каких бы то ни было обстоятельств. Никогда даже во сне ему не могло бы присниться, чтобы могло произойти подобное. Непредвиденность, надменно и без жалости играющая людьми, овладела теперь Говэном и держала его в своей власти. Говэн видел перед собой невозможное, ставшее реальным, видимым, осязательным, неизбежным, неумолимым.

Что думал об этом Говэн? Нельзя было тянуть: нужно было принимать решение. Вопрос был поставлен ребром. Нечего было и думать о том чтобы уклониться от его решения.

Кто же поставил этот вопрос? События. Да и не одни только события. Ибо когда события, по существу своему изменчивые, ставят нам вопрос, нас вынуждают отвечать на него сама справедливость, неизменная по своей сути. Позади тучи, набрасывающей на нас свою тень, есть светило, проливающее на нас свой свет. Мы точно так же мало можем избежать света, как и тени.

Говэн подвергался допросу. Он стоял перед неумолимым следователем – перед своей совестью. Говэн ощущал в себе внутреннее колебание. Его самые твердые решения, его клятвы, его казалось бы нерушимые принципы – все это колебалось в глубине его души. И душа может дрожать.

Чем больше он размышлял о том, что он только что видел, тем сильнее им овладевала неуверенность. В душе республиканца Говэна заговорил более сильный голос – голос человека. Невозможно было уклониться от активной роли в предстоящих событиях. Но факт остается фактом, – и Говэн оставался важным действующим лицом в предстоящих событиях. Он не мог отказаться от участия в них, и хотя Симурдэн и сказал ему: «Это тебя не касается», он ощущал нечто подобное тому, что ощущает дерево в ту минуту, когда его отрывают от его корней.

Любой человек живет согласно своим принципам. Потрясение этих принципов неизбежно приводит его к кризису. Говэн ощущал это потрясение. Он крепко сжимал голову обеими руками, как бы желая выдавить из нее истину. Разобраться в таком положении было нелегким делом. Ничто не может быть труднее, как упростить сложное. Он видел перед собой страшные слагаемые, которым нужно было подвести итог; а подводить итог деяниям судьбы – дело нелегкое. Он пробовал это сделать, он старался отдать самому себе отчет, он пытался собрать свои мысли, дать определенное направление своим мыслям, припомнить факты, ясно изложить их

самому себе. Кому не случалось в ответственные моменты жизни приводить в порядок свои мысли и ставить себе вопрос, – куда идти, вперед или назад?

Говэн был свидетелем чуда. Пока борьба шла на земле, она шла и на небесах, это была борьба доброго начала со злым. Будучи человеком, не чуждым всех людских пороков и слабостей, – способности увлекаться и заблуждаться, слепоты, упрямства, гордости, эгоизма, Лантенак своим поступком поверг Говэна в замешательство. Говэн увидел воочию совершившееся чудо, – победу человечества над человеком. Доброе начало в человеке одержало победу над злым.

И каким способом? С помощью каких средств был повержен на землю колосс злобы и ненависти? Какое было использовано оружие, какие военные приспособления? – Колыбель.

В уме Говэна произошло какое-то просветление. Среди гражданской войны, среди столкновения страстей вражды и мести, в самый мрачный и яростный час, в ту самую минуту, когда преступление все заливало заревом пожара, а ненависть окутала все непроницаемой тьмой, в эту минуту борьбы, когда считаются дозволенными все средства, когда борющийся перестает различать, что истинно, что справедливо, что честно, – в эту минуту в его душе внезапно блеснул яркий, вечный свет, озарявший потемки людских дел и людских страстей. Над мрачным поединком ложного и истинного, в глубине его души, вдруг засиял светлый лик истины. Вдруг в борьбу вмешалась сила слабости.

На ее арене появились три слабых, едва родившихся существа, одинокие, покинутые сироты, лепечущие, улыбающиеся и невинные, на которых всей своей тяжестью обрушилась гражданская война, закон или беззаконие возмездия, страшная логика мщения, резня, братоубийство, ярость, злоба, – словом, все фурии разом; появился гнусный и подлый поджог, посредством которого предполагалось совершить преступление; появилось ужасное, но неосуществившееся предумышление; появились старинная феодальная свирепость, старинная непримиримая ненависть, ложная теория о неизбежности войны, государственные соображения, все безобразные умыслы закоснелой жестокости, – и все эти ужасы рассеялись впрах пред светлыми и ясными взорами трех существ, едва начинавших жить. Оно, впрочем, и вполне естественно, ибо тот, кто не жил, не успел еще сотворить зла; он олицетворяет собою справедливость, истину, невинность. Ведь ангелы небесные – те же дети.

Происшедшее является поучительным примером и уроком. Разъяренные участники беспощадной борьбы вдруг увидели пред собой, рядом со всеми ужасами, зверствами, убийствами, рядом с жаждой мести и фанатизмом, раздувающими пламя костров, рядом со смертью, шествующей с факелом в руке, над легионом преступлений, – всемогущество невинности. И невинность победила. И можно было воскликнуть: «Нет, гражданской войны не существует, варварства не существует, ненависти не существует, преступле-

ния не существует, мрака не существует. Для того чтобы рассеять все эти страшные призраки, достаточно взгляда светлых, ясных, невинных детских глаз». Никогда, ни в какой борьбе не проступали явственнее одновременно Бог и сатана.

Ареной этой борьбы стала человеческая душа – душа Лантенака. Теперь борьба возобновлялась, более ожесточенная, но вместе с тем, быть может, и более решительная, в другой душе – в душе Говэна. Какое обширное поле для борьбы – душа человеческая! Мы отданы целиком во власть этих богов, этих чудовищ, этих демонов – наших мыслей. И эти ужасные воюющие стороны безжалостно топчут ногами нашу душу.

Говэн размышлял. Маркиз Лантенак, окруженный со всех сторон, осажденный, осужденный, поставленный вне закона, прижатый к стене, как дикий зверь в цирке, захваченный, как гвоздь клещами, запертый в своем замке, ставшем его темницей, охваченный со всех сторон железным и огненным кольцом, успел скрыться, успел совершить чудо – бежать. Он успел добраться до леса, в котором он мог укрыться, успел бы добраться и до селений, откуда он смог бы возобновить борьбу. Он снова смог бы стать тем страшным и неуловимым, тем таинственным призраком, тем полководцем-невидимкой, тем начальником подземных бойцов, каким он был прежде. Говэн одержал победу, но Лантенак вырвался на свободу, вернув себе безопасность, возможность

передвижения и неистощимый выбор убежищ. Он снова стал недостижимым, неуловимым. Лев попался в западню, но он смог из нее вырваться.

И вдруг он в нее возвращается. Маркиз Лантенак добровольно, сознательно, ничем не будучи вынуждаем к тому, покинул лес, тьму, безопасность, свободу для того, чтобы снова подвергнуться величайшей опасности. И Говэн видел собственными глазами, как он твердо и мужественно сначала бросился в горящее здание, рискуя в нем погибнуть, а затем спустился по лестнице, которая отдавала его в руки неприятелю и, будучи спасательной лестницей для других, была лестницей гибели для него.

И для чего он все это сделал? Для того чтобы спасти трех маленьких детей!

А что теперь собирались сделать с этим человеком? – Казнить.

Итак, этот человек, ради трех детей, – своих собственных? – нет; своих родственников? – нет; своего сословия? – нет, – ради трех первых встречных детей, безродных, нищих, – этот аристократ, этот принц, этот старик, свободный, спасенный, победитель, – ибо удачное бегство есть та же победа, – ради трех детей снова всем рискнул, поставив на кон свою жизнь! Этот человек, возвращая матери ее детей, в то же время надменно принес неприятелю свою жизнь, подставив под топор свою голову, до сих пор такую страшную, а с этого момента – такую величественную.

И как же собирались поступить с этой головой? – Принять ее и отрубить.

У маркиза Лантенака был выбор между своей жизнью и чужой. Он выбрал чужую и взамен ее предложил свою. Останут ли ему ее? Нет, его собираются убить.

И это – плата за героизм! Варварская расплата за великодушие! И это – подкладка революции! Какое унижение для республики!

В то самое время, когда аристократ, воспитанный на крепостничестве и на предрассудках, внезапно преобразившись, вновь сделался «человеком», они, люди свободы и равенства, собирались совершить гнусное убийство! И возвышенный, божественный закон о всепрощении, о самоотверженности, об искуплении, о самопожертвовании останется уделом борцов тьмы и не будет существовать для воинов свободы и истины! Как! Неужели здесь не начнется борьба великодушия? Неужели более сильная сторона примирится с этим поражением и станет более слабой стороной? Неужели победители сделаются убийцами? Неужели они подадут повод утверждать, что на стороне монархии – те, которые спасают детей, а на стороне республики – те, которые убивают стариков?

Неужели всему миру дано будет то зрелище, что этот храбрый солдат, этот могучий старец, этот обезоруженный боец, скорее украденный, чем схваченный, застигнутый на месте его подвига, скрученный по рукам с собственного его

позволения, не успевший еще стереть с своего лба пот благородного усилия, вступит на ступени эшафота, как всходят на пьедестал? Неужели под нож гильотины будет положена эта голова, вокруг которой будут летать, умоляя о пощаде, три души спасенных им ангелочков? И неужели ввиду этой казни, позорной для палачей, предстанет улыбающееся лицо этого старца и краснеющее от стыда лицо республики?

И неужели все это совершится в присутствии Говэна, главного здесь? И неужели, имея возможность этому помешать, он это допустит? Неужели он удовлетворится надменным советом: «Это тебя не касается»? Неужели совесть не подскажет ему, что в подобных случаях самоустранение равносильно сообщничеству? Неужели он не поймет, что в подобного рода делах тот, кто позволяет свершиться злу, хуже того, кто его делает, ибо первый – жалкий трус?

Но, с другой стороны, разве не он, Говэн, добивался этой казни? Разве не он, Говэн, человек милосердный, объявил во всеуслышание, что Лантенак стоит вне закона и что он предоставляет Лантенака в распоряжение Симурдэна? Он, так сказать, задолжал эту голову. Теперь он платил ею, – вот и все!

Но действительно ли это была та же самая голова? До сих пор Говэн видел в Лантенаке лишь беспощадного бойца, фанатика роялизма и феодализма, убийцу пленников, разнужданного зверя, человека, забрызганного кровью. Этого человека он не боялся; этого палача он осуждал на смерть; с этим

неумолимым он был неумолим. Тут все было как нельзя более просто, дорога была проторена и с нее трудно было сбиться; все было как бы предусмотрено, внушаемый этим человеком ужас служил путеводною нитью: убивай того, кто убивает. Но вдруг, неожиданно, эта прямая линия отклонилась в сторону, непредвиденный поворот судьбы открывал новый горизонт, произошла какая-то метаморфоза. На сцене вдруг появился новый, неожиданный Лантенак. Чудовище превратилось в героя, более чем в героя – в человека; более чем в просто человека, в человека с сердцем. Теперь Говэн уже не видел перед собой убийцу: он видел спасителя. Говэна как бы озарил небесный свет. Лантенак поразил его молнией доброты.

И неужели этот преображенный Лантенак не преобразит Говэна? Неужели этот яркий сноп света не даст отблеска? Неужели человек прошлого пойдет вперед, а человек будущего – назад? Неужели сын варварства и предрассудков неожиданно взмахнет крыльями и воспарит ввысь и оттуда будет смотреть, как там, где-то внизу, в грязи и в потемках, будет пресмыкаться носитель идеала? Неужели Говэн останется лежать ничком в старой колее жестокости, между тем как Лантенак воспарит к духовным вершинам?

А кроме того, еще и семейные узы. Разве эта кровь, которую он собирался пролить – ибо позволить пролить чью-либо кровь то же самое, что пролить ее самому, – разве это не его кровь, не кровь Говэнов? Его дед умер, но дядя его был

жив, и этот дядя был – маркиз Лантенак. Неужели первый не поднимется в гробу, чтобы помешать второму опуститься в него? Неужели он не крикнет из гроба своему внуку, чтобы тот относился с уважением к этой короне из седых волос, родной сестре его заоблачного сияния? Разве здесь между Говэном и Лантенаком не виднелся негодующий взор призрака?

Теперь вопрос шел о том, может ли Говэн не возвратиться в лоно семейства в тот самый момент, когда Лантенак возвратился в лоно человечности; о том, соединятся ли дядя и племянник в заоблачном свете или же подъему духа дяди будет соответствовать падение племянника?

Вот как был поставлен вопрос в душе Говэна в то время, когда в ней происходила эта трагическая, внутренняя борьба. Ответ, казалось, напрашивался сам собой: нужно спасти Лантенака.

А Франция? – Здесь эта задача внезапно принимала иную форму.

Как, в то время, когда Франция находилась в опасности, когда она подвергалась со всех сторон агрессии многочисленных врагов, когда границы ее были открыты, когда Германия шагала через Рейн, Италия – через Альпы, Испания – через Пиренеи, когда только с одной стороны она была надежно защищена бездной океана, когда она, прислонившись к нему, опираясь на него, еще могла продолжать борьбу, когда она занимала еще это неприступное положение, – неуже-

ли в это время у ней вдруг отнимут и эту последнюю точку опоры? Правда, на этом океане была она не одна, но и Англия. Но пока Англия не знала, как перебраться через этот океан на сушу. И вот находится человек, который желает перекинуть мост через океан, протянуть Англии руку, человек, который собирается крикнуть всем этим Питтам, Крэгам, Корнваллисам, Дундасам, всем этим морским разбойникам: «Идите сюда! Англия, бери Францию!» И человек этот не кто иной, как маркиз Лантенак!

И человек этот в его руках! После трехмесячной облавы и травли его наконец удалось захватить. Рука революции наконец опустилась на плечо этого опаснейшего врага; кулак 93 года схватил за шиворот этого убийцу-роялиста; по какому-то таинственному велению свыше, так часто вмешивающемся в людские дела, этот отцеубийца ожидал теперь должного возмездия в своей собственной семейной темнице; представитель феодализма сидел в феодальной застенке; камни его собственного замка заграждали ему выход из него, и тот, кто намеревался предать свою родину, был предан своим же домом. Во всем этом очевиден был перст Божий. Час возмездия пробил; революция взяла в плен своего заклятого врага; он уже не мог более сражаться, бороться, вредить. Во всей Вандее, где было столько рук, он был единственной головой; когда он сойдет со сцены – война закончится. Теперь он схвачен, – трагическая и счастливая развязка; после стольких убийств он, виновник этого кошмара, был здесь,

и теперь наступила его очередь умереть. Неужели найдется кто-нибудь, кто его спасет?!

Симурдэн, то есть 93 год, держал в своих руках Лантенака, то есть монархию. Неужели найдется кто-нибудь, кто вырвет эту добычу из этих железных клещей? Лантенак, олицетворение всех зол прошлого, лежал уже в могиле, тяжелая дверь вечности захлопнулась над ним, – и вдруг кто-то придет извне и отодвинет задвижку! Злодей умер, и вместе с ним умерли восстание, братоубийство, зверская война, – и вдруг кто-то воскресит их!

О, как захохочет эта мертвая голова! С какой насмешкой этот призрак скажет: «Прекрасно, вот я и ожил, глупцы!» С каким усердием он вновь примется за свое отвратительное дело! С какою радостью Лантенак снова окунется в бездну междоусобия и ненависти! Назавтра же снова запылают дома, снова начнут пытаться пленных, добивать раненых, расстреливать женщин!

И все же Говэн не преувеличивал смысла и значения того поступка, который так взволновал его. Трое детей погибли, Лантенак спас их. Но кто же их чуть не погубил? Не сам ли Лантенак? Кто поставил их колыбельки среди горящего здания? Разве не Иманус? А кто такой был Иманус? Разве не клевет Лантенака? Ответственность, естественно, падает на начальника. Значит, поджигателем и убийцей был Лантенак. Что же он такого сделал необыкновенного? Он не пожелал настаивать на своем злодеянии, – вот и все. Задумав и зате-

яв преступление, – он отступил в последний момент, когда оставалось его осуществить. Оно ему самому внушало ужас. Крик матери пробудил на дне его души остаток сострадания, этот отклик гуманности, существующий во всякой душе, даже в самой преступной. Услышав этот крик, он одумался; из тьмы, в которую он собирался окунуться, он снова вышел на свет. Совершив преступление, он постарался его загладить. Вся его заслуга заключалась в том, что он не остался чудовищем до конца.

И из-за этой-то незначительной заслуги возвращать ему все! Возвращать ему простор, поля, долины, воздух, свет, возвращать ему лес, которым он воспользуется для разбоев, возвращать ему свободу, которую он воспользуется для порабощения, возвращать ему жизнь, которую он воспользуется для новых убийств!

Если же сделать попытку войти с ним в соглашение, если вступить в переговоры с этим надменным человеком, если предложить ему свободу на определенных условиях, если спросить его, согласится ли он, взамен предоставления ему жизни, навсегда отказаться от бунта и от всяких враждебных действий, – то это было бы лишь величайшей ошибкой, громадным данным ему преимуществом; ответом на такие предложения мог бы быть только презрительный, высокомерный его ответ: «Оставьте позор себе! Убейте меня!»

Действительно, с таким человеком не оставалось делать ничего иного, как или убить, или освободить его. Это был

человек-кремень, не знавший компромиссов: или все, или ничего; или орлом воспрянуть вверх, или низвергнуться в бездну. Это была трагическая душа.

Убить его? – какой позор! Освободить его? – какая ответственность! Раз Лантенак будет на свободе, с Вандеей придется начинать все сначала, точно с гидрой, до тех пор, пока не будет отрублена ее голова. Моментально, с быстротой молнии, вновь разольется пламя, которое с удалением со сцены этого человека должно потухнуть. Лантенак не успокоится до тех пор, пока не осуществит свой ужасный план, то есть пока он не прикроет, точно гроб крышкой, Францию Англией, а республику – монархией. Спасти Лантенака значило принести в жертву Францию. Сохранить жизнь Лантенаку значило обречь на смерть тысячи невинных людей – мужчин, женщин, детей, значило снова зажечь пламя братоубийственной борьбы; это значило подготовить высадку англичан, затормозить революцию, разрушить города, растерзать народ, залить кровью Бретань, вернуть дракону его добычу. И Говэну среди бесконечных переливов света и тени ясно предстала одна картина: освобождение тигра – и вопрос снова встал перед ним в своем первоначальном виде, и сизифов камень внутренней борьбы человека с самим с собой вновь покатился вниз.

Значит, Лантенак был тигр? Но, быть может, он был им прежде, а теперь уже он не тигр? Течение мыслей Говэна приняло форму спирали. В самом деле, разве даже при са-

мом тщательном обсуждении можно было отрицать самоотверженность Лантенака, его стоическое самопожертвование, его благородное бескорыстие? Как! В виду всех ужасов гражданской войны выказать такое человеколюбие! Как! На фоне столкновения всевозможных низостей явиться выразителем высшей истины! Как! Явиться воплощенным доказательством того, что выше королевской власти, выше революции, выше земных треволнений стоит чуткая человеческая душа, подсказывающая, что сильный должен защищать слабого, что спасшийся должен спасать погибающих, что старик должен по-отечески относиться ко всем детям. И доказать все эти высокие истины – ценой своей головы! Как! Будучи полководцем, отказаться от борьбы, от сражений, от возмездия! Как! Являясь роялистом, взять в свои руки весы, положить на одну их чашу короля Франции, пятнадцативековую монархию, восстановление старого порядка, спасение старого общества, а на другую – трех каких-то крестьянских ребятишек, и прийти к выводу, что король, престол, скипетр, многовековая монархия перевешиваются этими детьми! Как! Неужели все это ничего не значит? Неужели тот, кто все это сделал, останется тигром и с ним будут обращаться, как с диким зверем? Нет, нет, нет! Не может быть чудовищем тот человек, который только что озарил светом божественного поступка мрачную бездну гражданских войн! Меченосец преобразился в светоносца; адский сатана снова стал светлым Люцифером. Лантенак искупил все свои вар-

варские поступки одним самоотверженным подвигом. Губя свое тело, он спас свою душу; он снова сделался невинным, он сам подписал свое помилование. Разве не существует право самопрощения? Отныне он стал достойным уважения.

Лантенак только что стал выше общечеловеческого уровня. Теперь очередь сделать то же самое наступила для Говэна. Борьба благородных страстей с дурными производила в те времена всеобщий хаос. Лантенак, возвышаясь над этим хаосом, видел из него начало человечности; теперь Говэну предстояло выделить из него семейное начало.

Что же ему оставалось теперь делать? Неужели он обманет доверие Провидения?

Нет! И он сам себе говорил:

– Нужно спасти Лантенака.

«Прекрасно! – шептал ему какой-то другой голос. – Значит, ты намереваешься действовать на руку англичанам? Что ж! Дезертируй, переходи на сторону неприятеля! Спасай Лантенака, изменяй Франции! Твое решение безрассудно, мечтатель!»

И Говэн дрожал, видя перед собою сквозь тьму улыбку сфинкса. Вообще ему казалось, будто он оказался в каком-то тупике, в котором сталкивались самые противоположные истины, не находя из него выхода, и в котором уставились друг в друга глазами три самые высокие для человека идеи – человечность, семья, Родина.

Каждая из этих идей поднимала, в свою очередь, голос и

каждая из них говорила правду. Как тут выбирать? Каждая, в свою очередь, казалось, указывала на самый верный и мудрый выход и говорила: «Поступай так!» Но следовало ли поступать так? Да! Нет! Разум говорил одно, чувство – другое, и оба этих совета были диаметрально противоположны. Но разум выходит из голова, а чувство – из совести; первый – исходит от человека, второе – от Бога. Поэтому-то чувство бывает менее ясно, но более могущественно, хотя и строгий разум – великая сила.

Говэн терзался в этих мучительных сомнениях. Перед ним открывались две бездны: погубить маркиза или спасти его? Нужно было броситься либо в ту, либо в другую.

На какую из них указывал долг?

III. Капюшон командира

Тут, действительно, был вопрос долга. Вопрос этот стоял мрачным перед Симурдэном, страшным – пред Говэном; простым – перед первым, сложным, извилистым, разнообразным – перед вторым.

Пробило полночь, затем час. Говэн, сам того не замечая, приблизился к пролому. Пожар почти совсем прекратился и распространял вокруг себя лишь слабый свет, озаряя иногда площадку позади башни и затем вновь застилая ее дымом. Эти проблески света, немедленно покрываемые мглой, придавали всем окружающим предметам какой-то фантастиче-

ский вид. Расхаживавшие вдали часовые походили на призраки. Говэн, погруженный в задумчивость, бессознательно смотрел на эту периодическую смену пламени дымом и дыма пламенем. Эти появления и исчезновения света в глазах имели какую-то странную аналогию с чередованием мыслей в его голове.

Вдруг какая-то головня, вылетающая из догоравшего здания, ярко осветила вершину холма и высветила силуэт какой-то повозки. Говэн стал всматриваться в эту повозку. Она была окружена всадниками с треуголками на головах. Ему показалось, будто это та же самая повозка, которую он разглядел вдали, в подозрную трубу Гешана, за несколько часов перед тем, при закате солнца. На повозке копошились какие-то люди, по-видимому, разгружавшие ее. То, что они снимали с нее, казалось тяжелым и временами доносился какой-то металлический звук; но трудно было сказать, что это было; сооружение как будто было похоже на деревянный сруб. Двое рабочих сняли с повозки и поставили на землю ящик, который, судя по его форме, содержал в себе какой-то треугольный предмет. В это мгновение головня догорела и все снова погрузилось в мрак. Но Говэн продолжал стоять на месте, устремив в темноту свой задумчивый и неподвижный взгляд.

Тем временем на площадке зажглись фонари, и стали видны расхаживавшие по ней какие-то тени; но с той стороны, где находился Говэн, то есть около рва, можно было разли-

читать только тех, которые стояли на самом краю площадки. Слышны были также голоса, но слов нельзя было разобрать. Изредка раздавался какой-то стук. Слышен был также какой-то металлический лязг, похожий на лязг косы, проводимой по точильному камню.

Пробило два часа. Говэн медленно, как-то нерешительно, направился к пролому. При его приближении стоявший у пролома часовой, узнав в нем в полумраке офицера по галуно и по капюшону, отдал ему честь. Говэн вошел в зал нижнего этажа, превращенный в гауптвахту. На потолке висел фонарь, освещавший комнату как раз настолько, что можно было пройти по комнате, не наступая на караульных, разлегшихся на соломе по всему полу и по большей части спавших крепким сном. Теперь они лежали здесь, на том самом месте, на котором они несколько часов тому назад дрались не на жизнь, а на смерть. Пули, в виде кусков чугуна и свинца, которыми усыпан был пол, правда, составляли не особенно удобную подстилку, но солдаты были утомлены и спали крепким сном. Эта комната, недавняя свидетельница ужасной борьбы, только что оглашалась криками, стонами, ревом, зубовным скрежетом; еще несколько часов назад здесь били, убивали, умирали; многие из товарищей спавших здесь солдат испустили последний свой вздох на тех самых камнях, на которых спали теперь оставшиеся в живых; эта солома, на которой они вытягивали теперь свои усталые ноги, была пропитана кровью их товарищей. Теперь все бы-

ло кончено, кровь запеклась, сабли были вытерты, мертвые были похоронены, а живые спали мирным сном. Такова война! А завтра повторится такая же резня и сменится таким же сном.

Когда Говэн вошел в комнату, некоторые из солдат проснулись и встали, с ними встал, между прочим, и офицер, бывший в эту ночь караульным начальником. Говэн указал ему рукою на дверь темницы и проговорил:

– Отоприте!

Задвижки были отодвинуты. Говэн вошел в темницу, и дверь за ним снова захлопнулась.

Книга седьмая.

Феодализм и революция

І. Предок

На полу каморки, возле четырехугольного окошечка, стоял фонарь. Возле него помещался кувшин с водой и лежали ломоть черного хлеба и связка соломы. Так как каморка была высечена в скале, то узник, который вздумал бы поджечь солому, даром потратил бы свой труд: темница ни в каком случае не загорелась бы и разве только что он сам бы задохнулся.

В ту минуту, когда дверь открылась, маркиз расхаживал по своей каморке; так мечется в клетке заключенный в ней дикий зверь. Услышав скрип отворяющейся и снова затворяющейся двери, он поднял голову, и фонарь, стоявший на полу как раз между ними, осветил лица обоих этих людей. Они взглянули друг на друга, и на мгновение замерли. Наконец, маркиз разразился хохотом и воскликнул:

– Здравствуйте, господин виконт. Давненько я уже не имел счастья вас видеть. Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли меня навестить. Благодарю вас. Я буду очень рад немного побеседовать с вами; я уже начал было скучать. Напрасно ваши друзья теряют столько времени. К чему все

эти удостоверения личности, все эти военно-полевые суды, вся эта канитель! Я бы стал действовать живее. Потрудитесь подойти поближе – здесь я хозяин и приглашаю вас. Ну, что вы скажете о том, что кругом нас делается? Курьезно, не правда ли? Жили-были когда-то король и королева; король – это был король; королева – это была Франция. И вот королю отрубили голову, а королеву насильно выдали замуж за Робеспьера, и от этого брака родилась дочь, которую называли «Гильотина» и с которой, по-видимому, мне предстоит познакомиться завтра утром. Очень буду этому рад, равно как и тому, что имею теперь счастье видеть вас у себя. Вы ради этого и пожаловали ко мне? Быть может, вас повысили в чине и назначили палачом? А если это просто дружеский визит, то я как нельзя более им тронут. Вы, господин виконт, быть может, уже забыли, что такое дворянин? Ну, так вот вам один образец – это я. Всмотритесь в него поближе! Это любопытно. Он верит в Бога, верит в традиции, верит в семейство, верит в своих предков, верит в пример своего отца, в верность, в честность, в преданность своему монарху, в уважение к закону, в добродетель, в справедливость, – и он с удовольствием велел бы расстрелять вас. Потрудитесь присесть, – правда, на пол, так как в этой гостиной нет ни одного кресла; но тот, кто живет среди грязи, может посидеть и на земле. Я говорю это не для того, чтобы оскорбить вас, а просто потому, что мы называем грязью то, что вы называете народом. Ведь не станете же вы требовать,

чтобы я закричал: «свобода, равенство, братство», – не правда ли? Это, вот видите ли, одна из комнат моего старинного замка. Когда-то господа запирали сюда мужиков; теперь мужики запирают сюда господ. И эти-то нелепости называются революцией. По-видимому, мне собираются перерезать горло через тридцать шесть часов. Я в этом не вижу никакого неудобства. Кстати, если бы вы были человек вежливый, вы бы велели прислать мне сюда мою табакерку, она там, наверху, в зеркальной комнате, в которой вы играли, когда были ребенком, а я брал вас к себе на колени и давал вам прыгать и шалить. А теперь я вам вот что скажу, милостивый государь: ваше имя – Говэн, и странным образом в ваших жилах течет благородная кровь, та же кровь, что и в моих – ей богу! – а между тем эта кровь, делающая из меня порядочно-го человека, сделала из вас негодяя. Вот в чем странность! Вы возразите мне, что в этом не ваша вина; да, но и не моя. Дело в том, что можно быть бессознательным бездельником. Это часто зависит от воздуха, которым человек дышит. В такие времена, как наши, человек не всегда может отвечать за все свои действия; революция действует за всех, и все ваши великие преступники, в сущности, люди совсем невинные. Да вот, начать хоть бы с вас! Позвольте мне полюбоваться вами! Да, я люблю таким юношей, как вы, который, происходя из почтенного семейства, занимая видное положение в обществе, имея возможность пролить свою благородную кровь за благородное дело, будучи виконтом Говэном, ро-

дом из вот этой самой башни Тур-Говэн, бретонским принцем, имея возможность быть герцогом по праву рождения и пэрром Франции по праву наследства, то есть имея почти все, что только может желать на земле здравомыслящий человек, находит, будучи тем, что он есть, удовольствие в том, чтобы быть тем, чем вы стали, вследствие чего враги считают его преступником, а друзья – глупцом. Кстати, передайте, пожалуйста, мой поклон господину аббату Симурдэну.

Маркиз говорил совершенно спокойно, просто, ничего не подчеркивая, тоном воспитанного человека, с ясным, светлым взором, заложив обе руки в карманы своего жилета. Он остановился, глубоко вздохнул и продолжил:

– Не скрою от вас того, что я сделал все, что было в моих силах, для того, чтобы убить вас. Уверяю вас, я сам, лично, три раза направлял на вас оружие. Я сознаюсь, что это было не очень вежливо, но было бы крайне ошибочно предполагать, будто во время войны неприятель должен стараться быть нам приятным. А ведь мы ведем войну с вами, господин мой племянник. Везде только кровь и огонь, и вы даже убили нашего короля. Хорошее времечко, нечего сказать!

Он снова остановился и опять продолжил:

– И как подумаешь, что ничего этого не случилось бы, если бы догадались повесить Вольтера и сослать на каторгу Руссо! О, что за бич Божий – эти умные люди! А кстати, в чем, собственно, вы упрекаете ее, эту монархию? Правда, что когда аббата Пюсселя сослали в его аббатство Корбиньи,

ему позволили ехать в карете и не торопили его в дороге; а что касается вашего господина Титона, который был, с вашего позволения, превеликий развратник и который предпочитал посещение публичных женщин посещению церкви, то его перевели из Венсенского замка в замок Гам, в Пикардии, место, я с этим согласен, не из самых приятных. Вот и все обвинения! Я помню их. И я, в свое время, немало кричал по этому поводу. Я был так же глуп, как и вы.

Маркиз потрогал свой жилетный карман, как бы ища в нем табакерку, и продолжал:

– Да, так же глуп, но не так же зол. Мы просто болтали для того, чтобы болтать. Тогда же существовала также и магия следствий и дознаний. А затем появились господа философы. Сожгли их сочинения вместо того, чтобы сжечь самих авторов, в дело замешались придворные интриги, вылезли все эти олухи – Тюрго³⁹⁸, Кенэ³⁹⁹, Мальзерб⁴⁰⁰, фи-

³⁹⁸ Тюрго Анн Робер Жак (1727–1781) – французский государственный деятель и экономист. Выдающийся представитель школы физиократов. В сущности, создатель политической экономии как науки. В 70-е гг. XVIII в. пытался провести налоговую реформу, реформы в экономике, будучи генеральным контролером финансов. В 1776 г. был смещен со своего поста. Неосуществление задуманных им реформ было одной из причин Великой французской революции.

³⁹⁹ Кенэ Франсуа (1694–1774) – французский экономист, принадлежавший к школе физиократов, врач, профессор Хирургической академии, главный придворный врач Людовика XV. Славу Кенэ принесла «Экономическая таблица» (1758), значение которой его последователи приравнивали к изобретению книгопечатания и открытию законов тяготения. «Таблица» позволяла наглядно представить процесс производства, обращения и распределения годового продукта в народном хозяйстве как одно органичное целое.

зиократы⁴⁰¹, и прочие и прочие, – пошла катавасия! Всему виною писаки и виршеплеты. Энциклопедисты! Дидро! Даламбер⁴⁰²! Негодяи они, больше ничего! А еще человек такого высокого рода и ума, как король прусский, попался на эту удочку! Я живо справился бы со всеми этими бумагомарателями. Со мною шутки были бы плохи. Вон они, на стене, борозды от колес, с помощью которых производилось колесование. Мы шутить не любили. Долой их, всех этих писак! Пока будут Вольтеры, будут и Мараты. Пока будут негодяи, мараящие бумагу, будут и негодяи, которые убивают; пока будут чернила, будет черно; пока рука человеческая будет держать гусиное перо, пошлые глупости будут вызывать глупости жестокие. Книги создают преступников. Слово «химера» имеет двойкий смысл: оно означает и мечту и чудовище. И что вы там за чепуху такую несете? Что вы там лепечете о ва-

⁴⁰⁰ Мальзерб Кретьен Гийом (1721–1794) – французский политический деятель, президент палаты налогов, министр внутренних дел. Пытался провести налоговые и политические реформы. Защищал Людовика XVI в Конвенте. Обвинен в заговоре против республики и казнен.

⁴⁰¹ Физиократы – французские экономисты второй половины XVIII в., признававшие землю и земледелие единственными источниками богатства, а земледельческий труд – единственным производительным трудом. Основателем школы физиократов являлся Франсуа Кенэ.

⁴⁰² Даламбер Жан (1717–1783) – знаменитый французский математик и философ, член Французской академии. Ему принадлежат работы по многим разделам математики, замечательны его рассуждения о нарушении эллиптического движения планет под действием сил взаимного притяжения. Участвовал вместе с Дидро в выпуске знаменитой «Энциклопедии».

ших правах? Права человека! Права народа! Что за бессмыслица, что за сумбур, что за нелепица! Когда я говорю: Авуаза, сестра Конана Второго, принесла с собой графство Бретань в приданое Гоэлю, графу Нантскому и Корнуэльльскому, которому наследовал Алэн Ферган, дядя Берты, вышедшей замуж за Алена Черного, владельца Ром-сюр-Иона, и родившей от него Алена Малого, прадеда Гюи или, по местному произношению, Говэна де Туара, нашего общего предка, – когда я говорю это, я говорю нечто ясное, определенное, и это может явиться источником права. А ваши шуты, ваши бездельники, ваша голь перекатная – что они называют источником права? Богоубийство и цареубийство! Это ли не омерзительно? Мне очень жаль вас, милостивый государь, но и в ваших жилах течет славная кровь древнего бретонского рода; и вы и я, мы имеем общего предка – Говэна де Туара; к числу наших предков принадлежит и тот знатный герцог Монбазон, который был пэром Франции и имел орденскую цепь, который взял приступом Тур и был ранен в Аркском сражении⁴⁰³ и который умер восьмидесяти шести лет от роду, в звании великого ловчего Франции в своем Кузьерском замке в Турени. Я мог бы еще упомянуть здесь о герцоге Ледюнуа, сыне госпожи де ла Гарнаш, о Клавдии Лотарингском, герцоге Шеврез, о Генрихе Ленонкур и о Франсу-

⁴⁰³ Аркское сражение – сражение 21 сентября 1589 г. между 5000 протестантов под командованием Генриха IV и 30 000 католиков под командованием герцога Майена. Заняв выгодную позицию, Генрих IV после ряда атак заставил противника, потерявшего половину армии, отступить.

азе де Лаваль-Буадофэн. Но к чему все это? Вы, милостивый государь, – идиот, вы желаете быть ровней моему конюху. И, наконец, не забывайте того, что я был уже старик, когда вы были еще только молокососом. Я вам нос утирал и еще утру. А вы, выросши, ухитрились сделаться меньше. С тех пор как мы с вами в последний раз виделись, каждый из нас пошел своей дорогой: я – по пути чести, вы – в противоположную сторону. Да, я не знаю, чем все это кончится, но знаю то, что все ваши друзья – великие негодяи. Я не спорю, я согласен, многое теперь прекрасно, прогресс несомненен. Вы отменили в армии унижительное наказание – штоф воды, который должен был выпивать перед фронтом изобличенный в пьянстве солдат в течение трех дней кряду; у вас теперь Конвент, епископ Габель, господин Гебер, и вы беспощадно истребляете все остатки прошлого, начиная с Бастилии и кончая календарем. В календаре вы заменили святых овощами. Прекрасно, господа граждане, распоряжайтесь, располагайтесь, как вам удобнее, управляйте, важничайте, не стесняйтесь. Но все это не помешает тому, что религия останется религией, что королевская власть проходит пятнадцативековой полосой через всю нашу историю и что старинное французское дворянство, даже обезглавленное, будет стоять на целую голову выше вас! Что касается ваших придирок по поводу исторического права королевских родов, то мы на это ответим только пожатием плеч. Хильперик⁴⁰⁴, в сущности,

⁴⁰⁴ Хильперик I – франкский король в 561–584 гг. Все правление Хильпери-

был лишь простым монахом, по имени Даниил; Хильперика изобрел Ренфруа для того, чтобы досадить Карлу Мартеллу⁴⁰⁵; все это известно нам не хуже, чем вам. Вопрос вовсе не в этом, а в том, чтобы Франция осталась старой Францией, осталась великим государством, осталась той гармонически сложенной страной, в которой существует, во-первых, священная особа монархов, самодержавных властителей государства, затем существуют вельможи, затем слуги короны на суше и на море, в области финансов и администрации; далее существуют высшая и низшая юстиция, управление коронными имуществами, акцизами и податями и, наконец, государственная полиция в трех ее грациях. Все это было разумно и гармонично устроено; вы все это разрушили. Вы, жалкие невежды, разрушили провинциальное устройство, сами даже не ведая того, что такое провинциальное устройство. Гений Франции представляет собою амальгаму гениев всех других европейских стран, и каждая из французских провинций являлась представительницей одной из

ка прошло в междоусобных войнах, связанных с его стремлением к захвату чужих земель, особенно городов по Луаре, разделявших его владения на две части. Хильперик, подобно другим представителям первых поколений Меровингов, отличался властолюбием, жадностью, чувствительностью и жестокостью, но выделялся из их среды тем, что был не чужд высшим интересам. Занимался богословием, но впал в еретическое представление о Святой Троице. Был убит на охоте.

⁴⁰⁵ Карл Мартелл (Молот) (688–741) – франкский майордом. Вел многочисленные войны с целью расширения государства. В 732 г. в знаменитой битве при Пуатье разгромил арабскую армию, остановив тем самым продвижение мавров в Европе. В течение нескольких лет правил государством без короля.

добродетелей Европы: немецкую откровенность можно было найти в Пикардии, шведское великодушие – в Шампани, голландское трудолюбие – в Бургундии, подвижность Польши – в Лангедоке, испанскую важность – в Гаскони, итальянскую мудрость – в Провансе, греческую пронизательность – в Нормандии, швейцарскую верность – в Дофинэ. Вы ничего этого не хотели знать. Вы безжалостно все ломали, разрушали, низвергали и спокойно разыграли роль бессмысленных зверей. А, вы не желаете больше иметь дворянства! Ну, его у вас и не будет. Вы сами об этом пожалеете. У вас не будет рыцарей, не будет героев. Прощай, прежнее величие! Найдите-ка мне теперь другого д’Ассиса. Вы все дрожите за вашу шкуру! У вас не будет больше рыцарей Фонтенуа⁴⁰⁶, вежливо раскланивавшихся, прежде чем убить человека; у вас не будет более бойцов в шелковых чулках, как при осаде Лериды⁴⁰⁷; у вас уже не будет более тех изящных битв, в которых султаны мелькали, как метеоры. Вы – народ отпетый. Вы сделаетесь жертвой нашествия, насилия. Если Аларих⁴⁰⁸

⁴⁰⁶ Фонтенуа – сражение 11 мая 1745 г. между французской и соединенной англо-австро-голландской армиями. Сражение закончилось убедительной победой французов.

⁴⁰⁷ Лерида – город на юге Франции. С 12 мая по 17 июня 1637 г. французская армия безуспешно осаждала испанский гарнизон города.

⁴⁰⁸ Аларих (370–410) – вестготский король с 395 г., опустошил Фракию, Македонию, Фессалию и Грецию. Попытки римских императоров заигрывать с ним закончились страшным разгромом Рима в 410 г.

возвратится, он уже не встретит Хлодвига⁴⁰⁹; если Абдуррахман⁴¹⁰ возвратится, он уже не очутится лицом к лицу с Карлом Мартелом; если саксы возвратятся, они уже не увидят пред собою Пипина⁴¹¹; вам не дожждаться уже таких битв, как битвы при Аньяделло⁴¹², Рокруа⁴¹³, Лансе⁴¹⁴, Стаффарде⁴¹⁵, Штейнкирхене⁴¹⁶, Ла Марсайте, Року⁴¹⁷, Лауфельде⁴¹⁸, Маго-

⁴⁰⁹ Хлодвиг (465–511) – франкский король из рода Меровингов. Завоевав область Сены, положил начало франкскому королевству. После победы над аллеманами в 496 г. крестился, что обеспечило ему поддержку духовенства. Впоследствии удачно воевал с вестготами, значительно увеличив территорию своего государства.

⁴¹⁰ Абдуррахман (?–732) – арабский полководец в Испании. В 732 г. разбил аквитанского герцога и опустошил всю страну до Бургундии, но в том же году потерпел поражение и пал в семидневном бою с Карлом Мартелом при Пуатье.

⁴¹¹ Пипин III Короткий (715–768) – франкский король с 754 г. Заставил папу Стефана III короновать себя в обмен на военную помощь. Успешно воевал с саксами, отбросил сарацин за Пиренеи.

⁴¹² Аньяделло – сражение 14 мая 1509 г. между французской и венецианской армиями. В результате этой победы Людовик XII занял значительную часть Северной Италии.

⁴¹³ Рокруа – сражение 19 мая 1643 г. во время Тридцатилетней войны между французской и испанской армиями, в котором испанцы потерпели поражение. Эта битва ознаменовала начало упадка испанской военной мощи.

⁴¹⁴ Ланс – сражение 20 августа 1648 г. во время Тридцатилетней войны между французской и австрийской армиями. В результате сокрушительного поражения австрийская армия практически перестала существовать. Вскоре после этой битвы был заключен Вестфальский мир.

⁴¹⁵ Стаффарда – сражение 18 августа 1690 г. во время войны за Английское наследство между французской и австрийской армиями, в котором французы одержали победу.

⁴¹⁶ Штейнкирхен – город в Голландии. В 1692 г. во время войны за Английское

не; вам уже не дожидаться Мариньяно⁴¹⁹ с Франциском Первым⁴²⁰, Бувина⁴²¹ с Филиппом-Августом⁴²², берущим в плен

наследство французский гарнизон успешно отразил нападение союзнической армии.

⁴¹⁷ Року – сражение 11 октября 1746 г. во время войны за австрийское наследство между французской и австрийской армиями, закончившееся убедительной победой французов.

⁴¹⁸ Лауфельд – сражение 2 июля 1747 г. во время войны за австрийское наследство между французской и англо-австрийской армиями. В результате ожесточенного сражения союзники были вынуждены отступить, хотя и понесли потери в три раза меньшие, чем французы.

⁴¹⁹ Мариньяно – сражение 13–14 сентября 1515 г. между 32-тысячной французской армией во главе с Франциском I и 22 000 швейцарских наемников миланского герцога. Двухдневное сражение закончилось поражением швейцарцев, которые, потеряв половину армии, в порядке отступили. Современники называли это сражение «битвой гигантов».

⁴²⁰ Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г. В начале своего правления завоевал Северную Италию. Вследствие своих претензий на германскую императорскую корону четырежды неудачно воевал с Карлом V, причем после поражения при Павии попал в плен. Будучи ревностным католиком, инициировал начало во Франции религиозных гражданских войн, продолжавшихся почти сто лет. Покровительствовал искусствам, всячески способствовал расцвету культуры Ренессанса во Франции.

⁴²¹ Бувин – сражение 27 июля 1214 г. между французской и объединенной англо-германо-фламандской армиями. В результате ожесточенного боя французы под командованием короля Филиппа-Августа одержали решительную победу, после которой могущество Франции резко возросло.

⁴²² Филипп-Август (1165–1223) – французский король с 1180 г. Успешно проводил политику централизации государства (значительно расширил королевский домен, преобразовал в нем управление, существенно ограничил самостоятельность феодальной знати). Отвоевал у Иоанна Безземельного подвластные ему французские территории (Нормандию и Анжу), выиграл у него в 1214 г. битву

одной рукой Рено, графа Бульонского, а другой – Феррана, графа Фландрского. Вы, пожалуй, дождетесь Азенкура⁴²³, но у вас не найдется знаменосца Банвилля, который, завернувшись в свое знамя, спокойно даст себя убить. Ничего, ничего, продолжайте! Будьте новыми людьми! Мельчайте!

Маркиз помолчал с минуту и продолжал:

– Но мы не желаем мельчать. Убивайте королей, убивайте дворян, убивайте священников, низвергайте, разрушайте, умерщвляйте все, топчите все ногами, наступайте каблуками ваших сапог на стародавние предания, топчите ногами трон, пляшите на алтаре, низвергайте Бога, смейтесь над ним, это – ваше дело! Вы трусы и изменники, не способные на преданность и на жертвы! Я сказал все, что желал сказать. Теперь велите вести меня на гильотину, господин виконт. Имею честь быть вашим всепокорнейшим слугою. Да, да, я вам наговорил много горьких истин. Впрочем, что же? Для меня это все равно: я человек мертвый.

– Вы – свободны, – проговорил Говэн.

Он приблизился к маркизу, снял с себя свой плащ, накинул его ему на плечи и опустил ему на глаза капюшон. Оба они были одинакового роста.

– Послушай, что ты делаешь? – воскликнул маркиз.

при Бувине. В 1189–1191 гг. один из предводителей Третьего крестового похода.

⁴²³ Азенкур – сражение 25 октября 1415 г. во время Столетней войны между французской и английской армиями. Битва закончилась сокрушительным поражением французской рыцарской кавалерии от английских лучников, умело поддерживаемых собственными рыцарями.

– Лейтенант, выпустите меня! – крикнул Говэн в дверь, не отвечая маркизу.

Дверь распахнулась.

– Не забудьте снова запереть дверь за мной, – крикнул снова Говэн и вытолкнул за дверь удивленного маркиза.

Нижний зал, превращенный в гауптвахту, освещался, как уже было сказано, лишь одним тускло горевшим фонарем, так что в комнате царил полумрак. При этом слабом свете из солдат, которые еще не спали, видели, как через них и их спящих товарищей шагал, направляясь к двери, человек высокого роста, в плаще и в обшитом галуном капюшоне их полковника; они отдали ему честь, и человек этот прошел мимо.

Маркиз медленными шагами прошел через гауптвахту, пролез через пролом, не раз стукнувшись о него головой, и вышел на лужайку. Стоявший тут часовой, признав в нем Говэна, отдал ему честь.

Выйдя на лужайку, чувствуя под своими ногами, вместо каменных плит, луговую траву, видя в двухстах шагах перед собой лес, а за лесом – тьму, простор, свободу, жизнь, он остановился на минуту, как человек, с которым только что случилось нечто необычайное, который поступил недуманно и теперь, воспользовавшись открытою дверью, старается сообразить, хорошо ли он поступил или дурно, колеблется, идти ли ему дальше, и старается собраться с мыслями. После нескольких секунд глубокой задумчивости он

поднял кверху правую руку, щелкнул пальцами, проговорил: «Однако!» – и направился в лес.

Дверь темницы заперли опять. Там остался Говэн.

II. Военно-полевой суд

В те времена военно-полевой суд был донельзя упрощен. Это была простая расправа. Дюма⁴²⁴ в Законодательном собрании представил проект военно-уголовного судопроизводства, состоявший всего из нескольких параграфов. Впоследствии Тало несколько дополнил его в Совете пятисот, но окончательный устав военного судопроизводства был издан только при Империи. Здесь кстати будет заметить, что только со времен Империи ведет свое начало правило о том, чтобы при постановлении решений военно-полевых судов голоса подавались начиная с младшего чина. В эпоху Революции этого правила не существовало.

В 1793 году председатель военного полевого суда олицетворял собой почти весь состав трибунала: он выбирал остальных членов, вел допрос, определял порядок подачи мнений. Он был не столько членом, сколько хозяином трибунала.

Симурдэн решил, что заседание суда будет происходить в

⁴²⁴ Дюма Матье (1753–1837) – французский генерал. Принимал участие в войне за Независимость Соединенных Штатов. Во время Великой французской революции одно время был председателем Законодательного собрания. Во время террора бежал из Франции. Участник почти всех наполеоновских войн. В 1812 г. был генерал-интендантом Великой армии.

том самом зале нижнего этажа, в котором при защите замка устроена была баррикада и где теперь была гауптвахта. Он считал нужным сократить все: как путь из темницы до зала заседаний, так и путь из зала заседаний до эшафота.

В полдень, согласно его распоряжению, заседание суда открылось при следующей обстановке: три соломенных стула, стол из елового дерева, на столе две зажженные свечи, перед столом табурет. Стулья предназначались для судей, табурет – для подсудимого. По обеим сторонам стола стояли два других табурета: один для военного прокурора, должность которого исполнял полковой фурьер, другой для секретаря, которым назначили капрала. Позади среднего стула было расставлено несколько трехцветных знамен. В эту эпоху грубой простоты декорации не были изысканны, и требовалось не очень много времени для того, чтобы превратить гауптвахту в зал судебных заседаний.

Средний стул, предназначавшийся для председателя, стоял как раз напротив двери тюремной кельи, около которой стояли два жандарма с саблями наголо. Солдаты составляли публику.

На среднем стуле сидел Симурдэн, направо от него старший член суда, капитан Гешан, налево – младший член, сержант Радуб, в шляпе с трехцветной кокардой, с саблей на боку и с двумя пистолетами за поясом. Проходивший через все его лицо шрам ярко-красного цвета придавал ему какое-то свирепое выражение. Он, впрочем, в конце концов послу-

шался советов своих товарищей и дал перевязать свою рану. Голова его была перевязана платком, на котором виднелось большое красное пятно.

В полдень, еще до открытия заседания, близ судейского стола стоял солдат посыльный, лошадь которого фыркала возле пролома. Симурдэн писал депешу. Вот что он писал: «Граждане-члены Комитета общественного спасения. Лантенак захвачен в плен. Он будет казнен завтра». Затем он проставил число, подписал депешу, сложил, запечатал ее и передал ее посыльному, который немедленно ускакал.

После того он произнес громким голосом:

– Отоприте темницу.

Стоявшие возле двери два жандарма отодвинули запоры, отворили дверь и вошли в карцер.

Симурдэн поднял голову, скрестил на груди руки, взглянул на дверь и крикнул:

– Приведите арестанта!

В оставшейся отворенной двери появился среди двух жандармов арестант. То был Говэн.

– Говэн! – воскликнул, вздрогнув, Симурдэн и вслед затем сейчас же прибавил: – Я арестанта требовал.

– Я и есть арестант, – ответил Говэн.

– Как ты? А Лантенак?

– Лантенак свободен. Он ушел.

– Да, да, действительно, – заговорил Симурдэн дрожащим голосом, – этот замок принадлежал ему, он знает в нем все

входы и выходы. Из темницы есть, вероятно, какой-нибудь потайной выход. Мне бы раньше следовало об этом подумать. Он, очевидно, нашел какое-нибудь средство бежать, обойдясь без всякой посторонней помощи.

– Нет, ему помогли бежать, – промолвил Говэн.

– Помогли бежать? Но кто же?

– Я.

– Ты! Не может быть! Ты бредишь!

– Я приходил к нему в темницу, разговаривал наедине с узником, отдал ему свой плащ, закутавшись в который он вышел из темницы вместо меня, а я остался в ней вместо него. А теперь я здесь перед вами.

– Неправда, не может быть, ты этого не сделал.

– Нет, это совершенная правда. Я это сделал.

– Приведите сюда Лантенака!

– Да говорят же вам, что его уже нет здесь. Солдаты, видя на нем мой плащ, позволили ему беспрепятственно пройти, приняв его за меня, тем более что было еще темно.

– Ты с ума сошел!

– Я рассказываю только то, что было.

Наступило молчание. Наконец, Симурдэн начал, заикаясь:

– Но в таком случае ты заслуживаешь...

– Смерти, – закончил за него Говэн.

Симурдэн был бледен, как мертвец, и неподвижен, как человек, которого только что поразила молния. Он, казалось,

задышался. На лбу его выступили крупные капли пота. Наконец ему удалось придать своему голосу некоторую твердость, и он проговорил:

– Жандармы, посадите подсудимого на его место.

Говэн уселся на табурет подсудимого.

– Жандармы, обнажите ваши сабли, – продолжал Симурдэн.

Это была обычная формула, употреблявшаяся в военно-полевом суде, когда подсудимый обвинялся в преступлении, за которое полагалась смертная казнь. Жандармы обнажили сабли.

Голос Симурдэна снова принял свое обычное выражение.

– Подсудимый, встаньте! – проговорил он.

Он больше уже не обращался к Говэну на «ты».

III. Голосование

Говэн поднялся с места.

– Ваше имя? – спросил Симурдэн.

– Говэн, – ответил подсудимый.

– Ваше звание? – продолжал Симурдэн допрос.

– Командующий экспедиционной колонной на северном побережье.

– Вы находитесь в родстве или свойстве с бежавшим пленником?

– Я его внучатый племянник.

– Известна ли вам прокламация Конвента?

– Я вижу один ее экземпляр на судейском столе.

– Что вы можете объяснить по поводу этого декрета?

– Что я скрепил его своей подписью, велел приводить его в исполнение и сам составил то объявление, внизу которого значится мое имя.

– Выберите себе защитника.

– Я сам себя буду защищать.

– Слово за вами.

К Симурдэну снова возвратилась вся его невозмутимость. Только эта невозмутимость была больше похожа на неподвижность скалы, чем на спокойствие человека.

Говэн молчал, как бы собираясь с мыслями.

– Что вы можете сказать в свою защиту? – продолжал Симурдэн.

Говэн медленно поднял голову и, ни на кого не глядя, ответил:

– А вот что: одна вещь помешала мне разглядеть другую; доброе дело, увиденное мною вблизи, скрыло от взоров моих сотню преступных дел; с одной стороны, старик, с другой стороны, трое детей, все это встало между мной и сознанием моего долга. Я забыл про сожженные деревни, про опустошенные поля, про умерщвленных пленников, про добитых раненых, про расстрелянных женщин, про Францию, выданную англичанам, – и освободил убийцу отечества. Я виновен. Говоря это, я как бы свидетельствую против самого себя. Но

это не соответствует действительности: я говорю за себя. Когда виновный признает свою вину, он спасает единственное, что заслуживает спасения, – свою честь.

– И вы больше ничего не можете сказать в свое оправдание? – спросил Симурдэн.

– Я могу только прибавить, что, будучи начальником, я должен был подавать собой пример и что так же должны поступать и вы, господа, как судьи.

– Какой пример вы подразумеваете?

– Смертную казнь. Я нахожу ее справедливой и даже необходимой.

– Садитесь, подсудимый.

Фурьер, исполнявший обязанности прокурора, встал со своего места и прочел, во-первых, декрет, которым бывший маркиз Лантенак объявлялся стоящим вне закона; во-вторых, декрет Конвента, предписывающий смертную казнь всякому, кто будет способствовать бегству пленного бунтовщика. В заключение он обратил внимание суда на значившуюся в конце афиши подпись: «Командующий экспедиционным отрядом Говэн».

Окончив чтение, фурьер-прокурор опустил на свой стул. Симурдэн, скрестив руки, сказал:

– Подсудимый, призываю вас быть внимательным. Публика, вы можете смотреть и слушать, но должны молчать. Вы имеете дело с ясным и точным законом. Сейчас будет проведено голосование; приговор будет вынесен простым боль-

шинством голосов. Каждый из судей подаст свой голос по очереди, вслух, в присутствии обвиняемого, так как правосудию нечего скрывать. Слово за старшим из судей. Ваше мнение, капитан Гешан.

Капитан Гешан, казалось, не видел ни Симурдэна, ни Говэна. Он устремил глаза на афишу, на которой был перепечатан декрет Конвента, и смотрел в нее, точно в бездну.

– В законе сказано коротко и ясно, – наконец, проговорил он. – Судья, в одно и то же время, и больше и меньше, чем человек. Он меньше, чем человек, ибо ему не полагается сердца; он больше, чем человек, ибо ему дан меч. В 414 году от основания Рима Манлий⁴²⁵ казнил своего сына, который провинился в том, что одержал победу без его позволения; нарушение дисциплины требовало наказания. Здесь мы имеем дело с нарушением закона, а закон должен стоять еще выше, чем дисциплина. Неуместное сострадание может подвергнуть опасности отечество. Полковник Говэн дал возможность бежать бунтовщику Лантенаку. Говэн виновен, я подаю голос за смертную казнь.

– Секретарь, запишите, – проговорил Симурдэн.

Секретарь записал: «Капитан Гешан – за смертную казнь».

Говэн произнес громким голосом:

⁴²⁵ Манлий Тит – римский консул во время Латинских войн. Несмотря на победу, одержанную его сыном, приказал казнить его за неповиновение. Позднее его имя стало символом дисциплины в духе традиций Древнего Рима.

– Гешан, ваше мнение правильно. Благодарю вас.

– Слово за вторым судьей, – продолжал Симурдэн. – Сержант Радуб, говорите!

Радуб поднялся с места, повернулся в сторону Говэна и отдал ему честь. Затем он воскликнул:

– Если это все так, то казните и меня! Ибо, клянусь честью, я бы сам поступил так, как, во-первых, поступил старик, а во-вторых – как господин полковник. Когда я увидел этого восьмидесятилетнего старца кинувшимся в огонь, чтобы вытащить оттуда троих ребятишек, я сказал себе: «А ведь славный он человек, право». А когда я услышал, что господин полковник спас старика от вашей дурацкой гильотины, я, черт возьми, сказал себе: «Полковника следовало бы произвести за это в генералы, он просто молодец, и если бы существовали еще кресты и святые, я дал бы ему крест Святого Людовика». И неужели мы теперь сделаем глупость? Если для этого выиграны были сражения при Вальми, при Жеммапе, при Флерюсе⁴²⁶ и при Вальтиньи, так это нужно было сказать заранее. Как! Перед вами тот самый полковник Говэн, который в течение четырех месяцев не перестает бить этих неучей-роялистов, который своей шпагой спасает республику, который так блистательно и умно выиграл Дольское де-

⁴²⁶ Флерюс – сражение 26 июня 1794 г. между французской и австрийской армиями. После серии безуспешных атак австрийская армия была вынуждена отступить. В этом сражении принимал участие французский воздухоплавательный парк, с помощью привязных воздушных шаров которого французское командование осуществляло разведку и наблюдение за боем.

ло, – перед вами такой человек, и вы стараетесь от него отделаться! Вместо того чтобы произвести его в генералы, вы собираетесь отрубить ему голову! Да ведь это все равно что броситься вниз головою через перила Нового моста; и если бы вы сами, гражданин Говэн, были не моим начальником, а подчиненным, я бы сказал вам, что вы только что наговорили удивительные глупости. Старик хорошо сделал, что спас детей, вы хорошо сделали, что спасли старика, и если людей начнут казнить за то, что они совершают хорошие поступки, то все пойдет к черту и я ничего больше не буду понимать. На чем же мы тогда остановимся? Мне просто не верится, чтобы все это творилось наяву; я ничего не понимаю. Значит, старику следовало дать ребятишкам сгореть живьем; значит, полковнику следовало допустить, чтобы старику отрубили голову! Ну, в таком случае рубите мне голову; по мне, это все равно. Если бы ребятишки погибли, батальон Красной Шапки был бы обеспечен. Этого, что ли, добивались? Что мы – людоеды, что ли? Я ведь тоже кое-что смыслю в политике: ведь я был членом Пикового клуба. Мы просто делаемся какими-то скотами, животными. Я откровенно высказываю свое мнение; я не люблю неопределенных положений. Для чего же, наконец, черт побери, мы даем убивать друг друга? Для того чтобы нам убили нашего начальника? Как бы не так! Мне нужен мой начальник. Сегодня он мне еще более дорог, чем был вчера. Взвести его на гильотину – да это просто было бы смешно! НЕТ, уж пожалуйста, избавьте

нас от этого! Пусть говорят, что хотят, но это немыслимо.

Радуб снова уселся на свое место. Вследствие волнения рана его снова раскрылась, и струйка крови текла из повязки вдоль его шеи, с того места, где прежде было его ухо.

– Итак, вы подаете голос за оправдание подсудимого? – спросил Симурдэн у Радуба.

– Я подаю голос за то, – ответил Радуб, – чтобы его произвели в генералы.

– Я вас спрашиваю, желаете ли вы его оправдания?

– Я желаю, чтобы он был признан первым человеком в республике.

– Сержант Радуб, подаете ли вы голос за оправдание полковника Говэна? Да или нет?

– Я подаю голос за то, чтобы мне отрубили голову вместо него.

– Значит, за оправдание, – сказал Симурдэн. – Секретарь, запишите.

Секретарь пометил: «Сержант Радуб – за оправдание». Затем он прибавил:

– Один голос за смертную казнь; один за оправдание. Равенство голосов.

Очередь подать голос была за Симурдэном. Он встал, снял с головы шляпу и положил ее на стол. Он уже не был бледен, но лицо его приняло какой-то землистый оттенок. Если бы все присутствующие в зале лежали в гробу, то не могло бы царить более глубокого молчания. Симурдэн произнес

серьезным, твердым и медленным голосом:

– Подсудимый Говэн, дело ваше рассмотрено. От имени республики, военно-полевой суд, большинством двух голосов против одного...

Он остановился, как бы колеблясь. Колебался ли он перед смертью? Колебался ли он перед жизнью? Из каждой груди вырвалось по тяжелому вздоху. Симурдэн продолжал:

– ...приговаривает вас к смертной казни.

Лицо его несло мучительное выражение мрачного торжества над самим собой. Но это выражение только слегка промелькнуло на его лице. Он снова превратился словно в мраморного, сел на свое место, надел на голову шляпу и прибавил:

– Говэн, ваша казнь будет совершена завтра утром, на восходе солнца.

– Благодарю суд, – произнес Говэн, вставая и кланяясь.

– Уведите осужденного, – проговорил Симурдэн.

Он сделал знак рукой. Дверь темницы отворилась. Говэн вошел в нее, и дверь за ним захлопнулась. Оба жандарма остались на часах возле двери, с обнаженными саблями.

Радуб упал на пол без чувств, и его вынесли из зала.

IV. После Симурдэна-судьи – Симурдэн-воспитатель

Военный лагерь очень похож на пчелиный улей, в особен-

ности в революционные эпохи. Жало гражданского гнева, кроющееся в солдате, легко и быстро выходит наружу и, поразив насмерть врага, может не колеблясь вонзиться в своего предводителя. Храбрый отряд, захвативший Тургский замок, жужжал как растревоженный улей: сначала он роптал против полковника Говэна, узнав о бегстве Лантенака; когда же увидели Говэна выходящим из камеры, в которой должен был находиться Лантенак, известие это с быстротой молнии разнеслось по всему лагерю и подействовало, как электрический ток. В маленькой армии пробежал ропот. Вначале этот ропот сводился к следующему: «Все это делается лишь для виду. Верь после этого бывшим дворянам и попам. Мы только что видели виконта, спасающего маркиза; а теперь мы увидим попа, оправдывающего виконта». Когда разнеслась весть об осуждении Говэна, пошли разговоры другого рода: «На что же это похоже? Осудить на смерть нашего начальника, нашего храброго начальника, нашего молодого полковника, нашего героя! Как! его, освободителя Понторсона, Вильдье, Понт-о-Бо! Победителя при Доле и при Ла-Турге! Того, кто делает нас непобедимыми! Того, кто в Вандее является лучшим мечом республики! Человека, который в течение пяти месяцев успешно действует против шуанов и исправляет все глупости Лешелля и других генералов! И этот Симурдэн осмеливается осуждать его на смерть! И за что? За то, что он спас старика, спасшего трех детей! Поп убивает солдата!»

Так роптал победоносный и недовольный лагерь. Чувство раздражения против Симурдэна росло. Казалось бы, что четыре тысячи человек против одного – это сила; однако, в сущности, это не была сила: эти четыре тысячи человек были толпа, а Симурдэн был воля. Симурдэну достаточно было нахмуриться, чтобы добиться и повиновения целой армии. В те суровые времена достаточно было, чтобы за кем-либо появилась тень Комитета общественного спасения, для того чтобы этот кто-нибудь сделался человеком страшным и чтобы нарекания превратились в шепот, а шепот – в молчание. Как до, так и после этого ропота Симурдэн оставался властителем как судьбы Говэна, так и судьбы всех остальных. Известно было, что от него ничего не добьешься и что он послушается только своей совести, внутренний голос которой слышен только ему одному. Все зависело только от него одного. То, что он сделал как член военно-полевого суда, он мог переделать как комиссар Конвента. Ему одному принадлежало право помилования. Он имел неограниченные полномочия. Достаточно было одного его знака, чтобы возвратить Говэну свободу; ему принадлежало право казнить и миловать; гильотина зависела от него одного. В этот трагический момент он был всемогущ.

Между тем время шло и наступила ночь.

V. Темница

Зала суда снова превратилась в гауптвахту. Караул был удвоен, как и накануне. Возле запертой двери тюрьмы стояли двое часовых.

Около полуночи через гауптвахту прошел какой-то человек с фонарем в руке. Он дал себя узнать и велел отпереть двери тюрьмы. Это был Симурдэн.

Он вошел в тюрьму и лишь наполовину притворил за собою дверь. В камере, в которой сидел Говэн, было темно и царило молчание. Симурдэн сделал шаг вперед, поставил на пол фонарь и остановился. В темноте было слышно ровное дыхание спящего человека. Симурдэн, задумавшись, прислушивался к этим мирным звукам.

Говэн лежал в глубине темницы на связке соломы. Его-то дыхание и было слышно. Он спал глубоким сном. Симурдэн подошел к нему как можно осторожнее, остановился возле самого его ложа и стал на него смотреть. Мать, смотрящая на своего спящего грудного ребенка, не могла бы смотреть более нежным и кротким взором. Этот взгляд был, возможно, сильнее самого Симурдэна. Последний прижал, как иногда делают дети, оба кулака к глазам и на какое-то время замер. Затем он преклонил колени, тихонько приподнял руку Говэна и припал к ней губами.

Говэн пошевелился и широко раскрыл глаза, как делают

люди, которых вдруг разбудили. Хотя фонарь слабо освещал камеру, но молодой человек все же сразу узнал Симурдэна.

– Как, это вы, дорогой наставник! – проговорил он и прибавил: – А мне приснилось, будто смерть целует мне руку.

Симурдэн судорожно вздрогнул, как это свойственно делать людям, когда на них нахлынет волна мыслей; иногда эта волна так высока и так сильна, что угрожает затопить душу. Сердце Симурдэна было переполнено, и он мог произнести только одно слово: «Говэн!»

И оба они стали смотреть друг другу прямо в глаза: Симурдэн взором, полным горьких и едких слез, Говэн – с кроткой и добродушной улыбкой. Наконец Говэн приподнялся на своем локте и сказал:

– Этот рубец на вашем лице – след сабельного удара, который вы получили, спасая меня. Еще не далее как вчера вы стояли в гуще сражения рядом со мною и ради меня. Если бы Провидение не привело вас к моей колыбели, то где бы я теперь был? Во мраке. Если мне не чуждо сознание долга, то этим я обязан вам. Я родился слепым, ведь предрассудки ослепляют, – вы сняли пелену с моих глаз, вы возвратили свободу моим мыслям, и из того, что было только мумией, вы сделали человека; в мертворожденного вы вложили душу; без вас я бы навек остался нравственным карликом. Именно вам я обязан своим существованием. Я был не что иное, как барин, – вы сделали из меня гражданина; я был только гражданином, – вы сделали из меня образованного гражда-

нина; вы воспитали мое тело для земной жизни, а душу – для небесной. Вы дали мне, при моем вступлении в жизнь, ключ от истины, а на случай перехода в иной мир – ключ от света. О, дорогой мой учитель, благодарю вас! Ведь это вы меня создали.

Симурдэн сел на солому подле Говэна и сказал ему:
– Я пришел поужинать с тобой.

Говэн отломил кусок черного хлеба и протянул ему.

Симурдэн взял.

Потом Говэн подал ему кружку с водой. Симурдэн сказал:
– Пей сначала ты.

Говэн сделал глоток и передал кружку Симурдэну, который с жадностью стал пить. Во время этого ужина Говэн ел, а Симурдэн больше пил: доказательство тому, что первый был спокоен, а у второго был лихорадочный жар. В этой темнице царило какое-то ужасающее спокойствие.

Поужинав, они принялись беседовать. Говэн сказал:

– Назревают великие события. То, что творит в настоящее время революция, покрыто таинственным смыслом. Позади видимых дел кроются дела невидимые; одно скрывает другое. Видимые дела – суровы, невидимые – величественны. В настоящую минуту все для меня как нельзя более ясно. Все это странно, но прекрасно. По необходимости пришлось воспользоваться материалом, оставшимся от прошлого. Вот почему и явился этот странный девяносто третий год: под лесами варварства создается храм цивилизации.

– Да, – подтвердил Симурдэн, – временное пройдет, останется вечное. Вечное – это права и обязанности, пропорциональные и прогрессивные налоги, всеобщая воинская повинность, равенство, устранение привилегий, и, превыше всего, – закон. Республика абсолюта.

– Я, со своей стороны, предпочел бы республику идеала, – сказал Говэн и, помолчав немного, продолжил: – Ну, дорогой наставник, а во всем, на что вы только что указали, какое же вы отведете место самопожертвованию, самоотречению, преданности, великодушному сплетению симпатий, любви? Восстановить равновесие – хорошо; но восстановить гармонию – еще лучше. Лира должна стоять выше весов. Ваша республика отмеривает, взвешивает и направляет человека, моя же – уносит его в высь, в небесную лазурь. Между ними та же разница, какая существует между математиком и орлом.

– Да, но, уносясь вверх, ты рискуешь исчезнуть в облаках.

– А вы, оставаясь на земле, рискуете запутаться в мелочах.

– Гармония – не что иное, как мечта.

– Да ведь и алгебра не что иное, как фикция.

– Я бы желал, чтобы человек создан был Эвклидом⁴²⁷.

– А я, – сказал Говэн, – предпочел бы гомеровского человека.

Строгая улыбка Симурдэна остановилась на Говэне, как

⁴²⁷ Эвклид (ок. 365–300 гг. до н. э.) – греческий математик, работавший в Александрии. Его главный труд – «Элементы» – оказал значительное влияние на развитие математики вплоть до XIX в. Ему также принадлежат труды по оптике и систематическое изложение пифагорейской теории музыки.

бы желая остановить полет этой души.

– Все это – одна поэзия. Не верь поэтам.

– Да, это слово мне знакомо. Не верь веяниям, не верь лучам, не верь благоуханию, не верь цветам, не верь звездам.

– Но ведь все, что ты только что перечислил, не накормит тебя.

– А почему вам это известно? Ведь и мысль – та же пища.

Мыслить – значит питаться.

– Это все абстракции. А республика – это дважды два четыре. Если я дал всякому, что ему следует...

– То вам остается еще дать ему то, чего ему не следует.

– Что ты под этим понимаешь?

– Я под этим понимаю взаимные уступки всех каждому и каждого всем, составляющие основу общественной жизни.

– Вне незыблемого права ничего не существует.

– Нет, существует многое.

– Я признаю одно только право.

– А я смотрю выше и вижу нечто, стоящее над правом, – справедливость.

Иногда оба они останавливались, точно озаряемые внутренним светом.

– Объясни мне свою мысль точнее, – проговорил Симурдэн.

– Извольте. Вы желаете всеобщей воинской повинности. Против кого? Против других людей. Я же не желаю никакой военной службы: я желаю мира. Вы желаете, чтобы бедным

помогало государство, а я желаю, чтобы вовсе не было бедных. Вы желаете пропорционального налога, а я не желаю никакого налога.

– Но как же ты обойдешься без налогов?

– А вот как! Во-первых, уничтожьте всяческий паразитизм. Во-вторых, постарайтесь как следует воспользоваться вашим богатством. Вы бросаете удобрение в помойные ямы, – вывозите его на поля. Три четверти французской почвы не возделываются, – возделайте их. Пусть каждый человек имеет участок земли, и всякий клочок земли имеет своего работника, – и вы увеличите во сто раз производство страны. В настоящее время французский крестьянин ест мясо только четыре раза в год; при рациональной обработке земли Франция могла бы прокормить триста миллионов людей, то есть всю Европу. Используйте природу, эту могучую союзницу, которой вы теперь пренебрегаете. Заставьте работать себе во благо ветер, воду, магнетические токи. Земной шар имеет целую подземную сеть, в которой вы найдете и масло, и воду, и огонь; пробурайте земную кору и заставьте выйти наружу эту воду для ваших фонтанов, это масло для ваших ламп, этот огонь для ваших очагов. Подумайте над движением морских волн, над приливами и отливами, над громадной силой морской пучины. Что такое океан? Гигантская неиспользуемая сила! Разве не глупо, что люди не пользуются океаном?

– Мне кажется, у тебя просто бред.

– Нисколько, все это вполне реально, – возразил Говэн и прибавил: – А что вы делаете из женщины?

– То, чем ей и подобает быть, – ответил Симурдэн: – Служанкой мужчины.

– Это прекрасно; но только с тем условием, чтобы и мужчина стал слугой женщины.

– Что за вздор! – воскликнул Симурдэн. – Мужчина – слуга женщины! Да это немыслимо! Мужчина – властелин. Я допускаю один только вид неограниченной власти – власть мужчины у домашнего очага.

– Да, но только с одним условием: чтобы женщина была царицей в доме.

– Значит, ты желаешь для мужчины и для женщины...

– Равенства.

– Равенства? Да ведь это немыслимо! Это два существа, совершенно различные даже по своей природе.

– Я ведь сказал: равенство, я не говорил: тождество.

Снова наступило молчание, как бы передышка в этом умственном поединке.

– А ребенок? Кому ты его отдаешь? – спросил, наконец, Симурдэн.

– Во-первых, отцу, который его зачал, затем матери, которая его родила, далее учителю, который его воспитывает, затем городу, который его вскармливает, потом родине – его духовной матери и, наконец, человечеству – его прабабке.

– Но ты ничего не упомянул о Боге.

– Все, о чем я говорил, – отец, мать, учитель, город, отечество, человечество, – все это только ступени лестницы, ведущей к Богу.

Симурдэн молчал, а Говэн продолжал:

– Когда человек дошел до конца лестницы, он дошел до Бога. Дверь открывается, и ему остается только войти.

– Говэн, спустись на землю, – проговорил Симурдэн, маня его к себе рукою. – Постараемся осуществить возможное.

– Начните с того, чтобы не делать его невозможным.

– Возможное всегда осуществимо.

– Ну, не всегда. Когда поступают сурово с утопией, ее убивают. Нет ничего более хрупкого, чем яйцо.

– Нужно, однако, схватить утопию, наложить на нее ярмо действительности и вставить ее в рамку факта. Абстрактная идея должна превратиться в идею конкретную. То, что она потеряет в красоте, она выигрывает в пользе; она станет меньше, но здоровее. Право должно найти доступ в закон; когда право делается законом, оно становится безусловным. Вот что я называю возможным.

– Нет, возможное – нечто большее.

– А-а, ты опять вернулся в область мечтаний.

– Возможное – это таинственная птица, постоянно парящая над человеком.

– Нужно ее поймать.

– Да, но только живой, – сказал Говэн и продолжал: – Мой девиз – всегда вперед! Если бы Бог желал, чтобы человек

шел назад, Он дал бы ему глаза на затылке. Нам следует всегда смотреть в сторону зари, зарождения, распускания. То, что падает, служит на пользу тому, что возвышается. Треск старого дерева служит призывом новому. Каждый век должен совершить свое дело, сегодня гражданственное, завтра человеческое; сегодня вопрос о праве, завтра вопрос о зарботке; а право и зарботок это, в сущности, одно и то же слово. Человек не для того живет, чтобы ему не платили; Бог, даруя ему жизнь, берет на Себя, так сказать, некоторое обязательство; право – это врожденная зарботная плата; зарботная плата – это приобретенное право.

Говэн говорил с пророческим вдохновением. Симурдэн слушал его. Роли переменились, и теперь казалось, будто ученик превратился в учителя.

– Ты, однако, быстро шагаешь, – проговорил вполголоса Симурдэн.

– Как же иначе, ведь мне нельзя терять времени, – сказал Говэн, улыбаясь. И затем он продолжал: – О, дорогой мой учитель, вот какая разница между моими и вашими утопиями. Вы стремитесь к обязательной казарме, я желаю школы. Вы мечтаете о человеке-солдате, я мечтаю о человеке-гражданине. Вы желаете человека-страшилища, я желаю человека-мыслителя. Вы основываете республику мечей, я основываю... я основал бы, – поправился он, – республику умов.

Симурдэн посмотрел на пол темницы и сказал:

– Ну а пока чего бы ты желал?

– Того, что есть.

– Ты, значит, извиняешь настоящий момент? Но почему же?

– Потому что это – буря. Буря всегда знает то, что она делает. Сломленный дуб оздоравливает лес. Цивилизация заболела чумой, этот сильный ветер развеял заразу. Быть может, он недостаточно разборчив; но разве он и может быть иным? Ему ведь предстоит произвести радикальную чистку. Ввиду густоты миазмов понятна сила дуновения. А что мне за дело до бури, – продолжал Говэн, – если у меня есть компас; что мне за дело до событий, если у меня есть совесть? – и он прибавил грудным, торжественным голосом: – И, наконец, есть Некто, Которому невозможно действовать наперекор.

– Кто же это? – спросил Симурдэн.

Говэн поднял над головою указательный палец. Симурдэн следил взором за направлением этого поднятого пальца, и ему показалось, будто сквозь свод темницы виднеется звездное небо. Они помолчали, после чего Симурдэн продолжал:

– По-твоему, общество должно стоять выше природы? Я тебе говорю, что это не возможность, а мечта.

– Нет, это цель. Иначе на что бы годилось общество? Оставайтесь в лоне природы. Будьте дикарями. Отойти – рай, но только в этом раю не мыслят. Я предпочел бы разумный ад глупому раю. Но к чему тут ад? Будем просто человеческим обществом – и мы будем выше природы. Да! Если вы ничего не можете прибавить к природе, то почему вы выходите

из нее? В таком случае лучше довольствуйтесь медом, как пчела, и трудом, как муравей. Оставайтесь рабочим скотом, вместо того чтобы быть разумным царем природы. Если вы что-нибудь прибавите к природе, вы по необходимости станете выше ее; прибавлять – значит увеличивать; увеличивать – значит возвышаться. Общество – это возвышенная природа. Я желаю всего того, чего недостает ульям, всего того, чего недостает муравейникам, – искусства, поэзии, памятников, героев, гениев. Вечно носить тяжести, – не в этом призвание человека. Я желаю, чтобы каждый из атрибутов человечества являлся одним из символов цивилизации и одним из двигателей прогресса; я желаю свободы духа, равенства сердец, братства душ. Нет, прочь всякое иго! Человек создан не для того, чтобы влачить за собой цепи, а для того, чтобы расправлять крылья. Долой пресмыкающегося человека! Я желаю превращения куколки в насекомое; я желаю, чтобы земляной червь превратился в крылатую бабочку и упорхнул. Я желаю...

Он остановился. Глаза его горели. Губы продолжали двигаться, но из них не вылетало никакого звука.

Дверь оставалась полуотворенною, и в темницу доносились кое-какие звуки извне. Слышны были звуки рожков: то трубили, по всей видимости, утреннюю зорю; затем послышался стук ружейных прикладов о землю: это, очевидно, сменялись караулы; затем, довольно близко от башни, насколько можно было различить в темноте, послышались зву-

ки, указывавшие как бы на передвижение бревен и досок, перемежавшиеся глухими звуками, похожими на стук молотков.

Симурдэн, страшно бледный, прислушивался к этим звукам; Говэн их не слышал. Он становился все задумчивее и задумчивее. Он, казалось, даже не дышал, — до того внимательно он следил за видениями, возникавшими в его мозгу. Он ощущал приятную и сладостную дрожь. В глазах его становилось все светлее и светлее.

Так прошло довольно много времени. Наконец Симурдэн спросил его:

— О чем ты думаешь?

— О будущем, — ответил Говэн и снова погрузился в задумчивость.

Симурдэн поднялся с соломенного ложа, на котором они оба сидели, но Говэн этого даже не заметил. Симурдэн, не спуская глаз с погруженного в свои мысли молодого человека, медленными шагами приблизился к двери и вышел. Дверь темницы снова заперлась.

VI. Тем временем вошло солнце

На горизонте стало светать. Вместе с дневным светом на Тургской площадке, над Фужерским лесом, появилось нечто странное, неподвижное, удивительное, нечто незнакомое птицам небесным. Это нечто появилось за ночь; оно точ-

но выросло, а не было построено. Издали оно обрисовывалось на горизонте в виде силуэта, составленного из прямых, угловатых линий, и было похоже на какую-нибудь еврейскую букву или на один из тех египетских иероглифов, которые составляли часть той древней, загадочной азбуки.

Первая мысль, возникавшая при взгляде на этот предмет, была мысль о чем-то бесполезном. Он стоял среди цветущего вереска. Невольно приходилось задуматься, для чего нужно это сооружение, а затем по телу пробегала дрожь. Это было нечто вроде помоста, поставленного на четыре столба. На одном из концов помоста возвышались два высоких прямых столба, соединенные наверху поперечным брусом, и под этим брусом висел треугольник, казавшийся черным в утреннем полумраке. К другому концу помоста была прикреплена лестница. Внизу, между двумя бревнами, как раз под треугольником, можно было различить нечто вроде рамы, составленной из двух досок, которые, будучи приставлены друг к другу, образовывали круглое отверстие, по размерам равное человеческой шее. Верхняя половина этой рамы скользила по желобу, так что она могла и подниматься и опускаться. В настоящее время оба полукруга, образовывавшие при соединении круг, были раздвинуты. У основания обоих столбов, поддерживавших перекладину с треугольником, видна была доска, поднимавшаяся и опускавшаяся на шарнирах и похожая на доску качели. Возле этой доски стояла продолговатая корзина, а немного впереди нее, на кон-

це помоста, между двумя столбами, другая, квадратная. Все это было выкрашено красной краской. Все было сделано из дерева, за исключением железного треугольника. Чувствовалось, что вся эта конструкция была построена человеком, – до того она была безобразна, ничтожна и мелочна; и в то же время казалось, будто это сооружение принесли и поставили сюда злые духи, – до того оно было ужасно.

Это безобразное сооружение было гильотиной.

Напротив нее, в нескольких шагах, во рву, было другое чудовище – Тургская башня: каменное чудовище рядом с чудовищем деревянным; и, нужно заметить, когда человек прикоснется к камню и к дереву, камень и дерево перестают уже быть камнем и деревом, а принимают отчасти человеческие свойства. Здание – это догмат, машина – это идея.

Тургская башня была тем ужасным наследием прошлого, которое в Париже называлось Бастилией, в Лондоне – Тауэром, в Германии – Шпильбергом, в Испании – Эскуриалом⁴²⁸, в Москве – Кремлем, в Риме – замком Святого Ангела⁴²⁹. В Турге сосредоточились целых пятнадцать веков, васальство, крепостничество, феодализм; в гильотине – один только 93 год; и эти двенадцать месяцев уравнивали эти

⁴²⁸ Эскуриал – знаменитый монастырь ордена Святого Иеронима, недалеко от Мадрида, построенный Филиппом II в 1559–1584 гг. с дворцом, пантеоном и великолепной библиотекой.

⁴²⁹ Замок Святого Ангела – построен в 139 г. как мавзолей императора Адриана. В нем погребены императоры от Адриана до Каракаллы. В средние века использовался как крепость, тюрьма, резиденция римских пап, с 1911 г. – музей.

пятнадцать веков.

Тург – это была монархия; гильотина – это была революция. Мрачное свидание! С одной стороны долг, с другой – платеж. С одной стороны сложнейший лабиринт средневековья – крепостной, помещик, раб, барин, простонародье, дворянство, сложное законодательство, сросшееся с обычным правом, союз судьи и священника, бесчисленные повинности, государственные, феодальные, клерикальные и частные, подушная подать, привилегии, исключения, прерогативы, предрассудки, фанатизм, имущественная необеспеченность, скипетр, престол, произвол, божественное право; с другой стороны вещь очень простая – нож гильотины. С одной стороны – узел, с другой – топор.

Тургская башня долго оставалась одинокой в этой пустыне. Она стояла здесь со своими бойницами, из которых лились кипящее масло, горячая смола и расплавленный свинец, со своими подземельями, пол которых был покрыт истлевшими костями, со своими приспособлениями для пыток, со всей своею мрачной историей, которой она была переполнена. Она возвышалась своими массивными очертаниями над этим лесом, она пользовалась в его тени пятнадцатью веками угрюмого спокойствия, она являлась в этой местности единственной силой, единственным предметом, внушавшим уважение и ужас; она царила безраздельно и столь же безраздельно являлась олицетворением варварства. И вдруг вблизи нее, напротив нее, воздвигается нечто, – нет,

более чем нечто, – некто – некто столь же ужасный, как и она, – гильотина.

Иногда кажется, будто и у камней есть глаза, будто статуя наблюдает, башня караулит, фасад здания глядит. Тургская башня как будто рассматривала гильотину. Она как будто сама себе задавала вопрос: что бы это такое могло быть это нечто, словно выросшее из-под земли? И действительно, оно выросло из земли. В печальной почве зародилось это печальное растение. И действительно, эта неизвестная мстительница, эта свирепая машина-истребительница выросла из земли, обильно политой потом, слезами и кровью, из земли, в которой вырыто было столько могил для невинных и замученных жертв, из земли, в которой превратились в прах столько жертв разного вида тирании, из земли, в недрах которой было скрыто столько преступлений, в виде ужасных семян, – и 93 год сказал старому миру: «Вот и я!» А гильотина имела право сказать старому замку: «Я твоя дочь».

И замок – ведь и неодушевленные предметы живут – почувствовал, что гильотина его убила. Тургский замок, ввиду этого страшного явления, как бы растерялся, испугался. Гранитная масса была ужасна, но величественна; эта же новая вещь, эта наклонная доска со своим треугольником, была несоизмеримо хуже. Новое всемогущество внушало ужас всемогуществу павшему. История преступная с омерзением смотрела на историю карающую. Насилие прошлого сравнивало себя с насилием настоящего. Старинная крепость, ста-

ринная тюрьма, старинное феодальное гнездо, в котором когда-то раздавалось столько стонов и воплей, это сооружение, возведенное для борьбы и для убийства, отбившее свою службу, сыгравшее свою роль, развенчанное, полуразрушенное, изнасилованное, превращенное в груды камней, стоящую не более груды пепла, безобразное, мертвое, но величественное, носившее еще отпечаток минувших времен, – с неммым ужасом смотрело на этот новый снаряд разрушения. Вчерашний день трепетал перед днем сегодняшним, жестокой старине приходилось испытывать на себе ужасы новейшей эпохи; то, что прошло, тарщило испуганные глаза на грядущие ужасы, призрак смотрел на привидение.

Но природа беспощадна. Она не соглашается убирать свои цветы, свои благоухания, свои лучи, свое благозвучие ввиду людской гнусности; она подавляет человека контрастом между божественной красотой и житейским безобразием; она не подарит ему ни одного крылышка бабочки, ни одной птичьей песни; она заставляет его – среди убийств, варварства, мщениа – смотреть на свою святыню; она мешает ему уклониться от тяжелого упрека, которым являются для него радостные лучи солнца и безупречная ясность лазури. Она устраивает так, что все безобразие людских законов выступает в обнаженном виде среди вечного сияния. Человек ломает и сокрушает, человек убивает и разрушает; но лето остается летом, лилия – лилией, звезда – звездой.

Никогда небо не было чище и яснее, чем в это чудное лет-

нее утро, при восходе солнца. Легкий ветерок шелестел вереском, мягкий туман, опускаясь на землю, обволакивал ветви кустов. Фужерский лес, весь полный прохлады от испарений, поднимавшихся из ручейков, дымился на утренней заре, как огромная кафельница, полная фимиама. Синевя неба, белизна облаков, хрустальная прозрачность вод, зелень леса, самых разнообразных оттенков, доходившая в своей гармоничной гамме от цвета аквамарина до изумруда, группы переплетающихся ветвями деревьев, зеленая скатерть травы, глубокие лощины, – все дышало миром и тем спокойствием, которыми природа как бы желает подать пример человеку. И среди этой мирной обстановки возвышался ужасающий позор человечества, среди нее виднелись, с одной стороны, феодалная башня, с другой – эшафот, эти эмблемы войны и казней, эти два олицетворения кровожадного века и кровавой минуты, эта ночная сова прошлого и этот сумеречный нетопырь будущего. Ввиду цветущего, благоухающего, прекрасного и любвеобильного Мира Божьего, чудное небо заливало золотом и башню и гильотину, как бы говоря людям: «Посмотрите, что делаю я и что делаете вы».

Да, вот каким странным образом солнце может использовать свои лучи.

Это зрелище имело своих зрителей. На площадке были выстроены в боевом порядке четыре тысячи человек экспедиционного отряда. Они окружали гильотину с трех сторон, образуя нечто вроде буквы Е; батарея, выстроившаяся по-

средине более длинной из этих трех линий, составляла как бы центральную черточку этого Е. Красная машина была как бы заключена среди этих трех боевых линий, среди этой живой изгороди солдат, выстроенных у самых краев плоской возвышенности. Четвертую, открытую сторону этой буквы Е составлял ров, и она была обращена к Тургу. Таким образом, был образован открытый с одной стороны прямоугольник, посреди которого стоял эшафот. По мере того как солнце поднималось все выше, тень, бросаема гильотиной, сокращалась на траве. Артиллеристы стояли возле своих орудий с зажженными фитилями.

Из рва поднимался легкий синеватый дымок: то догорали остатки здания на мосту. Дымок этот обволакивал, не застилая фасада, стены Тургской башни, вышка которой вырисовывалась на горизонте. Вышка эта отделялась от гильотины одним только рвом, и расстояние между ними было так незначительно, что между ними легко можно было бы переговариваться.

На эту вышку были перенесены судейский стол и один из судейских стульев; над ними развевались трехцветные знамена. Солнце поднималось из-за Тургской башни и обрисовывало черными линиями очертания крепости, а на вышке ее – фигуру какого-то человека, сидевшего неподвижно, со сложенными на груди руками, перед судейским столом, под сенью трехцветных знамен.

Человек этот был Симурдэн. На нем, как и накануне, был

надет мундир комиссара Конвента; на голове его была треугольная шляпа с трехцветным султаном, на левом боку сабля, а за пояс заткнуты пистолеты.

Он молчал; молчали и все. Солдаты держали ружья к ноге и стояли, опустив глаза в землю. Они прикасались друг к другу локтями, но не разговаривали. Они думали об этой братоубийственной войне, о многочисленных сражениях, о столь храбро перенесенных ими схватках в изгородях, о толпах озлобленных крестьян, рассеянных их доблестью, о взятых городах, о выигранных сражениях, о победах, – и им казалось теперь, будто вся эта слава обращается для них в позор. Тяжелое ожидание смерти сжимало все груди. На помосте гильотины виднелся расхаживавший взад и вперед палач. Свет зарождавшегося дня величественно заливал все небо.

Вдруг послышались те глухие звуки, которые издают обтянутые трауром барабаны. Эти мрачные, похоронные звуки все приближались; ряды расступились, и в каре вступило и направилось к эшафоту целое шествие.

Сначала барабанщики с обтянутыми крепом барабанами, затем рота гренадер, далее взвод жандармов с обнаженными саблями и, наконец, осужденный Говэн, шедший свободно, не связанный ни по рукам, ни по ногам, в походной форме, с саблей на боку. Позади него шел второй взвод жандармов.

На лице Говэна как бы застыло то выражение задумчивой радости, которое осветило его в ту минуту, когда он сказал Симурдэну: «Я думаю о будущем». Ничто не могло быть оча-

ровательнее и торжественнее этой улыбки.

Прибыв на зловещее место казни, он бросил первый взгляд не на гильотину, к которой он относился с презрением, а к вышке башни. Он был уверен, что Симурдэн не преминет присутствовать при его казни. Он стал искать его глазами на вышке и вскоре нашел.

Симурдэн был бледен и холоден. Если бы кто-нибудь стоял возле него локоть к локтю, он бы не услышал его дыхания. Увидев Говэна, он даже не шевельнул бровью.

Тем временем Говэн приблизился к эшафоту. Он не спускал глаз с Симурдэна, а тот не спускал глаз с него. Казалось, будто Симурдэн искал себе в этом взгляде опору.

Говэн дошел до подножия эшафота и взошел на него. Офицер, командовавший взводом гренадер, последовал за ним на помост. Говэн снял со своего пояса шпагу и передал ее офицеру; потом снял с себя галстук и передал палачу. Он был похож скорее на видение, чем на человека. Никогда, кажется, он не был красивее. Его темно-русые волосы разносились по ветру, – в то время короткая стрижка еще не вошла в моду. Его белая шея напоминала женскую, а его величественный и геройский взгляд делал его похожим на архангела. Он и на эшафоте оставался мечтателем: ведь и плаха – та же вершина. Говэн стоял величественный и спокойный. Солнце, заливая его своими лучами, образовало вокруг его головы как бы сияние.

Нужно было, однако, привязать осужденного к доске. Па-

палач приблизился к нему с веревкой в руке.

Но в эту минуту солдаты, увидев своего молодого вождя почти уже положенным под нож, не выдержали; сердце этих привыкших ко всем ужасам войны людей переполнилось горем. Послышалось нечто ужасное – рыдание толпы. Со всех сторон раздались возгласы: «Пощадите! Поощадите!» Некоторые опустились на колени; другие побросали свои ружья и стали простирать свои руки к площадке башни, на которой сидел Симурдэн. Один гренадер воскликнул, указывая на гильотину. «А что, здесь допускаются заместители? Я – заместитель!» Все неистово вопили: «Пощадите! Поощадите!» – и даже львы, услышав этот вопль, были бы тронуты или испуганы, потому что солдатские слезы – это ужасная вещь.

Палач остановился, не зная, что ему делать. Тогда сухой и глухой голос, который, однако, все слышали, до того он был зловещ, крикнул с вышки башни: «Да свершится правосудие!»

Все узнали этот голос, – то был голос Симурдэна. Весь отряд вздрогнул. Колебания палача прекратились, и он приблизился к Говэну с веревкой в руке.

– Подождите, – сказал Говэн; он обернулся в сторону Симурдэна, сделал ему остававшейся еще свободной правой рукой прощальный жест и затем дал себя связать.

Когда его связали, он сказал палачу:

– Извините, еще одну секунду, – и вслед за тем воскликнул: – Да здравствует республика!

Его положили на качающуюся доску. Эту красивую, гордую голову всунули в позорный ошейник; палач аккуратно приподнял волосы на затылке, потом нажал пружину; треугольный нож сдвинулся со своего места и стал спускаться — сначала медленно, потом быстрее; послышался отвратительный стук...

И в то же мгновение раздался другой звук: удару топора ответил выстрел из пистолета. Оказалось, что Симурдэн схватил один из торчавших за его поясом пистолетов, и в то самое мгновение, когда голова Говэна скатывалась в красную корзину, выстрелил себе в самое сердце. Из рта у него хлынула кровь, и он упал со стула бездыханным трупом.

И эти две души, эти две трагические сестры, полетели на небо вместе; при этом темнота одной из них сливалась со светом другой.